Олег Георгиевич Битов

«Кинофестиваль» длиною в год. Отчёт о затянувшейся командировке

От автора 3

Вместо эпиграфа 6

Венеция. Кинофестиваль без кавычек 8

Поэма из воды и камня 8

На просмотрах и около 11

Рим. Начинается дурной детектив 14

Отступление первое. Выстрелы на площади Святого Петра 18

Вновь Венеция. И не знаю, что ещё 23

Кто прошёл над окном? 23

В ночь на 9 сентября 25

Осколки памяти 27

Южная Англия. Дни без чисел 31

Чёрный иней 31

«Олд Фелбридж» 35

«В суть всякой вещи вникнешь...» 37

Лондон. Позолоченная клетка 39

Допросы кончились 39

Редклиф-сквер 43

От редакции «Литературной газеты» 46

Дополнение 1988 года 49

Йоркшир. На чьей вы стороне, мистер Мёрфи? 50

Пробуждение 50

Высокий гость 52

«Лондонский климат вреден для здоровья» 54

У водопада Хардроу 56

Материалы «Литературной газеты» 58

«ЛГ» №42 (4952), 19 октября 1983 г. 58

«ЛГ» №43 (4953), 26 октября 1983 г. 59

Когда права человека – фикция 59

Лондон. «Человек, принимающий решения» 60

Шотландия. Бунт в четырёх стенах 66

К «полюсу недоступности» 68

Страна Роб Роя 75

Лондон. Бунт подавлен 79

Уэльс. Подарки на рождество 81

Анна Тейлор и другие 81

Как нарисовать пылесос 84

23 минуты от Лондона 85

Хэй-он-Уай 89

Дополнение 1988 года 92

Отступление второе. О Джордже Оруэлле в «год Оруэлла» 92

Дополнение 1988 года 99

Лондон. Два телефонных разговора 99

Марокко. «Не ходите, дети, в Африку гулять…» 103
«Двуспальный лёва» №226246Е 103
Сказки Шехерезады 107
Вы ждёте приключений? Извольте! 111
Инцидент в Танжере 113

Лондон. Новые обстоятельства, новые персонажи 115
Так, и только так! 115
Эмиссар из-за океана 120
Прыткий Фредди и его картонная альтернатива 125
Дополнение 1988 года 129

Лондон, Портсмут, Йорк. Расшатать «коробочку»! 129
«Ягуар» в цвет костюма 129
В дни цветения сакуры 133
Бриг знаменитого адмирала 136

Нью-Йорк. Вид на статую Свободы со 107-го этажа 139
«Судьба процесса решается здесь» 139
«Владелец заводов, газет, пароходов» 142

Вашингтон. Лицом к лицу с ЦРУ 146
Разговор со сверстником 146
Пёстрые картинки 147
Разговор со сверстником (продолжение) 151
«Лицом к лицу лица не увидать» 152

Вирджиния. Кое-что о скунсах 154
Ни флорид, ни калифорний 154
Федеральное шоссе №211 155
Под знаком вывернутой перчатки 158
Дополнение 1988 года 160

Отступление третье. Миф о загробной жизни 161

Снова Лондон. Чем торгуют в «Доме белья» 167

Париж. Лиловые сумерки 172

Стрэтфорд, Корнуолл, остров Уайт. Англия в последний раз 177
«Британия Битова» 177
1200 миль за рулём 180
«Кинофестиваль» завершается 182
Крах одной провокации 185
«ЛГ» №№38 (5000)-43 (5005), 19 сентября-24 октября 1984 г. Из выступления на пресс-конференции в Агентстве печати «Новости» 185

Из откликов на пресс-конференцию 186
Нью-Йорк. Пора держать ответ 187
Париж. С больной головы… 187
Токио. Эти горькие зёрна лотоса 188
Из редакционных комментариев к репортажам «Кинофестиваль» длиною в год» 189

Москва. Три года спустя 190
Вместо эпилога. Интервью иностранным корреспондентам по поводу этой книги 190
Дополнение 1988 года 195
И ещё одно дополнение, последнее 198

Выражаю искреннюю признательность сотрудникам «Литературной газеты» Александру Карзанову, Ольге Носовой, Кириллу Привалову,

Александру Сабову и бывшему собственному корреспонденту АПН и «ЛГ» в Лондоне Сергею Воловцу. Только с их помощью и можно было найти и воспроизвести иллюстрации, ставшие теперь, как мне представляется, органической частью книги.

Автор

От автора

Споры, самые разные, в редакционной практике вспыхивают каждый день. Для настоящей большой газеты они, по-моему, просто необходимы, вроде смазки или заточки инструмента на заводе. В прежние, как принято теперь выражаться, застойные времена такие споры отчасти возмещали невозможность высказаться в полный голос на газетной странице, а отчасти и помогали найти способы высказаться, невзирая на многоярусные запреты. Сегодня, когда запреты тают и, похоже, скоро истают совсем, первая функция должна бы утратиться, вторая - выпрямиться и заостриться: не окольные же тропы нынче искать! Но в жизни всё, как всегда, оборачивается сложнее.

Кажется, в конце декабря 1987 года, вскоре после того как я довёл эту книгу до эпилога и, прежде чем нести издателям, сложил лист за листом в папку - пусть вылежится, - на глаза мне в одной из тассовских сводок попалось крошечное сообщеньице: в турецкой тюрьме при неясных обстоятельствах умер Аслан Самет. Вы, естественно, вправе не помнить, кто он такой, но, заверяю вас, двумя годами ранее его смерть вызвала бы мировую сенсацию и не нашлось бы газеты, которая не напечатала бы это сообщение на самом видном месте. В конце 1987-го он едва-едва удостоился нескольких строк.

Но я-то помнил кто это! На меня от этого имени полыхнуло взрывом ассоциаций, и я предложил начальству дать в ближайший номер заметку-комментарий.

Начальство, правда, не вдруг, тоже сумело вспомнить Аслана Самета. И, вспомнив, призадумалось:

- Это что же, придётся пересказывать всё, связанное с ним, заново? И про Иоанна Павла II, и про «серых волков», и про римский процесс?

- Всё не всё, но какие-то основные вехи несомненно. Ведь один за другим, как по расписанию, отправляются на тот свет все, кто реально соприкасался с подготовкой «преступления века». А затем либо не был допрошен вообще, либо допрошен при закрытых дверях. Такая цепочка смертей просто не может быть случайной!..

- Ну и что?

- Удивительно, как ещё Агджа держится в живых, - не унимался я. - Впрочем, в итальянских газетах мелькнуло сообщение, что у него обнаружился туберкулёз. В острой форме...

- Ну и что? - повторило начальство, ничуть не загораясь. - Это темы

вчерашнего дня. Агджа, «преступление века», козни спецслужб - всё это теперь неактуально. Вышло из моды…

Не могу пожаловаться на особую робость перед начальством. Но бывают начальственные суждения, волей-неволей повергающие если не в немоту, то в оторопь.

- Выходит, события, как тряпки, делятся на модные и немодные? Модное наденем и разукрасим, а немодное выбросим?

Начальство слегка рассердилось.

- У вас тридцатилетний газетный стаж, не заставляйте объяснять вам азы профессии. Любой номер, любая заметка привязаны к дате выхода, и иначе быть не может. Неизбежно приходится что-то выбирать и от чего-то отказываться.

Тут, однако, собеседнику припомнились известные факты, относящиеся ко мне лично, и настроение у него смягчилось. Выйдя из-за стола, он полуобнял меня за плечи.

- Понимаю, как не понять, что у вас эта тема болит, до сих пор болит. И всё же постарайтесь от неё отрешиться. Не поблагодарят нас сегодня, ох не поблагодарят, если мы сызнова потащим на газетные страницы «серых волков» и всё, что с ними связано. Насчёт моды, конечно, вышло неловко, но вы сами знаете, что я имел в виду…

Да, к сожалению, знаю. Знаю, что на протяжении десятилетий газетные полосы формировались - не всегда, но часто, - исходя из «ценных указаний». Знаю, что у газетных администраторов - не у всех, но у многих - ожидание указаний и готовность незамедлительно следовать им вошли в привычку и что нынче, когда указания стали редкостью, администраторы чувствуют себя неуютно и по инерции продолжают придумывать ограничения, которых никто не налагал. Знаю, что газетная профессия, как никакая другая, была подвержена чисто оруэлловскому двоемыслию (разговор о замечательном английском писателе Джордже Оруэлле в этой книге неизбежен и состоится). И что избавление от двоемыслия, когда «для себя» думают одно, а пишут другое, потому что «так надо», - насущнейшая, настоятельнейшая для каждого газетчика задача.

Очевидно, мой собеседник этой задачи для себя ещё не решил. А я? Бог весть. Комментарий на смерть Аслана Самета остался ненаписанным.

Но разве дело в Самете! Не брат он мне и не сват, в глаза я его не видел и не увижу. И можно было бы, никто не запрещал, пойти к другому начальству, повыше, настаивать, доказывать и даже, не исключается, доказать. Но одолевшая меня оторопь не проходила, напротив, час за часом ширилась и разрасталась. Что, если критика с тех же позиций уготована не какому-то чахлому комментарию, а только что законченной книге? Что, если её тоже объявят неактуальной, обветшалой, вышедшей из моды?

Невозможно же не замечать, что за последние три года

публицистика, освобождённая от оков показухи-обязаловки, развивалась стремительно, как никогда прежде. Статьи, подготовленные месяц-два назад и почему-либо не опубликованные «с колёс», сплошь и рядом представляются уже устаревшими: можно бы сказать больше, острее, точнее. Толстые журналы, в силу сроков производства, оказываются в положении и вовсе не завидном: если автор не сумел заглянуть вперёд, изложить свои мысли «с запасом», статья выходит в свет словно бы выцветшей, обезжизневшей до рождения. Горькая участь! А тут не заметка, не статья - целая книга. Книга, которую я готовил не месяцы - годы. Притом на немодный, как мне разъяснили популярно, сюжет. Есть от чего оторопеть...

Но, с другой стороны, бессмысленнейшее в мире занятие - попрекать себя тем, что жизнь сложилась так, а не иначе. Не стал бы я журналистом, а инженером или актёром... Не женился бы на блондинке с карими глазами, а выбрал бы брюнетку с зелёными... Не закончил бы книгу вчерне к декабрю 87-го, а сочинил бы нечто отдалённо на неё похожее полутора или двумя годами ранее... Всё это домыслы примерно одного достоинства, но в случае с книгой не предполагаю, а утверждаю с уверенностью: получилось бы гораздо хуже.

Репортажи, одноимённые с этой книгой, появились в «Литературной газете» в октябре 1984 года. Как и предшествовавшая пресс-конференция, они вызвали бурю откликов, самых разноречивых, и у нас в стране и за рубежом. Но сколько-нибудь длительного удовлетворения мне не принесли. Довольно быстро я отдал себе отчёт, что всеобщим вниманием, интересом мировой печати, потоком читательских писем я обязан небывалой теме своих выступлений, и только ей. Что с точки зрения профессиональной гордиться нечем: логика рвётся, язык беден, да и глубина осмысления фактов оставляет желать лучшего.

Единственное, что нравится мне в тех репортажах безоговорочно, - их конец. Самое последнее слово. Каким уж чудом я нашёл его, сам не пойму, но финальным во всей серии было слово «гласность». По-видимому, оно вырвалось непроизвольно, как просьба пить у больного, как потаённая молитва, пришедшая на смену симоновским строчкам, которые служили мне ту же службу в дни «кинофестиваля». Если так, то молитва «сработала»: слово набрало силу, какая мне и не снилась, вошло сегодня без перевода во все языки Земли.

Книгу, которую вы сейчас взяли в руки, я писал уже в условиях гласности. Должен сказать, задача моя от этого не упростилась, а усложнилась. Мне ведь и тогда, в 1984-м, извне никто ничего не диктовал. Это не кто-то мешал - это я сам не смел дойти до сути вещей, сам выступал себе цензором, сам себя останавливал: ну опомнись, разве о таком пишут? разве такое разрешат?! Казалось бы, после пережитого какие могут остаться страхи, где им угнездиться, - но нет, многолетние профессиональные привычки пережили даже психотропный плен, мышление оставалось, во-первых, самоограничительным, а во-вторых, прямолинейно конфронтационным.

Дав книге «вылежаться», я перечитал её. И показалось, заметил, как от главы к главе избавлялся от нерешительности, половинчатости, предвзятости, а заодно и от брани в адрес противников, может, и извинительной в описываемых тяжких ситуациях, но по большому счёту бесплодной. Достиг ли я желаемого? Вероятно, нет, какие-то следы прежних приёмов, видимо, сохранились. Временами, перечитывая, я грезил, что вот-вот выявлю эти следы до единого, вытравлю, выскоблю, заменю наиновейшими, наисмелейшими понятиями. Потом до меня дошло, что цель поставлена ложно и недостижима: покуда я чищу рукопись, гласность снова уйдёт вперёд, я потянусь следом, и так до бесконечности, сказка про белого бычка… В итоге я ограничился тем, что в отдельных местах, где было вовсе невтерпёж, сделал несколько вставок, честно выделив их как «дополнения 1988 года». И сдал рукопись издателям. А дальше будь что будет.

В одном совершенно уверен, да что там уверен - убеждён: правда не делится на модную и немодную, своевременную и несвоевременную, желательную и нежелательную. Правда о застое и конфронтации, о начале 80-х, необходима ничуть не меньше, чем о противоречивых и страшных 30-х или грозовых 40-х. Любая иная постановка вопроса тянет нас назад в прошлое, от которого мы еле-еле оторвались. Так что будем последовательны и постараемся по крайней мере не отступить от достигнутых рубежей гласности, какими бы ссылками на текущую политическую конъюнктуру нас порой ни пугали.

По счастью, в редакции «Литературной газеты», сотрудником которой я имею честь состоять, администраторы, привычные жить по указанию, а не по убеждению, составляют сегодня категорическое меньшинство. Иначе газета просто не сумела бы удержать популярность, не достигла бы в нынешней суровой конкурентной борьбе четырехмиллионного тиража. Но и раньше, в условиях, далёких от гласности, она не раз дерзко нарушала чиновные табу, подавала примеры подлинной журналистской смелости, настойчивости и принципиальности. Собственно, один из таких примеров и вырос в конце концов в эту книгу. А можно сформулировать то же самое по-другому: единственный положительный герой моего повествования - газета. Моя газета.

Чтобы не затягивать предисловия, затрону напоследок тему важную и вместе с тем самостоятельную. Памятливый читатель обратит внимание, что по сравнению с репортажами 1984 года в книге появилось немало новых имён, дат, адресов, подробностей. Откуда они взялись? Достоверны ли? Не подогнал ли я теперь, когда всё позади, факты под результат?

Ответ состоит из двух частей. Во-первых, я всячески старался накинуть на себя узду, ничего не подгонять и ничего не выдумывать. Выдумки в отличие от правды почти всегда чересчур правдоподобны и торчали бы из текста, как плохие протезы.

Во-вторых, узда для меня - понятие не фигуральное, а вполне осязаемое и материальное. Все дни и месяцы, что я работал над книгой,

на моём столе рядом с пишущей машинкой лежали девять магнитофонных кассет - мои «западные» дневники общей протяжённостью, если сложить дорожки, почти два километра, тринадцать часов звучания. Как я вёл их в условиях непрерывной, технически изощрённой слежки, как ухитрился сохранить, - разговор особый, потерпите до соответствующей главы- узнаете. Для прямой публикации они не годятся, да и велись не для этого, но как подсобный, справочный материал незаменимы. И подтасовка исключена: дневники были сданы первым же советским представителям, с какими я встретился, и вернулись ко мне лишь после доскональной проверки, то есть значительное время спустя. Имена, адреса и прочее - оттуда.

Итак, книга перед вами. Надеюсь, равнодушных она не оставит.

Июнь 1988 года.

Вместо эпиграфа

Жди меня, и я вернусь.

Только очень жди.

Жди, когда наводят грусть

Жёлтые дожди,

Жди, когда снега метут,

Жди, когда жара,

Жди, когда других не ждут,

Позабыв вчера.

Жди, когда из дальних мест

Писем не придёт,

Жди, когда уж надоест

Всем, кто вместе ждёт.

Жди меня, и я вернусь,

Не желай добра

Всем, кто знает наизусть,

Что забыть пора.

Пусть поверят сын и мать

В то, что нет меня,

Пусть друзья устанут ждать,

Сядут у огня,

Выпьют горькое вино

На помин души…

Жди. И с ними заодно

Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь

Всем смертям назло.

Кто не ждал меня, тот пусть

Скажет: «Повезло».

Не понять не ждавшим им,

Как среди огня

Ожиданием своим

Ты спасла меня.

Как я выжил, будем знать

Только мы с тобой, -

Просто ты умела ждать,

Как никто другой.

Эти стихи настолько широко, всенародно известны, что можно, кажется, не указывать имя автора - другому их не припишут. Менее известно, что Константин Симонов чуть было не посчитал их устаревшими. Вот что он сам написал об этом в своих воспоминаниях:

«После того, как «Жди меня» было напечатано, я читал его сотни раз и во время и после войны. И наконец через двадцать лет после войны решил было никогда больше не читать этого стихотворения. Все, кто мог вернуться, - вернулись, ждать больше некого. А значит, и читать поздно. Так я решил про себя. И больше года не читал, пока не попал на Дальний Восток к торговым морякам, рыбакам и подводникам, уходившим из дому в море на много месяцев, а иногда и больше.

Там на первой же встрече от меня потребовали, чтобы я прочёл «Жди меня». Я попробовал объяснить, почему я решил не читать его, но моих объяснений не приняли. Уже по-другому, чем когда-то на войне, стихотворение всё ещё продолжало отвечать душевной потребности людей, имевших на это свои причины. И я отступил и снова стал читать его...»

Такова судьба всех истинно талантливых строк: новые поколения находят в них новое содержание. А в данном случае это просто неминуемо, потому что, хотя стихи посвящены женщине, одной женщине, самый их настрой, светлая вера в торжество жизни «всем смертям назло» адресуют их шире - Родине, России.

Венеция. Кинофестиваль без кавычек

Поэма из воды и камня

По давней традиции, чем острее сюжет, тем медлительнее, неспешнее должно быть начало. Первые строки желательно посвятить пейзажу или погоде. Ну что ж, не вижу причин отступать от традиции. Тем более что начало действительно было если не медлительным, то, во всяком случае, ничем - почти ничем - не омрачённым и бурных событий вроде бы не предвещало.

Погода 1 сентября 1983 года стояла чудесная, ласково-золотая, что утром в Москве, что к вечеру в Венеции. Правда, на пересадке в Милане небо чуть прихмурилось, посерело, и минут пятнадцать покрапал мелкий ленивый дождик. Но он миновал, в небесной канцелярии вновь возобладало хорошее настроение, и вторая половина пути (половина - если считать по времени, а не по расстоянию) выдалась просто идеальной, безоблачной и нежаркой.

Это и впрямь было нелишним и даже удачным обстоятельством, поскольку из Милана в Венецию мы добирались поездом. Я-то мог бы позволить себе и самолёт, необходимая сумма в лирах была мне отпущена. Однако мой попутчик, корреспондент из другой центральной газеты, упросил не бросать его одного, и я, признаться, пожалел его: робок, языков не знает, пересадки сложные - пропадёт... Может, и не пропал бы, а только ведь как не спросить тех, кого осенило послать его в «одиночное плавание»: о чём думали? Куда смотрели - в анкету? Так и в анкете, надо полагать, в графе насчёт языков - прочерк. Или враньё?

Полтора года спустя я не удержался, взял подшивку его газеты и нашёл сочинённую им статью по итогам 40-го, юбилейного Венецианского кинофестиваля. И поразился: всё так гладко, интеллигентно, информативно, и названия фильмов даны без ошибок, и содержание лент пересказано правильно. Нипочём не догадаешься, что на венецианских, да и на некоторых других «престижных» фестивалях русский синхронный перевод не предусмотрен, что статья писана с чужих слов и по рекламным проспектам, что её можно бы без ущерба для смысла составить, не выезжая из Москвы. А автор к тому же принимает - и выдерживает! - позу очевидца. Тоже искусство своего рода...

Да что я прицепился к попутчику? Как образчик «выездной породы», будто специально выведенной в 70-е годы, он не самый типичный и тем паче не худший, а как человек - даже не лишён обаяния. Согласитесь, робость куда симпатичнее, чем настырность и бравада. И за совместное путешествие поездом могу лишь благодарить: по крайней мере, видел Верону и Падую хоть из окна вагона. А в самом вагоне - ожившие кадры неореалистического кино. Вот провинциальная матрона - сто килограммов живого веса, сто слов в минуту - с многочисленным сопливым семейством. Вот компания франтоватых молодых солдат, небрежно жующих жвачку и явно не возражающих задрать штатского, коль подвернётся. И монахиня в

элегантной рясе, с тяжёлым серебряным распятием на груди и очень, очень грешными глазами. В самолёте вся эта публика, может, и полетела бы одним рейсом, но неизбежно потерялась бы в нивелирующем пространстве салона, за высокими спинками кресел.

Последний короткий перегон от Венеции-Местре до вокзала Санта-Лючия. Местре - промышленный пригород Венеции, где живёт сегодня народу побольше, чем в островной, исторической её части. Если бы все знаменитые города мира имели возможность отселить фабрики и новостройки, радиомачты и автомашины «на материк»! И вот всё это уплывает за рамку окна, уходит в небытие, разбегаются в стороны полчища уродливых, аляповато раскрашенных нефтехранилищ. Поезд вкатывается на дамбу. Открывается залив не ахти какой красоты, с бурыми космами водорослей, рассыпанными там и сям парусами и лёгкой радужной рябью, живо напоминающей прописные истины об охране окружающей среды. Но впереди уже маячат контуры и высвечивают купола…

Замечательно точно сказал Борис Пастернак: «Итак, и меня коснулось это счастье. И мне посчастливилось узнать, что можно день за днём ходить на свиданья с куском застроенного пространства, как с живою личностью». Цитата из повести «Охранная грамота». Бесспорно, что читал я повесть до кинофестиваля, но полагаю, что этих слов тогда не запомнил или не осмыслил. Зато в Венеции сразу же воскликнул про себя: «Пастернак!..» И когда вернулся, целую вечность спустя, то знал без колебаний, что цитату надо найти, и знал, где искать.

Что же там так завораживает? Что высекает в душе искру, похожую на любовь с первого взгляда? Святой Марк, Дворец дожей, Мост вздохов? Именно этот «кусок застроенного пространства» славит Пастернак, но фокус в том, что со ступенек вокзала Санта-Лючия ничего этого не видно. Первое свидание с Венецией по необходимости кратко: от вокзала до пристани на Большом Канале - сто шагов, не более. А всё-таки и их довольно, чтобы личность неповторимого города взяла над тобою власть, просочилась в кровь, как сладкая отрава, чтобы искра внезапной, неодолимой любви полыхнула ошеломляюще и уже не гасла.

Я ленинградец, а Ленинград, как известно, нередко сравнивают с Венецией. По-моему, это несправедливо по отношению к обоим городам. Пусть себе киношники снимают с успехом венецианскую натуру на Мойке. Кино воздействует лишь на зрение и слух, и два чувства обмануть проще, чем все пять разом. Аромат у каждого из городов неповторимо свой: Ленинград - город северный, Венеция - южный. Оба - поэмы из воды и камня, но написанные в разной манере и на разных языках.

Прежде всего Ленинград просторен, а Венеция тесна. Знаменитая пьяцца, площадь Святого Марка, в Ленинграде показалась бы скромным двориком. Глянцевые виды на Кампаниллу (с голубями) или на Лагуну (с гондолами), на мой вкус, лишь визитные карточки, представляющие имя и звание, но не характер того, кому посвящены. И суета торговых рядов на мосту Риальто и рядом с ним характерна не в большей мере, чем любое

людское торжище. Чтобы ощутить чары венецианской поэмы, надо дать заманить себя в сторону, в какую угодно сторону, в переулочки и проулочки, проходики и проходные дворы (где двор, где улица - не поймёшь, да и несущественно это). Постоять или посидеть, если скамейка сыщется, у какого-нибудь канала или канальчика, желательно безымянного, не только не судоходного, а и не «гондолоходного» даже. Нырнуть наобум во мрак узкого-преузкого лаза меж облупившихся, а то и заплесневелых стен - и снова вынырнуть в пятне света над тинистой стоялой водой, и снова увидеть тугие или провисшие верёвки с бельём, флагами расцвечивания перечеркнувшие квадратик неба. (Считается, что это неаполитанский колорит, но и венецианский в не меньшей степени.) Короче, надо позволить себе заблудиться, благо заблудиться в Венеции никак нельзя: она, повторяю, тесна, и в тот самый миг, когда почудится, что заблудился, хитросплетение улочек и канальчиков обязательно выведет на бесспорный, всемирно известный ориентир.

У Лукино Висконти есть фильм «Смерть в Венеции». Возможно, его включали в программы кинофестивалей, но если да, то задолго до 1983 года. Основное действие там происходит на острове Лидо. Но когда герою становится плохо, совсем плохо, камера переносит его и нас в лабиринты исторической части города. Дует знобкий осенний ветер (забыл название), арки и щели дворов-улиц наваливаются справа и слева, спереди и сзади, кренятся, давят, душат, падают, и смерть приходит как избавление.

Ну а при чём тут чары? - спросите вы. Во что влюбляться? Что это за поэма, которая норовит обернуться кошмаром? Погодите, не выносите поспешных приговоров. В первых числах сентября не было стылых осенних ветров, а был лёгкий ласковый бриз. Ничто ниоткуда не наваливалось, кроме извечной, независимой от страны пребывания, беды - нехватки времени. И запах водорослей и свежей рыбы - запах моря - смешивался с запахами кофе и специй - запахами юга, и вся эта гамма дробилась и множилась в плавильне прогретых солнцем стен, а поверх коктейля ароматов, как терпкая вишенка, лежал специфический венецианский дух. Может, это и не запах или не только запах, но за неимением более точных слов я определил бы его как запах тления.

Это же, увы, неоспоримая истина: Венеция разрушается, приходит в упадок. Разные силы тому причиной, природные и рукотворные, климатические и социальные, не стану их перечислять. В Соединённых Штатах мне рассказывали, что среди проектов спасения города сокровищ встретился и трагикомический: некий миллиардер-меценат пожелал завещать венецианцам всё своё состояние при условии, что… Венеция будет разобрана по кирпичику и перенесена за океан, к берегам Флориды: там, мол, и климат вполне подходящий, и туристов не убавится, и вообще американские инженеры подведут под Дворец дожей железобетонный фундамент, рассчитанный самое малое ещё на тысячу лет. К счастью, сие предложение никто пока серьёзно не рассматривал, но всё же: как добиться, чтобы чудо не утонуло, как его уберечь?

Вот та мысль, до конца не додумываемая и даже отгоняемая, которая

делает пребывание в Венеции пронзительно памятным, а обаяние её неотразимым: завтра или послезавтра всей этой красоты может уже не быть. Не требуется ни гидротехнических, ни архитектурных и искусствоведческих знаний, чтобы углядеть на стенах и потолках патину сырости, ощутить усталость и рыхлость разъедаемой влагой кладки. Не нужно ни путеводителей, ни гидов, чтобы посетовать, как небрежно, спустя рукава сберегается то, что ещё вполне можно было бы сберечь: каналы не чистятся, фасады не штукатурятся, под замшелыми причалами у некогда гордых палаццо качаются, пованивая, вороха разноплемённого мусора. «Плавучая галерея на клоаке» - это тоже о Венеции, и это тоже Пастернак. Да простится мне дерзость, но я подытожу его впечатления по-своему: многие, кто с весны до осени зачарованно бродит по этому невозможному городу, не столько встречаются, сколько прощаются с красотой.

В самом первом из одноимённых своих репортажей в «Литгазете» я, помнится, как бы переложил на Венецию часть вины за то, что приключилось со мной потом: слишком-де заворожила, заставила потерять бдительность. И я-де в ослеплении забыл то, о чём следовало бы помнить: что именно мировые туристские центры с их многолюдьем привлекают пристальное внимание специальных служб Запада и создают особо благоприятные условия для их, с позволения сказать, деятельности. Насчёт пристального внимания спорить не приходится, и тем не менее тезис нуждается, как считаю теперь, в уточнении.

Во-первых, сама-то Венеция, дело ясное, ни в чём не виновата. Ни в том, что её выбирали и выбирают местом действия разных «шпионских» фильмов (в том числе джеймсбондовского «Из России с любовью»), ни в том, что на белом свете, и без того обременённом множеством тяжких забот, джеймсы бонды обретаются не только на экране, но и во плоти. И во-вторых, независимое от «во-первых», но примыкающее к нему: забыть можно лишь то, что знаешь, а я до Венеции и с экранным-то вариантом темы был знаком еле-еле.

Ну а в-третьих, и это главное: что, собственно, понимать под бдительностью? Шараханье от собственной тени, безвылазное сидение в четырёх стенах гостиничного номера? Кое-кто так и делает, покидая добровольное заточение лишь ради пресловутого «отоваривания». Но с журналистской миссией такое сверхосторожное поведение просто несовместимо, а кроме того, я органически не понимаю людей, которые - при любом характере поездки - не нашли в Софии двух часов подняться на Витошу или в Кёльне посетить собор во время торжественной службы. И есть немало городов - Прага и Будапешт, Вена и Париж и наверняка другие, в которых не был, - где двумя часами не обойдёшься, где обязательно надо побродить с планом в руке и, пусть за счёт отдыха, за счёт сна, остаться с историей наедине. А то вернёшься из дальних странствий, сдашь положенные документы - и что в итоге? Новые штаны?..

На просмотрах и около

Кинофестиваль по традиции проводился на курортном острове Лидо, длиннющем наносном бугре, отделяющем Лагуну от Адриатики, в трёх расположенных по соседству зданиях - Дворце кино, казино и отеле «Эксельсиор». Вот почему наша первая прогулка по Венеции была столь недолгой - от вокзала до пристани, где швартуются пароходики - «вапоретто», к которым как нельзя лучше применим стародавний термин «речной трамвай». До сих пор помню номера пароходных маршрутов: от вокзала Санта-Лючия - второй, от Святого Марка - шестой. Пристань назначения называется пышно: Санта-Мария-Элизабетта. Хотя «двойка» затем ещё и заплывает в глубь Лидо, к самому порогу казино.

Но нам на первый раз туда было не надо. Прежде всего следовало отыскать свои отели: до «Эксельсиора» мы ни по рангу, ни по командировочной смете не доросли. Это мы выяснили ещё по дороге: моему спутнику - в отель «Кристалло», мне - в «Бьязутти» на виа Энрико Дандоло. Ещё одного коллегу поселили в «Вилле Отелло». Отели, правда, недалеко друг от друга, но всех советских, кроме официальной делегации и одной именитой супружеской кинопары, разделили по разным гостиницам. Зачем? Казалось бы, разделение, противное всякой логике. Неорганизованность - или?.. Хотелось бы думать, что всё-таки без «или», что никакого заговора, тем более с участием дирекции фестиваля, ещё не существовало.

От тенистой виа Дандоло до Дворца кино и «Эксельсиора» - немногим более километра. Можно идти по виа Лепанто, как бы копирующей историческую Венецию, по набережной тихого внутреннего канала с тусклой водой под горбатыми мостиками. А можно и иначе - выйти на море. Тогда налево расстелется Адриатика, белый ухоженный пляж и на нём шеренги разноцветных кабинок, островерхих, как рыцарские шатры, словно выбежавших из реквизита какой-нибудь киноленты по Вальтеру Скотту. Ну а направо - колоннада отеля «Де бен», где Висконти поселил героев «Смерти в Венеции». Такие вот, будто нарочно подобранные, киноподступы к кинопразднику.

Вообще-то фестиваль ощущается в Венеции слабо. Ни афиш на каждом углу, ни парадов-алле, ни билетного ажиотажа (хотя перед отдельными премьерами очереди во Дворец кино всё же выстраивались). Фестивалями, вернисажами, громкими именами этот город не удивишь. А Лидо - и подавно. Лидо - аристократ, и не дряхлеющий, как фасады на Большом канале, а вполне современный, играющий в теннис и уделяющий главное своё внимание банковским счетам. Лидо - это прежде всего особняки и виллы, раскинувшиеся не по-венециански просторно, утопающие в зелени, а в сентябре нередко уже пустующие: купальный сезон, по мнению владельцев, миновал, а кинофестиваль их интересует мало.

Но вот и «Эксельсиор». Пресс-центр. Огромные окна, устремлённые в адриатические дали, заливают зал солнечным светом - хоть начинай тут же съёмку, и не надо юпитеров. Любезнейшая Марина Мартинетти,

сотрудница пресс-центра, вручила нам под небольшой денежный залог ключи от журналистских боксов, раздала фестивальные карточки-пропуска. Её заботами всем советским корреспондентам достались карточки высшей категории- «адзурра» (голубые), дающие самые широкие права, вплоть до посещения конкурсных просмотров и премьер. Формально почти никто из нас на подобную честь претендовать не мог, она предусматривалась лишь для ежедневных газет, но что тут скажешь? Одно-единственное: спасибо за внимание…

Тем не менее на фестивальных премьерах, кроме, кажется, одного-двух случаев, я не бывал. Твёрдо помню один. Шёл фильм Алена Рене «Жизнь - это роман». Яблоку негде было упасть, с трудом отыскал местечко на галёрке. А стоил того фильм? Сомнительно. Салонная, путаная история о том, как некий светский лев задумал, а его потомки осуществили постройку «храма счастья» - не то религиозно-гипнотического центра, не то фешенебельного дома терпимости. Сюжет петляет и дробится, актёрам, в сущности, нечего играть. Странный фильм, тем более странный, что поставлен автором знаменитой, вошедшей в современную киноклассику картины «Хиросима, любовь моя»…

В том-то, однако, и соль, что публике, набившейся во Дворец кино, фильм в принципе понравился. Многим «престижным» фестивалям, особенно на премьерах, свойственна специфичная, довольно искусственная атмосфера, когда самое смелое платье привлекает интерес гораздо больший, чем лучший фильм. В каком-то смысле получается даже, что чем хуже, тем лучше: ленты подлинно новаторские, напряжённые, сложные требуют от зрителя определённых душевных усилий, сопереживания, встречной отдачи. А если сопереживать нечем и отдавать нечего? Понимание праздника, интеллектуально, социально и нравственно, может быть очень, очень различным, и мне почему-то кажется, что я понимаю его неодинаково с иными завсегдатаями премьер.

Первый просмотр для прессы (а мы предпочитали просмотры именно этой категории - обстановка попроще) тоже разочаровал. Разочаровал художественно, хотя и навёл на раздумья. Вне конкурса был показан американский фильм «Возвращение Джедай» - очередная и вроде бы заключительная серия из отшумевшего к тому времени цикла «Звёздные войны». Головокружительные трюки, высочайшая техника комбинированных съёмок, истинно голливудский размах - и что ещё? А ещё проповедь насилия, внушаемое зрителю исподволь убеждение, что оно, насилие, было, есть и пребудет с человечеством во веки веков, обретая всё новые, всё более совершенные технические обличья, пока не достигнет звёзд. Тогда, в 1983 году, мало кому приходило в голову, что недалёк день, когда термин «звёздные войны» перекочует с киноафиш на газетные полосы, обретёт высоких покровителей в вашингтонской администрации, станет камнем преткновения в мировой политике. Но надо полагать, что в затенённой тиши лабораторий такие планы уже вынашивались. И если «Макдоннелл - Дуглас», «Рокуэлл» и прочие военно-космические «киты» не принимали участие в финансировании

«Джедай» и предшествующих серий цикла, то по справедливости им бы следовало это сделать. Почву для затяжной риторики вокруг СОИ эти космические боевики унавозили усердно.

Несчастье наше, что в беспощадном XX веке фантастические пророчества - и в первую очередь, увы, «чёрные» пророчества - сбываются скорее, чем мы в состоянии их переварить, психологически к ним подготовиться. Если бы Герберту Уэллсу в 1914 году, когда он впервые описал ядерный взрыв, сообщили, что до реального воплощения его фантастической идеи осталось каких-то три десятилетия, он бы просто не поверил. А ведь ему довелось дожить до Аламогордо и Хиросимы. То же, к примеру, и Алексей Толстой: скажи вы ему в конце 20-х годов, что гиперболоид - штука совершенно реальная, хотя конструктивные принципы должны отличаться от его чертёжика, - он взглянул бы на вас, как на выходца из третьего тысячелетия, если не из сумасшедшего дома. А лазер был открыт в начале 60-х...

Но ни Уэллсу, ни фантастам следующих поколений не хватило бы цинизма, чтобы составить сценарий разведывательно-политической интриги, связанной с самолётом рейса 007 Нью-Йорк - Анкоридж - Сеул. В то самое утро 1 сентября, когда мы вылетели из Москвы в Милан, он уже был сбит над Сахалином. В те самые часы, когда ехали поездом из Милана в Венецию, плыли на «вапоретто» на Лидо, устраивались по отелям, знакомились с пресс-центром, в военно-политических штабах Запада уже созрело решение перевалить вину за происшедшее целиком и полностью на нашу страну. Вы, вероятно, помните, как было дело: самолёт злостно нарушил воздушное пространство Советского Союза, углубившись в него на 500 с лишним километров. На запросы он не отвечал, приказам приземлиться на советский аэродром не подчинился. Не сомневаюсь: если бы наше командование хоть на секунду заподозрило, что до подобной наглости может дойти рейсовый самолёт с пассажирами на борту, трагедии не случилось бы. Вскоре выяснилось, что наглость была куплена на деньги ЦРУ: самолёт был оснащён не только точнейшим навигационным оборудованием, исключавшим всякую возможность нечаянной ошибки, но и хитроумной «специальной аппаратурой».

Тем не менее в обстановке кинофестиваля на острове Лидо, обстановке суматошной и слегка искусственной, где отрыв от текущих политических событий как бы входит в программу, а вопрос «Что новенького в мире?», обращённый к сотрудникам пресс-центра, показался бы, подозреваю, просто неприличным, - в этой обстановке мы ничего не знали ни о рейсе 007, ни о шумихе вокруг него. Узнал я об этом лишь 6 сентября в Риме, а мои коллеги - ещё на два дня позже от меня. В Венеции ведь нет ни одного советского учреждения, и «Правда» в отеле «Эксельсиор» не продаётся.

Что же запомнилось из фестивального репертуара со знаком «плюс»? «Ханна К.», фильм мастера политического кино Коста-Гавраса, рассматривающий с прогрессивных позиций сложный узел ближневосточных проблем. «Завтрак пахаря» английского режиссёра

Ричарда Айера - о молодом сотруднике Би-би-си, поставившем себе целью сделать карьеру любой ценой. «Дезертир» итальянки Джулианы Берлингуэр - очень скупой по выразительным средствам и очень сильный фильм о неприятии войны и фашизма. Наконец, «Зелиг» американца Вуди Аллена, уморительная комедия в стиле ретро.

По поводу фильма Аллена можно бы сделать несколько оговорок, но стоит ли? Все эти ленты, и «Зелиг» в том числе, давно разобраны по косточкам киноведами, а я поневоле отстал. К тому же это давний и нелёгкий спор: стоит ли подвергать разбору кинокартины, книги, пьесы, если известно заведомо, что читатель их и в глаза не видел? Да, меня послали в Венецию именно ради такого разбора (были и другие задания, о них в следующей главе). И всё же считаю, что у спора есть единственное достойное завершение: больше доверять читателю-зрителю, больше издавать и показывать - а уж вслед за тем и поспорить можно, если возникнет охота. Хорошо, очень хорошо, что развитие нашей духовной жизни в таком направлении и идёт.

На том я, пожалуй, и прерву рассказ о кинофестивале без кавычек и перейду к другим событиям, тем более что они не заставили себя ждать.

Рим. Начинается дурной детектив

Поездка в Рим решилась неожиданно. То есть она входила в план командировки, но логичнее было бы удрать с фестиваля пораньше и провести в «вечном городе» последние дни перед отъездом домой, благо обратный билет был выписан не из Милана, а из Рима. Если бы так и произошло, всё, быть может, сложилось бы по-иному. И эта книга, вероятнее всего, тоже не состоялась бы.

Однако расписание просмотров было составлено так, что на самый канун отъезда, 10 сентября, планировалась премьера нового фильма Федерико Феллини «И корабль плывёт». Мало того, на тот же день был назначен показ советского конкурсного фильма «Мать Мария», и игнорировать его представлялось, естественно, невозможным. А 6 и 7 сентября не предполагалось вроде бы ничего особенно интересного.

Очень обеспокоилась Марина Мартинетти, даже встревожилась, когда я упомянул в середине дня 5 сентября, что хочу уехать на пару дней. Принялась допытываться, отчего да зачем. Сослался на задание редакции, что было правдой. И утаил ещё одну причину, подстегнувшую решение поступить именно так и немедленно: ни с того ни с сего разболелась нога, и надо было показаться врачу. А ближайший и единственный в стране советский доктор находился в Риме.

В транспортном агентстве меня талантливо надули, взяв за спальное место в полтора раза больше, чем следовало. Откуда ж мне было знать, что итальянскими железнодорожными уложениями допускается продажа двухместного купе одному пассажиру с оплатой по особому тарифу. Такие не то смешные, не то досадные неожиданности подстерегают, в общем-то, почти в любой загранкомандировке, никакими инструкциями и

подготовкой их не предусмотришь. Спрос на билеты был в тот день, по-видимому, не слишком велик, и кого ж заставить за это расплачиваться, как не простофилю-иностранца...

Зато по крайней мере выспался. И прямо с вокзала, едва забросив чемодан в отель «Люкс Мессе», где был заказан номер, поехал в советское посольство. Оттуда на машине в жилой городок, достаточно отдалённый. Побывал у врача и вернулся обратно в посольство. В общей сложности я провёл «на территории СССР» что-то около четырёх часов, и в мыслях не держа, что каждый мой шаг регистрируется, хронометрируется и истолковывается, мягко говоря, весьма своеобразно. Из телепередачи Би-би-си, подготовленной после моего возвращения на Родину, стало известно, что итальянская тайная полиция установила за мной неотступную слежку с минуты, когда я прилетел в Милан, а в Риме к местным шпикам прибавился ещё и «хвост от ЦРУ». И выезд в Рим плюс эти четыре часа были интерпретированы ими простенько и безвкусно: «получал инструкции».

В середине дня - визит к патриарху итальянского кино Чезаре Дзаваттини, вечером - к писателю Луиджи Малербе. Если я не вдаюсь в подробности и не воспроизвожу диалогов, то лишь потому, что через несколько глав они сами скажут о том, какими запомнили эти встречи и как их расценили. Малерба передал мне свою новую книгу и две-три рукописи для возможной публикации в «Литгазете». И, стоя с ним на балконе-террасе, откуда открывалась широкая панорама римских огней, я опять-таки не задумывался, в мыслях не держал, что вокруг, в расселинах ближних улочек, притаились «машины сопровождения», а в придачу ещё и пешие соглядатаи.

На встрече у Малербы присутствовал собственный корреспондент Агентства печати Новости Александр Бангерский. Именно там и тогда я узнал от него о трагедии рейса 007. В разговор включились хозяева, знакомые с существом дела лишь по буржуазной печати, и у меня возникла возможность сразу же сопоставить две версии, две системы оценок. На следующее утро я купил «Интернэшнл геральд трибюн» и журнал «Тайм» («Правду» так и не нашёл, в одном киоске предложили августовскую, где на эту тему, конечно же, не было ни строчки). Да, не пожалели красок господа комментаторы, чтобы живописать «зверскую атаку» советских истребителей на беззащитный «боинг»! А ведь истинные факты, если не все, то многие, уже вскрылись и были обнародованы...

Но то было наутро. А пока что, когда мы распрощались с Малербой, Бангерский любезно покатал меня по ночному Риму. На систематическую экскурсию, вопреки собственным правилам, времени у меня так и не хватило - а всё-таки побывал и у Колизея, и у Пантеона, и на площади Республики, и на площади Испании. Закончили мы маршрут у всемирно известного фонтана Треви, того самого, где в «Сладкой жизни» Феллини купалась молодая Анита Экберг и куда каждый гость «вечного города» обязан по обычаю бросить монетку. Я не бросил - не пожадничал, а просто заговорился с Бангерским и запамятовал, а он не напомнил. Выходит, в

Риме мне больше не бывать.

7 сентября, в среду, за мной в «Люкс Мессе» заехал поэт Джузеппе Фьюмара и повёз меня в Ватикан. С Джузеппе в отличие от Малербы и Дзаваттини мы были знакомы и раньше, встречались в Москве. Я ведь на протяжении пяти лет заведовал в газете отделом зарубежной культуры - что ж удивительного, что в любой стране, даже если я приезжал туда впервые, обязательно находился кто-то, к кому можно обратиться по праву знакомства.

По такому же праву я мог, да и пытался, обратиться ещё к одному человеку - к Альберто Моравиа. С прославленным писателем мы встречались дважды, притом совсем незадолго до Венецианского фестиваля. Он и выступал у нас в «ЛГ» в августе 1983 года дважды, в том числе с прелестной сказкой-притчей «Когда мысли замерзали в воздухе». Героем сказки был морж, живший на полюсе, где было так холодно, что замерзали даже мысли и облачком витали над головой, если она имела неосторожность о чём-то подумать. И все привыкли к тому, что если уж думать, так только что-нибудь хорошее, иначе злые мысли сами себя разоблачат.

Если б только передвинуть сказочную выдумку в наши дни да воплотить в действительности! Насколько же проще стало бы жить в мире, истерзанном подозрительностью и ложью! А что до меня лично, то и я увидел бы замёрзшие, висящие в воздухе грязной тряпкой мысли своих негаданных преследователей, и они, если не ослепли, убедились бы во вздорности своих подозрений.

Но, увы, сказка сказкой, а реальность реальностью. Для моржа, кстати, дело кончилось тоже не лучшим образом. Сплавал в иные страны, убедился в том, как несладко живётся, когда не видно, кто обманщик, а кто злодей. Вернулся к себе на полюс, глядь, а климат-то изменился и там, мысли больше не прочтёшь. И загрустил морж, тоскуя по временам, когда жить в условиях первобытной честности было много-много проще.

Однако не ради моржа, сколь угодно симпатичного, хотел я потревожить Моравиа в Риме. Как все, почти без исключения, выдающиеся люди планеты, он не пожелал оставаться безучастным свидетелем того, как мир сползает к ядерной катастрофе. Он посетил Хиросиму и, решительно потеснив на своём рабочем столе моржей и прочих милых зверюшек, написал «письмо другу», публицистический документ большой силы под заголовком «Атомная бомба и мы». Вот о чём хотелось побеседовать с прозаиком и мыслителем - о проблемах не литературных, а общечеловеческих, хотя не исключаю, что и о тех и о других, ведь они переплетены так тесно. Думаю, что Моравиа не уклонился бы от разговора, только личный его телефон, который он собственной рукой вписал мне в блокнот в Москве, не отвечал…

Итак, мы двинулись с Джузеппе Фьюмарой в Ватикан, к собору Святого Петра, и не подозревая, что тащим за собой длиннющий «хвост», пришитый нам заботами двух разведок-контрразведок. В упомянутой уже

телепередаче Би-би-си это утверждается с абсолютной уверенностью - и с особым акцентом как раз на нашу совместную ватиканскую прогулку.

А была, подчёркиваю, среда. И, как всегда по средам, папа римский давал традиционную публичную аудиенцию. Огромное пространство, замкнутое справа и слева крыльями собора, было заполнено разноязыкой толпой богомольцев и туристов, казалось, собор притянул их к себе, обнял крыльями, как руками. Но до того, как попасть в эти объятия, надо было преодолеть перегородившие площадь барьеры и пройти досмотр. Карабинеры выворачивали сумки, оглаживали магнитными искателями спины и бока входящим - страховали его святейшество от злоумышленников. Помост, где он находился, охраняли картинные швейцарские гвардейцы. Земная юдоль святого отца выглядела торжественно, но как-то не очень прочно.

Мы видели первосвященника метров с пятидесяти, ближе было не подобраться. Но голос его, усиленный мощными репродукторами, разносился над площадью так отчётливо, что слышалось даже, как он переводит дыхание. Сама по себе его проповедь была краткой, минут на десять, но он повторил её последовательно на пяти языках. И она стоила повторения.

Он говорил о мире. О бренности всего сущего, ещё более очевидной в век компьютеров и ракет, когда человек дерзнул могуществом своим поспорить с господом. И о том, что не на господа, а прежде всего на себя следует уповать, если хочешь, чтобы мир не сгинул в геенне ядерной смерти: отец небесный даровал нам прекрасный общий дом, но теперь, уязвлённый гордыней нашей, ниспослал нам страшное испытание, подведя вплотную к апокалипсису. Выдержим ли мы испытание, зависит только от нас, и, если нет, творцу останется лишь скорбеть…

Это, разумеется, не цитата. Не записывал я Иоанна Павла II на магнитофон, да и возможно, что запись возбранялась. Это смысл, к тому же в вольном пересказе: повторить стилизованно высокую, отшлифованную веками католическую терминологию, да ещё с переводом, да ещё столько лет спустя, не возьмусь. Но смысл передаю с ручательством за точность.

И занятное дело, стилизация не снижала воздействия проповеди на разношёрстную аудиторию, а, пожалуй, наоборот. Неподалёку от нас стояла группа молодёжи неопределённого пола и национальности, какую лет десять назад отнесли бы к категории хиппи. Нечёсаные, но в серьгах, утонувшие в каких-то немыслимых хламидах, демонстративно безразличные ко всему на свете, кроме самих себя. И эти-то дети сумерек, самозваные изгои, не признающие ни бога, ни дьявола, вдруг перестали жевать и смотреть себе под ноги. Потому-то и национальности было не определить, что они молчали. Они слушали.

Наименее отзывчивой частью толпы оказались, как ни парадоксально, пилигримы-богомольцы. Счастье лицезреть наместника божия застило им глаза и уши, и с ними папа мог бы говорить хоть по-древнегречески, хоть

на суахили. Эти воспринимали лишь сам факт, что слышат его, - на то, чтобы услышать, внимания уже не доставало. Ну да бог с ними, пусть, как говорится, разбираются в своём кругу…

Потом мы с Фьюмарой посетили ещё и Ватиканский музей. К сожалению, времени оставалось мало, да и жара донимала. В Риме в отличие от Венеции было жарко, даже музейные стены не спасали. По возвращении в центр города встретились с советской писательской делегацией, прилетевшей в тот день в Италию. Потом Фьюмара сел вместе с новоприбывшими в автобус и укатил в сторону Неаполя, а мне на прощание передал для редакции интереснейшую, по его словам, книжную новинку - «Тот кегельбан над Тибром» Микеланджело Антониони. Ни она, ни рукописи Малербы в редакцию, увы, так тогда и не попали.

В отеле «Люкс Мессе», у себя в номере, я первым делом открыл чемодан, чтобы уложить книжку. И присвистнул: рылись! И не только рылись, но и не скрывали, что рылись. Вообще-то заметить постороннюю руку в собственном чемодане можно при минимальной наблюдательности даже тогда, когда рука старается выскользнуть незамеченной. От хозяйского глаза всё равно не укроется ни рубашка, сложенная чуть иначе, ни какие-то мелочи, чуть сдвинутые с привычных мест. Это не говоря уже о специальных приёмах, с которыми нынче каждый знаком по детективным романам и фильмам, об условных нитках и кусочках сахара под ковром.

Нет-нет, никаких чудес под ковром у меня припасено не было. Просто в чемодане всё вверх ногами, носильные вещи скомканы, бумаги рассыпаны веером. В возмущении кинулся вниз, к портье, а тот оказался в осаде новых гостей, крутился как ошпаренный и только отбрёхивался: «Сию секундочку! Сейчас-сейчас!..» Пока ждал, перекипел: да провались вы в тартарары! В конце концов ничего же не пропало…

Вышел вечером, когда жара спала, прогуляться по городу, да и лекарство надо было купить, какое доктор порекомендовал. На виа Венето заметил, что за мной неотступно следует какой-то тип - и опять-таки не только сопровождает, но и не скрывает, что сопровождает. Приостановлюсь - он тоже, прибавлю шагу - он тоже, присяду - он пристроится на соседней скамейке или уткнётся в витрину. Так и ходил за мной по пятам и сгинул, лишь когда я повернул на виа Вольтурно, где расположен «Люкс Мессе». Настроение изгажено, в номере духотища, на улице адский шум - впечатление такое, что более шумного города нет на свете, и чем позже, тем шум интенсивнее. И телефон у Альберто Моравиа не отвечает по-прежнему…

И я решил вернуться в Венецию. Знал, что туда как раз выезжает глава делегации советских кинематографистов, и напросился составить ему компанию.

Можно ли было поступить как-нибудь иначе? Вскоре после опубликования одноимённых репортажей в газете я получил письмо от одного дотошного читателя, кажется, из Минска. Читатель составил

пространный список вопросов-упрёков в мой адрес и даже пронумеровал их. Вопрос-упрёк первый был такой: почему, по какому умыслу я не поставил посольство в известность ни об обыске в номере, ни о слежке?

Эх, дорогой дотошный читатель, любитель точных ответов на наивные вопросы! Теоретически-то вы несомненно правы. Но, во-первых, чтобы известить посольство, надлежало дождаться утра - не беспокоить же дежурного в самом деле! Во-вторых, чем, в сущности, могло бы помочь посольство? Посочувствовать, посоветовать держаться настороже? Обратиться в полицию? А вот это и вовсе наивное предложение: полиция, яснее ясного, была тут ни при чём. Если даже представить себе на мгновение, что дело не положили бы под сукно, а начали бы расследование, я бы лишь сорвал себе командировку, и ничего более. Нет уж, либо задание редакции было выполнять, либо сатисфакции требовать.

Ну а в-третьих, за годы конфронтации и «холодной войны» к такому тоже пришлось привыкнуть, как к таможенным досмотрам и пограничной проверке паспортов. Например, годом раньше в ФРГ, в маленьком смешном отельчике в старом Кёльне - четыре окна по фасаду, три номера на этаже - в моём чемодане, том же самом, тоже рылись чужие руки. Не так нагло, но рылись. И «хвостики» доводилось замечать, и прочие «знаки внимания». Шпиономания - болезнь заразная, а условия для её распространения в атмосфере тех лет накопились в достатке.

Нет уж, если ставить себе вопросы по «римским впечатлениям», то иные. Скажем, с чего это они взялись действовать так подчёркнуто открыто? Слежка, как известно теперь, началась в Милане, а в Венеции была беспрерывной - и я её не видел. Профессиональную, хорошо организованную слежку вообще заметить, мягко выражаясь, непросто, для того она по идее и нужна, чтобы её не замечали. А в Риме, притом не сразу, поступили не по правилам - почему? Решили припугнуть - но с какой стати?

И хочешь - не хочешь, нравится - не нравится, а приходится прийти к определённому выводу. Ну ладно, не к выводу, а к обоснованному предположению. Что, если от меня добивались как раз того, что я и сделал? Что, если я сам шагнул в капкан, который уже стоял наготове?

Согласитесь, однако, что предположить подобное можно лишь исходя из знания дальнейших событий.

7 сентября этого не могли бы сделать ни я, ни римские мои собеседники, ни работники посольства. Уехав в тот вечер из Рима, я был внутренне уверен, что все неприятности позади. Но именно в те минуты, когда ночной экспресс мчал меня в Венецию, где-то в центрах спецслужб решалась моя судьба.

Отступление первое. Выстрелы на площади Святого Петра

За 847 дней до описываемых событий, 13 мая 1981 года, тоже в

среду, на той же площади Святого Петра во время такой же публичной аудиенции папа римский Иоанн Павел II был тяжело ранен двумя выстрелами почти в упор. Вполне возможно, что он был бы убит, но вмешался случай: убийца не обратил внимания на стоявшую рядом немолодую монахиню, а та исступлённо повисла на нём и не дала послать третью пулю прицельно. Курок-то он спустил, да пуля пошла в сторону и лишь задела одну из американских туристок.

Стрелявший был задержан на месте преступления. Им оказался недоучившийся турецкий студент, 23-летний Мехмет Али Агджа. Чуть позже выяснилось, что он принадлежит к правоэкстремистской, а точнее фашистской, организации «серые волки» и что на его совести уже лежит как минимум одно убийство - крупного турецкого журналиста, редактора газеты «Миллиет» Абди Ипекчи. После краткого судебного разбирательства Агджу судили, признали преступником-одиночкой и в июле 1981 года приговорили к пожизненному заключению.

Однако всем, не исключая и судей, было с самого начала ясно, что Агджа действовал не один, что за его спиной стояли сообщники и пособники. Кто-то снабдил убийцу блестяще изготовленным и тем не менее подложным удостоверением личности. Кто-то достал ему оружие. Кто-то оплачивал его расходы, пока он, готовясь к преступлению, колесил по Европе. Да и сам Агджа мало походил на фанатика-одиночку, каким его пытались выставить на первых стадиях следствия. Куда больше он смахивал на беспринципного и, несмотря на молодость, опытного наёмника.

Взять хотя бы такой эпизод. В Турции за убийство Ипекчи Агдже был вынесен смертный приговор, но… заочно. Не дожидаясь суда, преступник дерзко бежал из тюрьмы строжайшего режима, переодевшись (в камере!) в военную форму. Бежал, успев предварительно с вопиющей наглостью заявить прокурору: «Ваш приговор меня не коснётся». И действительно не коснулся! Ещё более наглая выходка - направленное вскоре после побега письмо в редакцию той самой газеты «Миллиет», редактора которой он убил. И в этом письме - прямая угроза расправиться с папой римским!

Ведущие психиатры мира, многократно обследовавшие Агджу очно и заочно, сошлись во мнении, что он эгоцентрик и позёр, лишённый каких бы то ни было моральных устоев, мечтающий о славе - нет, не Герострата, вряд ли он о таком слышал, а скорее супермена голливудского образца. Да и не обязательно быть светилом медицины, чтобы заметить самолюбование и рисовку, доходящие до чудовищных, маниакальных размеров. За годы после выстрелов на площади Святого Петра с обликом и манерой поведения «серого волка» познакомились все телезрители планеты, и порою казалось: а не с него ли «слеплен» нынешний киносупермен Рэмбо?

Но фанатик ли Агджа? Одиночка ли? Безусловно, нет. Его лишь подобрали на роль, и подобрали удачно. А если так, кто режиссёры-нанимательи? Кто выдвинул идею и разработал сценарий заговора против главы католической церкви? И применительно к Агдже - кто направил его

не в Анкару или Измир, не в Каир, Иерусалим или Мекку, а именно в Рим?

В любом из перечисленных городов для «фанатика-мусульманина» и к тому же «серого волка» нашлись бы цели более заманчивые и более, так сказать, естественные. Особенно в Мекке, где группа экстремистов осквернила величайшую мусульманскую святыню - мечеть Аль-Харам. Ссылка Агджи в письме в газету «Миллиет» на то, что папа ненавистен ему как «предводитель крестовых походов», носила явно вымученный, подсказанный характер. Агджа писал под диктовку. Под чью?

Обратимся к конкретным политическим обстоятельствам 1981 года. Новая американская администрация, едва успев прийти к власти, взяла курс на свёртывание разрядки, усиление международной напряжённости, гонку вооружений. В Европе готовилось размещение ядерных ракет. Соревнуясь в антисоветской риторике, неоконсервативные лидеры по обе стороны океана клеймили «империю зла», требовали «крестового похода против коммунизма». А папа римский - миротворец, убеждённый пацифист, активно выступающий за разрядку и против ракет, и позиция папы определяющим образом влияла на позиции сотен миллионов католиков в Европе и во всём мире.

К тому же папа Иоанн Павел II - ещё и поляк, бывший архиепископ Краковский. Вспомните, какие грозные испытания переживала в ту пору Польша. Раскольническая деятельность «Солидарности» и продажных «свободолюбцев» из КОС/КОР поставила страну на грань гражданской войны. Пророки разных национальностей и калибров наперебой называли сроки «всеобщего восстания» и «падения социализма». А папа и тут выступил с позиций разума, в интересах соотечественников, рекомендовав польской католической церкви стать посредником между «свободным профсоюзом» и властями и решительно исключить конфронтацию.

Не стоит упрощать. Он бывал непоследователен и нерешителен, а в своём отношении к социализму, да и к ряду региональных проблем не сумел выйти за рамки плоских, навязанных буржуазной пропагандой стандартов. Но в главном вопросе современности, вопросе о войне и мире, нынешний папа заявил себя политиком здравомыслящим и дальновидным. Проповедь, какую довелось выслушать на публичной аудиенции автору этих строк, была не исключительной, а типичной в целой серии ей подобных.

Спрашивается: кому миротворческие суждения и акции Иоанна Павла II могли прийтись не по вкусу? Уж никак не поклонникам ислама, которым так называемый «польский вопрос» был попросту безразличен. Да и «серых волков» чисто европейские и мировые дела волновали лишь постольку-поскольку, в той мере, в какой они затрагивали их «международный бизнес», связанный прежде всего с наркотиками. Не вышли бы «серые волки» на площадь Святого Петра с пистолетом за пазухой, если бы не попали в зависимость и не получили заказ от куда более могучих хозяев.

Разветвлённый заговор против папы римского зародился в местечке Лэнгли в штате Вирджиния, где расположена штаб-квартира Центрального разведывательного управления США. Замысел был двойной: пресечь «антиамериканские» и, в частности, антиракетные проповеди с амвонов европейских церквей. Заодно поставить на колени строптивых американских епископов, посмевших не без влияния Иоанна Павла II осудить ядерную программу администрации Рейгана. А с другой стороны, убийство папы-поляка могло бы (такое предположение высказал, например, бывший турецкий министр юстиции Касан Гюниш) спровоцировать мятеж в Польше и отсечь её от Варшавского пакта.

Трудно понять, на что надеялся Агджа, ввязавшись в эту кровавую международную авантюру. Если бы выстрел оказался смертельным и ему, как было обещано, удалось скрыться, жить ему оставалось бы не больше нескольких часов: пуля в затылок, или нож, или петля - и концы в воду. Но вмешалось, по убеждению верующих, божественное провидение в лице монахини, гнев послал ей недюжинные силы, - и папа остался жив. Хирургическая операция, продолжавшаяся 5 часов 20 минут, прошла успешно, и он начал поправляться. Агджа, живёхонький, угодил в тюрьму. В сценарий надо было срочно вносить коррективы. Какие?

Первый вариант, но, как бывает подчас, вскрывшийся позже других, заключался в том, чтобы представить преступника «ливийским агентом». Уже тогда, как видим, независимая политика Ливийской Джамахирии раздражала деятелей из Лэнгли, как бельмо на глазу. Однако, по всей вероятности, посчитали, что общественное мнение к такому варианту не подготовлено, что Ливию затруднительно связать с проблемами, составлявшими злобу дня. Потом кого-то осенило: Агджа турок? Турок. Турция рядом с Болгарией? Рядом. А Болгария - член социалистического содружества, участник Варшавского Договора. И Агджа, по причинам чисто географическим, бывал в Болгарии хотя бы проездом... Так возник пресловутый «болгарский след».

Возник он много раньше, чем был официально принят итальянским следствием, и даже раньше, чем Агджа впервые предстал перед судом. Наёмник ещё держался позы фанатика-одиночки (точно так же, заметим, он вёл себя на следствии после убийства Ипекчи), а американец Майкл Ледин уже опубликовал - в конце мая! - статью в миланской газете «Джорнале нуово», где утверждал, что «за покушением на папу стоят восточноевропейские службы». В сентябре - октябре версию подхватили и «дополнили» английская телекомпания «Темз телевижн», турецкая газета «Терджюман», американская «Уоллстрит джорнел». И наконец, в бой вступила тяжёлая артиллерия - могущественная издательская корпорация «Ридерс дайджест».

Однако самая ожесточённая артподготовка, любые массированные инсинуации в прессе Старого и Нового Света мало что дали бы, если бы их не подкрепил своими показаниями сам Агджа. А тот сидел в одиночной камере тюрьмы Асколи-Пичено. И 29 декабря ворота тюрьмы и двери камеры распахнулись перед полномочными представителями итальянских

спецслужб, давно и тесно связанных с ЦРУ, - майором Петручелли из СИСМИ и экспертом Бонагурой из СИСДЕ. (Вполне возможно, что были и более ранние визиты, но это первый, зафиксированный в печати.) Агджа получил новогодний подарок - обещание скостить срок наказания до десяти лет в обмен на готовность «сотрудничать». В январе - феврале 1982 года обещание подтвердил ещё более высокий чин, генерал Пьетро Музумечи. Он же передал Агдже для ознакомления и на подпись черновик будущих «разоблачений».

Натаскивание «серого волка» на новый «след» продолжалось до весны. Наконец тренеры решили, что час пробил, и начиная с мая 1982 года Агджа внезапно «обрёл память». На допросе у следователя Иларио Мартеллы он назвал имена собратьев по волчьей стае, а главное - их «тайного руководителя из коммунистической Болгарии» по фамилии Мустафаев.

Мифическая эта фигура, правда, прожила недолго: не составило труда доказать, что Мустафаева никогда не существовало. Но ложный «болгарский след» не исчез, вернее, ему не дали исчезнуть. Как это делалось? Да всё так же: убийцу навещали в тюрьме сотрудники спецслужб, а на следующий день или через день его память «светлела», и он выкладывал следователю то, о чём прежде «забыл». Так на смену вымышленному Мустафаеву пришли реальные люди - Сергей Антонов, служащий римского отделения авиакомпании «Балкан», и его соотечественники Василев и Айвазов.

Антонова арестовали 25 ноября 1982 года, когда он, ничего не подозревая, собирался из дому на работу. Да будь он причастен к чему бы то ни было, разве ожидал бы он ареста в Риме более полутора лет после выстрелов на площади Святого Петра? Будь они, Агджа и Антонов, хотя бы знакомы, разве сделал бы турок столько ошибок, описывая внешность Антонова, его семью, квартиру, привычки?

За время следствия, растянувшегося в общей сложности на четыре года, Агджу изобличали во лжи свыше ста раз! Изобличали, подчёркиваем, только тогда, когда даже Мартелла при всей своей необъективности не мог пройти мимо вопиющих несообразностей в показаниях обвиняемого. Но самого-то Агджу изобличения нимало не смущали. С одной стороны, в силу собственного позёрства и воображаемого суперменства он непрестанно привносил в надиктованные подсказчиками «разоблачения», и без того зыбкие, личную лепту, множил вздор и делал его тем самым более выпуклым и самоочевидным. А с другой - вся эта дикая свистопляска, наворот инсинуаций, поклепов и даже опровержений «заказчиков» из ЦРУ вполне устраивали! Устраивали, поскольку позволяли раздувать сенсацию, внедрить, втиснуть, вколотить «болгарский след» в сознание каждого мало-мальски читающего газеты обывателя.

Воистину у посла США в Риме Максуэлла Рэбба были достаточные основания заверить госдепартамент телеграммой от 28 августа 1982 года: «Организация в Италии кампании по привлечению внимания

общественности к участию Болгарии в покушении на папу Иоанна Павла II является возможной и обещающей. Большинство католиков на естественный вопрос, кому была бы наиболее выгодна смерть папы, ответят - странам Восточного блока...» Текст телеграммы был опубликован в журнале «Пачe э гуэрра» 21 июля 1983 года.

Обратите внимание на дату публикации. К этому времени, к середине 1983 года, по всему миру уже развернулась не только кампания лжи и клеветы на социализм, но и контркампания за освобождение ни в чём не повинного болгарского гражданина (Василев и Айвазов обвинялись заочно). Прогрессивные юристы и журналисты разных стран независимо друг от друга пришли к выводу, что обвинения в адрес Болгарии, основанные всецело на запоздалых, путанных и голословных «признаниях» наёмного убийцы, совершенно неосновательны. И в процессе этих независимых расследований, вопреки Мартелле и «большой прессе» Запада, стали выявляться факты вроде посольской телеграммы - факты, неопровержимо свидетельствующие о том, кто стоял за спиной Агджи в мае 81-го и два года спустя.

Не осталась в стороне от расследования подлинных обстоятельств покушения на Иоанна Павла II и «Литературная газета». Специальный корреспондент редакции Иона Андронов побывал в Болгарии, Турции, ФРГ, а затем и в Риме. В июне - июле 1983 года газета поместила три его больших доказательных репортажа «По волчьему следу» (четвёртый репортаж серии, напечатанный 14 сентября, мне довелось читать перед отъездом в Италию в оригинале).

Опросом десятков свидетелей, скрупулёзным сличением их показаний, сопоставлением документов и высказываний в печати, которые были бы вполне доступны и официальному итальянскому следствию, прояви оно к ним малейший интерес, И. Андронов установил, что:

1) Бекир Челенк, турецкий коммерсант, якобы посуливший Агдже за убийство папы миллион долларов с лишним и выплативший соответствующий аванс, не имеет к делу ровно никакого отношения. Челенк был задержан болгарскими властями, о чём они сразу же уведомили следователя Мартеллу, но тот попросту не пожелал допросить важнейшего, по любым меркам, свидетеля. (Впоследствии, после многократных напоминаний, Мартелла всё же побывал в Софии и снял допрос, но на выводы следствия это не повлияло. Челенк, вернувшийся в Турцию, был немедленно арестован и вскоре умер «от разрыва сердца».)

2) Убийство редактора газеты «Миллиет» Абди Ипекчи произошло вслед за его свиданием с американцем Полом Хенци, который в 70-х годах руководил всей резидентурой ЦРУ в Турции, а затем стал, согласно американским справочникам, «уполномоченным ЦРУ в аппарате Совета национальной безопасности при президенте США». Именно Хенци, в бытность свою верховным резидентом, стал прикармливать «серых волков». (Возможно, что волчий атаман Альпарслан Тюркеш состоял в крепкой связи с ЦРУ и ранее. Что касается Хенци, шпиона в генеральском

ранге, то он впоследствии стал «публицистом», одним из завзятых специалистов по «болгарскому следу». Мы ещё встретимся с ним на этих страницах.)

3) Приказ нажать на спусковой крючок Агджа получил из европейского штаба «серых волков» во Франкфурте-на-Майне. Деньги и инструкции наёмнику передавал номинальный главарь штаба Муса Сердар Челеби, действовавший по указке фактического фюрера организации Энвера Алтайли. А тот, в свою очередь, подчинялся Рузи Назеру, по визитной карточке сотруднику посольства США в Бонне, а в прошлом дезертиру Умурзарову, перебежавшему к фашистам во время войны, карателю-гестаповцу, выслужившемуся до обер-лейтенанта СС, и - новый виток карьеры - офицеру ЦРУ, засланному в Турцию и служившему под командой Пола Хенци. Замысловатая, но по-своему логичная биография! Свояк свояка видит издалека... (Челеби сел на скамью подсудимых, но, наряду с действительно невиновными, был оправдан «за недостатком улик». Алтайли, Назер и тем паче Хенци к ответственности не привлекались.)

4) Иларио Мартелла, которому итальянская Фемида поручила проверку клеветнических измышлений Агджи, на деле оказался заинтересован в чём угодно, кроме установления истины. Недаром в самом начале повторного следствия он ездил в Америку «для консультаций». Нехотя приняв корреспондента «ЛГ», он потребовал изложить то, о чём рассказано выше, письменно- и получил всё, что просил. А дальше не ударил палец о палец. Почти никто из персонально поименованных убийц и их покровителей даже не был допрошен.

Известный итальянский юрист профессор Джузеппе Консоло, взявшийся защищать С. Антонова (притом отнюдь не по идейным соображениям - по убеждениям Консоло консерватор), был не в силах пресечь произвол следствия. Ведь по законам страны заподозренных в пособничестве терроризму можно держать в тюрьме без суда два года, а потом и продлить этот срок, коль возникнет нужда. С одной стороны, итальянцев можно понять: чудовищные в своей наглой жестокости похищение и убийство Альдо Моро (1978 год), взрыв на вокзале в Болонье - 85 убитых, около 200 раненых (1980 год), множество преступлений чуть помельче - всё это по праву настраивало законодателей и простых граждан на решительный лад. А с другой стороны, самих террористов принятые по их адресу «драконовские» меры вроде бы ничуть не беспокоили. По данным, приведённым в заключительном репортаже «По волчьему следу», за десятилетие в Италии были похищены более 400 человек. В том числе за 1982 год-50, за первую половину 1983 года - ещё 21. И каждый одиннадцатый из похищенных был убит.

Теперь мало-помалу тайное становится явным. Вскрываются и причины, отчего так вольготно жилось террористам на прекрасной итальянской земле. Сплошь и рядом за самыми сенсационными и кровавыми террористическими актами, направленными против Италии, стояли итальянские же спецслужбы. Независимо от того, кто выступал

исполнителем - сицилийская мафия, неаполитанская каморра или калабрийская ндрангетта, «красные», «чёрные» или «серые» экстремисты, обеспечением и прикрытием варварских преступлений занимались СИСМИ и СИСДЕ. Потому что почти все эти преступления носили политический характер и многие отвечали «глобальным замыслам» ЦРУ.

Неудивительно, что, отвечая на вопрос, чем же всё это кончится, профессор Консоло, знаток права и поборник справедливости, однажды ответил с нескрываемой горечью:

«Всё возможно. В Италии всё может быть».

Вновь Венеция. И не знаю, что ещё

Кто прошёл над окном?

Разбудил меня проводник с чашкой чудесного итальянского кофе. Поезд пришёл в Венецию, как ему и было положено по расписанию, в восемь часов утра 8 сентября.

И вот опять вокзал Санта-Лючия, опять суета Большого Канала, опять вкрадчивые, со всех сторон, предложения всяких чичероне, гостиничных агентов и бог весть кого ещё. Голуби, тенты кафе и тратторий, живописно облупившиеся фасады - на этот раз показалось, что их не красят нарочно, не по нехватке средств, а «для колорита». И неистребимый, ни на что другое в мире не похожий венецианский запах. «...Живуч дух, обитавший эти камни», - написал в прошлом веке Герцен. Он вкладывал в эти слова несколько иной смысл - но ведь и «дух» был лет на сто двадцать моложе. Герцену же принадлежит определение: «Великолепнее нелепости, как Венеция, нет».

Рывок на Лидо - именно рывок, потому что добирались не на «вапоретто», а катером. Катер, водное такси, в Венеции - роскошь подороже гондолы. Но за главой делегации прислали катер, а я присоседился. Водитель был рыжий - редкость среди итальянцев. А может, он и не итальянец был вовсе, он же всё время молчал. Никаких серенад, только рёв мотора да буруны за кормой. По кратчайшему пути, оставляя Риальто в стороне, срезая дугу Большого Канала, - прямо в район палаццо Грасси и Академии. Примечательная черта этого «прямого», быть может, самого оживлённого канала современной Венеции - светофоры на перекрёстках. Мы не притормаживали, нам давали зелёный.

Высаживаюсь на пристани Санта-Мария-Элизабетта, появляюсь у себя в «Бьязутти» и вдруг слышу:

- А мы вас, извините, переселили в другую комнату. Она, к сожалению, несколько хуже прежней, но вам ведь осталось совсем недолго. Надеемся, что вы не будете очень разочарованы...

Надо пояснить, что отель «Бьязутти» расположен в четырёх зданиях.

«Моё» здание, под претенциозным названием «Вилла Ада», находилось на противоположной стороне улицы, метрах в пятидесяти от основного входа. Права выбора у меня не было: дарёному коню в зубы не смотрят, отель шёл за счёт фестиваля. В общем, взял я ключ с биркой №57 и зашагал вслед за портье на «виллу». И что же? Вилла-то прежняя, но комната в подвале, удобства в коридоре, пол каменный и одно крошечное зарешечённое окошко под потолком: не комната, а камера тюремная.

Признаться, очень хотелось есть - на одной чашечке кофе долго не продержишься. И я, не распаковывая чемодан и не сдавая ключей, отправился в ближайший магазинчик. Накупил снеди, вернулся. И только-только приготовился перекусить, как слышу над моим зарешечённым окошечком разговор по-русски. А я ещё воображал, что с отъездом из Рима скверный детектив окончен! Ничего подобного. Ведь отлично же знаю, что ни одного русского поблизости нет, что всех нас распихали по разным отелям и никто из советских журналистов или актёров на моей «вилле» не живёт. А тут двое говорящих на вполне приличном русском языке, и один из голосов… Неужто снова «Алексей Ильич»?..

Он возник подле нас, советских журналистов, буквально на следующее утро после нашего приезда в Венецию. Остановился «Алексей Ильич» в отеле «Кристалло», там же, где мой коллега и попутчик от Милана. И сразу, как сменился портье и следующий по смене не знал английского - а я по-итальянски умею поздороваться, попрощаться, сказать «пожалуйста» да «спасибо», не больше, - тут же подскочил этот тип и предложил свои услуги в качестве переводчика. Представился по имени-отчеству: русский по происхождению, кинорежиссёр, живу в Париже. Про Париж, вероятно, не соврал, грассирующее «р» без подделки. А имя-отчество вынужденно ставлю в кавычки, поскольку уверен, что они липовые.

«Алексей Ильич» даже не был чересчур назойливым, просто то и дело попадался на дороге. Улыбался, прикасаясь к козырьку фуражки - фуражка у него была приметная, многоугольная, с эдакой залихватской кокардой, - и выступал с каким-нибудь предложением. Предложения были самыми банальными и не запоминались: зайдём поужинать, как насчёт развлечений и т. п. Мы отмахивались - он опять улыбался и отходил.

По его утверждению, он приехал на фестиваль как гость. И только позже, много позже я сообразил, что встречали мы его где угодно - в отелях, тратториях, просто на улицах, но ни разу в просмотровых залах. И что никакой фестивальной карточки - ни «адзурры», ни какого-либо другого цвета - у «Алексея Ильича» не было. Задним-то умом, как говорится, все мы крепки, и приходится признать: не случись разговора над окном, я мог бы и вовсе не догадаться, что парижанин - тоже персонаж завязывающегося детектива. Уже не дурного, а страшного детектива. И мог бы не уделить ему в своём повествовании ни строки.

А разговор был такой:

- Куда ж он к чёрту ключи-то девал? - это не «Алексей Ильич», голос

более басовитый, срывающийся на хрип.

- Ну не знаю, с собой забрал, должно быть, - а вот это уже он, парижанин. И словно оправдывается перед тем, хрипатым.

- Ладно, - снова бас, с примирительным оттенком, - доложим Всеволоду…

И всё. Голоса удалились, лишь шаги по гравию были слышны ещё секунд пять. Кто проходил под кличкой «Всеволод», могу гадать без надежды на успех до конца дней своих.

Да, вот тут мне стало не по себе. Не то чтобы струхнул, но очень мне этот разговорчик не понравился. Тут бы я и рад был что-то предпринять, но что? Броситься вдогонку, посмотреть, кто это был? Не успел бы. Поставить кого-то в известность, но кого? До посольства в Риме - шестьсот километров с лишним, до консульства в Милане - почти четыреста. А в Венеции, как уже было сказано, ни одного советского учреждения. Глава делегации только что приехал, у него своих хлопот полон рот…

И за неимением другого выхода я постарался выкинуть странный инцидент из головы. Встретился с коллегами, заглянул в пресс-центр, забрал пачку информационных материалов о фестивале, накопившихся за два дня отсутствия в моём журналистском боксе, и вновь отправился на просмотры.

Кажется, именно в этот день я попал на мрачный американский фильм «Стримерс» (на жаргоне воздушных десантников так называют тех, у кого не раскрылся парашют, короче, обречённых на гибель). Фильм снят известным режиссёром Робертом Олтменом, снят с отчётливых антимилитаристских позиций. Побывал я и на пресс-конференции, состоявшейся после просмотра. Она была заочной, беседовали по телефону, но вопросы и ответы транслировались на весь зал. За тысячи километров донеслось чуть приглушённое расстоянием, но недвусмысленное заявление режиссёра: «Это мой ответ на политическую ситуацию в мире».

По жанру фильм камерный, всё снято в одной декорации, внутри казармы, где новобранцы ожидают отправки во Вьетнам под началом двух хронически пьяных ветеранов-сержантов. Концовка трагическая: один из новобранцев, не в силах больше сдерживать накопившуюся в душе ненависть и нетерпимость ко всему окружающему, устраивает в казарме резню. Если бы только хороший замысел не был испорчен совершенно непристойным языком! Наверное, в казармах так оно и есть, однако идею, прекрасную в принципе, это изрядно подпортило. Режиссёр, а может, и сценарист с типизацией явно переборщили.

А вечером показывали бергмановский «Фанни и Александр». Фильм был только-только закончен, шёл едва ли не в первый раз. Уверен, что профессиональные киноведы пролили над ним океаны слёз восторга: какой психологизм, какое мастерство съёмок и т. д., и т. п. И спорить с ними как-то не с руки, да и что знаменитому Ингмару Бергману моя

похвала или, напротив, особое мнение? Но мне картина показалась прежде всего непомерно затянутой. В том, показанном в Венеции, варианте она была пятисерийной и продлилась, с перерывом, до глубокой ночи. Ловлю себя на мысли: а что было бы, если бы я не выдержал и ушёл, допустим, после первых двух-трёх серий? Может, вся цепь событий разорвалась бы, да и моё отношение к фильму сложилось бы иным - а, с другой стороны, как оно могло бы после «полупросмотра» сложиться вообще?

В ночь на 9 сентября

Ночь выдалась тёплая, возвращались не торопясь. Направо отсвечивала Адриатика, налево слепыми белёсыми пятнами угадывались спящие виллы. Над головами чуть шелестела листва. Болтали о всякой всячине - и о том, в частности, у кого какие «заказы» из дому и что пора назавтра сплавать в город за сувенирами. Проходя мимо главного здания «Бьязутти», я забрал ключи от своего подвала, потом проводил коллегу до угла, до «Виллы Отелло». Договорились встретиться на том же углу в три часа дня. И через минуту я очутился у дверей своей «Виллы Ада».

Ночные порядки там были такие. Отдельного портье на вилле нет. Подходишь к запертой двери, нажимаешь кнопку звонка - в главном здании раздаётся зуммер. Через зеркала ли, по телевизору ли проверяют, кто ты есть, и замок отпирается. Одновременно в холле загорается свет. На этот раз всё было, как всегда: я нажал кнопку, раздался зуммер, дверь открылась. А свет не зажёгся. Только под лестницей, ведущей ко мне в подвал, брезжило что-то. Ну там недалеко, и путь уже знакомый - я шагнул в темноту, дверь за мной захлопнулась, я сделал ещё шаг по ковру, и…

И это был мой последний самостоятельный шаг. Из темноты меня шарахнули чем-то, показалось, не очень жёстким, но увесистым, по затылку.

Очнулся я в своём подвальном номере на кровати полураздетый. Светает. Померещилось, что раннее утро, но, возможно, утро было не такое и раннее, просто свет в подвал проникал с трудом. А может, и в глазах, что называется, темно было.

А у моей постели кто-то сидит. Уверенно так сидит, вальяжно. Попивает что-то из моей привезённой из дому кружки. Запомнились первые его слова:

- Доброе утро, Олег Георгиевич. Вероятно, при данных обстоятельствах приветствие покажется вам лицемерным, но надо же как-то начать разговор. Понимаем, что обошлись с вами несколько резко, но нам очень хотелось с вами побеседовать, а другой случай сделать это наедине мог бы и не представиться…

Помню и свой первый вопрос:

- Кому это - нам?

Но тут же осознал, что говорить и просто думать очень трудно. На голову словно железный обруч надет, от подушки не оторвёшь. Малейшее усилие - и сразу холодный пот.

Он, по-видимому, ухмыльнулся:

- Нам - это, как у вас в Союзе говорят, заинтересованным организациям.

Помолчал и добавил:

- Ну мы же с вами профессионалы, Олег Георгиевич. Чего мы будем друг другу голову морочить?...

Так я впервые услышал это хорошее слово «профессионалы» в новом для себя смысле. Потом, в разных странах, я слышал его ещё много-много раз: сотрудники западных спецслужб иначе себя не называют. По английскому телевидению долго шёл сериал, посвящённый одному из крупных подразделений «Сикрет интеллидженс сервис» - МИ-5 [1]. Защищая жизнь и собственность подданных её величества, а равно высшие интересы короны, киноконтрразведчики из МИ-5 эффектно палили по движущимся целям, прыгали с поездов и с крыш, совершали десятки каскадных трюков, преследуя злоумышленников и заговорщиков неизменно отталкивающей наружности. И неизменно выяснялось под конец, а то и в середине серии, что заговоры и злоумышления имеют розовый, если не ярко-красный, оттенок. Разумеется, красные и розовые козни в первых двух третях серии почти удавались, зато в последней трети обезвреживались. И всё это объединялось добропорядочным названием: «Профессионалы».

Но тогда, на рассвете 9 сентября, осведомлённостью по этой части я похвалиться не мог. И даже спросил:

- А вы что, тоже журналист?

- Не валяйте дурака! - разозлился он. - Вы такой же журналист, как я режиссёр!

- Никакого дурака я не валяю. Вы меня ударили, мне плохо.

- Примите извинения. Первое, что мы сделаем, - покажем вас врачу...

Диалог я постарался воспроизвести по возможности точно, хотя, наверное, он не был таким компактным, было в нём что-нибудь и ещё. Однако характерен тут не сам диалог, а моя реакция, вернее, её отсутствие. Я же никогда не был ни рохлей, ни заячьей душой. И вдруг принялся беседовать с заведомым мерзавцем, как с давним знакомым. Отчего бы?

---

[1]Сразу - поскольку с секретными службами её величества мы будем встречаться на протяжении всей книги - поясню, что словосочетание «Сикрет интеллидженс сервис» родилось когда-то применительно к разведке и только к разведке. В дальнейшем, со времён войны, в разговорный язык и в прессу проникли обозначения МИ-5 (контрразведка) и МИ-6 (разведка), а выражения «Интеллидженс сервис» либо «Сикрет сервис» стали применяться как собирательные для британских спецслужб в целом. (Здесь и далее примечания автора.)

Нет, сначала - кто он? То ли полумрак в комнате был виноват, то ли брошенное им словечко «режиссёр», то ли сходно тягучий, грассирующий выговор, только я довольно долго, да что там, очень долго отождествлял своего утреннего собеседника с «Алексеем Ильичом». Кажется, я даже разочек назвал его по имени-отчеству, а он не возражал. Только по возвращении на Родину, сопоставляя и анализируя, я пришёл наконец к выводу, что отождествление было ложным - это был другой человек. Возможно, тот, чей разговор с «Алексеем» я подслушал у себя над окном. В самом деле, сколько же может найтись в Венеции в одно и то же время русскоговорящих и грассирующих? У этого, утреннего, и волос на голове было вроде бы побольше, чем у «Алексея», - фуражечка-то «переводчику» служила более всего, чтобы лысину прикрыть. И нос у этого как бы смотрел чуть набок, чего за «Алексеем» не замечалось: то ли боксом прежде занимался, то ли неудачно сросшийся перелом. Но была ли у него в голосе характерная хриповатость, так явственно прозвучавшая над окном? Не знаю. Не помню.

В том-то и горе, что описывать состояния, вызванные современными средствами воздействия на психику, чудовищно сложно. Потому что всё фрагментарно, зыбко, всплывают частности, детали, а целого нет, и детали подчас неясно к чему относятся. Или, наоборот, сохранился внешний контур эпизода, общее от него впечатление, а внутри - пустота, мутная клякса, словно контур вырезан из чёрной или, пожалуй, серой бумаги. Как при этом прикажете отделить явь от бреда, действительность от галлюцинаций? Какие найти слова? И главное - как сделать их, слова эти, по-настоящему понятными для читателя, который, к великому его счастью, ни с чем подобным никогда не сталкивался и не столкнётся?

И всё же я пытался сделать это в газете и попытаюсь вновь: если не я, то кто же? Хотя займусь я этим чуть позже, когда логика развития событий, накопившийся мучительный опыт дадут мне возможность всмотреться и вслушаться в себя и в чём-то, пусть приблизительно, разобраться. А тогда… Тогда не было ни сил, ни желания разбираться в чём бы то ни было, и даже вопросы мои в диалоге были какими-то инертными, что ли. А потом и они выдохлись, погасли, осталась лишь мысль, что мне пообещали врача.

Осколки памяти

Теперь-то мне понятно, что, после того как меня стукнули, меня ещё и укололи. Через несколько дней я заметил, что рука у локтя совершенно синяя. Но то через несколько дней…

- Попробуйте встать, - сказал он. - Нам пора. Давайте я вам помогу.

И я безропотно позволил помочь себе встать. Пиджак он мне подал, под локоть поддерживал. Открыл и закрыл дверь. Куда дел ключ от номера, понятия не имею.

Тут же, во дворе «Виллы Ада», стояла машина, как будто «БМВ». За рулём сидело нечто безмолвное, чёрное, необорачивающееся - готов пари

держать, что оно-то меня и било. И это безмолвное великолепно знало, куда ехать, - да, я ведь не упоминал раньше, что на Лидо, в отличие от исторической Венеции, есть проезжие улицы и даже автобусы. Машина мягко рванула с места, и ехать оказалось недалеко, чуть больше квартала.

Катер ждал у какого-то частного причала. А на катере - тот самый рыжий, что накануне встречал нас на вокзале и с шиком, хоть и без серенад, доставил к местам фестивальным. Он и на сей раз молчал - маршрут, очевидно, был согласован заранее. Чёрный, впрочем, тоже прыгнул на борт, оставив свою «БМВ».

А моя апатия с каждой минутой становилась всё глубже, к тому же на воде меня начало трясти, бросать то в жар, то в холод. С трудом вспоминаю даже, куда мы попали, - куда-то в район Академии, во всяком случае, вошли мы в Венецию по Большому Каналу. Пришвартовались опять-таки у причала без вывески, довольно осклизлого, поднялись по широкой, по-моему, мраморной лестнице. И вошли в какой-то, показалось, весьма просторный кабинет.

В кабинете в уголочке стоял обширный письменный стол тёмного дерева, а на столе - табличка по-английски: «Капитан Фостер». Были ещё какие-то инициалы, но инициалов не помню. Сам Фостер, если, конечно, это был он, - типичный англо-американский джентльмен с трубкой, весь вежливый. В данных обстоятельствах его формальная вежливость выглядела, наверное, искусственно, если не карикатурно, но в том состоянии, в каком я находился, с уверенностью судить о таких вещах я не взялся бы. И теперь не возьмусь.

Из вопросов, которые он мне ставил, помню два: «Зачем вы ездили в Рим?» и «В каком вы чине?» Разговор шёл, вероятно, по-английски, хотя тут же маячил и переводчик: может статься, частично по-русски, частично по-английски. Когда я принялся что-то толковать про «Литгазету», Фостер уточнил, что спрашивает про мой военный ранг. И, кажется, я вообще отказался вести какие бы то ни было разговоры, пока не встречусь с врачом.

Ну что ж, врача мне обеспечили. Точнее, не врача, а врачей. Кто-то из них, должно быть, действительно лечил меня, а кто-то лишь делал вид, что лечит, - на деле углублял бесчувствие, разглаживал память, гасил волю, и уже не на самодеятельном, а на вполне профессиональном, «научном» уровне. Немудрено, что мне почти невозможно расположить места, лица и события в связной последовательности. Был опять катер с тем же рыжим водителем. Были машины, много машин, разных. Но первая привезла меня, по-моему, на виллу в горах.

Пейзаж за окном был очень красивый - вероятно, Итальянские Альпы. Иззубренная горная цепь, замыкающая горизонт, и ближе ко мне - тоже горы, только контурами помягче, а внизу озеро. Вижу пейзаж совершенно чётко, но… как зимний пейзаж! Озеро, правда, в тени, горы прячут его от солнца, но мне кажется, что оно затянуто льдом. И на ближнем, на моём

склоне, вплоть до самой виллы - снег, из которого торчат островерхие ели, аккуратные, как кипарисы. А может, всё-таки кипарисы, а не ели? Но вокруг них - снег. Понимаю, что это бред, что в Италии и вообще в Европе такого в сентябре просто не может быть. Но снег так невыносимо блестит, что больно глазам. И кажется, именно поэтому, из-за боли в глазах, я и отхожу от окна.

На вилле я, по-моему, в последний раз видел того, кто сидел у моей кровати в отеле «Бьязутти». Однако прежде всего там был врач, итальянец по имени Джузеппе, и с ним медсестра, она же по совместительству и переводчица. Вообще на вилле, кажется, английской речи не было, а была лишь русская и итальянская. Меня опять пытались о чём-то спрашивать, но я был настолько отключён и бессвязен, что перестали.

Потом снова машина, самолёт, ещё комната-палата - эта вовсе не знаю где, потому что окна были затемнены. Ещё машина, в которой мы ехали много часов по автострадам, - всё это, по-видимому, в той же Италии. И наконец ещё один самолёт, где я вдруг резко, хотя всего на две-три минуты, пришёл в себя. Наверное, вот так резко очнуться от забытья, очнуться как бы на изолированном островке памяти можно, только если по-настоящему тяжко болен.

Что это была за болезнь? Записан ли где-нибудь диагноз, а если да, то точный ли? По ощущениям, что-то вроде сепсиса, общего заражения крови, по крайней мере, так я себе представляю общее заражение крови. А может, организм дал остротемпературную реакцию на специфический наркотик? Кто-то где-то наверняка знал и знает больше моего, но те, кто знает, молчат, отрицая всё напропалую…

А картинка на этом изолированном островке памяти такая. Я сижу в самолётном кресле, опять в холодном поту. На спинке кресла передо мной - зелёненькая надпись: «Алиталия». Предвечернее солнце. Самолёт валится на крыло, заходит на посадку. Земля уже близкая, крупномасштабная, явно пригородная: курчавые пятна рощ, лоскутки лугов, проплешины пустошей перемежаются кубиками строений и карандашами фабричных труб, и всё это перевито дорогами. Дорог много, и на дорогах полно разноцветных коробочек-машин. Какое-то время мы идём почти параллельно большой автостраде с раздельными полосами движения. И что-то не так, поразительным образом не так! И я внезапно понимаю, что: я вижу землю в иллюминаторе, как в зеркале, - машины движутся не по той стороне…

- Welcome to Britain! Добро пожаловать в Британию!..

Это слышится, нет, взрывается над ухом справа. Спутника моего, занимающего кресло ближе к проходу, зовут Филип, и он несомненно англичанин. Это я каким-то образом помню, а лица его, даже отдалённо, представить себе не могу. Сидим довольно странно: самолёт почти не загружен, а мы в самом последнем ряду, и от нас до других пассажиров рядов десять совершенно свободных. Я поворачиваюсь от окна к

спутнику, хочу что-то ответить - и это, к сожалению, конец. Посадки словно вовсе не было - память выключилась опять.

Перечитывая и переписывая текст, опубликованный прежде в газете, я едва сдержал побуждение вычеркнуть весь этот эпизод. Полноте, может ли это быть: с воздуха, на считанные мгновения придя в себя, я так вот сразу взял и определил, что движение на дорогах левостороннее? Не ложное ли это воспоминание, вроде снега вокруг альпийской виллы? Однако я водил машину без малого тридцать лет, с первых тесненьких «Москвичей», а за годы работы разъездным корреспондентом взлетал и садился раз шестьсот-семьсот, если не тысячу. Всё это, разумеется, в условиях движения привычного, правостороннего. Так что пусть эпизод остаётся: он и в самом деле мог иметь место. А «Welcome to Britain!» и по сию пору скрежещет над ухом как символ традиционно британского и сто крат умноженного спецслужбами лицемерия.

Филипа без лица, произнёсшего это самое «Добро пожаловать», я, пожалуй, больше никогда не видел, разве что он являлся ко мне под иным именем. Что не исключено, однако маловероятно: в нереальном мире, где мне пришлось прожить столько недель и месяцев, люди возникали из ниоткуда под условными именами и, выполнив отведённую им роль, исчезали бесследно. Исчезли для меня навсегда и доктор Джузеппе, и медсестра-переводчица, и сам «Алексей Ильич». Всё остальные меня, признаться, интересуют лишь постольку-поскольку, за исключением того, кто оказался утром 9 сентября у моего изголовья. Кто он? Агент итальянской секретной службы - их три, какой именно? Или прямой посланец «Интеллидженс сервис»? Или «человек ЦРУ»? Или слуга многих господ? Есть из чего выбирать: американцы, англичане, итальянцы, да ещё белоэмигранты с парижским прононсом - целый уголовно-шпионский интернационал...

Но что я такому интернационалу? Зачем? Чего они скопом на меня навалились? Разберёмся, понемногу разберёмся во всём, только не сразу. Как не сразу, ой не сразу, разобрался в этом я сам - и в этой главе и в последующих не избежать чисто логических допущений, множества всяких «по-моему», «кажется», «вероятно».

Хотя уже здесь, не медля, следует добавить к изолированным островкам памяти (или всё-таки псевдопамяти?) два несомненных, твёрдо установленных факта.

Во-первых, двумя месяцами позже в одной из поездок по Англии я по недосмотру сопровождающего видел собственными глазами то, чего мне, вне сомнения, видеть не полагалось: паспорт, по которому меня вывезли из Италии. Британский паспорт, выданный посольством в Риме якобы взамен утерянного сроком на полгода, на имя Дэвида Лока, родившегося в Оксфорде 10 февраля 1934 года. К сожалению, не запомнил номера, да и что толку, если бы запомнил: эту липу давным-давно сожгли. Вместе с фотографией, сделанной не знаю когда, как и кем: мама и та, подозреваю, меня по такому портрету не узнала бы - слипшиеся волосы, бессмысленный взгляд и багровые пятна на скулах. Фотографию-то некий

мудрец догадался сделать цветную...

Зачем понадобилось изменять дату рождения, делать меня моложе на полтора года с лишним? Почему выбрали Оксфорд, а не что-либо другое? Убеждён, что «случайности» не случайны, что в каждую из них вкладывался смысл, кому-то понятный. К сожалению, не мне. Но ещё интереснее - кому и зачем понадобилась анаграмма? Фамилия Лок, вообще-то весьма распространённая, известна в трёх разных английских написаниях. И выбрали из трёх то, которое в комбинации с первой буквой имени дало смысловое слово. Locke + D = locked, то есть «запертый», «заключённый». Иначе как злобностью и циничной уверенностью в своей безнаказанности объяснить подобную «игру слов» я не в состоянии [2].

А во-вторых, меня всё время преследовало видение Пизанской падающей башни. Будто был где-то около, смотрел на неё вблизи - согласитесь, она знаменита настолько, что её упомнишь и в бреду. И чтобы положить конец сомнениям, я однажды, уже в Лондоне, достал проспект компании «Алиталия». Дело в том, что в Италии многие аэропорты носят личные имена: например, в Риме - Леонардо да Винчи, в Венеции - Марко Поло. А я вроде помнил, что видел где-то над крышей: «Аэропорт Галилео Галилей». И точно, проспект подтвердил, что имя Галилея присвоено аэропорту в Пизе.

Выходит, что вывозили меня из Пизы. Выходит, что именно в Пизу мы так долго добирались по автострадам. Вот только с календарём ничего у меня не выходит: дни как были, так и остаются без чисел.

Южная Англия. Дни без чисел

Чёрный иней

Запетый, но навсегда точный вопрос: с чего начинается Родина? Для меня - с блокадной зимы, когда Ленинград тонул в сугробах, сох и вымирал от голода, содрогался от артобстрелов. Когда купол Исаакия и Адмиралтейская игла, утаивая позолоту, тускло чернели на фоне серого или, увы, безоговорочно лётного, безоблачно синего неба. Когда памятники, укрытые дощатыми гробами, не разнились от брошенных посреди площадей трамваев, а для людей гробов не хватало, никто и не мечтал о гробах, разве лишь о том, чтоб быть похороненным хоть как-нибудь, хоть в одеяле. Когда в придачу к бомбёжкам, ста двадцати пяти граммам хлеба пополам с отрубями и саночкам, саночкам, саночкам, водовозным и похоронным, на город навалилась ещё и небывало суровая стужа. Когда столбик уличного термометра, градуированного во времена

[2]Цинизм похитителей оказался ещё глубже, чем представлялось. Дэвид Лок - так звали героя фильма М. Антониони «Профессия: репортёр». Я видел этот фильм задолго до Венеции, и он мне очень понравился, но разве упомнишь имена всех, с кем знакомишься на экране! Что роль репортёра играет Джек Николсон, я запомнил, а имя героя забыл. Спасибо, что в 1988 г. пригласили на повторный просмотр. По сюжету Дэвид Лок вступает в неравную схватку с тёмными силами (то ли со спецслужбами, то ли с мафией - неясно) и в конце концов погибает. Ничего себе намёк, заложенный в заговор с самого начала! И ведь анаграмма тоже остаётся в силе...

оные до минус двадцати пяти по Реомюру, как съёжился в кругленькой нижней норке, так и не высовывался неделями, не мог… В ту зиму мне было девять лет.

Мы жили на Петроградской, на Аптекарском острове, напротив Ботанического сада. Дом выстроил перед самой революцией «шоколадный король» Конради - и для себя с челядью, только его апартаменты располагались в другом крыле, и как доходный, для нанимателей средней руки. Мы въехали сюда в 1940-м, толком даже обжить квартиру не успели. Отец, архитектор, не уставал дивиться мешанине стилей, какую по «королевской» воле учинили проектировщики на наружных фасадах; действительно, пилястры и эркеры, балконы, балкончики и даже крепостные башенки чередовались там без всякого порядка и смысла. У нас, во дворе, всё выглядело попроще, почти на уровне нынешнего типового рационализма. Но возведено всё это было, и снаружи и во дворе, на совесть.

Поздней осенью 41-го в метре от стены ухнула не ахти какая мощная, но всё-таки фугаска. Боюсь, что современная панельная стенка смялась бы, как картонная. А наш дом вздрогнул, посыпались стёкла, стена дала трещину - и устояла. После войны трещину заделали - она оказалась даже не сквозной. Сегодняшние жильцы, наверное, и не подозревают о ней.

Первенствующее блокадное воспоминание: теплится буржуйка, нехотя покусывая ножку какого-нибудь очередного стула (книг мы не жгли), а в отсветах жиденького пламени, комочком, - младший брат, повторяющий монотонно и нараспев: «Я га-алонный, я га-алонный…» И почерневшая, седая до срока мама - она только что вернулась домой, что-нибудь добыв или не добыв ничего, и, в зависимости от результата, либо делит добычу строжайшим образом на неравные части, себе наименьшую, либо прижимает нас к груди, гладит по головам и отвлекает, отвлекает…

Она читала нам сказки. Я, разумеется, давно умел читать и охотно делал бы это сам, но я бы читал всё подряд и поневоле сосредоточивался, едва в тексте запахло бы едой. Вряд ли кому-нибудь вне блокады придёт в голову посетовать, как часто и помногу едят герои литературные и фольклорные, подкрепляются, закусывают, трапезничают, пиршествуют - независимо от жанра. А мама всё, что прямо или косвенно «про еду», талантливо пропускала. Я, может, изредка и замечал подвох, а четырёхлетний братишка - безусловно нет.

И, кроме сказок читаемых, придуманных давно или недавно, были сказки импровизируемые, придумываемые ею самой, сию минуту. Я назвал бы их сказками-заклинаниями или даже молитвами, если только отделить глубинный смысл слова от богов, икон, псалтыря и елея, наподобие симоновского «Жди меня», нам в блокаде ещё неизвестного. Особенно повторялась, пользовалась наивысшим спросом «сказка про папу». Отца ведь с проектным институтом, где он работал, успели эвакуировать, семьи должны были догнать институтский эшелон на Урале, да не вышло: в ночь, когда нас погрузили в теплушки, фашистские танки прорвались на Мгу, кольцо замкнулось. И мама рассказывала нам, что там, в тылу, отец

придумывает и непременно придумает оружие, которое разгонит фашистов и разорвёт блокаду. Отец, я уже упоминал, был архитектором, а не оружейником, но мы верили.

А в более или менее сносную погоду, если термометр «по Реомюру» подавал признаки жизни, мама выгоняла меня гулять. Хлебных карточек она мне не доверяла: ещё отнимут, обвесят, отрежут лишний талон. Воду из ближней Карповки, а потом и из дальней Невки тоже возила на санках сама. Мне же, закутанному в дюжину платков до состояния капустного кочана, вменялось всего-навсего обойти квартал и вернуться. Как бы я ни хныкал и ни отнекивался, мама была непреклонной: приходилось вылезать из-под одеяла, совать ноги в валенки не по размеру и шаркать вниз по обледенелой лестнице во двор и на улицу. Так советовал дядя Аля, мамин брат, военврач, единственный из близких родственников, кого судьба нам на счастье тоже оставила в Ленинграде. Нет, вношу поправку: оставалась ещё и многочисленная родня по отцу, но вся она, за малым исключением, покоится с тех пор под строгими холмиками Пискарёвского мемориала. Если бы не дядя Аля, не его советы и какой ни есть, а командирский паёк, не выжили бы и мы.

Маршрут вокруг квартала преодолевался за полчаса. Иногда я задерживался, и мама сходила с ума от тревоги и, раздевая меня, твердила: больше ни за что, никогда… Но на следующий день, если позволял Реомюр, всё повторялось сызнова.

А задерживался я чаще всего потому, что на улице вывешивали газету. Впоследствии я разговаривал со многими блокадниками, и никто ничего подобного не припоминал. Выходит, нам и в этом особенно повезло. И в том, что нашёлся стенд, прилепленный к стенке крепко-накрепко - не отодрать на дрова. И в том, что сыскался человек, понимавший, как это важно, как нужно. Хотел бы я знать, кто он был: полиграфист? политрук? газетчик?

Так или иначе, а газету вывешивали. Не всегда, но часто. «Ленинградскую правду» на двух страничках серой бумаги, с потёртым шрифтом и невнятной печатью. И вокруг, пока не глох короткий зимний день, обязательно собирались несколько человек. Всматривались в тусклые строчки, сначала в выделенные поярче сводки Совинформбюро, потом и в остальное. Обмена мнениями не бывало, люди берегли дыхание. Но каждый, не исключая и меня, искал в газете поддержки, надежды, веры в чудо, вычитывая между строк то, чего там не было и быть не могло. Не только детям нужны были тогда «сказки по папу»…

Может быть, именно тогда зародилось во мне подспудно желание стать журналистом. Даже стихи сочинил вскоре после войны - юношеские, подражательные и, разумеется, никогда и нигде не печатавшиеся. Задумана была, кажется, целая поэма. Её я давно забыл, а восемь строк уцелели:

Я по годам на фронте не был.

Но помню явственно вполне

Блокадную осьмушку хлеба

И чёрный иней на окне.

Я помню дымные скелеты

Домов, обрушенных во сне,-

И помню серый лист газеты

На исковерканной стене…

Тут есть деталь, требующая пояснения. Сам бы запамятовал, если бы не стихи. Иней-то на окне, мохнатый с наледью, в палец толщиной, был и вправду чёрным. Ведь не рефлектор и не камин - буржуйка…

И всё это, господа, вы вознамерились у меня отнять?!

И не только мамины сказки и дядю Алю. Не только клёклый блокадный хлеб и чёрный иней. А и путь через Ладогу в апреле 42-го под скрещёнными в небе прожекторами, когда грузовики шли по ступицу в воде и каждый четвёртый не доходил до берега. И слёзы счастья над первой послеблокадной, когда-то столь ненавистной манной кашей. И хуже слёз - жесточайший понос, потому что кашу сварили на молоке, а этого делать было как раз нельзя. И медленно ползущий сквозь снега - зима выдалась суровой и долгой не только в Ленинграде - поезд с «выковыренными». Было такое жестокое военное словечко, но оно же и предельно меткое: нас не просто эвакуировали, а вырывали, выковыривали из лап смерти.

И деревянный уральский городок Ревду, где мы наконец повстречались с отцом. И годом позже Ташкент - «город хлебный», лепёшечный, урючный, где меня, случалось, сильно бивали за то, что писал стихи и отказывался играть в «маялку». Закалили понемножку, и, когда в августе 44-го мы вернулись в Ленинград, я уже умел давать сдачи и легко, на равных, влился в школьную вольницу. Обучение к тому времени ввели раздельное, и сладить с классом - с четырьмя десятками сорванцов, многие из которых повидали костлявую ближе некуда, не всегда удавалось даже бывалым фронтовикам. Мы жили по каким-то своим законам, не признавали никаких заведомых авторитетов и никакого режима, и я вместе со всеми играл в футбол, которого не любил, рыскал по свалкам в поисках трофейного оружия и стрелял по самодельным мишеням (как мы тогда не перебили друг друга и как нас на куски не разнесло?). И вместе со всеми носился по городу - и на Неву, и на Дворцовую, и на Невский - в ликующий победный день 9 Мая.

Кто скажет, как устроена память? Отчего в данный момент вспоминается именно то, а не это? До точного ответа наука, что называется, ещё не доросла. Одно могу утверждать с уверенностью - память устроена очень правильно, и если вам невдомёк, с чего вдруг она ворошит, вытаскивает на свет какой-то давний-предавний случай, то просто доверьтесь ей: она своевольничает не без причины. Значит, именно здесь, в этом слое памяти или поблизости от него, лежит то, что сейчас вам всего дороже: прецедент, параллель, точка отсчёта,

нравственный критерий, выход из положения, казалось бы, безвыходного. Безвыходных-то положений, если разобраться, не существует в природе, а уж какой выход вам приглянется, зависит от того, что подскажет вам память. Вот почему из всех слоёв памяти, из всех её категорий на первое по важности место надо поставить память сопоставительную, биографическую, оценочную. Короче, память нравственную.

Ну а если её, такой памяти, нет? Если её отняли, обескровили, умертвили?

«В суть всякой вещи вникнешь, коль правдиво её наречёшь». Афоризм я заимствовал из фильма «Андрей Рублёв» у монаха-вольнодумца Кирилла, который, в свою очередь, ссылался на какого-то религиозного писателя, для него авторитетного. Познай вольнодумец, в каком контексте та же истина будет повторена шесть столетий спустя, он бы, скорее всего, осенил себя крёстным знамением, отгоняя нечистого…

Монах Бертольд Шварц, примерно современник Кирилла, открыл порох, не имея ни малейшего представления о химических формулах. Современная «передовая» наука, отнюдь не имея цельного представления о свойствах человеческой памяти и её механизме, тем не менее поставила себе задачей научиться командовать ею, дробить память на отдельные звенья и слои и выключать их попеременно, а подчас и все вместе.

Но на том аналогия и кончается. Шварц-то не очень ведал, что творил, да и «колдовал» в одиночку. Нынешние «алхимики» объединены в мощные лабораторные коллективы, к их услугам - самое совершенное оборудование, электронные микроскопы, компьютеры, точнейшие биохимические анализаторы. И «лабораторные мыши», хвостатые и бесхвостые. (Откуда берутся бесхвостые, расскажу тоже, просто всему своё время.) Главное же - у нынешних «алхимиков» целеустремлённые и весьма щедрые заказчики. А значит, и производственная база, где результаты, с позволения сказать, исследований превращаются в ампулы, таблетки и капсулы. А «на подхвате» - подчинённые тем же заказчикам спецслужбы, которые не задумываясь пускают эти ампулы и таблетки в ход…

У ампул и таблеток есть куча благозвучных наименований «по науке»: психотропные средства, нейролептики, атарактики, эйфорические наркотики и даже «наркотики правды». Однако независимо от наименований суть одна: превратить человека в марионетку, в существо без убеждений, без морали, без родины, без семьи и близких: «А зачем вам семья? Вы и здесь себе подругу найдёте….» «А зачем вам Россия? Английским языком вы владеете, а жить вам здесь будет материально гораздо лучше…»

Дикий, оголтелый цинизм, отталкивающе неприемлемый, если не хуже! Но ещё и холодный, сволочной расчёт - выжать жертву досуха, вывернуть наизнанку: человек-марионетка не контролирует своих ответов, не в состоянии сохранить никаких секретов, если они были

доступны ему. А потом, когда он опомнится, придёт в себя? Да какая заказчикам и спецслужбам разница, что будет потом! Пусть вешается, пусть воет с тоски и спивается - его личное дело…

Иногда я спрашиваю себя: ну хорошо, со спецслужбами, да и с их хозяевами всё ясно. Как волка ни корми, чёрного кобеля не отмоешь добела и т. д. Но эти-то, наследники монаха Бертольда Шварца у компьютерных дисплеев, вурдалаки в белых халатах, - они-то как? Они же ведают, что творят! Задумываются ли они хоть изредка, что те же препараты с таким же успехом могут изувечить их собственных детей? Стараются не задумываться. Это - работа, к тому же гарантированная от колебаний экономической конъюнктуры и очень недурно оплачиваемая. А дома вурдалаки как бы переключаются на другую волну, гладят по головкам внучат и сажают цветочки…

Нет им ни прощения, ни оправдания. Те же внуки когда-нибудь предъявят им беспощадный счёт. А впрочем, пожалуй, всё-таки есть - не оправдание, а смягчающее вину обстоятельство. Не пишется слово «родина» по-английски с большой буквы. Непонятно им, начисто непонятно, зачем мы по-русски пишем его так и только так. Слов нет, и англичане и американцы - патриоты собственных стран. Однако их патриотизм (без тени намерения оскорбить их или унизить) иного калибра или, вернее, иной окраски, он как бы вторичен в том смысле, что поверяется выгодой. Если жизнь на чужбине сулит англичанину, американцу или вообще человеку Запада какие-то ощутимые блага, можете не сомневаться, что он поставит выгоду на первое место, а патриотизм удобно устроится на втором. Даже выражение такое доводилось слышать, с оттенком упрёка либо недоумения: у вас, у русских, мол, гипертрофия патриотизма… Но я поневоле забегаю вперёд.

«Олд Фелбридж»

Я всё время забегаю вперёд и ничего не могу с этим поделать. Наверное, подсознательно я всё время хочу выравнять своё с читателем положение. Ведь читатель, если он помнит мою историю в газетном изложении или даже понаслышке, обладает изрядным по сравнению со мной преимуществом. И даже безотносительно к прежним публикациям - он держит в руках книгу, изданную в Москве, а следовательно, догадывается, что всё кончится благополучно. Я же на момент, о котором речь, ни о каком благополучном исходе догадаться не мог. Я вообще ни о чём не мог догадаться, потому что не мог ни о чём задуматься. Меня кормили- я ел, везли- ехал, спрашивали - отвечал…

Дни по-прежнему оставались без чисел. Однако через неделю после Венеции я был уже, несомненно, в отеле «Олд Фелбридж» в городке Ист Гринстид к югу от Лондона. Комнаты 111, 112 и 113 на первом этаже. За номера комнат выражаю признательность английской прессе, которая после моего возвращения на Родину провела подробное, хоть и небеспристрастное расследование.

Интересно, прославился отель вследствие такого расследования или

«погорел»? Предположить можно, почти с равными на то основаниями, и одно и другое. Случалось убеждаться, и не раз, что своих «спецслужбистов» (в жизненном, а не в экранном варианте) рядовые англичане не жалуют и стараются по мере возможности держаться от них подальше. А с другой стороны, могли и понаехать, рассудив, что спецслужбы сюда, вероятно, больше не сунутся.

А они использовали этот отель, уверен, неоднократно, и моих «опекунов» персонал приветствовал как старых знакомых. Расположен «Олд Фелбридж» уж очень удобно, на перекрёстке двух больших дорог, A22 и A264, и множества дорог помельче. Железнодорожная станция рядом, до международного аэропорта Гэтвик рукой подать, да и до Лондона путь недальний, миль тридцать. Цены на номера, правда, выше средних. Но что джеймсам бондам цены, если в бумажниках веером - кредитные карточки всех цветов радуги: казна британской короны, обожающая ссылаться на нехватку средств по любому насущному поводу, для спецслужб оборачивается неисчерпаемой.

Через полтора года, в апреле 85-го, я напечатал в «Литгазете» небольшой фельетон о подоплёке этой неисчерпаемости. Название фельетона - «Двойное дно потёртого чемоданчика». Чемоданчик имелся в виду тот, с каким министр финансов ездит на Даунинг-стрит, 10, в резиденцию британского премьера, утверждать годовой национальный бюджет. А двойное дно... Еженедельник «Обсервер» пронюхал, что официальная бюджетная цифра расходов на секретные службы -76 миллионов фунтов стерлингов - занижена в тринадцать раз! Тут не только три номера снять, а весь «Олд Фелбридж» можно купить и не заметить.

Но вернёмся из 1985 года в 1983-й, из апреля в сентябрь. Внешне здание отеля - подделка под английскую старину, но именно подделка: внутри - современная планировка, современный комфорт и, что существенно, великолепная звукоизоляция. Очень тихо, неправдоподобно тихо. И если правда, что номера комнат были 111, 112 и 113, то меня поселили в 112-й, а справа и слева жили «опекуны»: с одной стороны- Хартленд, с другой - Уэстолл либо Макнот.

Старшим в этой троице был полковник Джордж Хартленд. Его и надлежит представить прежде всего, остальные подождут. Седой, голубоглазый, медлителен в речи, но быстр в движениях. Ну просто образцово-показательный английский полковник, правда, в форме я его (как и остальных) никогда не видел. Но без всякого напряжения могу представить себе его в колониальном пробковом шлеме, френче, крагах и со стеком в руке- и хоть на подавление восставших сипаев, хоть на Фолклендские острова. Годен без ограничений в любую захватническую авантюру начиная с XVI века.

На щеках, на носу и шее - множество мелких багровеньких прожилок. Как однажды сам себя отрекомендовал за ужином, «убеждённый поклонник виски, всё равно какой марки, лишь бы подешевле и побольше». Позже похвалился, что собирался уйти на пенсию, да попросили вернуться - начальство в «Интеллидженс сервис» пришло к

выводу, что как «специалист» полковник незаменим.

Напялив маску заботливого папаши - надо признать, маска ему привычна и даже к лицу, - Джордж возил меня в Уокинг делать какие-то покупки. Я ведь очутился в Англии практически ни с чем: ни бритвы, ни носового платка. И уж, разумеется, никаких документов. Почему в Уокинг, за много миль, словно в Ист Гринстиде магазинов нет? Чёрт его разберёт, для конспирации, должно быть, - соображения на сей счёт у спецслужб бывают подчас совершенно мистические.

Как я себя чувствовал? Температура спала - раз сами спровоцировали болезнь, то и противоядие, надо полагать, знали. Остались слабость, одышка, неприятные кожные реакции. Резко, скачком, упало зрение. Но это бы ещё полбеды. Главная беда, что я вообще не сознавал своего положения, был полностью равнодушен и к окружающему, и к себе. Ничему не удивлялся, ничему не радовался и не печалился. Не задавал ни себе, ни «опекунам» никаких «неудобных» вопросов, - вероятно, даже не понял ещё, что слово «опекуны» надо ставить в кавычки. Уж казалось бы, вопрос, как и зачем я переброшен из Италии в Англию, не просто напрашивался, а кричал благим матом, был очевиднейшим из очевидных. Но нет, даже этот вопрос если и возникал, то не формулировался, тут же таял и ускользал.

И тот же Джордж «заботливо» закрепил это жуткое состояние, даже вывел его на новый уровень, настояв на том, чтобы перед сном я принял две большие белые таблетки: «Вы очень устали, вам нужно хорошо отдохнуть...» (В газетной публикации звучала встречная реплика: «Что это?» Честно говоря, я вовсе не убеждён, что она была.) Джордж разъяснил: «Это снотворное, очень популярное у нас и совершенно безвредное», - достал таблетки из маленького конвертика, налил воды в стакан. И я выпил. Отказаться - да мне это просто в голову не пришло!

Так оно и шло: одни таблетки на ночь, другие утром, якобы от непривычного климата, а днём... Много позже, вновь по чьему-то недосмотру, я столкнулся с официантом, крутившимся подле нас в «Олд Фелбридже», и он оказался офицером МИ-5. К инъекциям больше, после дней полного беспамятства, не прибегали, разве что эпизодически, допустим, под видом анализа крови. Да и зачем инъекции, если утренние таблетки не позволяли критически отнестись к вечерним и наоборот? А уж чего мне этот лжеофициант мог подсыпать в сок или кофе, остаётся только гадать. Думаю, что не аспирин.

Естественно, что подобный «лекарственный режим» давал и разнообразные побочные следствия. Одно из них - волчий аппетит: сколько ни ешь, всё мало. Говорят, это довольно типичная реакция на наркотики определённых групп. Проявлялись и следствия не столь невинного свойства - спазмы, сыпь, зуд. Но на сей предмет в отель время от времени наведывался врач по имени Джонатан Хант (как выяснилось потом, военный врач) и быстренько устранял неприятные симптомы, не трогая причин. Для лечения воспалённой кожи он прописывал, например, кортикостероиды в дозах, раз в десять превышающих предельно

допустимые по нормам советской фармакопеи. Зуд и пятна исчезали как по волшебству, а что при этом расшатываются иммунные системы организма, ему, по-видимому, было в высшей степени наплевать.

А вскоре - день был тёплый, солнечный, только опять без числа - начались допросы в Брайтоне. Город знаменит как приморский курорт и ещё залом, где проводятся съезды тред-юнионов и конференции ведущих политических партий. Однако допрашивали меня, конечно же, не там, а в военных казармах на окраине. Специальный пропуск при въезде - никаких имён, только условный номер в кружочке, а затем бесконечная череда дверей, которые отпираются перед тобой и запираются за твоей спиной. Впечатление такое, что на всём этаже больше нет никого, хотя впечатление, вероятно, обманчивое. Попадаешь всегда в одну и ту же комнату, обильно оснащённую электронной и в особенности записывающей аппаратурой. Впрочем, почти каждый допрашивающий достаёт из кармана или из портфеля ещё и собственный портативный магнитофон.

Допрашивающих было много, и они сменяли друг друга. Увы, встретил бы их не то что через год - через месяц, и никого не узнал бы, за одним исключением: бородатый блондин Джеймс (позже выяснилось, что он вовсе не Джеймс, а Майкл) навещал меня многократно и осенью и зимой, а потому оставил в памяти уже не след, а шрам. Хотя в целом зрительная память пострадала сильнее всего. Боюсь, что в прежнем качестве восстановиться ей уже не суждено: лица я и сейчас запоминаю с огромным трудом. Ни за что не поверю, чтобы этот прискорбный дефект оказался столь стойким по чистой случайности.

«В суть всякой вещи вникнешь...»

О чём допрашивали? Вначале о том, о чём я не мог рассказать ровным счётом ничего: о «советской шпионской сети» за рубежом, о моих несуществующих связях с советской разведывательной службой, о «злокозненных тайных заданиях», порученных мне (кем? «Литературной газетой»?) в Венеции и Риме, да и в предыдущих поездках, о которых господа оказались неплохо осведомлены. В особенности «налегали» на злополучные два дня, проведённые в Риме, на визиты в посольство и в Ватикан. С кем встречался персонально? Не было ли каких-либо «непротокольных», негласных встреч? И - тут интерес был предельно настойчив, к этому сюжету обращались снова и снова - что знаю о расследовании покушения на площади Святого Петра? Кто им руководит, какие даёт указания? Какие выясненные факты остались за рамками опубликованного и какие шаги намечено предпринять в дальнейшем?

Прошла приблизительно неделя, прежде чем дознаватели, не без помощи своих же «наркотиков правды», убедились, что идут по ложному следу и что проку с меня по части «шпионских разоблачений» нет и не будет. Я даже склонен к предположению, что убедились они в этом значительно раньше, но отчаянно цеплялись за любезную их сердцу «шпионскую» гипотезу, цеплялись хотя бы из страха перед собственным

начальством, которому, вероятно, нарассказывали и наобещали чёрт-те что. Но вот наконец решились взглянуть правде в глаза, и я впервые услышал слово «mistake» - ошибка. Услышал от Уэстолла - от человека, который стал главным моим тюремщиком и которому предстоит в скором будущем выступить центральным персонажем по меньшей мере двух глав. А потому позволю себе временно опустить его портретные и иные характеристики и привести лишь сами его слова.

Мы возвращались из Брайтона с очередного допроса.

Уэстолл сидел за рулём, я рядом. Поскольку дело происходило в Англии и машина была «фордом» английского же производства, то «за рулём» было справа, а «рядом» - слева. И когда мы уже подъехали к «Олд Фелбриджу», он, прежде чем подать машину задним ходом на стоянку, бросил как бы между прочим:

- Вот что, Дэвид (вплоть до самого нашего расставания, до ранней весны, он ни разу не сбился и не назвал меня подлинным именем, только так, как значилось в липовом паспорте, редкий самоконтроль!). Вот что. Более или менее (!) ясно, что произошла небольшая (!!) ошибка. Вы, по-видимому, действительно тот, за кого себя выдаёте (!!!). Будем думать, что с вами делать дальше. Но не бойтесь, что-нибудь придумаем. А теперь пошли ужинать…

Все восклицательные знаки в скобках поставлены, разумеется, сейчас. Ведь первый-то восклицательный знак надо бы поставить ещё раньше к имени «Дэвид». На протяжении многих месяцев меня называли чужим именем - а я? Как я к этому относился, почему разрешал? В том-то и ужас, что тогда мне это - даже это! - было совершенно всё равно. Потом, правда, назойливые обращения к «Дэвиду» начали вызывать у меня реакцию, близкую к злорадству: валяйте, мол, взывайте к Дэвиду, он-то вам и наврёт с три короба, а я буду гнуть свою линию… Но до такого развития событий в сентябре - октябре было ещё далеко.

Сама эта, приведённая выше, тирада давала столько возможностей для протеста, постановки справедливых вопросов и требований, для язвительных комментариев, на худой конец. Только пропали все эти возможности втуне. Я не то промолчал, не то пожал плечами. Что-то в тираде резануло меня, иначе она не отложилась бы в раскромсанной памяти, не уцелела бы, но что резануло, я толком не понял, нужная реакция не состоялась, момент ускользнул.

«В суть всякой вещи вникнешь, коль правдиво её наречёшь». Кому бы ни принадлежали исходно эти слова, даже если они просто придуманы сценаристом «Андрея Рублёва», - слова замечательно ёмкие и точные. В газетном репортаже, да и несколькими страницами выше, я «нарёк» себя, сентябрьского, человеком-марионеткой.

Обидная, отвратительно обидная характеристика, «Восковая кукла» - и то звучало бы приятнее. Но не ради приятства затеяна эта книга - которая из характеристик вернее?

Обе. И ни одна. Обе подчёркивают, что человек лишён собственной

воли. А дело не в воле как таковой. Воля - производная памяти. Даже такой краеугольный камень разума, как убеждения, в основе своей - та же память, обобщённый жизненный опыт, охватывающий не только и не столько учебники и лекции, но и сколько воспоминания детства, тепло родного очага, улыбку любимого учителя и любимой девушки, невзгоды, перепутья, поиски, тупики, головоломки и их решения. Всё это, вместе взятое, - и выводы, сделанные в итоге. Отнимите у человека память, и прежде всего память эмоциональную, нравственную, - вот он и станет хоть марионеткой о двух ногах, хоть куклой без хребта. Только марионетки да куклы памяти лишены бесповоротно, а человеческая память - штука упрямая и норовит возродиться. Если, конечно, была.

Признаться, я долго давался диву: к чему было поступать со мной так примитивно грубо? Разве нельзя было, коль на то пошло, сварганить похищение более «цивилизованным» образом - подстроить автомобильную катастрофу, набросить усыпляющую повязку, подсыпать какой-нибудь дряни в питьё? Совсем недавно один мой близкий приятель пристал ко мне именно с таким вопросом, и я огрызнулся: отвяжись, правда всегда неправдоподобна. Он «отвязался», его мой парадоксальный ответ вполне устроил. А я вдруг задумался - и да простят меня медики, если впал в упрощение: а что, если парадокса нет и в помине? В плен чаще всего попадали, это любой фронтовик подтвердит, не после ранения, а после контузии. Именно контузия, а не ранение и не отравление, может вести к амнезии - выпадению памяти. А закрепить амнезию - для современной медицины прямо-таки детская задача.

Хотя нет, не такая уж детская. Ведь полной амнезии не было. Информационный слой памяти спецслужбам был нужен, и они его сохранили. Я мог даже сообщить основные факты своей биографии, бесстрастно, словно речь шла вовсе не обо мне. Память не выключилась полностью, а сузилась, обесцветилась, и собственная жизнь вызывала эмоций не больше, чем чужая анкета. Вот именно: во мне не осталось эмоций, никаких, самые заветные понятия превратились в слова. Стихов я, по-видимому, не помнил вообще, а что такое чёрный иней - просто не понял бы. Преступление почище убийства.

Только дом в блокаде, о котором я рассказывал, устоял и тогда, когда его собратья помоложе рассыпались бы в пыль. Цемент схватывает с годами, а применительно к памяти - чем больше она впитала в себя, тем прочнее. Над ней надругались, её усыпили, но не уничтожили. Она не погибла бесследно, как того, наверное, хотели бы, а сжалась где-то в подсознании в комок, в неощутимую точку. А настал момент - и встрепенулась, восстала, расправилась с пружинной силой.

И вообще не надо представлять себе дело так, что возможности психотропного воздействия безграничны. Превратить человека на время в куклу - ещё не значит обратить его навечно в раба. Можно обкорнать память и потушить волю, можно, вероятно, и вовсе лишить разума: убийцы есть убийцы и, коль увидят в том выгоду, пойдут до конца. Но нельзя навязать разуму то, чего там не было. Готов допустить, что, лишив

человека воли, можно вырвать у него подпись - действие короткое и для большинства наших с вами современников почти механическое. Однако заставить человека сменить убеждения и длительно действовать вопреки тому, во что он верил вчера, - такого никакими психотропными препаратами не добьёшься.

И мало того. Подавив во мне эмоциональную память и повредив память зрительную, но сохранив информационную, спецслужбы в последнем счёте оказали себе плохую услугу. То, что вы только что прочли и прочтёте вскоре, можно с полным правом назвать реставрацией. Месяцы спустя, перед возвращением на Родину, я проделал целую серию путешествий в помощь памяти. Обзавёлся дорожным атласом и, вглядываясь в разноцветные ниточки на картах - ландшафты в памяти стёрлись, а номера трасс удержались, - двигался от названия к названию, от города к городу, последовательно опознавая их заново. Маршруты старался составлять хитрыми, неочевидными, но в каждый обязательно включал одну-две важные точки. Так мне удалось разыскать и снять из окна машины, почти на ходу, и «Олд Фелбридж», и казармы - оказывается, я не сомневался, что они расположены при въезде в Брайтон со стороны Льюиса, на трассе А 27,- и многое другое.

Реакция спецслужб на снимок казарм, опубликованный в «Литгазете», была без преувеличения шоковой. Сразу же прекратились, как ножом отсекло, и попытки подвергнуть сомнению авторство моих репортажей, и колкости в мой адрес в британской прессе. Началась полоса полупризнаний-полуоправданий.

Однако я опять забежал вперёд, да ещё как! Больше не буду.

Лондон. Позолоченная клетка

Допросы кончились

Впервые я увидел Лондон из окошка очередного «форда». Почему-то все машины, в каких меня возили тогда, были непременно «форды» английского производства, хотя и разных моделей. Договор у них с этой фирмой, что ли, или она своим джеймсам бондам особую скидку даёт?

За рулём сидел Чарли Макнот. Было воскресенье, наверное, 25 сентября. Банковский Сити, как всегда по выходным, поражал безлюдьем. У Тауэра, Вестминстера, Бэкингемского дворца, на Трафальгарской площади, наоборот, клубились несчётные туристские толпы, но мы проехали мимо. Чарли объявил, что выходить из машины мне запрещено. Да и как было выйти, если дверцы были оснащены электронными запорами и открывались только с пульта у него под рукой.

Эх, Чарли! Хотел бы я выяснить, что с ним стряслось после того, как он исчез с моего горизонта внезапно и навсегда. Вероятно, он и сам не предполагал, что это произойдёт так внезапно и так скоро. Что-то неуловимо отличало его от Хартленда и тем более от Уэстолла, да и от всех остальных. Нет, не только то, что он был моложе и младше чином. И

не только то, что все иные-прочие джентльмены появлялись неизменно при галстуках и в белых манжетах, а Чарли предпочитал ворот нараспашку и спортивную куртку. В нём единственном я, пожалуй, время от времени улавливал искру сочувствия. Как я мог её уловить, если сам был совершенно бесчувствен? Не знаю. Возможно, именно так, как собаки инстинктивно, с первой встречи, разделяют людей на добрых и злых.

Чуть позже, когда я ненадолго обрёл способность воспринимать детали, Чарли обмолвился (допускаю, умышленно), что до «Интеллидженс сервис» был репортёром. Так, может, журналистская солидарность заговорила? А может, и ещё проще. Чарли исправно выполнял данные ему инструкции, но ему было противно их выполнять. Чисто по-человечески он ставил себя на моё место и содрогался. Он не был лицемером, Чарли Макнот. Остальные выспренно именовали себя- цитаты из их дальнейших речей - «защитниками цивилизации от коммунистической угрозы», «первой линией обороны свободного мира». А Чарли, по-моему, нет-нет да и задавался вопросом: что ж это за цивилизация и за свобода такая, если их защищают гангстерскими, бесчеловечными методами?

Могу, применительно к Чарли, пойти в своих допущениях и ещё дальше. Что, если бы мне удалось вдруг сбросить апатию и совладать с электронным замком? И если бы это было не в воскресенье, а в будний день? Если бы мне был ведом адрес советского посольства, а в кармане нашлось хоть сорок пенсов на метро? Короче, что он предпринял бы, если бы я выскочил из машины? Во всяком случае, стрелять мне в спину он не стал бы. Думаю, что не стал бы.

Как мы ехали от Бэкингемского дворца? Вероятнее всего, через Конститьюшн-хилл, Найтсбридж и Кенсингтон-Хай-стрит на Хаммерсмит. Совсем ведь рядом с посольством проскочили! Но следующее, что помню, - Ричмонд-парк. Парк, который можно пересечь на машине из конца в конец минут за пять - десять. Скорость в зависимости от того, появятся ли на асфальте, иной раз прямо перед капотом, благородные олени и косули. Тут уж все движение- стоп, за покалеченного оленя - немилосердный штраф, если не тюрьма. Чисто английская черта: кого-кого, а животных надлежит безоговорочно уважать.

Потом мы ещё заехали в Виндзор, тоже без остановок, и вернулись в «Олд Фелбридж». И снова всё покатилось по заведённому порядку: завтрак - в Брайтон - допрос - обед - опять допрос- и «домой», в Ист Гринстид, а то для разнообразия ужин где-нибудь по дороге.

Надо сказать, что тактику допросов к тому времени сменили. Убедившись, что никаких «шпионских» секретов из меня не вытянешь по причине полного незнания таковых, джентльмены принялись забрасывать меня самыми разнообразными вопросами о внутренних порядках и установлениях СССР, о русской истории, о советской литературе и печати. Где какое учреждение размещено? О чём и о ком я писал в газете, подвергался ли критике? Куда и к кому «имею доступ»? Каким влиянием обладает такой-то? А такой-то? Что он представляет собой, его склонности, слабости? Какие настроения преобладают в редакции и как

они соотносятся с настроениями в обществе?.. Даже одурманенный, и то, мне кажется, я порой недоумевал: и чего это ради они в таких деталях копаются, любознательные какие... Невдомёк мне было, что «любознательных» интересовали не только и даже не столько «факты», сколько ещё одно: намотать как можно больше плёнки с моим голосом, чтобы потом с помощью той самой аппаратуры, что установлена по стенам, монтировать записи как им заблагорассудится.

И вдруг, без предупреждения, допросы кончились. В течение нескольких дней меня просто «катали» по всему Сассексу: то в Гастингс, на поле битвы с норманнами, то по замкам той же поры. Заезжали и в соседнее графство Гэмпшир - осматривать раннеготический Уинчестерский собор. «Лекарственный режим», впрочем, оставался без изменений.

И вот результат. «Город стоит на склоне горы, на вершине которой возвышается замок герцога Норфолкского, бывший прежде крепостью... В церкви, построенной в 1375 году, находятся замечательные монументы... Норманский замок... в последнее время реставрирован. В особенности хорошо окно в баронской зале, со стеклянной живописью, изображающей короля подписывающим Великую хартию».

Увы, это не впечатления. Это выписка из энциклопедии Брокгауза и Эфрона, том 3, год издания 1890-й. Я был в городе и замке Арундел, о которых речь, почти столетием позже. Дорожные карты подтверждают, что они находятся на той же трассе А 27. Рядом с городом, чуть поодаль, - отдельный квадратик, обозначающий замок. Но какая церковь, какие монументы? Какая баронская зала? Могу догадаться, что у Брокгауза поминается витраж (что ж ещё означает архаичное выражение «стеклянная живопись»?), а на витраже король Джон по прозвищу Безземельный, подписывающий скрепя сердце Великую хартию вольностей. А был там такой витраж или нет? Кто его ведает, может, и был. Ещё, кажется, были какие-то рыцарские доспехи и фамильное серебро - если они не затесались в смутные мои воспоминания из какого-нибудь другого замка.

Вся беда в том, что не удалось мне посетить повторно наследственную вотчину герцогов Норфолкских и устроенный в ней ради туристских инъекций в семейную казну частный музей. Иное дело собор в Уинчестере. Расположенный рядом с автострадой М 3, что двойным бетонным ножом рассекла холмы и долы Южной Англии курсом на юго-запад, собор то и дело «попадался» мне на дороге. И я всякий раз сворачивал с автострады и останавливался. Не исключено, что спецслужбы подозревали меня в запоздалом приступе религиозности или в тяготении к мистике. Что ж, против этого они бы, вероятно, не возражали.

Редкостный, почти трогательный в откровенном своём ханжестве плакатик встречает вас у входа в собор. В разное время я наведывался в другие знаменитые готические соборы - Линкольнский, Йоркский, Кентерберийский, а за пределами Англии - в Нотр-Дам, Кёльнский, к

святому Стефану в Вене, но подобного больше нигде не встречал. Копилки для пожертвований выставлены повсюду, но текстами такими они не украшены. Дословно не списал, но смысл и тон передаю, ничуть не утрируя:

«Леди и джентльмены, мы вынуждены обходиться без правительственных субсидий и зависим всецело от ваших добровольных приношений. Сожалеем, но без приношения допустить вас в собор не можем. Минимальная сумма для взрослых такая-то, для детей такая-то, на семью такая-то. Благодарим за щедрость».

И я всякий раз послушно опускал мзду в раззявленную щель вместительного ящика, а взамен получал от бдительной служительницы с колючими глазами листовочку с краткими сведениями по истории собора на одной стороне и молитвой на другой. Если бы я хранил эти листовки, их набралась бы целая коллекция. Но ездил я сюда не ради них и не для отвода глаз. И не ради служб, не ради музыки. Не ради изумительных в стрельчатой своей красоте сводов центрального нефа. А ради минуты тишины.

Со строго определёнными интервалами, по часам, под сводами Уинчестера звучал - наверное, и теперь звучит - хорошо поставленный магнитофонный голос:

- Мы не знаем, кто вы, откуда приехали, в какого бога веруете и веруете ли вообще. Но даже если вы атеист, вам всё равно свойственны, как разумному созданию, свои сомнения, сокровенные желания и мечты. Вслушайтесь в бессмертные слова, обращённые к создателю, а затем помолчите одну минуту каждый о своём…

Голос начитывал «Отче наш» - по-английски, разумеется. И наступала тишина. Молчал орган, молчали гомонливые туристы. Молчал и я - уж я-то точно о своём. Ради этого я и приезжал сюда. Если хотите, эта минута была моей глубоко личной и совершенно безмолвной молитвой. Кому? Близким, оставшимся так далеко, что ни милями, ни километрами не измеришь. И двум богиням - выдержке и удаче.

Кто ничего не понял и не желает понимать, пусть бросит в меня камень. Не покаюсь и упрёка не приму. Ведь к весне и лету, к повторным поездкам в Уинчестер, я уже твёрдо знал: несчастье бывает слепым, а удача - нет. Удачу нужно выжидать, к ней нужно готовиться. Если бы я не научился выкраивать такие «минуты тишины», искать опоры в вещах и мгновениях, казалось бы, неожиданных и очень косвенных по отношению к моей цели, мне бы не уцелеть. Или не сохранить рассудка, что одно и то же.

Я вроде бы опять забежал вперёд, но от логики повествования не отклонился ничуть. Потому что самое время поставить прямой вопрос: зачем мне вообще сохранили жизнь?

Удивляться, откуда взялась идиотская ошибка с моим «шпионством», как раз не приходится. Всяк меряет на свой аршин. Попирая международные соглашения и законы собственных стран, спецслужбы и в

мыслях не держат, что кто-нибудь может поступать иначе. Если конкретно, то рассуждали таким манером. Провела «Литгазета» расследование покушения на Иоанна Павла II? Провела. Успешно? И даже очень, подступилась к истине близко и доказательно. По своей инициативе? Да быть того не может…

Дальше - больше: в Италию, один за другим, приезжают два корреспондента газеты. С первым всё ясно, он и вёл расследование, а второй? Какое у него задание? Фестиваль? Сказки для простачков! Едет в Рим, надо понимать, за инструкциями, потом в Ватикан. Встречается со множеством людей, ведёт себя безбоязненно, к тому же, чуть что, помогает другим корреспондентам, вроде бы вмешивается в их дела. Кто он? Ну конечно, шпион! Ату его!..

Ну а когда ошибка обнаружилась - а это, на наркотиках, много времени не отняло? Тут-то, наверное, проще простого было - и циничной практике «профессионалов» нисколько не противоречило бы - «исправить ошибку» раз и навсегда, устранив меня физически. Исчез человек - и концы в воду. Теперь, поди, они сами горько сожалеют о проявленной «слабости». А тогда… Тогда, убеждён, слабости тоже не было ни на йоту. Была наглая уверенность в могуществе отработанной психотропной схемы. А ещё безоглядная вера во власть денег, больших денег. Подозреваю, что никуда она, это вера, и не делась, даже не поколеблена: джентльмены по-прежнему не сомневаются, что купить можно всех и вся, а если для кого-то мошна - не довод, то либо дали мало, либо он урод, недоумок, противоестественное исключение из правил…

И ещё язык, мой свободный английский язык. Я и прежде владел им неплохо: семь переведённых с английского романов - не шутка. А разговаривать не то чтобы стеснялся, но всё зависело от того, с кем: если язык для собеседника тоже не родной, то пожалуйста, а вот если он англичанин или американец, то всё сложнее. Начинались терзания: а точно ли сказал, не спутал ли время или наклонение, - и я запинался. Прописанные мне «лекарства» в единый миг разделили проблему надвое: язык сам по себе - это информационная память, это остаётся, а терзания - из сферы эмоций, их долой. Не то чтобы языковой барьер мог остановить допрашивающих, но полное его отсутствие сулило, как им мерещилось, какие-то дополнительные перспективы.

А зачем мне дали передышку? Да не передышка вовсе это была, а тайм-аут. Раньше я высказывал догадку, что пока меня возили по достопримечательностям, «опекуны» анализировали и систематизировали накопленный «материал», а заодно обсуждали варианты моей судьбы. Я и теперь придерживаюсь той же точки зрения, но с поправкой: обсуждения шли не только в недрах «Интеллидженс сервис». Есть серьёзные основания полагать, что это были дни оживлённого «обмена мнениями» через океан и что именно на этой стадии в дело вмешался Пол Хенци. Да, да, тот самый Хенци из ЦРУ, попечитель «серых волков». К осени 1983 года он успел заделаться ведущим экспертом по «болгарскому следу» и подготовил толстую книжку «Заговор с целью убийства папы». Его, как

выяснилось вскоре же, моя персона заинтересовала чрезвычайно. И, кстати, не поручусь, что в число посетителей брайтонских казарм не затесались посланцы Лэнгли: не мне тогдашнему было различать акценты.

Передышка закончилась тем, что сначала меня переселили зачем-то в отель «Сент Джордж» в городе Кроули, а ещё через три дня перевезли в Лондон.

Редклиф-сквер

Первая лондонская ночёвка состоялась в районе Пимлико по адресу: Белгрейв-роуд, 112, квартира 17. Я бы, может, и не запомнил этого мимолётного адреса, да Чарли Макнот вписал его в атлас Лондона, который сам же и подарил. Нечаянно так получилось с атласом или нарочно, узнать мне не довелось. Потому что явился полковник Хартленд, обошёл квартиру, покрутил носом - не понравилась, а может, новые инструкции подоспели, - и сутки спустя меня «перебросили» на Редклиф-сквер.

Именно квартира №4 в доме №34 по Редклиф-сквер впервые подсказала мне образ позолоченной клетки. Квартира огромная. Две спальни - вторая, как бы замыкающая выход из первой, оккупирована «опекунами»: там ночевали в очередь и Макнот, и Уэстолл, и даже Хартленд. Кухня, битком набитая чудесами бытовой техники, - до того я и не знал, что электронное управление можно приспособить и к плите, и к холодильнику, и к стиральной машине. И гостиная площадью с бальный зал. Три венецианских, до пола, окна с тяжёлыми шторами. Большой электрический псевдокамин, совершенно потонувший в утробе другого камина, настоящего, ныне бездействующего. Бар, стереосистема, телевизор очень высокого класса. И видеомагнитофон.

Видео - деталь особо приметная: в комплекте оборудования квартиры его не было, доставили со складов спецслужбы. Зачем? Да затем, чтобы как-то занять меня, пока «заинтересованные лица», в Англии и за океаном, не придут к согласованному решению. Чтобы, это само собой, пустить мне побольше пыли в глаза: эвон мы какие богатые и щедрые! И ещё чтобы... Не представляю себе толком, в чём дело, но подключал видео к телевизору приглашённый «спецтехник», причём на время подключения меня бесцеремонно, сунув какую-то книжку, выставили в дальнюю спальню. А что там особенно подключать? С инструкцией в руках, а соединительные шнуры обязательно входят в комплект, это занимает минуту, вместе с настройкой таймера - две. «Спецтехник» же провозился не менее получаса.

От меня не скрыли, во что обходится эта позолоченная тюрьма с электронной кухней и бальным залом. 220 фунтов стерлингов в неделю - цифру повторяли неоднократно, чтоб я её хорошенько «прочувствовал». Прочувствовать я, правда, ещё не мог решительно ничего. Теперь могу подтвердить, что цифра действительно внушительная. А тогда что двести двадцать, что двадцать два - разницы я не ощущал, похвальба

«опекунов» была для меня звук пустой. Сами же добивались такого эффекта - вот и добились…

Некритичность моего состояния и поведения в те дни выглядит просто чудовищной. Задним числом мне кажется, что в первую неделю на Редклиф-сквер охрану можно было снять совсем: я был не способен ни к активным поступкам, ни к самостоятельным решениям и оценкам. Взять хотя бы эпизод со «спецтехником», унизительный и подозрительный одновременно. Ведь никаких же эмоций он у меня тогда не вызвал, кроме, пожалуй, лёгкого недоумения с оттенком курьёза. Я послушно отправился в спальню, послушно вернулся на зов Уэстолла, даже, наверное, и «спасибо» сказал. Тьфу!..

Но нет, плеваться лучше повременим. И сказать «спасибо», думаю, стоило. Потому что, преподнеся мне видео, «опекуны» совершили серьёзную ошибку.

Кассеты на просмотр мне привозили из «Видеодворца» на Оксфорд-стрит, 100. Позже я и сам заглядывал в это заведение, одну из самых крупных и посещаемых видеотек Лондона. И поскольку заглядывал, то уразумел, что выудить из этого моря кинопены, из хаоса однотипных коробок, расставленных по алфавиту - только по алфавиту, не по жанрам и не по качеству, - фильмы, какие гостили, иногда подолгу, на Редклиф-сквер, было делом очень и очень не лёгким.

Занималась этим Роуз Принс, сотрудница Хартленда, на которую полковник с удовольствием спихнул столь невинное с виду задание. Мне повезло: у Роуз, на чьё имя, кстати, была снята вся моя позолоченная клетка, обнаружились и недюжинные знания по киноискусству и хороший вкус. Сначала она предложила мне цикл документальных лент, видовых, историко-географических, фильмов-путешествий по разным экзотическим странам. Английские документалисты (в этом теперь убедились и советские телезрители) работают превосходно. Краски телевизор передавал сочными и естественными. Сверкали гренландские льды, трубили слоны индийские и африканские, шелестела волна, набегая на белый песок сейшельских и багамских пляжей… Приходил Уэстолл, располагался рядом, удовлетворённо хмыкал, комментировал:

- Нравится? Захотите - увидите всё это в натуре…

Но через пару дней Уэстолл отлучился куда-то, на смену заступил Чарли Макнот. И репертуар стал меняться. Появились английские и французские комедии, лёгкие, остроумные, блестяще сыгранные. Классика чёрно-белого экрана вроде «Моста Ватерлоо» с гениальной Вивьен Ли. Детективы и мюзиклы - из самых лучших.

И наконец «серьёзное кино»: Антониони, Бюнюэль, Чаплин…

Иногда в выбор Роуз вмешивалась чья-то рука, и тогда из коробок выползали вампиры, космические пираты, девицы в скудных ошмётках одежд и морали. Выполз и его сиятельное ничтожество «агент 007» Джеймс Бонд. Роуз испытывала в таких случаях явное замешательство и, передавая мне коробку с «Октопусси», даже сочла нужным извиниться:

- Я бы этого не взяла вовсе, но мне порекомендовали…

«Октопусси» действительно фильм дрянной во всех отношениях, один из худших в бондовской серии и даже в той её половине, что с Роджером Муром. (Вторая половина, где главную роль играет знаменитый Шон Коннери, всё же повыше сортом.) В переводе «октопусси» - «осьминожиха», но в название заложена ещё и полуприличная игра слов, недаром в европейском прокате оно, насколько знаю, было почти повсеместно изменено. Однако дело не в этой и вообще не в какой-то одной картине, плохой или хорошей. Если бы у Роуз оказалось поменьше вкуса, если бы она отнеслась к поручению формально, если бы подбором плёнок занимался кто-то другой, даже если бы всё свелось к картинам типа «Октопусси», результат в конечном итоге не изменился бы. Посадив меня у видео, возобновив прерванный в Венеции кинофестиваль по собственному почину, спецслужбы начали поневоле раскачивать, возрождать во мне эмоциональную память, которую задавили, сжали до размеров булавочной головки, казалось бы, свели на нет.

Особую роль сыграл чёрно-белый «Мост Ватерлоо». Откровенная, наивная по сути своей мелодрама, а может, и замечательно, что наивная, значит, доходчивая. Я пропустил её, когда она шла на московских экранах, не представляю себе, была ли она дублирована, но диалоги, особенно к финалу, звучат для меня по-русски. В бездонных глазах великой актрисы я увидел не только туманы моста Ватерлоо, не только страдание героини, но и собственную жену. А где жена, там и мать. Где мать, там и Родина.

Свершилось, писал я в репортаже, напечатанном в «Литгазете» в октябре 1984 года, «первое маленькое чудо - я вспомнил себя. Не просто фамилию и прежнюю должность в газете, но гораздо большее - себя как отца своих детей, как члена своей семьи, как частицу своего народа». Красивая фраза, но, к сожалению, слишком красивая, чтобы быть точной. Уж очень хотелось и редакторам моим и мне, чтобы всё самое страшное побыстрей осталось позади, чтобы я опомнился, пришёл в себя, начал бороться…

Только до борьбы было куда как далеко. «Лекарства» держали цепко. Дурман чуть приподнялся, в нём наметились как бы пятна и полосы, но они появлялись и исчезали, затягивались. На смену безмятежности пришла меланхолия, лёгкая грусть, но не более. Лица родных и близких уже припоминались, но не снились и не звали к действию. И неизвестно, сколько ещё продлилось бы это «переходное» состояние, если бы на одну ошибку спецслужб не наложилась вторая.

Но с какой, собственно, стати я разъясняю спецслужбам их ошибки? Чтобы они поумнели и ошибок не повторили? И не повторят, будьте спокойны. А вместо них совершат какие-нибудь другие. Потому что в дьявольском своём заговоре против разума, в стремлении использовать достижения науки не на пользу человеку, а во зло ему они упускают из виду самую малость - самого человека. Если его не убить, он от себя не откажется. Если откажется, значит, была лишь оболочка, а человека-то и

не было. А если убить - так это нетрудно сделать и без бешеных затрат на психотропные схемы.

Убеждён: каждый попавший в сходную ситуацию, независимо от конкретных обстоятельств, способен, если жив, вновь обрести себя. Раньше или позже, дела не меняет. Да тут, наверное, можно и не тратить красноречия, это уже доказано. Прошло три года - вырвался и вернулся на Родину не я один.

И к тому же вторая ошибка спецслужб в моём случае была вовсе не добровольной. Им казалось, что они учли всё: замели следы, вывезли меня в Англию по подложному паспорту, лишили собственной воли, надолго отшибли память… Выступлений «Литературной газеты» в мою защиту они не предусмотрели.

Первая точная дата начиная с 9 сентября: 12 октября в «Литгазете» появилась редакционная статья. А через три дня… мне принесли её на прочтение.

До сих пор терзаюсь догадками, зачем это сделали. Растерялись? Бесспорно. Не понимали, что «лекарственный режим» уже утратил под воздействием экранных ассоциаций былую силу? Тоже бесспорно. И всё же ошибка была настолько явной, настолько грубой, что за ней определённо скрывалось что-то ещё. Что?

Ну например, «фактор дурака». Какой-нибудь клерк прочёл статью и составил по ней резюме. И, как водится, заботился не о том, чтобы поточнее передать смысл, а о том, чтобы повернее потрафить начальству. Как потрафить? Да очень просто: написать именно то, что начальству желательно прочитать. Подогнать под прецедент, вызвавший у патронов одобрение. И если допустить, что «подогнали», исказив всё до неузнаваемости: Москва, мол, объявляет меня предателем, - тогда, действительно, загадка разрешена. Можно представить себе, как начальство удовлетворённо буркнуло: «Покажите ему, пусть убедится…» И спорить с начальством, даже понимая, что оно несёт чепуху, не посмели.

А может быть, всё наоборот: не подгоняли под прецедент, а испугались беспрецедентности. Итальянское правительство надавило на свои спецслужбы, а те - на «коллег» за Ла-Маншем (кто-кто, а СИСМИ и СИСДЕ прекрасно знали, куда я делся: без их ведома и содействия «операцию» было бы не провернуть). И некий чин в британской разведке МИ-6, формально подчинённой Форин офису, возмутился: да стоит ли овчинка выделки? Разведывательного проку от него, то есть от меня, нуль, щадить его, то есть меня, ни к чему, а неприятности, по-видимому, назревают крупные. Надо бы показать ему, то есть мне, статью, посмотреть, как отреагирую, и в зависимости от этого решать, как быть дальше.

Отреагировал я бурно. Словно всё, что копилось в течение месяца глубоко в подсознании, выплеснулось мгновенной яростью. Цитировать себя не рискну: тех выражений на двух языках, что я швырял визитёрам,

бумага не выдержит. Я осознал наконец, сколько минуло времени: дата выхода номера была перед глазами. Я нарисовал себе картину, как выяснилось впоследствии, совершенно реальную: жена и дочка приехали, как обычно, встречать меня в Шереметьево - и не встретили…

Однако же визитёры неспроста явились целой компанией: Хартленд, Уэстолл плюс знакомый мне по Брайтону бородатый «Джеймс-Майкл». Кстати, Уэстолл тоже носил бородку, и оба бородатых свободно читали по-русски, так что вполне могли составить о статье своё, не согласованное с начальством, мнение. Они держались начеку. И ни галстуки, ни белые манжеты не помешали им схватить меня, скрутить, вылить в глотку стакан виски. В виски наверняка было подсыпано какое-то сильное снадобье. Я затих. Забылся. Но статьи не забыл- и вовек не забуду.

Воображаю, какой крови стоила она моим товарищам по редакции. Сколько пришлось её «пробивать», выслушивать возражений, ссылок на стереотип, на традицию отношения к проблеме, а традиция повелевала считать, что проблемы вовсе не существует. Нет, всё-таки настояли на гласности, поломали дурную традицию, напечатали. Низко кланяюсь всем, кто прямо или косвенно был причастен к этой статье. Не могу сказать, чтобы она облегчила мне жизнь, но по крайней мере многое прояснила и повернула иначе.

Вот она.

От редакции «Литературной газеты»

Редакция «Литературной газеты» крайне встревожена тем, что случилось в Италии с её сотрудником Олегом Битовым. Он был командирован на десять дней в сентябре на Венецианский международный кинофестиваль. И там вдруг пропал без вести. Итальянская полиция, если верить её заявлениям, вела с 9 сентября розыски по всей Италии, но абсолютно ничего не выяснила. Теперь тамошние власти высказываются весьма двусмысленно: «Быть может, советский журналист ещё жив». Так жив О. Битов или нет? И что же с ним стряслось? Мы, его коллеги, не дождавшись более чем за месяц вразумительного ответа от компетентных итальянских представителей, снова требуем сообщить нам и семье Битова о том, что же всё-таки произошло.

Римская газета «Мессаджеро» констатировала 15 сентября: «У Олега Битова, человека 51 года, интеллектуала с твёрдыми марксистскими убеждениями, уравновешенного, опытного и уважаемого журналиста, вряд ли был какой-либо повод скрыться» [3]. Чем же объяснить тогда «таинственное исчезновение советского журналиста», о чём пишет

[3]Ни одного сентябрьского выступления итальянской печати мне, разумеется, не показывали. Я и не догадывался об их существовании. Ни одного сентябрьского выступления итальянской печати мне, разумеется, не показывали. Я и не догадывался об их существовании.

печать? И долго ли ещё будет в цивилизованной Италии длиться сия необычная «таинственность», а точнее, бездеятельность властей? Зачем и кто ею прикрывается?

Следствие об участи Олега Битова ведёт в Венеции заместитель прокурора республики Карло Нордио. В ответ на наше обращение к нему по телефону синьор Нордио заявил:

- У меня до сих пор нет не только никаких догадок, но даже туманных предположений о том, что произошло с вашим корреспондентом. Я связался по своим служебным каналам с соответствующими чинами в других западноевропейских странах, но и там они ничего не знают. Для меня же в данном случае самое примечательное то, что в венецианской гостинице, где остановился Битов, остались все его личные вещи и вдобавок, а это особенно важно, купленные им сувениры и мелкие вещицы, предназначенные явно в подарок его родственникам и друзьям в Москве.

- Мог ли он стать жертвой террористического покушения?

- Не знаю. Если мы установим, что его нет в живых, то вернём все его вещи [4].

И это всё, чем обнадёжил нас венецианский прокурор. Однако нам нужен отнюдь не чемодан. Нужен Олег Битов. Нужна правда о случившемся. Её добиваются также сейчас итальянские писатели, у которых Битов по заданию редакции брал интервью накануне его намеченного отъезда из Италии. Поэт Джузеппе Фьюмара сообщил нам:

- С Олегом Битовым я договорился встретиться в Риме 7 сентября. Мы провели вместе несколько часов. Беседовать с ним было интересно и приятно. Он сведущий литературовед. Не хочу огорчать вас, но тем не менее предполагаю, что он погиб...

Живущие в Риме известный писатель Луиджи Малерба и его жена Анна рассказывают:

- Мы пригласили Битова в гости вечером 6 сентября. Он произвёл на нас наилучшее впечатление. Доброжелательный, интеллигентный, симпатичный. Много толковали с ним о литературе. Он увлечённо говорил

---

[4]Своего обещания Карло Нордио не выполнил. В телепередаче Би-би-си, о которой упоминалось дважды, я видел, как полицейские перетряхивают чемодан, оставшийся в отеле «Бьязутти». И из того же фильма узнал, что чемодан пребывал в Италии столько же, сколько я в Англии, - год. «Через три недели после возвращения Битова в Москву, - констатирует дикторский текст, - венецианская полиция получила срочную телеграмму с просьбой отправить чемодан по такому-то адресу. Мы установили, что это один из адресов, которыми пользуется МИ-5». На этом следы чемодана, как говорится, теряются. Своего обещания Карло Нордио не выполнил. В телепередаче Би-би-си, о которой упоминалось дважды, я видел, как полицейские перетряхивают чемодан, оставшийся в отеле «Бьязутти». И из того же фильма узнал, что чемодан пребывал в Италии столько же, сколько я в Англии, - год. «Через три недели после возвращения Битова в Москву, - констатирует дикторский текст, - венецианская полиция получила срочную телеграмму с просьбой отправить чемодан по такому-то адресу. Мы установили, что это один из адресов, которыми пользуется МИ-5». На этом следы чемодана, как говорится, теряются.

о своей работе в «Литературной газете». Тем более тяжело уведомлять теперь вас, что он, как считают здесь все знакомые нам писатели, почти наверняка уже убит.

- Кем? За что?

- Пока неизвестно. У нас тут люди подобным образом нередко пропадают. Их похищают террористы или уголовники. Когда похищение имеет политическую мотивировку, то заговорщики и в этом случае нанимают обычно бандитов. Так, например, была недавно похищена и бесследно пропала юная римлянка Эмануэла Орланди - дочь ватиканского служителя.

Роковое, возможно, совпадение: Олег Битов интересовался перед поездкой в Италию судьбой Эмануэлы Орланди, похищенной, по всей видимости, террористами [5]. Не исключено, что они принадлежат к тем, кто причастен к покушению на папу римского. Это преступление и секретную сопричастность к нему американского ЦРУ расследовала «Литгазета». Провели мы наше расследование и в Риме в августе. А 7 сентября Битов посетил Ватикан. Уж не следил ли тогда кто-то за ним, приняв туристический визит в Ватикан за продолжение нашего расследования? [6]

В Италии ЦРУ уже не раз расправлялось с неугодными ему людьми, натравливая на них нанятых террористов-похитителей. Политические похищения - общепризнанное итальянское бедствие. 38 пленников замучены до смерти. Итальянская пресса неоднократно расписывала, как похищенных зверски избивали, калечили, морили голодом, заковывали в цепи, гноили месяцами в подземных казематах. Пленников пытаются сломить и использовать в неблаговидных политических целях, принуждая их подписывать заранее сфабрикованные документы. Известно и то, что такие ведомства, как ЦРУ, пускают в ход и средства психического насилия - наркотические препараты. После такой обработки жертву выставляют подчас на публику в качестве своей марионетки.

...Спустя неделю после процитированных выше бесед с итальянскими писателями и венецианским прокурором мы опять обратились из Москвы по телефону к начальнице иностранного отдела полицейского управления Венеции синьоре Личе Галло. В ответ на наши расспросы она сказала:

- Ничего нового относительно Олега Битова, к сожалению, нет. Но мы активно ведём расследование. 2 октября мы опубликовали во всех газетах Италии фотоснимок Битова в надежде, что найдётся кто-нибудь, способный помочь расследованию.

---

[5]Что правда, то правда: интересовался, судьба Эмануэлы была тогда у всех на устах. Заходил об этом разговор и 6 сентября в гостях у Малербы. Но собеседники мои знали о судьбе девушки не больше моего, и никакого собственного расследования трагического происшествия я не проводил. Что правда, то правда: интересовался, судьба Эмануэлы была тогда у всех на устах. Заходил об этом разговор и 6 сентября в гостях у Малербы. Но собеседники мои знали о судьбе девушки не больше моего, и никакого собственного расследования трагического происшествия я не проводил.

[6]Это предположение, как уже известно читателю, соответствует истине.

- Но что же могло, по-вашему, произойти с Битовым?

- У нас нет никакой сколько-нибудь достоверной версии.

- Но какая-либо гипотеза, возможно, возобладала над прочими догадками?

- Нет. Мы считаем возможными любые гипотезы. В том числе готовы выслушать ваши предположения. И даже надеемся на это. Повторяю: несмотря на то, что мы ведём поиски во всех направлениях, нам пока ничего не удаётся достичь.

Итак, мы не знаем, где сейчас Олег Битов. В тщательно ли засекреченном помещении в Риме (а может быть, и не в Риме). Или же на дне одного из венецианских каналов [7]. Политика? Уголовщина? Месть?

Месть газете? Ведь Олег Битов, напомним, представлял именно «ЛГ», которая в последнее время провела ряд расследований сугубо политического характера в западных странах, последнее было в Италии.

Не исключено, что кто-то решил свести счёты. Мы сможем это исключить, лишь получив исчерпывающе убедительный ответ насчёт судьбы нашего коллеги.

Настаивать на принятии немедленных мер ради выяснения судьбы Олега Битова - это наше бесспорное право, зафиксированное в Заключительном акте общеевропейского совещания в параграфах об условиях работы журналистов. Это также неотъемлемое право самых близких Олегу Битову и охваченных горем людей - его матери, жены, дочери, сына, брата. И это несомненное право множества читателей нашей газеты. В этом общем праве никто не смеет нам отказывать.

Помимо того, есть журналистский долг и профессиональный кодекс чести, призывающие нас громко заявить о недопустимости дальнейшего пренебрежения в Италии к розыску нашего товарища. Почему уже 33 дня подряд не торопятся найти человека ни власти Италии, ни полиция, ни голосистые в других случаях политические и общественные деятели? В последние дни умолкла и итальянская печать. В связи с этим стоит напомнить зарубежной буржуазной прессе, как она бросается яростно отстаивать без разбора всех её заграничных корреспондентов, даже если те уличены в неприглядных или попросту противозаконных делах.

Где же их хвалёная приверженность заботе о «правах человека»?

Дополнение 1988 года

И всё-таки, положа руку на сердце, эта, сыгравшая такую неоплатную роль в моей судьбе статья вызывает сегодня не только благодарность, но и лёгкое раздражение. Я позволил себе сократить её на один абзац,

---

[7] В телепередаче Би-би-си есть кадры, документальные ли, инсценированные ли, где полицейские на катерах шарят по каналам в поисках моего тела. Дикторский текст: «Венецианской полиции предоставили возможность проделать эту бессмысленную работу, хотя итальянские спецслужбы знали, что Битов благополучно доставлен в Лондон».

однако дело не в нём. Вроде бы всё как было изначально, так и осталось, а текст словно подёрнулся окалиной и воспринимается с усилием. Почему?

Думаю, разгадка в том, что за эти годы мы привыкли доверять читателю неизмеримо больше, чем доверяли тогда. Раздражает не суть статьи, а лишние слова, повторы, преследующие единственную цель - «вдолбить» читателю то, что он прекрасно понял бы и без повторов. Переписать бы статью заново, современным языком, - но нет, на это права я не имею.

Йоркшир. На чьей вы стороне, мистер Мёрфи?

Пробуждение

Что греха таить, в октябре 84-го репортажи, одноимённые с этой книгой, были свёрнуты не в последнюю очередь потому, что я не смог их продолжать. Сперва планировались десять репортажей, потом семь, потом пять, а сил едва-едва хватило на три, притом, если уж уточнять, между вторым и третьим возник перерыв. Перерыв вынужденный: мозг категорически противился тому, чтобы отдавать пережитое бумаге. Оно было ещё слишком близко, слишком болезненно, и насилие над собой приводило лишь к невнятице, скороговорке, если не путанице. Пришлось ограничиться внешней канвой событий, изложить - и то пунктиром - политическое их содержание, а субъективные, психологические подробности оставить до лучших времён.

Даже теперь, без малого три года спустя, вести развёрнутое повествование отнюдь не просто. Приятного в том, о чём пишу, при всём старании не найдёшь и сегодня, разве что можно изредка позабавиться чёрным юмором. Но, с другой стороны, написать, выплеснуть на бумагу - это же для меня, вероятно, единственный способ расстаться с пережитым навсегда...

...Пробуждение было кошмарным. Раскалывалась голова, одолевала слабость. Во рту и гортани собрались какие-то полусухие плёнки, не хватало воздуха. Но - я помнил! Помнил вчерашний день! Помнил статью - если не слова, то общее от неё ощущение, и что последовало за ней.

Как выяснилось, они заночевали в смежной спальне вдвоём - Уэстолл и Хартленд, одного «Джеймса-Майкла» только и отпустили. И было видно, что они готовы к любым неожиданностям. Наверняка успели обсудить, а может, невзирая на воскресный день, и согласовать с начальством самые разные варианты моего и своего поведения. И меры воздействия, вплоть до крайних. Глядя на их насторожённые морды, я ни на секунду не усомнился, что они настроены решительно. Скорее всего, настроены именно на то, чтобы хватать, валить, затыкать рот и выкручивать руки. Убивать-то в центре Лондона, полагаю, не стали бы, да и дожидаться для этого утра было совершенно не обязательно, а вот влить или всыпать новую дозу какой-нибудь гадости были способны вполне.

- Доброе утро, Дэвид…

Я прошёл мимо, почти не взглянув в их сторону. Видел я их вместе и порознь столько раз, но впервые воспринял как нелюдей, как химеры, порождённые чьей-то злобной фантазией, а потому не стоящие ни лишнего взгляда, ни приветствия. Они, дыша мне в затылок, потопали следом.

Испугался я их? Ничуть. Чтобы раз и навсегда покончить с подобной, понимаю - соблазнительно лёгкой и всё же ложной - оценкой моих поступков, скажу со всей чёткостью: страха не было. Страх, неподдельный, приходил за год в считанных случаях, и такие случаи постараюсь оговорить особо. Ведь страх - это тоже эмоция, и, по-видимому, не самая сильная из существующих. Когда нет ни памяти, ни воли, то нет и страха. А когда от сумерек выключенной воли одним прыжком перемахиваешь к ярости - как же посмели так бесцеремонно и нагло поломать мне жизнь, - потом к сознанию собственного бессилия и опять к ярости, то для страха в обычном смысле слова как-то не остаётся ни времени, ни места.

В гостиной на столе был сервирован завтрак. (Я не упоминал про стол, пригодный и для парадных обедов и для заседаний на дому. Это был монстр под стать гостиной, персон на двенадцать, он стоял у стены напротив камина и в необъятном бальном пространстве не слишком бросался в глаза.) Ни до, ни после этого утра такого не припомню: меню на любой вкус, явно из ресторана, и всё в количествах сказочных, достойных скатерти-самобранки. Да и сама скатерть налицо, белая, крахмальная. Связь со вчерашними событиями не вызывала сомнений. Пускают пыль в глаза или что-то новенькое задумали?

Во всём изобилии меня привлекли лишь соки и лёд, пить хотелось безмерно. Никого ни о чём не спрашивая, не оборачиваясь даже, налил полный стакан, одним духом отхлебнул половину- и поперхнулся: а сок ли пью? Вернее, только ли сок?

Мысль поразила меня своей бесспорностью. Как же я раньше не догадался, что меня травят? Резко поставил стакан обратно на стол и услышал спокойный, с насмешечкой голос Уэстолла:

- Можете пить без опаски. Тут сок и ничего более…

В доказательство своего утверждения он налил того же соку себе. Не торопясь, позванивая льдинками, перемешал, пригубил. Позже мне стало известно, что доказательством такую демонстрацию считать нельзя: «лекарства» применяются разные, и например наркотики эйфорического типа, создающие самую тягостную зависимость, при одноразовом приёме почти безвредны. Но тогда я принял его жест за относительно чистую монету. Впрочем, как показало ближайшее будущее, Уэстолл не врал, по крайней мере, не всегда врал. Он лицемерил.

- Послушайте, Дэвид, - продолжал он, - вы разумный человек…

- Но никакой не Дэвид, - перебил я.

- Хорошо, вопрос об именах обсудим отдельно, - согласился он. - Или обойдёмся временно вообще без имён. Мы знаем, кто вы, а вы примерно знаете, кто мы. Но мы про вас знаем гораздо больше. Кроме того, нравится вам это или нет, вы сейчас зависите от нас, а не наоборот. Так что давайте сядем и поговорим. Не будем торопиться с выводами, не будем принимать поспешных решений. Ошибок и без того наделано немало, не будем их множить…

И он приступил к монологу. Он вообще обожал монологи, наставления, поучения, и Джордж Хартленд, если они оказывались рядом, безропотно уступал ему инициативу. Через полгода они сравнялись в звании - «заслуги» Уэстолла были оценены «по достоинству». Но и тогда, на Редклиф-сквер, Уэстолл держался настолько уверенно, что возникало сомнение в субординации. Уэстолл выглядел не подполковником, а генералом. Генералом от лицемерных наук.

Монологов Уэстолла я выслушаю, а вы прочтёте ещё такое множество, что этот - первый, какой я запомнил хотя бы частично, - предпочту, чтобы ничего не домысливать, воспроизвести тезисно. Тезис первый: да, я попал сюда против собственной воли, но это ничего не меняет, это уже случилось, а значит, я должен принять новое своё положение как факт. Тезис второй: связаться с советским посольством я не смогу и мне не дадут, лучше всего сразу выбросить пустые надежды из головы. Тезис третий: статью «Литературной газеты» мне показывать не стоило, остроту моей реакции не учли и за вчерашнее готовы принести извинения. (Извольте радоваться, не за Венецию, не за тайную переброску через Ла-Манш под чужим именем, не за допросы и наркотики - не за то, что породили статью, а за то, что показали.) И наконец, тезис четвёртый: во искупление причинённых «неудобств» мне обеспечивается безбедное существование до конца моих дней…

А я? Хотелось бы - мне самому хотелось бы, - чтобы обретённая единожды способность к сопротивлению мгновенно закрепилась, стала главенствующей и неукротимой. Только это, увы, из области теории, а на практике вспышка ярости и длительное, осознанное сопротивление- вещи разные. И без того многое произошло впервые: впервые поступил вопреки расчёту «опекунов», впервые увидел их врагами, впервые запомнил не фрагмент окружающего, а связный его кусок. Но вспышка не восстановила, а лишь всколыхнула задавленные душевные силы - и тут же сожгла их. Монолог Уэстолла вызвал уже не ярость и тем более не готовность к действию, а всего-навсего новую волну апатии.

Высокий гость

Не так давно по экранам страны прошёл фильм под названием «Вариант «Зомби». Фильм не снискал ни восторгов публики, ни внимания критики: очередной средний детективчик, по думаешь… А между тем фильм не просто средний, а незаурядно плохой. Не стану перечислять всех сценарных и режиссёрских промашек, скажу одно: когда главный герой, советский учёный, похищенный и подвергнутый психотропному

насилию, по мановению волшебной палочки (через двое суток!) преображается в супермена, разоружает похитителей, давит их приёмами каратэ, расстреливает из автомата навскидку, это не просто недостоверно. И не просто заимствовано из джеймсбондовских лент с переменой полюсов. Это разительно и неумно смещает историческую перспективу, всё равно как если бы изобразить пещерного человека, одолевшего с палицей танковый дивизион.

Происки секретных служб, отдающие отчётливой уголовщиной, терроризм, возведённый в ранг государственной политики, похищения по самым разным поводам, заложники, наркотики, психотропный плен - все эти темы, к сожалению, так прижились за последние лет десять в газетной хронике, что не удивлюсь, если на киностудиях готовятся, а то и запущены в производство другие картины того же толка. Два сценария разного достоинства довелось, как я ни отбояривался, прочесть самому. Нет, я не выступил против, наоборот, попытался помочь авторам советом. Но прошу - не их двоих, а всех кинематографистов, кто взялся или возьмётся за такую задачу: не подходите к ней упрощённо, не стряпайте «детективы на новомодный манер». При всём почтении к специфике экрана прошу усвоить: это не «про шпионов», а про нравственные и психологические потрясения, про одно из, наверное, тягчайших испытаний, какие может послать судьба в последней четверти XX века.

Позитивный итог «воскресного обсуждения» был только тот, что я настоял на праве переписки. На это согласились, и довольно легко, даже слишком легко. Мне, в меру скудного тогда разумения, мерещилось, что это победа. А «опекуны», приняв от меня через день пачку писем (сам-то я отправить их не мог), принялись рассуждать: первое пошлём из Португалии, второе из Швеции... Уэстолл ничтоже сумняшеся притащил мне открытку с видом Женевы - чтобы, мол, выглядела «взаправдашней». По возвращении на Родину выяснилось, что ни одна весточка той поры, включая «открытку из Женевы», домой не попала. Их просто никто не отправлял.

В понедельник или во вторник вечером - вероятнее, что во вторник, - получив очередные таблетки «снотворного», я попытался поступить с ними по-своему: не принимать, а спустить в унитаз. Дежурил Чарли Макнот - и то ли не заметил, то ли сделал вид, что не заметил. Однако завершилась моя попытка плачевно. Ночью начались кошмары, под утро голову сызнова стянуло обручем. Очевидно, уже развилась и заявила о себе реакция привыкания. Таблетки пришлось возобновить, но сама идея отказаться от них больше не забывалась.

В среду или четверг - опять-таки вероятнее, что в четверг, - меня посетил высокий гость. На голову выше Уэстолла и в прямом и в переносном смысле. А лучше сказать - и в смысле роста и в смысле ранга, оставив вопрос об уровне интеллекта открытым. Всё-таки, как ни сравнивай, а по холодному, жестокому интеллекту соперников Уэстоллу за весь год не обнаружилось, по крайней мере, в пределах Старого Света.

Назвался гость Джоном, фамилию и должность его я «вычислил»

двумя годами позднее. По нынешним моим представлениям, это был самолично тогдашний начальник МИ-5 Джон Джоунс. Но и в золочёной клетке на Редклиф-сквер, замечая, как увивается вокруг гостя обычно самоуверенный Уэстолл, я не сомневался, что Джон - большое начальство.

- Ну что ж, - объявил гость, вальяжно раскинувшись на диване (в бальной гостиной и для дивана место нашлось), - вынужден признать, что с вами мы совершили ошибку. Приняли за птицу иного полёта. Что поделаешь, от ошибок никто не застрахован. Теперь вопрос, как с вами поступить дальше. Создавать прецедент, связываться с вашим посольством и провоцировать дипломатический скандал мы, конечно, не собираемся. Нянчиться с вами тоже не вижу резона. Единственное ваше достоинство - ваш английский язык. Что, если мы пристроим вас на станцию прослушивания в Кавершеме? Будете слушать советские радиопередачи и делать по ним резюме на английском…

- Это ещё с какой стати? - огрызнулся я.

- Повежливее, пожалуйста, - вмешался наставительно Уэстолл. - У нас в Англии принято при любых обстоятельствах владеть собой и не повышать тона.

Гость, однако, рассердился не на меня, а на «наставника»:

- Я, кажется, не просил вас о заступничестве, Джим.

Уэстолл нахохлился и умолк. А начальство, продемонстрировав свою власть над подчинённым, вновь повернулось ко мне и даже изволило пошутить:

- Сформулируем, как учили древние. Если вы сердитесь, значит, вы неправы…

- Это я-то неправ?!

- Мы же не просим вас искажать передачи. Наоборот, чем резюме ближе к подлиннику, тем оно ценнее. Если угодно, в Кавершеме вы можете принести определённую пользу своей родной стране. Наши «слухачи» нередко недопонимают разговорную речь и принимают желаемое за действительное. А при вашем двуязычии ошибки исключены… - И, угадав, что ни демагогия, ни лесть не сработали и что я, того и гляди, опять взорвусь, гость бросил в ход новый, как ему рисовалось, неотразимый козырь. - Мы обеспечим вам щедрое жалованье. И оформим для вас без промедления британский паспорт, хотите - на имя Дэвида Лока, хотите - на любое другое…

- У меня есть моё собственное имя.

Гость запнулся, но спорить не стал:

- Хорошо, подумаем…

Уэстолл вышел проводить патрона, потом вернулся за трубкой. Он частенько забывал её где-нибудь на каминной доске, а затем возвращался минут через пять. Может, это был приём такой - вернуться неожиданно и

посмотреть, чем я занимаюсь, оставшись якобы в одиночестве.

- Ну и многого вы добились своей дерзостью? - осведомился он. - Джона рассердили и себя измотали. А толку ни на грош. Всё будет так, как он распорядится, и не иначе...

Ай да джентльмены! Ловко надумали - выправить свою восхитительную ошибку, спровадив меня в Кавершем, надо понимать, в подразделение тех же спецслужб, на полувоенный режим. Фарисеи! Принесу-де пользу, ещё бы сказали, что буду способствовать взаимопониманию... Паспорт посулили приманкой - эмигранты за «двуспального лёву», поди, душу дьяволу продают... Если бы «лёва» дал мне право пересекать границы, а то воткнут туда какой-нибудь птичий знак, индекс или цифирку, и никуда с ним не сунешься. Дэвид Лок - навсегда...

И самое печальное, что Уэстолл прав. Я только дерзил, не больше. Нет, нужно придумать что-то другое - но что? Как?..

- Я сейчас уйду, - сказал Уэстолл, словно прочитав мои мысли, да это, вероятно, было и нетрудно. - Можете делать что вам заблагорассудится. Например, позвонить в посольство, даже номер подскажу. Накручивайте диск хоть ночь напролёт, звонок всё равно не пройдёт. А можете попробовать убежать. Если повезёт, до угла добежите. Так что лучше не дёргайтесь, поберегите силы на завтра. Завтра вам предстоит серьёзное путешествие.

- Какое путешествие? Куда? В Кавершем?

Он расхохотался.

- Кавершем - это близко, час езды. Нет, мы решили показать вам всю страну, разные её уголки. Поедете с опытным гидом. Оглядитесь, отдохнёте, а там видно будет...

«Лондонский климат вреден для здоровья»

В пятницу утром к подъезду дома №34 на Редклиф-сквер подкатил «форд», на этот раз модели «сиерра», вместительный и быстроходный. Уэстолл сдал меня, что называется, с рук на руки водителю, здоровенному детине по имени Питер. Фамилии Питера, хотя бы условной, я так и не выяснил, даром что провёл рядом с ним в общей сложности целый месяц.

- Так куда мы всё-таки едем?

- В Кембридж, - коротко бросил он и резко тронул машину с места.

Кембридж так Кембридж, какая мне разница! Но даже при слабых в ту пору познаниях в географии страны мне было известно, что Кембридж находится на север от Лондона и чуть-чуть к востоку, а машина пошла по автостраде М 4 - на запад. Потом, правда, свернула на север и принялась петлять по второстепенным дорогам, чуть не поминутно, как сказали бы моряки, меняя галс, - но при чём тут Кембридж?

Со слов Уэстолла подразумевалось, что Питер - гид, и даже «опытный

гид», но если так, свои обязанности он понимал более чем странно. Он молчал, отвечая лишь на прямые вопросы, и будто нарочно выбирал маршрут в обход достопримечательностей и городов, чтобы и спрашивать было не о чем. Его интересовало одно - телефонная будка, к тому же в строго назначенный час. Искать телефонную будку в Англии, будь то столица или провинция, долго не надо, их попадались десятки. Но вот наконец Питер выбрал будку закрытого типа, красный домик на развилке дорог, и «сиерра» остановилась. Он вышел из-за руля, не забыв, разумеется, вынуть ключи, набрал номер, обменялся с кем-то двумя-тремя фразами. И вернулся заметно раздражённым.

Перекусили в какой-то придорожной харчевне, а потом действительно оказались в Кембридже, уже далеко за полдень, если не под вечер. В Кембридже он снова кому-то звонил. Пробыли там час, от силы полтора, и снова начали петлять по шоссейным закоулкам, пока не попали в старинный городок Стэмфорд, где и заночевали. Если напрямую, сюда от Лондона не набежало бы и ста миль, добраться можно было бы часа за два.

Только со мной, примерно после харчевни, стали опять происходить перемены. В Кембридже я мало что запомнил, сохранился лишь краснокирпичный колер университетских зданий и какие-то лебеди на тёмном пруду под ивами. А к ночи я и вовсе утратил интерес к происходящему, опять провалился в серую бесчувственную дыру.

Утром картина повторилась. С той разницей, что вопросов я уже вовсе не задавал. Петляли по Средней Англии, пока не попали в Линкольн. Питер снова звонил. И словно вышел на след, которого не мог найти, - перестал кружить и мрачно, целеустремлённо погнал «сиерру» на север - северо-запад. За окном промелькнули Донкастер, Харрогейт, потом путеводной нитью стала дорога второго класса В 6165. Потом Питер ещё с час колесил по дорогам вне класса - крутые взгорки и повороты, зажатые меж каменных, в рост человека, оград. Не осмотришься и не разъедешься. Голо. Тоскливо. А вопросов я всё равно не задавал. Не было у меня вопросов, забыл, как их задают.

И вот он остановился у одинокой фермы, вышел, открыл воротину - почти такую же, как в дальних русских деревнях; из грубо оструганных жердей. Только на воротине был ещё большой висячий замок. Замок висел на одной петле, нас поджидали. Миновав ворота, Питер вылез снова, тщательно совместил петли, нажал на дужку до щелчка. Приехали…

Куда же это меня завезли? В моём распоряжении подробнейший, 160 карт, атлас страны и путеводитель издания 1982 года «По сельским дорогам Британии». Но даже сопоставляя источники, координаты этого места могу указать лишь приблизительно. Северный Йоркшир. Одна из самых малонаселённых частей Соединённого Королевства. В масштабе три мили на дюйм, в каком исполнены карты, читаются мельчайшие ручейки, границы отдельных имений и пастбищ. А ферма, именно эта ферма, не отыскивается. Или не обозначена.

Стоит она - для Йоркшира в особенности - довольно красиво, высоко. Мягкие холмы, постепенно снижаясь, сбегают к долине. Там река, за рекой в ясную погоду видны какие-то средневековые развалины, до них мили три. И хоть видны они были не всегда, мешали туманы, и хоть развалины почтенного возраста в Англии, в общем-то, на каждом шагу, реку и долину я с их помощью, пожалуй, определил. Река Юр, долина Уэнсли. И тогда выходит, что развалины на полпути между деревушками Эйсгарт и Уэст Уиттон. Упомянутый путеводитель не считает развалины достопримечательными, предлагаемые туристам маршруты обходят их стороной.

Глухомань. Развлечений никаких, кроме телевизора. Правда, в комнате книжная полочка, но подбор литературы своеобразный: библия, «Оливер Твист» без начала и без конца, да ещё десятка полтора детективов в мягких обложках. Форсайт, Ле Карре, Флеминг, а больше всего - Агата Кристи, надоевшая ещё со студенческих лет. Кровать, умывальник, голые стены и одно окошко - без решёток, но весьма высоко над землёй. Тюрьма. Отнесённая к чёрту на кулички, полностью исключающая побег и используемая явно не в первый, далеко не в первый раз.

Зачем меня сюда затащили? Только ради контраста с позолоченной клеткой на Редклиф-сквер: веди, мол, себя смирно, не то?.. Нет, чепуха. Если бы меня сослали просто «для острастки», то не стали бы так налегать на «медикаменты». А Питера снабдили ими от души - и на утро, и на день, и на вечер. Числа вновь слились в сплошную неразделимую полосу, и даже недоумение: что я здесь делаю? - вскоре угасло.

Лишь долгое-долгое время спустя, когда я смог наконец ознакомиться не только с первой статьёй, а со всей серией выступлений «Литературной газеты» в мою защиту, когда сопоставил их даты с замыслом и перипетиями йоркширской ссылки, я кое-что понял. И это «кое-что» оказалось простым и страшным в своей простоте. Десятки раз я перепроверял результат, прежде чем решился его обнародовать. Нет, другого ответа не дано. Меня сослали в Йоркшир на случай, если развитие событий заставит меня убрать. Убить.

Не часто за весь год своих скитаний по «свободному миру» - а уж острые моменты и экстремальные ситуации шли, кажется, друг за другом - я был так близок к последней черте, как в Йоркшире, и даже не догадывался об этом! Смерть в облике мрачного Питера не отходила от меня ни на шаг. В первые дни он иногда сажал меня в «сиерру» и вывозил «проветриться». Кружил в обычной своей манере по взгорьям и пустошам, где и овец не встретишь, не то что людей. Подъезжал к обрывам и заброшенным шахтам, тормозил, осматривался, трогался дальше. Заброшенных шахт и шурфов, карстовых сбросов и ям в Йоркшире не перечесть. Документов у меня по-прежнему не водилось, оказать сопротивление под «наркозом» я не мог. Достаточно было бы звонка из Лондона, условного сигнала, и... Если бы меня - то, что от меня осталось бы, - когда-нибудь нашли, происшествие попало бы разве что в местные

газеты.

Но дни тянулись за днями, а сигнала не поступало. «Лекарства» иссякали. Сначала кончились утренние таблетки, потом не хватило вечерних, и Питер стал выдавать их не по две, а по одной. Мир опять обрёл очертания, навалились скука, тоска, уныние, но следом и ярость. И однажды я спросил:

- И долго вы намерены меня здесь держать? Что это вообще всё значит?

- Лондонский климат в осенние дни вреден для вашего здоровья, - усмехнулся Питер.

У водопада Хардроу

Больше я от него ничего не добился. Но ведь и с ним начали происходить перемены. Он будто обрёл дар речи. Я считал, что он как собеседник равен нулю, а он оказался способен даже острить. У него обнаружились какие-то личные интересы, например к профессиональному биллиарду - «снукеру». Игра, надо согласиться, хитрая, ловкая, зрелищная, и жаль, что у нас не распространена. Моё знакомство с ней осталось заочным, телевизионным, но Питер толково разъяснил и правила, и тактические тонкости, и странное на первый взгляд явление - огромный зал, толпы болельщиков на крутых трибунах, а в центре, под юпитерами, биллиардный стол - на второй-третий вечер перестало казаться странным, а сделалось вполне занимательным.

Мало того, телевизионные йоркширские вечера «снукером» не ограничились. Я раньше как-то не жаловал телевидения и упустил из виду, что оно, в любом национальном варианте, может служить не только развлечением, но и источником информации. Прозрением на сей счёт я также обязан мрачному Питеру, впрочем, день ото дня он становился всё менее мрачным. Он познакомил меня с основными выпусками новостей - девятичасовым на Би-би-си, часом позже на Ай-ти-ви. Он же научил дополнять и корректировать их в 22.45 программой «Ньюснайт» - тоже на Би-би-си, но по второму каналу.

Думал ли я, что через год именно «Ньюснайт» подготовит телепередачу о «деле Битова», на которую я часто ссылаюсь?

Правда, новости с Родины были скудны, отрывочны и, что называется, «поданы» - но и скупые новости лучше, чем ничего. А Питер, помогая преодолеть эту скудность, начал выспрашивать меня о жизни в Советском Союзе. Вопросы он ставил поверхностные и наивные, на откровенность не шёл, изменить что бы то ни было не мог, даже если бы захотел. И всё-таки азы политграмоты я ему, пожалуй, растолковал. Даже, как выяснилось через полтора месяца, с неким практическим для себя результатом.

И наконец, Питер оказал мне большую услугу, познакомив с мистером Мёрфи. Произошло это при обстоятельствах, примечательных и без такого знакомства: к концу третьей недели нашего вынужденного общения Питер «оттаял» настолько, что вывез меня не на пустошь, а на торную

туристскую тропу, к водопаду Хардроу.

Хорош водопад, шумный, мощный, пенный, хороши нависающие над ним старые дерева. А уж подступы к водопаду просто уникальны, потому что пройти к нему можно… только через пивную и никак иначе. Пивная и отельчик над ней именуются «Зелёный дракон». С каких пор они сосуществуют в столь выгодном соседстве, какому гениальному кабатчику пришло в голову застолбить за собой монополию не на определённый сорт пива или джина, а на водопад, - об этом путеводители умалчивают. Но Хардроу и «Зелёного дракона» я отыскал в них без труда.

От пивной, от задней её двери, к водопаду ведёт дорожка, выложенная плоскими камнями. Между камнями разрывы, иногда немаленькие. И надо же было Питеру поскользнуться и, выдёргивая ботинок из рыжей грязи, процедить сквозь зубы:

- Ну вот, мистер Мёрфи в своём репертуаре…

Я недопонял:

- Мёрфи - так зовут хозяина заведения?

- Не хозяина заведения, а хозяина здешних мест…

«Мистер Мёрфи начудил», «проделки Мёрфи», «закон Мёрфи» - слышишь в Англии на каждом шагу. Выражения, может, не великосветские, но крайне популярные. Продаются открытки, плакетки, нагрудные значки с «формулами Мёрфи», главной и дополнительными. А происхождение их покрыто туманом. Одни связывают их с именем ирландского драматурга XVIII века Артура Мёрфи, знаменитого в своё время острослова. Другие, например американский юморист Лоуренс Питер, - с неким Эдом Мёрфи, инженером, который якобы вывел главную «формулу» при испытании нового прибора в 1949 году. В общем, единогласия нет. И потому считаю себя вправе привести объяснение, какое дал мне «мрачный Питер» на задах «Зелёного дракона», отчищая ботинок от налипшей на него грязи. Во всяком случае, это объяснение не хуже других, а мне памятно.

Жил-де некогда в Йоркшире некий мистер Мёрфи, и не было для него большей радости, чем насолить соседу. Не всерьёз, не поджечь усадьбу или удавить овцу, а так, по мелочи, чтоб вышло посмешнее и подосаднее: затупить косарю косу, отправить путника не в ту сторону, подкинуть лягушку в бочонок эля. И до того он всем в округе осточертел, что, когда пришло ему время помирать, священник отказался причащать его и исповедовать. И не попала душа мистера Мёрфи ни в рай, ни в ад, так и шляется, неприкаянная, по белу свету и шкодит, где захочет.

Но на самом-то деле мистер Мёрфи был отнюдь не злым, а несчастным и одиноким, он жаждал всего лишь, чтобы люди его заметили и запомнили. И они запомнили. Вывели «закон Мёрфи», который гласит: «If anything can go wrong, it does» - «Если что-нибудь может пойти наперекосяк, то так и будет». Дополнительные формулировки охватывают частные случаи, вроде знаменитого «бутерброд обязательно падает

маслом вниз».

А душа мистера Мёрфи, душа не злая, как и её хозяин, бродит по странам и континентам и нигде ни обретёт вечного пристанища. Однако приглядитесь: если двое вступили в схватку не на жизнь, а на смерть, если кто-то преступно злоумышляет против кого-то, мистер Мёрфи в посмертном своём воплощении будет скорее всего вредить тому, кто не прав. Если поспеет. К сожалению, поспеть повсюду он просто не в силах…

Поразительно, другого слова не подберу, что рассказал мне байку про мистера Мёрфи (или легенду? или версию?) не кто иной, как Питер. Посланный в Йоркшир со злым умыслом, рассказал именно здесь и привязал её к йоркширской земле. Может статься, рассказал неспроста. Я не обманываюсь: если бы приказ поступил, даже в последние дни, Питер его выполнил бы. Но когда приказ отменили, он испытал облегчение. А мистер Мёрфи с той поры как бы вошёл в число моих негласных помощников. «Закон вредности» в персонифицированном йоркширском варианте я вспоминал не раз и вспоминаю по сей день.

И если продолжить шутку в делах нешуточных, то мистер Мёрфи выступил не на стороне спецслужб. Это их бутерброд закономерно падал маслом вниз. Это у них всё шло сплошь и рядом наперекосяк. Если уж сживать меня со света, то делать это следовало гораздо раньше. А после выступлений «Литературной газеты» было уже поздно.

Ведь выступления, хоть я ничего и не знал о них, продолжались.

Материалы «Литературной газеты»

«ЛГ» №42 (4952), 19 октября 1983 г.

Помогите разыскать моего сына

Открытое письмо министру юстиции

Итальянской республики Фермо Мило Мартинаццоли

Господин министр!

Я мать Олега Битова, советского журналиста, находившегося в сентябре на Венецианском кинофестивале в качестве корреспондента «Литературной газеты». Вот уже сорок дней, как мой сын должен был вернуться домой, и все эти сорок дней я не живу, а мучаюсь, даже не знаю - жив ли он, здоров ли, где его держат? Убеждена, что вам, господин министр, понятно горе матери, узнавшей, что с её сыном случилось несчастье. А если что-то непоправимое?

Многое произошло за полвека моей жизни с сыном, мы с ним выжили и в войну, и в ленинградскую блокадную зиму, но чтобы пропасть без вести в солнечной Италии, в цивилизованной европейской стране, в конце XX века, - такое советскому человеку не причудится и в кошмаре. Я пенсионерка. По образованию юрист. Моя трудовая жизнь начиналась когда-то с изучения римского права, лёгшего в основу всех европейских

законодательств. Не могу себе представить, что взрослого, образованного, разумного человека можно потерять в Италии среди бела дня и никогда не найти.

Мне 78 лет, я далека от Венеции, далека от политики. И всё же я регулярно читаю газеты. Из их сообщений я знаю, что права человека - одна из любимых тем руководителей западного мира. Разве право человека на безопасность, на жизнь не входит в эти права? Для меня - это вопрос: где мой сын?!

Я прошу вас как человека, я прошу человека - помогите, ускорьте розыск моего сына. У вас тоже, наверное, есть дети. Поставьте себя на моё место, на место моего сына.

С уважением и надеждой

Ольга Кедрова-Битова

17 октября 1983 года Ленинград

«ЛГ» №43 (4953), 26 октября 1983 г.

Когда права человека – фикция [8]

Я провёл в Италии почти семь лет и, как всякий журналист, долгое время работавший в этой стране, насмотрелся всякого. Видел залитую кровью мостовую на виа Фани, где был схвачен террористами из «красных бригад» Альдо Моро и убиты пятеро полицейских из его охраны. Видел изрешечённый пулями труп самого Моро, втиснутый в багажник красного «рено». Видел по телевидению жуткий репортаж о том, как на мусорной свалке обнаружили целое кладбище похищенных бандитами людей, в том числе труп совсем юной Кристины Маццоти…

Все эти трагические события взахлёб расписывались средствами массовой информации: аршинные заголовки газет, огромные фото чуть ли на всю страницу, охрипшие от волнения репортёры радио и телевидения…

Но почему же теперь, когда речь идёт об исчезновении в Венеции советского журналиста Олега Битова, итальянские газеты и журналы столь бесстрастны, а власти только разводят руками? Может быть, потому, что речь идёт об иностранце? Но в памяти ещё свежи воспоминания о том переполохе, который был поднят на Апеннинах, когда похитили американского генерала Доузера. На ноги подняли и армию, и спецслужбы, и полицию. А может быть, исчезновение среди бела дня человека в крупном европейском городе уже перестало быть сенсацией?

[8]Публикуется с сокращениями. Из целой подборки материалов, опубликованной в этом номере, я выбрал выступление В. Малышева, поскольку оно как бы отвечает на письмо моей матери и в то же время показывает, отчего итальянские власти были вынуждены усиливать нажим на свои спецслужбы, а те, в свою очередь, - на «Интеллидженс сервис». Воображаю, какой разброд во мнениях царил в те дни среди «мастеров плаща и кинжала»: у МИ-5 была своя точка зрения, у МИ-6 своя, а у Пола Хенци, подававшего «советы» из-за океана, - тоже своя. На чём они порешили, вы узнаете буквально через несколько страниц.

Как же тогда с правами человека, о которых столь усердно пекутся на Западе? Можете себе представить, какой бы был поднят крик, если бы западный журналист вдруг исчез в Москве?

Впрочем, у всей этой истории может быть и совсем иной поворот. Ни для кого не секрет, что для так называемой «свободной прессы» сенсация - вещь весьма условная. Когда нужно, то штраф за нарушение общественного порядка каким-нибудь «диссидентом» - «вопиющее нарушение прав человека», а убийство - «пустяк», который не стоит и замечать. Или невыгодно замечать. А с теми, кто нарушает правила буржуазной игры в «демократию», расправа бывает крута и безжалостна. В том числе и с журналистами. Как тут не вспомнить о трагической судьбе сицилийского журналиста Мауро Де Мауро, бесследно исчезнувшего 23 года назад? Или об убитом мафией писателе-коммунисте Пио Ла Торре? Или о редакторе еженедельника «Обсерваторе политико» Мино Пекорелли, застреленном в Риме за то, что он «посмел» разоблачить связи ЦРУ с подрывной масонской ложей «П-2»?

Так, может, и Олег Битов стал жертвой мести? Мести «Литературной газете», которая тоже «посмела» напечатать серию разоблачительных статей о подоплёке покушения на папу римского?

Конечно, то, что происходит в Италии, - это дело прежде всего самих итальянцев. Мы можем только посочувствовать той трагедии, которую переживает эта замечательная страна, захлёстываемая волной уголовной преступности и политического терроризма. Но в данном случае речь идёт о судьбе гражданина СССР, нашего коллеги, и именно поэтому мы, советские журналисты, не можем молчать.

Владимир МАЛЫШЕВ, бывший корр. ТАСС в Италии

Лондон. «Человек, принимающий решения»

И вдруг тягучее йоркширское существование сменилось отчаянной спешкой. Рано утром Питера вызвали к телефону, и вернулся он, вновь сменив выражение лица, преображенно деятельным.

- Собирайтесь.

- Куда?

- В Лондон.

- Что, климат переменился?

- Вот именно.

«Сиерра» фыркнула, рванула колёсами гравий. Воротина стояла нараспашку, и уединённая ферма, она же тюрьма, скрылась за поворотом. «Держитесь крепче», - предупредил Питер. Ремни безопасности в Англии, разумеется, обязательны, но пришлось ещё и упереться ногами, и взяться за ручку над дверцей: «сиерра» шла, как на ралли, визжа покрышками на виражах. Узкие сельские дороги, по которым Питер так долго петлял три недели назад, теперь остались позади за четверть часа. Вообще маршрут

был теперь другой, незамаскированный и бесспорно кратчайший - почти строго на юг, к Лидсу, где берёт начало автострада М1.

А на автостраде... Питер уже показал себя лихим водителем, едва ли не самым лихим, какого я видел в жизни. Но то были ещё цветочки: на автостраде он поднял скорость до 90, до 100 и, наконец, до 120 миль - 200 километров в час. Официальный предел скорости в стране - при раздельных полосах движения - 70 миль в час, за превышение нещадно штрафуют, отдают под суд. Однажды к крупному штрафу приговорили принцессу королевской крови, и вся английская печать визжала от восторга: полюбуйтесь, какое у нас равенство всех перед законом!.. Вина оштрафованной принцессы выражалась, если не ошибаюсь, цифрой 96 миль в час. А тут - 120, но вся дорожная полиция, как сговорившись, смотрела в другую сторону. Мото- и автопатрули буквально шарахались от «сиерры», рассмотрев её магический номер. Возможно, впрочем, что и предупреждение по трассе было...

Причина спешки выяснилась, как только мы вернулись на Редклиф-сквер. В тот промозглый ноябрьский вечер позолоченную клетку почтил своим присутствием «человек, принимающий решения».

Именно так он и представился. Потом, уразумев, что подобное титулование в разговоре - штука затяжная и неудобная, предложил снисходительно:

- Можете называть меня Питер. - Опять Питер! Нет, от йоркширского Питера гость отмежевался, уточнив: - Сэр Питер...

Рыцарское своё достоинство, приставку «сэр», он как бы подчеркнул двумя чертами.

Одутловат, редковолос. Щёки, выбритые до лоска, отвисают, как бакенбарды. Тяжёлый взгляд из-под отёчных век. Безупречный, от хорошего портного, костюм.

- Ходить вокруг да около я не намерен, - изрёк он. Достал из внутреннего кармана пиджака пачечку тонких, сложенных втрое машинописных листков. Взвесил на руке, перебросил через стол в моём направлении. - Прошу ознакомиться...

Я надел очки - очки, впервые в жизни, мне выписал ещё доктор Джонатан в «Олд Фелбридже».

«Настоящим я, нижеподписавшийся, излагаю причины, по которым я решил не возвращаться в Советский Союз...»

- Ч-что это?..

Я действительно начал заикаться. Я бы сел, если бы уже не сидел. Вопрос вырвался непроизвольно - я ведь сразу всё понял. Сказалось ли ослабление «режима» в последние дни ссылки или бешеная езда на «сиерре», но голова работала ясно. И ясно, недвусмысленно подсказала, что это приговор. Жестокий и окончательный, без права обжалования.

- Это ваше заявление для печати.

- Но я его не писал!

- Ну и что с того, что не писали? Сам знаю, что не писали. А доказать, что не писали, можете? Нет, не можете. К вашему сведению, заявление было передано агентством Рейтер ещё три недели назад. В том числе и в Москву. Для ваших вы теперь отщепенец, отрезанный ломоть. Из чего и следует исходить в ваших собственных интересах...

- Но это же... это...

- Беззаконие, вы хотите сказать? Произвол? А в нашем деле есть только один закон - полное отсутствие всяких законов.

Да, он меня добил. Циничной этой остротой, претендующей на афоризм. Властной своей самоуверенностью. Пачечкой машинописных листков с текстом, расплывающимся перед глазами, несмотря на очки.

Три недели назад, сказал он. Три недели... Наврал? Вряд ли. Это клерки врут, мелюзга, а таким бонзам врать не к чему... Значит, как только выкинули меня в Йоркшир, так и сочинили? Что ж, логично. А почему логично? Чем я мог им помешать, оставаясь здесь? Выходит, чем-то мог... Но неужели там, в Москве, поверили? А собственно, почему бы и нет? Потому что была статья? Мало ли что было. Была одна статья, будет другая, противоположная. Был Олег Битов - и нет его, перечеркнули. С глаз долой - из сердца вон. А мама? А жена? А дочка? Их тоже - вон?..

Вот когда я испытал страх. Впервые - страх. Тёмный ужас одиночества, беспросветного и бессильного. Под ногами разверзлась яма, и я качался на самом краю, а может, уже и падал. Я, наверное, вовсе не усвоил бы своего «заявления для печати», но сэр Питер, уходя, милостиво оставил мне текст. Для сведения и руководства.

«Заявление» оказалось корявым и непоследовательным, хотя и оснащённым обильными ссылками на подлинную мою биографию. Источник сведений не вызывал сомнения - Брайтон. Истолкованы они были, разумеется, вкривь и вкось, швы были видны невооружённым глазом. Никто и не позаботился заделывать швы, лишь бы как-нибудь оправдать первую строчку. Но заметят ли эти швы в Москве? Захотят ли заметить?..

Ау, вездесущий мистер Мёрфи, где ты? Ведь в ситуациях критических, по легенде, ты приходишь на помощь тем, кто в опасности... Но нет, не было поблизости никого, даже мистера Мёрфи. Не поспел он за стремительной «сиеррой», застрял в Йоркшире или где там ещё. «Человек, принимающий решения», не растаял в воздухе и не упал головой в камин. Он прошёлся по комнате и принял решение столкнуть меня в яму бесповоротно. Возможно, с его точки зрения это называлось не столкнуть, а поддержать.

- Мне лично, - объявил он, - заявление, которое вы только что прочли, не понравилось. Вышло неубедительно. Составили на скорую руку...

Вот те на! Но он не ограничился столь желанной для меня констатацией, он продолжал:

- Полагаю, что вам следует выступить в печати самому. Считайте, что мы показали вам пример, как интерпретировать советскую жизнь с наших позиций. Сделайте что-нибудь в том же духе, только лучше. Справитесь - будете купаться в деньгах, не справитесь - пеняйте на себя. Главное, в какой бы газете вас ни печатали, помните, что заказчики - мы. А что мы умеем настоять на своём, вы, надеюсь, уже усвоили…

«Человек, принимающий решения» и твёрдо уверенный, что ключи от «свободной» британской прессы у него в кармане, выдержал многозначительную паузу, давая мне осмыслить угрозу, и выдал ещё одну сентенцию:

- Лингвистика - тоже оружие.

С этим я, пожалуй, не стал бы спорить, но он решил и тут не оставить места иллюзиям:

- Выхода у вас, собственно, нет. Хотите жить - живите и пишите по нашим правилам.

- Вы же сказали, что не признаёте правил.

- Я сказал, что мы иногда пренебрегаем законами. А правило есть. Не для нас, а для вас. Одно-единственное: не перечить. Поняли?..

Чего уж тут было не понять! Окна в гостиной на Редклиф-сквер доставали до полу, из-под штор было видно далеко окрест. А там, за окнами, творилось, без преувеличения, чёрт знает что: полицейские машины с «мигалками», а равно гробоподобные лимузины без «мигалок», презирая всякие правила, останавливались поперёк улицы, разворачивались против движения. Право, на месте «человека, принимающего решения», я не стал бы привлекать к своей особе столько внимания.

Пусть я снова резко забегу вперёд, но никак не могу отказать себе в удовольствии сообщить, что через два года после этой неизгладимой вечерней встречи все руководители секретных служб её величества разом лишились своих постов. И в списке впавших в немилость, просочившемся в газеты, я нашёл, помимо уже упоминавшегося Джона Джоунса, также и сэра Питера. Нет, конечно, всё было исполнено истинно по-английски, связь причин и следствий в отрывочных газетных сообщениях не прослеживалась. Премьер-министр заявила лишь, что спецслужбам, и в особенности МИ-5, нужна «основательная встряска».

«Дело Битова», к тому времени «отгоревшее», не поминалось ни словом. Да и как я могу ручаться, что Джон Джоунс и сэр Питер - те самые: помещать фотографии газеты дружно постеснялись. Но ясно одно: могучие решения «людей, принимавших решения», не принесли британской короне ни чести, ни славы.

А теперь вернёмся в ноябрь 1983-го и перечитаем ещё одну редакционную статью «Литературной газеты». В своих догадках я был неправ: статья оказалась отнюдь не «противоположной». Именно она и предопределила поспешное завершение йоркширской ссылки и встречу с

сановным сэром Питером на Редклиф-сквер. Только из нас двоих об её существовании знал он один.

«Контрабандирован в Англию» [9]

«ЛГ» №46 (4956), 16 ноября 1983 г.

Судьба Олега Битова, командированного «ЛГ» на кинофестиваль в Венецию и пропавшего там 9 сентября, до сих пор не прояснена.

К сожалению, и сегодня, спустя почти 10 недель, мы не можем сообщить ничего определённого.

Предыдущие выступления «ЛГ», официальное обращение советского посольства в Италии с требованием расследовать обстоятельства исчезновения Битова возымели лишь один результат. В конце октября сначала в английской прессе, а затем в газетах других стран появилось лаконичное сообщение: советский журналист находится в пригороде Лондона, где «сотрудники британских спецслужб пытаются выяснить, может ли он представить какую-либо ценность для английской разведки».

Немедленно по получении этой информации советские представители в Италии и Англии, наши корреспонденты в этих странах попытались по официальным каналам получить ответ на вопросы:

- Что случилось с Битовым в Венеции?

- Как он попал в Англию?

- Где находится сейчас и в каком состоянии?

Никакого ответа от английских и итальянских властей не получено. На сей раз их излюбленная тема «прав человека» за ненадобностью выброшена в мусорную корзину.

Правда, то в одной, то в другой газете различных стран время от времени появляются странные заметки, дающие самые фантастические версии судьбы Битова [10]. Цена такого рода инспирированных «утечек» информации хорошо известна.

Они не проясняют дела, а сознательно запутывают его, вызывая всё новые и новые вопросы. В одном сообщении говорится, что Битов якобы сам обратился к англичанам с просьбой предоставить ему убежище. В другом - что он «согласился выбрать свободу» [11], когда его доставили в

---

[9]Публикуется с сокращениями.

[10]О самой странной из «странных заметок» рассказал мне, естественно, много позже, корреспондент «ЛГ» по странам Латинской Америки Владимир Весенский. В аргентинских газетах, со ссылкой на «хорошо информированные источники», ещё в середине октября появилась заметка о том, что меня якобы задержали в… Нидерландах и выдворили из страны как незаконного иммигранта. Но эта «версия», очевидно, показалась слишком наглой даже тем, кто её породил, и от неё отказались.

[11]Выделено редакцией «ЛГ». На пресс-конференции в Москве 18 сентября 1984 г. на вопрос лондонской «Дейли мейл», обращался ли я к английским властям с просьбой о предоставлении политического убежища, я дал ответ, который многих тогда озадачил: «В сознательном состоянии не обращался». И не мог я ответить иначе, поскольку знал, какие «дыры» остались в памяти, как много дней смазано или стёрто совсем. Да, я

Англию «на предоставленном Италией военном самолёте» и поместили «в доме, охраняемом круглые сутки, где его допрашивали английские разведчики». В третьем - что он подвергался длительному допросу ещё и «американских соответствующих органов».

Советское посольство в Лондоне в соответствии с нормами международного права и двусторонним консульским соглашением потребовало встречи с Битовым нашего представителя. По поручению редакции лондонский корреспондент «Литературной газеты» обратился с просьбой разрешить свидание с Битовым к руководству двух министерств Англии - иностранных и внутренних дел. Однако эти законные и бесспорно оправданные запросы были наотрез отвергнуты. Видно, первичная многонедельная обработка Битова ещё не завершена полностью. Зато британские спецслужбы попытались вовсе отрезать ему путь к возвращению домой, опубликовав от имени Битова неуклюже состряпанное демагогическое заявление [12].

Ещё один примечательный эпизод: лондонская газета «Дейли телеграф», получив приписанный Битову текст заявления для печати, пожелала ради проверки услышать то же самое из его уст. Но увидеться с ним не позволили даже апробированному сотруднику этой консервативной газеты [13]. Ни один западный журналист не видел Битова, не слышал его голоса. Не опубликовано ни одной его фотографии, относящейся к нынешнему периоду; Испугались, как видно, нечаянного разоблачения...

Нет, определённо у организаторов провокации концы с концами не сходятся. По их версии, Битов будто бы объяснил своё конспиративное перемещение в чужеземное шпионское логово решением опротестовать таким экстравагантным манером «советский выстрел по южно-корейскому самолёту». Битов и... южнокорейский самолёт! Немного же шерсти настрижено объединёнными усилиями трёх разведок! Но на что не пойдёшь, стараясь угодить хозяевам. Как поведала английская газета «Гардиан», «это заявление должно прозвучать сладчайшей музыкой для ушей администраторов министерства иностранных дел Англии и госдепартамента Соединённых Штатов».

Да, заморские уши торчат напоказ, их только в очень большом служебном рвении могли не заметить. Воздушный диверсант потерпел фиаско, как известно, в ночь на 1 сентября, а «заявление Битова»

боялся, что в какой-нибудь из этих дней мне подсунули какую-нибудь грязную бумажку. Зато теперь имею полное право заявить: не подписывал я подобной просьбы ни в каком состоянии. Потому что, если бы подписал, именно эта подпись была бы предъявлена после пресс-конференции английским телезрителям, отснята в кино и так далее, - а ограничились, вынужденно, невразумительными гостиничными счетами.

[12]Всё-таки заметили! Но есть ещё один любопытный нюанс: «заявление Битова», переданное в Москву по каналам агентства Рейтер 25 октября и чуть не сорвавшее выход номера «ЛГ» за 26-е, в самой-то Англии опубликовано не было! Лишь в конце ноября, то есть после моего свидания с «человеком, принимающим решения», «Таймс» согласилась поместить текст «заявления» на 16-й полосе, причём устранив самые вопиющие нелепости и со ссылкой не на Рейтер, а на... «Уоллстрит джорнел».

[13]Ох, коллеги! Если б вы могли предвидеть, во что обойдётся мне эта фраза...

огласили почему-то почти через два месяца. Так почему же не приказали Битову проиграть «сладчайшую музыку» своевременно, в начале сентября? Как кстати пришёлся бы тогда этот голос дирижёрам дикой антисоветской истерии.

С итальянскими своими подручными англо-американские спецслужбы никогда особо не церемонятся. А тут выставили перед всем миром лгунами уже и высших чинов итальянской юстиции, и прежде всего ведавшего розыском пропавшего журналиста венецианского прокурора Карло Нордио. Ничтоже сумняшеся он заявлял уже в октябре, что «Битов границ Италии не пересекал и с просьбой о политическом убежище не обращался».

Позднее сей служитель закона в ответ на очередные вопросы ограничился туманной фразой:

- Пока неясно, отправился ли Битов в Лондон по своей воле или его вынудили.

Где логика, господин прокурор? Ведь пожелай Битов самостоятельно запродаться английским партнёрам Италии по НАТО, «ясность» была бы полная.

Недостатка в информации у господина прокурора тоже вроде бы быть не должно. За Битовым велась неусыпная слежка. Газеты «Коррьере делла сера», «Стампа», «Паэзе сера» сообщают: 6 сентября после полудня Битов вышел из венецианской гостиницы «Бьязутти», прибыл на вокзал Санта-Лючия, поехал поездом в Рим, вышел там на перрон вокзала Термини, снял комнату в отеле «Люкс Мессе» на улице Вольтурно. В тот же вечер он, как доложил приставленный к нему соглядатай, «подвернул ногу» [14]. Тем не менее 7 сентября журналист, выполняя редакционное задание, объехал нескольких римских писателей и взял у них интервью. Кроме того, посетил Ватикан. Потом поздним вечером 7 сентября направился обратно в Венецию экспрессом №722. Вернулся в отель «Бьязутти». Купил сувениры для родных. «А далее - мрак!» - повествует патетически «Коррьере делла сера».

Уточним: мрак обманный. Власти Италии не могли не знать об операции спецслужб против иностранного журналиста. А если не знали, что же за порядки в этой стране?

В течение полутора месяцев нас заверяли, что ведутся тщательные поиски Битова. Теперь ясно, что это была циничная ложь.

Лгали зарубежные обманщики не только редакции «Литгазеты», требовавшей разыскать сотрудника. Лгали издевательски его 78-летней матери, умолявшей министра юстиции Италии помочь найти её сына. Лгали его жене и дочери. Прокуроры и полицейские клялись нам по телефону, что у них Битов как бы дематериализовался. Потом - молчание. День за днём. Письмо матери Битова к министру юстиции Италии

[14]Ногу я не подворачивал, но, вероятно, слегка волочил. Остальные мелкие неточности в этом абзаце - на совести итальянских газет.

осталось без ответа.

Обманывали и итальянских писателей, встревоженных пропажей посетившего их корреспондента. Обманывали итальянскую общественность, собственную прессу, которая вплоть до 25 октября полагала Битова пропавшим без вести.

По свидетельству «Паэзе сера», все контакты Битова в Италии были «выявлены шефом ДИГОС д-ром Франческо Сирлео». ДИГОС - одно из подразделений итальянской контрразведки. Как установила документально ещё в 1979 году римская газета «Репубблика», ДИГОС действует под негласной опекой и контролем американского ЦРУ и военных атташе посольства США в Риме.

Но по какой причине именно Битов стал вдруг мишенью двух разведслужб капиталистического Запада? Каким образом угодил он в приготовленный для него капкан? Ещё толком не знаем. Хотя начинаем догадываться.

Лондонская радиостанция Би-би-си 26 октября запустила в эфир полузавуалированную инсинуацию: «В начале сентября Битов отправился в Венецию якобы на Венецианский фестиваль». Оговорка «якобы» не случайна. Что у Би-би-си на уме, то у «Свободы» на языке: она настойчиво твердит, будто корреспонденты «Литературной газеты» ездят за рубеж в роли... советских джеймсов бондов. Прямо паранойя какая-то! Кругом шпионы!

А пока что прокуратура Венеции ещё не прекратила расследования инцидента с исчезнувшим там журналистом. «Если судить по сведениям, просочившимся из прокуратуры, - оповестила 28 октября «Паэзе сера», - то нашей полиции и карабинерам предстоит установить, каким образом Битов покинул Венецию. В его деле ещё не исключена гипотеза о похищении».

Встречавшийся с Битовым в Риме писатель Луиджи Малерба теперь говорит:

- Он показался мне довольным своей работой журналистом. Известие, что он объявился в Лондоне, меня просто потрясло.

Второй римский собеседник Битова киносценарист Чезаре Дзаваттини рассказывает со страниц «Коррьере делла сера»:

«Битов посетил меня и провёл со мною полтора часа, чтобы взять интервью. Мы говорили о многом, в частности о «Литературной газете».

- Выходит, он не выказывал признаков озабоченности?

- Именно так. Именно это я хочу подчеркнуть» [15].

[15]Редакция «Литгазеты» связывалась с Чезаре Дзаваттини и напрямую. И услышала от него такое, чего тогда, осенью 83-го, печатать не рискнула. Слова Дзаваттини были опубликованы, после того как я вернулся на Родину, - 3 октября 1984 года: «Я не заметил в его поведении ничего необычного. Что с ним случилось? Пока не знаю. Но предчувствую, что это странное дело наверняка будет очень громким и даже сенсационным...» А ведь информации у Дзаваттини было не больше, чем у других. Даже

…Неделю за неделей нам ежедневно звонят и пишут со всех концов страны советские люди, гневно осуждающие очередную провокацию англо-американских спецслужб.

А они устраивают такое не впервой. Создаётся впечатление, что кто-то всевластный приказал устроить охоту на советских служащих за рубежом. Докатились до того, что принялись охотиться даже за детьми наших дипломатов в Вашингтоне. Не брезгуют ничем - шантажом, угрозами, похищениями, террором. Попирают элементарные права человека. В открытую нарушают Заключительный акт хельсинкских соглашений. Нагло не соблюдают общепризнанные каноны международного права. Совсем отбросили мораль и совесть.

Расписывая теперешнюю диверсию против «Литгазеты», заокеанская «Нью-Йорк тайме» смакует, как «Интеллидженс сервис» «контрабандировала Битова из Италии в Англию». Глагол «контрабандировать» в данном контексте верен: в контрабандный товар превратили живого человека.

Шотландия. Бунт в четырёх стенах

Может, и выступать не стоило?

Итак, 12 октября «Литературная газета» поместила первую редакционную статью. Для спецслужб она явилась такой неожиданностью, что 15-го они в растерянности принесли её мне и тем самым рывком вернули меня к действительности. Ответом на мою реакцию были, во-первых, поспешная и тут же отброшенная версия о моём появлении в Нидерландах, а во-вторых, визит начальственного Джона и «кавершемский вариант» с посулами британского гражданства под чужим именем.

19 октября газета опубликовала письмо моей матери к итальянскому министру юстиции. 21-го меня отправили в Йоркшир, чтобы я ненароком не увидел письма (хотя увидеть «Литгазету» в Лондоне, да ещё ненароком, в те времена было равносильно чуду) и чтобы полегче избавиться от меня, коль придётся. Не пришлось: давление с итальянской стороны возросло настолько, что вместо условного сигнала «мрачному Питеру» в недрах «Интеллидженс сервис» наспех сварганили «заявление для печати».

«Заявление» было передано через агентство Рейтер 25 октября. Тем не менее 26-го «Литгазета» печатает не один, а целых четыре материала на ту же тему! (Думаю, что мне ещё и повезло: «заявление» поступило поздно, и график выхода номера не позволил что-либо ломать.) Переполох в рядах джеймсов бондов сменяется паникой. Обсуждение небывалой газетной кампании поднимается до уровня «людей, принимающих решения». А советские представители, получившие по крайней мере

меньше: он видел меня впервые в жизни и смог уделить мне действительно лишь полтора часа. Как же ему удалось на основе одного разговора составить мнение столь уверенное, чтобы выступить в полном смысле слова пророком? Мудрый старик!

подтверждение, что я жив и переправлен в Англию, требуют встречи. И кто знает, прояви они чуть больше настойчивости, а газета - решимости, помести она в ближайшем ноябрьском номере хоть строку, из которой явствовало бы, что «заявление» оценено по достоинству, как липовое, - моя западная «одиссея» могла бы завершиться намного раньше.

Будь ты проклято, процветавшее столько лет и пустившее такие глубокие корни стремление опираться на прецедент да оглядываться «на дядю»! Ведь уже посмели пойти наперекор течению и предать гласности происшествие в Венеции, огласке якобы не подлежавшее! Ещё бы немножко, совсем чуть-чуть... Но не случилось этого «чуть-чуть». Не хватило последовательности, джеймсы бонды успели перевести дух - и встреча с советскими представителями, до которой было, вероятно, рукой подать, не состоялась.

Однако проклятие прецедента тяготело, бесспорно, и над моими непрошеными британскими «опекунами». Если угодно, понять их мне даже проще. Беспримерные выступления «Литгазеты» спутали им все карты, поставили в тупик: что ж это за птица такая, что ради него нарушается обет молчания, что даже «заявление для печати» не принимается в расчёт? Простейшее и единственно важное соображение: за человека можно (и нужно!) вступиться просто потому, что он советский человек, «советологи» из «Сикрет сервис» отбрасывают как чисто теоретическое. И вновь просыпается у них и свербит, не даёт покоя окаянная мыслишка: а может, нет дыма без огня? Может, похитители не так уж и ошиблись?..

16 ноября «Литгазета» выступает со статьёй «Контрабандирован в Англию». Но - поздно. Момент упущен. Паника среди руководящих джеймсов бондов улеглась. Договорились: «добычу» ни под каким видом не отдавать. 18 ноября «человек, принимающий решения», вызывает меня из Йоркшира и предъявляет ультиматум.

Так, может, и выступать не стоило? Я же этих выступлений, кроме самого первого, не читал, и редакция вряд ли могла надеяться, что прочту. В сущности, редакция, вплоть до 25 октября, ставила десять против одного, что меня давно нет в живых. Но если бы выступлений не было, то не осталось бы и этого одного шанса. Да, с каждым новым выступлением давление на меня нарастало, петля на шее затягивалась всё туже. Да, если бы не выступления, то не было бы ни йоркширской ссылки с «мрачным Питером» за спиной, ни беспощадного контрудара - «заявления для печати». Но не было бы и дальнейших событий, цепь которых замкнулась возвращением на Родину и этой книгой.

Ведь даже «кавершемский вариант», если уж вспоминать о нём, ничего хорошего не сулил. При всей своей относительной нейтральности - его и предложили оттого, что он внешне нейтрален, - он был, в силу своей нейтральности, попросту никому не нужен. Не только Родине, об этом и говорить смешно. Он был не нужен и спецслужбам, его предложившим. И завершился бы неизбежно тем, что меня тихо-мирно убрали бы. Ну помер в каком-то Кавершеме какой-то безвестный Дэвид Лок, и чёрт с ним...

Однако дело не только в этом. И не только в том, что гласность предпочтительнее молчания даже тогда, когда огласка вроде бы прямых выгод не обещает. Гласность - не торг на базаре, в котором голосят погромче ради того, чтоб побольше урвать. Гласность - принцип, и принцип высокий, оправданный независимо от обстоятельств. Нет прямых выигрышей - есть косвенные, отдалённые, постепенные, и не последний из них- доверие к печатному слову, в недавнем прошлом в значительной мере утраченное.

А что касается конкретно осени 83-го и конкретно моей судьбы - гласность была и осталась оправданной и в этом адском, растянувшемся на год кошмаре. Пусть я ничегошеньки не знал и не догадывался о ней - но тюремщики-то мои знали! И опять-таки дело не в том, что гласность вынудила их пощадить меня физически. Она заставила их нервничать и ошибаться. Беспрерывно нервничать, а оттого и нанизывать ошибки одну на другую. Ведь сама идея захвата и психотропной обработки пленников - если можно назвать идеей нечто столь злобное и бесчеловечное - зиждилась на уверенности, что огласить происшествие не посмеют. Его же легче лёгкого списать как единичное и нетипичное, а не спишешь - бог весть чем кончится, ещё и отвечай... И списывали. И внушали спецслужбам убеждение, что идея беспроигрышная и пребудет таковой во веки веков.

Да, коллеги пошли на риск, в условиях того времени - риск огромный. И я даже, если честно, диву даюсь порой, как же это дерзнули. Но дерзнули - и выиграли. Вернее, создали, начали создавать условия для того, чтобы я затеял против спецслужб свою игру и в конце концов выиграл. Я ещё и не понял, что способен на игру и поведу её, ещё не видел ни собственных ходов, ни просветов во мраке. А условия для того, чтобы мне, именно мне, подфартило, чтобы я нашёл свою игру и довёл её до конца, уже начали формироваться. Благодаря гласности.

И потому всякий раз, когда на любом уровне - личном, редакционном, общественном - вновь и вновь возникает (и будет возникать, покуда люди живы) всё тот же вопрос: что предпочесть, обсуждение или его отсутствие, гласность или «фигуру умолчания», я неизменно выступаю за максимальную гласность. Она спасла мне жизнь, и в прямом смысле и в переносном, мне ли от неё отступаться? И применительно к теме этой книги, к психотропным ловушкам, к заговорам против советских людей за рубежом - то же самое. Другой возможности помочь попавшим в беду по существу нет. Спецслужбы были бы рады-радешеньки, если бы мы сызнова впали в грех опасливого, бездушного молчания, - так что, ради ложно понятого национального престижа идти у них на поводу?

Даже когда выступления, казалось бы, запоздали и не дали однозначного результата, они - вглядитесь попристальнее- бесплодными не были. Советский учёный В. В. Александров, похищенный в Мадриде в апреле 1985 года, не откликнулся и домой не вернулся. Пока не вернулся. Надеюсь, если не погиб, вырвется и вернётся. Однако летом 1986 года ЦРУ и МИ-6, встревоженные выступлениями нашей печати о судьбе

Александрова, принялись публично «выяснять отношения», переваливая вину друг на друга. А министр иностранных дел Италии, как только в заголовках газет, по аналогии, вновь замелькали фамилии похищенных и вернувшихся на Родину - В. С. Юрченко и моя, выступил с довольно резким заявлением по адресу спецслужб, отечественных и заокеанских, и счёл необходимым затронуть этот вопрос в беседе с генеральным секретарём Организации Объединённых Наций. Вот оно как…

Но осенью 83-го до такого развития событий было далеко, как до звёзд.

К «полюсу недоступности»

Едва гробоподобный лимузин «человека, принимающего решения», скрылся за углом, к подъезду подкатил знакомый «форд» Джеймса Уэстолла. Он явился в отменном настроении, насвистывая Шуберта (обожал он, в лучших традициях сентиментального варварства, демонстрировать свою любовь к классике), и самым светским тоном осведомился, понравился ли мне Йоркшир. Право, беззастенчивый цинизм сановного сэра Питера показался предпочтительнее наглого уэстоллского лицемерия.

- А что там могло понравиться? - ответил я угрюмо. - Ссылка и есть ссылка…

- Ладно, - примирительно заявил он. - Скоро мы с вами отправимся в Шотландию. Обещаю, что там всё будет по-другому.

Там действительно всё было по-другому. Хотя сначала были несколько дней, наполненных малопонятной мне суетой. Видно, «человек, принимающий решения», нажал, и крепко нажал, на какие-то пружины, и позолоченная клетка на Редклиф-сквер стала напоминать не то проходной двор, не то растревоженный муравейник. Помимо «завсегдатаев», Хартленда и Уэстолла, появились ещё два Питера. В отличие от «мрачного Питера» и «сановного Питера» я окрестил этих новых «толстый Питер» и «суетливый Питер». «Суетливый» никакой приметной роли не сыграл и вскоре куда-то сгинул. Зато «толстый», он же (хоть это я узнал не сразу) Питер Джой, высокопоставленный чин из МИ-6, развил с места в карьер бурную деятельность. Его заботами я был представлен литературному агенту мистеру Рубинстайну и адвокату доктору Расселу.

Боюсь, что при этих знакомствах я проявил, с точки зрения Джоя, предельную несообразительность. «Что такое литературный агент?» - «Ну как же! Ваше дело - писать, его дело - продавать то, что вы напишете, и продавать выгодно. Он будет также собирать предложения, поступающие от редакций и издательств, сортировать их, а иногда и подавать вам идеи. Какие у вас есть идеи, мистер Рубинстайн?..» Идей у кругленького, розовенького, улыбчивого мистера Рубинстайна не водилось, всем своим угодливым видом он выражал лишь готовность торговать чужими идеями с выгодой для себя, не более. «А адвокат зачем?» - поинтересовался я. И

опять услышал изумлённо-снисходительное: «Ну как же! В западном обществе каждый уважающий себя человек должен иметь своего адвоката». - «Зачем?» - «Чтобы он защищал ваши законные интересы». - «От кого защищал? От вас?..» «Толстый Питер» аж затрясся от хохота: «А вы, оказывается, шутник!..»

Мне бы подержаться недотёпой ещё неделю-другую, выиграть побольше времени. Однако «человек, принимающий решения», видимо, пришпоривал своих подчинённых, торопил их. А главное - раз от меня захотели «творчества», то вынужденно изменили и режим: в том состоянии, в каком я находился прежде, я не связал бы на бумаге и двух строк. Новая «лекарственная схема» была не легче старых, но действовала - сужу по результату - иначе: на смену волнам чёрной тоски и апатии накатывали волны беззаботности, беспечной самоуверенности. Думать я мог, и не урывками, но заканчивались мои «размышления» неизменно и неуместно жизнерадостно: «А, ерунда! Как-нибудь обойдётся! Вывернемся!..» И так далее в том же духе.

Оттого и ставлю слово «размышления» в кавычки, что неуёмное бодрячество - такой же, если не худший, враг самоконтроля, как и вселенская скорбь. Во всяком случае, хрен редьки не слаще. И Уэстолл, зорко следивший за мной и, наверное, поджидавший перемены, не замедлил ею воспользоваться.

Но пора представить вам его, так сказать, в полный рост. Я уже отмечал, что он невысок, но и рядом с Хартлендом или «толстым Питером» маленьким не казался - а оба выше его. Стушевался Уэстолл на моей памяти единственный раз, когда его недвусмысленно осадил начальственный Джон (в компании с «принимающим решения» я Уэстолла просто не видел). Во всех остальных случаях подполковник держался так, будто в мире для него нет высшего авторитета, нежели он сам.

Невысок, но плотен. Серые водянистые глаза. Залысый лоб, тщательно ухоженная бородёнка. Вообще подчёркнуто следит за собой, костюмы предпочитает неброские, но выутюженные, и чтоб галстук не сбился с центра ни на микрон. Зато со шляпой не в ладах - выбрал себе колпак почти без полей, да ещё и заломил странновато, пирожок пирожком. Впрочем, шляпа - лишь в дурную погоду. А во всякую погоду - трубка. С ней он не расстаётся - и не столько курит, сколько считает, что она ему к лицу и вписывается в «профессиональный имидж».

Возраст - в то время 46 лет. Шотландец, хотя характерный шотландский говор смягчён многолетней работой в Лондоне и за границей. Как истый шотландец, скуповат, если не скареден, но уж разгуляться за счёт «фирмы» возможности не упустит. Как истый джентльмен, строит из себя пуританина, сторонника «строгих нравов», но чем чаще разглагольствует о морали, тем меньше веришь в его личную мораль…

И ведь не глуп, далеко не глуп. Образован, начитан. Откуда же тогда взялась страстишка - неявная, заметная не вдруг и всё же отчётливая -

отождествлять себя с экранным тёзкой, Джеймсом Бондом? Подражать ему по мелочам - в походке, манере вскидывать голову, резко оборачиваться на каблуках?.. Я даже однажды спросил Уэстолла об этом. Он отшутился:

- Профессиональная болезнь...

Допустим. Но уж если перечислять профессиональные болезни Джеймса Уэстолла, подполковника, а впоследствии полковника секретной службы её величества, то на первое место надо по праву поставить болезнь суесловия. Бонд ею как раз не страдает. Бонду суесловить некогда - он действует: стреляет, дерётся, ныряет, летает, догоняет, убегает и догоняет опять, а между делом, и тоже почти без слов, соблазняет каждую встречную юбку в лагере противника и своём. Если сложить все экранные реплики «агента 007», произнесённые как Шоном Коннери, так и Роджером Муром во всех пятнадцати лентах, то даже суммарно они вряд ли сравнятся по длительности с одним-единственным сольным выступлением Джеймса Уэстолла. С любым из его неподражаемых лицемерных монологов.

Какой из бесчисленного их множества выбрать? Ну хотя бы:

- Вы вступаете в свободный мир, - поучал он меня. - Что из того, что вы попали сюда против своей воли? Случайность, как вам известно, лишь форма выявления необходимости. (Начитан подполковник, ах, как начитан! Вот и Гегеля приплёл, не постеснялся.) Идёт необъявленная война между двумя системами, меж диаметрально противоположными образами жизни и мысли. Во всякой войне бывают раненые, убитые, а бывают и пленные. Не отрицаю, вы в плену, но в почётном плену. Вы же видите, мы предоставили вам максимум удобств, сняли для вас прекрасную квартиру. Гарантируем, что у вас до конца ваших дней будут машина, банковский счёт, возможность отдыхать на Бермудах и на Таити. Неужели всего этого мало, чтобы простить нам небольшую ошибку?..

В одном из телеинтервью Шон Коннери очень точно заметил, что разница между ним и Муром - в оттенках: Мур играет Бонда всерьёз, а он, Коннери, как бы слегка пародийно. Иначе, добавил актёр, этот ходульный персонаж потерял бы для меня остатки привлекательности. Не уверен, что поклонники кинобоевиков вникают в оттенки и улавливают пародийность как достоинство, но Уэстоллу полагалось бы уловить. А он играл свою роль неизменно «по Муру». Понимал, не мог не понимать, что такая игра меня не впечатляет, что словосочетание «свободный мир» в ситуации, в какую я поставлен, звучит абсурдно. Но других аргументов, кроме привычных, накатанных - свободный мир, необъявленная война, банковский счёт, - не находил. И злился.

Он не повышал тона. Почти никогда. Лишь в голосе проступал звенящий холодок и водянистые глаза чуть-чуть темнели. Болезнь суесловия уступала место другой, сугубо профессиональной болезни - садизму. Случалось, впрочем, что приступы обеих болезней совпадали или чередовались.

Нет-нет, Уэстолл не жёг мне спину зажигалкой и не загонял иголок под ногти. Он даже, ничуть не краснея, возмущался в моём присутствии приёмами фашистских карателей и печами Освенцима: «Это же каменный век!..» Зато он не забывал регулярно доставать из кармана маленькие конвертики и следил, не отрывая глаз, чтобы я проглотил содержимое. Уж в его дежурство мне нипочём бы не удалось спустить отраву в уборную. Что-то не припомню, чтобы Бонд экранный (в любом исполнении) так упивался своим «правом на убийство», как Бонд-Уэстолл - своей, в его представлении безраздельной, властью над жертвой и своими полномочиями издеваться над ней.

К тому дню, когда мы с Уэстоллом выехали в Шотландию, я уже достаточно, спасибо атласу, разбирался в запутанной лондонской географии, чтобы понимать, хотя бы примерно, где север, а где юг. И «форд», как я и ожидал, пошёл на север - по Уорвик-роуд, Холланд-роуд - и вдруг резко свернул на восток, на Холланд-Парк-авеню и Ноттинг-Хилл-гейт. Прошёл примерно с милю и остановился. Нагло, под запрещающим знаком.

- Видите арку на той стороне? - обратился ко мне Уэстолл.

- Вижу. Что в ней особенного?

Арка как арка, отнюдь не шедевр архитектуры. Только под аркой - полицейский пост. И надпись, отчётливая даже на расстоянии: «Private». Что переводится «частное владение», «частная собственность» и в Англии вполне успешно заменяет (во всех случаях, вплоть до театральной гримёрной и кабины электровоза) непочтительное «Вход воспрещён».

- За аркой улица Кенсингтон-Палас-гарденс. Можно догадаться прямо по названию, что там стоит один из королевских дворцов. Кенсингтонский. А ближе, метрах в трёхстах отсюда, - советское посольство...

Если Уэстолл добивался эффекта, то добился его вполне. Я остолбенел. Сами привезли в посольство - не может быть!..

- Но-но, без фокусов, - продолжал он. - Я не сказал - на углу. Я сказал - в трёхстах метрах в глубине. А улица, поскольку королевская собственность, перекрыта с обеих сторон. Просматривается и прослушивается насквозь. Въезд только для машин с дипломатическими номерами. И «бобби», что гуляют под аркой и за аркой, все до одного - наши люди...

До ближайшего перехода - вон подмигивает издевательски- метров полтораста, обратно столько же. Машины по Ноттинг-Хилл-гейт - сплошным потоком. Даже если перебежишь, то куда? В объятия «бобби», под защиту его дубинки и чёрного полицейского шлема? Да, Уэстолл не рисковал ровным счётом ничем...

А он уже тронул «форд», повернул налево, теперь и впрямь на север. И разглагольствовал, разглагольствовал, крайне довольный собой:

- Вы думаете, вы первый, кого я привожу на Ноттинг-Хилл-гейт, кому

предлагаю убедиться своими глазами, что всё предусмотрено и побег невозможен? Даже если произойдёт немыслимое и вы прорвётесь в посольство - что дальше? Документов у вас нет, визы на выезд из страны - тем более. Едва мы прекратим заботиться о вас, вы станете иностранцем, незаконно проникшим на территорию Соединённого Королевства. Доставят вас в аэропорт Хитроу, откуда летают рейсы на Москву, а мы вас хвать - и арестуем как незаконного иммигранта. И никакое посольство вам не поможет. Или даже выпустим, решим не связываться. Тогда вас арестуют, как только вы приземлитесь в Москве. Не забывайте, было «заявление Битова». И опровергнуть его вы не сможете. Так что искренне советую не мечтать о сибирской каторге и выкинуть адрес Кенсингтон-Палас-гарденс из головы…

Если бы я знал, что «Литературная газета», моя газета, уже отвергла это самое «заявление», разоблачила его как фальшивку! Если бы мог догадаться, что вся суета предшествующих дней, мельтешение питеров и непитеров, калейдоскоп посулов и угроз, да и «познавательная» экскурсия к арке с надписью «Private», объясняются именно растерянностью спецслужб перед лицом гласности, боязнью скорого и полного разоблачения! Но увы, догадаться об этом я никак не мог и подумал, что с «заявлением» Уэстолл, видимо, попал в точку. «Заявление» надо опровергнуть, вот только как? Он сказал - не смогу. Ну это мы ещё посмотрим…

Должен сказать, что в чём-то спецслужбы опять просчитались, чего-то снова недоучли. Визит к «полюсу недоступности», если уж затевать его, следовало провести раньше или позже, но не на смене «режима». Может, они надеялись, что навязанная мне искусственная беззаботность побудит меня тут же, едва взглянув на полицейские кордоны под аркой, отказаться от Родины? Коли так, психологи из «Сикрет сервис» плохо отрабатывают своё жалованье.

- А я люблю Сибирь, - заявил я.

Уэстолл, по-моему, поперхнулся. Даже машина у него дёрнулась, будто наехала на препятствие. Деланно рассмеялся:

- Шутите?..

- Нисколько.

- Что там можно любить? Морозы зимой и москитов летом?

Читал, значит, и про Сибирь. Читал, да ничего не понял. А запомнил и того меньше…

- Вы, Джим, ещё медведей не упомянули. Которые-де запросто бродят по улицам даже в Москве. А если я скажу, что живого медведя видел только в цирке? И что температура минус тридцать в Сибири переносится легче, чем здесь нулевая? И что москитов там нет, а есть комары и мошка…

Про комаров пришлось сказать по-русски. Нет в английском такого слова - «комар», как нет в Англии самих комаров. Не прижились они на

Британских островах отчего-то. Оводы есть, и осы, и навозные мухи, а комаров нет. Переводчики и составители словарей довольствуются испаноязычным заимствованием - «москиты».

Но разве сравнится самый злой москит с сибирским комаром! Я же не соврал: при поездках по Союзу всем адресам всегда предпочитал дальние сибирские. Не за комаров, конечно, а за несравненное ощущение простора, воли, напрочь забытое аборигенами старушки-Европы. В Йоркшире неделей раньше или в Горной Шотландии двумя днями позже встречались пейзажи очень живописные, иногда почти безлюдные, а чувства простора не возникало.

Уэстолл помолчал, сосредоточенно глядя перед собой на дорогу, и внезапно буркнул с раздражением:

- О господи, если бы у вас за душой нашлась хоть какая-нибудь плёвая тайна! Насколько же легче было бы с вами справляться! Она держала бы вас в подчинении лучше самой строгой охраны…

Не нравилось подполковнику, когда его монологи зависали в воздухе, не оказывая влияния. В сущности, любой из них не выдержал бы испытания логикой, а уж монолог на «полюсе недоступности» - тем паче. Если посольство и вправду столь недоступно, зачем внушать мне это словесно? Дёрнулся бы, расшиб бы себе нос или мне его расшибли бы - и всё… А если бы оно было бессильно, зачем прятать его за тройным кордоном, с одной стороны, и пугать меня каторгой - с другой?..

Никоим образом не потакать подполковнику в его садистских замашках. Не хныкать и не бушевать. Он хочет деморализовать меня, унизить, раздавить - а я ему улыбочку, остроту, сарказм. Как это сановник, что принимает у них решения, выразился? «Лингвистика - тоже оружие»? Он не преувеличил. Раз уж дано мне свободное владение их языком, будем использовать язык как оружие. Первейшее дело - самообладание, выдержка. И одновременно - обострённое внимание к мелочам, интонациям, к самым мелким крупицам информации, без каких не обходятся даже уэстолловы монологи. Значит, не уходить от разговоров, а разговаривать. А то и провоцировать на разговор.

Вот только что, на Ноттинг-Хилл-гейт, Уэстолл выдал весьма неожиданную информацию. Проговорился? Или ляпнул для красного словца? Нет, вряд ли. Возжаждал ошарашить, припугнуть? Это похоже. И конечно, произвести впечатление. Короче, погнался за двумя зайцами - и, как водится, ничего не поймал.

- Послушайте, Джим, вы сказали, что привезли меня к арке не первого. И часто вы проводите такие экскурсии?

- Не имею права называть цифры, - ответил он медленно. - Но, вероятно, могу, не уклоняясь от истины, сообщить, что мне случалось это делать достаточно регулярно.

А интонация-то у подполковника изменилась! Я нарочно как бы недоперевел последнюю фразу, оставил на ней налёт непрямоты, столь

характерный для англичан в разговорной речи. По-русски такая конструкция выдала бы иностранца вернее всяких придыханий и акцентов. Но в том-то и соль, что Уэстоллу, да и другим «профессионалам», эта сверхвзвешенность суждений была ранее вовсе не свойственна! А тут прорвалась. Значит, сбился с проторённой дорожки. Значит, можно и поднажать…

- А зачем вам это надо?

- У вас есть пословица - лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать…

- Я не о том. Вы сказали и доказали, что всё предусмотрено и побег невозможен. Значит, кто-то пытался бежать? Значит, не я один оказался здесь не по своей воле? Есть и другие?

Ловушка захлопнулась. И не Уэстолл поймал меня в ловушку, а я его! По крайней мере, мне почудилось, что поймал.

Он опять помолчал, пожевал губами и ответил, тщательно подбирая слова:

- Разные бывают ситуации. Перепады настроения. Угрызения совести. Ностальгия…

- Да, перебежчики тоже встречаются, знаю. Но выходит, есть и перебежчики поневоле?

- Не отрицаю.

- Вот я и спрашиваю: зачем вам это надо? Зачем отлавливать людей, приневоливать, держать в плену? Что, добровольцев не хватает?

- À la guerre comme à la guerre. На войне как на войне.

Уэстолл прилично говорил и по-русски и по-французски, но дальше разговор продолжался, как обычно, на его родном языке.

- Понимаете, спортсмены и студенты нам не нужны.

- А журналисты нужны?..

Прекрасно я его понял. Понял, поскольку сказанное неплохо согласовалось с тем, о чём я начал уже исподволь размышлять. Он отнюдь не хотел обидеть студентов или спортсменов. Он хотел сказать, что даже в разгар конфронтации и «холодной войны» добровольных перебежчиков было мало. Год за годом «изучая материал», он убедился, что «добровольцы» - люди либо юные, неоперившиеся, либо в чём-то ущербные, чаще всего алчные и ограниченные. Выходит, он как бы жаловался мне, что иной ценности, кроме конъюнктурной, такие люди собой не представляют. А те, кто мог бы представить ценность, в перебежчики не торопятся - у них другая шкала интересов и другая мораль. Вот их и отлавливают, когда сумеют. И принуждают к измене, если смогут.

- Нет, журналисты тоже не очень нужны, - согласился Уэстолл со вздохом. - Своих девать некуда. Но бывают исключения. Фамилию

Петренко вы, надеюсь, слышали?

Ещё бы не слышать! Об этой странной истории - в то время казалось, что странной, - немало судачили в московских журналистских кругах. Публикаций, правда, не было: никто тогда и думать не смел, что «скользкую» тему можно обсуждать не только в кулуарах, но и на редакционных планёрках. Опытный, уважаемый журналист-международник не без успеха представлял своё издание в одной из азиатских стран. И вдруг исчез, как сквозь землю провалился. А через полгода «вынырнул» в Америке. «Вынырнул» в качестве убеждённого врага советского строя.

Возможна ли подобная метаморфоза? Теоретически, как говорится, невозможного не существует. Но все, кто знал Петренко по совместной работе в Москве и за рубежом, знал его вкусы, склонности, служебные и семейные обстоятельства, просто вчитывался в тексты его статей, чувствовали, что концы с концами не сходятся. Уже тогда ходили слухи о какой-то трагической случайности, о похищении. Подтверждаю: это действительно было похищение. Подтверждаю со ссылкой на первоисточник - на Джеймса Уэстолла.

- Помучились мы с ним изрядно, - излагал он мне поучающе. - Упорный попался экземпляр. Однако уразумел, что другого выхода нет, пошёл на сотрудничество и живёт припеваючи...

- Но при чём тут вы? Петренко ведь не здесь, а за океаном...

- Какая разница! - усмехнулся Уэстолл. - Я летал в Штаты и работал с ним на протяжении трёх месяцев...

«Работал»! Догадываюсь, какая это была «работа»! А Уэстолл-то, оказывается, «специалист» международной квалификации...

- Будете в Америке - познакомитесь, обменяетесь впечатлениями. Может, ещё и напишете что-нибудь вместе...

- А с чего вы взяли, что я буду в Америке?

- Будете. Будете, никуда не денетесь...

Сразу скажу, что обещанный «обмен впечатлениями» не состоялся. За год «кинофестиваля» я успел побывать в Америке, а Петренко - в Англии, но личной нашей встречи спецслужбы не допустили. Значит, не были уверены в её исходе. Значит, можно предположить, что и в этой давней истории ещё не поставлена последняя точка. Публикации от имени Петренко, спекуляции его именем - не доказательства. Потому и не называю страны похищения, и фамилию ему даю не подлинную, хоть и созвучную, что не исключаю лучшего исхода и для него. Если действительно и бесповоротно сдался - вычеркнем его из памяти. А если всё-таки не сдался?

Страна Роб Роя

А машина шла и шла на север, всё дальше от Лондона и от арки,

перекрывающей вход и въезд на Кенсингтон-Палас-гарденс. Уэстолл не лихачил и почти не нарушал правил, просто ехал чуть быстрее официального предела. Стрелка спидометра, как приклеенная, замерла на цифре 80 миль -128 километров в час.

Это по карте полушарий, в сравнении с масштабами континентов, кажется, что Британия маленькая. На самом же деле от мыса Лэндс Энд в Корнуолле до северо-восточного шотландского мыса Дункансби Хед, более известного по имени близлежащей таверны «Джон О'Гроутс», - 876 миль. По наикратчайшему пути. И расстояние меж двумя столицами, Лондоном и Эдинбургом, почти такое же, как от Москвы до Ленинграда.

Доволен я был собой, признаюсь прямо, чрезвычайно. Такую информацию заполучил! А что с ней, с этой информацией, делать, и не задумывался. Верно, сообразил уже, что новая «лекарственная схема» - враг похлеще прежних. В голове вертелась какая-то чушь, что вот мы, кто очутился здесь не по своей воле, объединимся - и... Как объединимся и что «и»? Ответа, разумеется, не было и быть не могло, но это меня не заботило.

Первый день путешествия для меня замкнулся на том, что происходило в машине, впечатлений извне я больше словно и не получал. Возможно, дело было не только в «режиме» - ведь ещё Вальтер Скотт писал: «Я был бы рад совершить своё путешествие по дороге, рассчитанной доставить больше пищи любопытству, или по местности, более занимательной для путешественника. Но северная дорога была тогда - да, пожалуй, осталась и теперь - в этом отношении удивительно скудной: вряд ли где-нибудь ещё можно проехать по Англии столь длинный конец и встретить по пути так мало такого, что привлекало бы внимание».

Второй день, эдинбургский, дал внешних впечатлений побольше, хоть «старый дымокур», как окрестили Эдинбург, пребывал отнюдь не в лучшем настроении. Угрюмые рваные облака посыпали брусчатку мелким секущим дождём, а когда прояснялось, налетал порывистый ветер, тот самый, при котором температура чуть выше нуля становится невыносимее жгучего мороза. Угрюмые прокопчённые стены, повлажнев, отливали серо-чёрным кладбищенским блеском. Угрюмая громада нависшего над городом замка давила невообразимой неприступностью и нежилым историческим величием. И псевдоготический памятник Вальтеру Скотту, тоже угрюмый, выглядел кощунственно нелепым, как затейливый торт на похоронах.

Зато третий день... Распогодилось - не так уж сильно, но достаточно, чтобы Шотландия обернулась страной радуг. Машина то ныряла в ватные полосы тумана, то вырывалась из них, и тогда над каждой милей затейливой горной дороги повисала своя отдельная радуга. Мощная, семицветная, отчётливо достающая концами до самой земли. Наверное, именно в этих местах, в сходную погоду, родилось народное поверье: если копнёшь в точности там, куда упёрлась радуга, обязательно отроешь звонкий горшок с золотом...

Особая примета Горной Шотландии - сотни и тысячи «лохов», сине-серебряных озёр, больших и малых, связанных друг с другом и с морем бурными пенными ручьями и реками. Так же в большинстве своём именуются и иссекающие шотландские берега фьорды, и разница между озером и фьордом невелика: такая же бездонно прозрачная вода, такие же прибрежные лесистые и мшистые скалы. На долгий тур по Горной Шотландии Уэстолл не расщедрился, хотя экономил он, конечно, не деньги, а время. На расходы не из собственного кармана ему было по-прежнему наплевать, а расписание было, по-видимому, составлено железное. Но всё же с десяток «лохов» он мне показал, и жемчужиной среди них - Лох Ломонд.

Смотрю на карту и удивляюсь: вот с этой точки трассы озеро должно бы просматриваться вдаль, и с этой, и ещё вот с этой... А не просматривалось, замыкалось по ближнему берегу то сизым утёсом, то мысом, косматым от кряжистых вековых дубов или чёрным от елей. Видимости не было? А почему же тогда вершины на противоположном берегу, за водной рябью, были видны, словно вырезанные на фоне неба? Тот берег почти не обжит, скалы подступают к воде вплотную, а выше по склонам там и сям ветвятся диковинные белые молнии, не сразу и сообразишь, что такое, и вдруг догадываешься: это тоже вода. Вспухшие от осенних дождей, пропененные насквозь потоки.

- Страна Роб Роя, - произнёс Уэстолл вполголоса. Не то пояснил мне, не то напомнил себе. Позже я проверил это его утверждение и обнаружил, что он немного ошибся: места, связанные с именем легендарного Роб Роя Мак-Грегора, действительно примыкают к Лох Ломонду и лежат на противоположном от трассы А 82 диком берегу, но в основном в южной, самой широкой части озера, до которой мы ещё не доехали.

Вдоль Лох Ломонда Уэстолл вёл машину хоть и безостановочно, но не быстро. Впечатляющие декорации и, похоже, весьма расплывчатые исторические познания вдохновили его на очередной монолог.

- Во все времена существовали люди переднего края, - вещал он, примолкая лишь на самых крутых поворотах. - Для своей эпохи таким человеком был Роб Рой, презревший современную ему мораль. Для богатых, от которых он отрёкся, он был слишком прост, для бедных - слишком сложен. Современники не понимали его, зато он вошёл в легенду. А в наши дни? Где сегодня передний край? Граница между бедностью и богатством стала зыбкой и беспрерывно смещается. То, что раньше казалось роскошью, сегодня доступно каждому. Что бы ни утверждали политики по обе стороны «железного занавеса», но это так...

Я молчал. Набор банальностей, даже в путаной комбинации, не вызывал охоты спорить, раздражающе отвлекая от прекрасного «лоха», к которому не требовалось никаких комментариев. Кроме того, я уже наслушался монологов достаточно, чтобы заподозрить, что это лишь вступление, что Уэстолл куда-то клонит. Только никто на свете не догадался бы куда.

- Политики вообще вырождаются в пустых говорунов, - воскликнул он сердито, вроде бы забыв о Роб Рое. Но нет, не забыл. - А надо действовать, действовать! Хорошо, что люди переднего края в наши дни объединены профессионально. Место Роб Роя, считаю, сегодня было бы среди нас…

Вот это да! Так вот зачем понадобилось упоминание о презрении Роб Роя к морали! Кстати, типично фашистский тезис: «Те, кто творит историю, превыше этики». Вожди «третьего рейха» тоже обожали аналогии из прошлого, насилуя их по своему разумению…

- Послушайте, Джим, но ведь, если не ошибаюсь, прозвище Роба Мак-Грегора, «Рой», в переводе с гэльского означает «красный»? Допустим, он стал бы профессионалом, но на чьей стороне?

- Переносного смысла у слова «красный» в те времена не было, - отрубил Уэстолл. - Роба прозвали «красным» из-за цвета волос. Вот как у меня…

Через полгода, в июньском номере научно-популярного журнала «Омни» за 1984 год, я прочёл презанятную заметку о том, что известный американский психиатр профессор Бернард Меллой провёл обследование персонала ЦРУ и пришёл к выводу, что абсолютное большинство обследованных - либо параноики, либо маньяки. «Кафкианский стиль их жизни, - пояснил профессор, - ведёт к тому, что паранойя становится профессиональным заболеванием». Заметка заканчивалась развесёлым сообщением о том, что на основании рекомендаций Меллоя ЦРУ организовало при своей штаб-квартире в Лэнгли профилакторий и намерено, не отказываясь от услуг параноиков, периодически их наблюдать и подлечивать.

Не худо бы, наверное, открыть подобное заведение и по эту сторону Атлантики, на Британских островах. А может, и при штаб-квартирах всех натовских разведок-контрразведок. Знаменитый Франц Кафка тут, разумеется, ни при чём. Корни «профессиональных» заболеваний - не литературные, а политические: противоправная по любым меркам «деятельность» и неизбежно окутывающая её секретность, постоянная боязнь разоблачения, а может быть, и подспудная, не всегда осознаваемая, но мучительная тяга к иному, более достойному человека занятию.

И первым кандидатом в британский филиал профилактория я выдвинул бы Джеймса Уэстолла. Не берусь устанавливать диагноз, но и агрессивное его лицемерие, и частые срывы в садизм, и мания отождествления своей особы то с Бондом, то даже вот с Роб Роем, подчёркнутое причисление себя к касте «избранных» - все эти милые чёрточки моего постоянного «опекуна» профессор Меллой, вероятно, опознал бы. Ведь даже по-настоящему рыжим Уэстолл не был, разве что рыжеватым, а вот, пожалуйста, - отождествил!..

На следующий день, уже в южношотландском городе Дамфрис, в отеле «Кэрнсдейл», он запер меня в номере и приказал писать.

- О чём?

- О чём угодно. Но с выводами. И чтоб выводы были крепкими. Как в книгах, которые вам дали. Вы их прочли?

- Прочёл.

- Вот и пишите. Наши требования вы знаете.

Действительно, мне дали в дорогу - позаботился об этом бородатый «Джеймс-Майкл» - антисоветские сочинения американца Хедрика Смита, бывшего корреспондента «Нью-Йорк тайме» в Москве, и англичанина Майкла Биниона, его коллеги из «Таймс». Сказать, что я их прочёл, было явным преувеличением - в лучшем случае пролистал. Да и как читать всерьёз о студенческих волнениях в институте рыболовства в... Шатуре или о «носовых платках из Оренбурга», являющихся якобы предметом ожесточённой спекуляции?

Ну ладно, лингвистически ошибка насчёт носовых платков ещё объяснима. Услышал Хедрик Смит про оренбургские платки, полез в словарь, а словарь попался неважный. Но он же работал в Москве не неделю и не месяц, а несколько лет, и любой русский собеседник ему охотно всё растолковал бы! В том-то и горе, что не искал мистер Смит толковых собеседников, не стремился разобраться в непонятном, что дурацкая словарная ошибка его вполне устроила: спекуляция носовыми платками- где ж и ожидать такой дикой дикости, как не в «дикой России»? Читатели ужаснутся, а издатели ещё и похвалят за «свежую деталь»...

О чём же писать для вас, господа, если эти недобросовестные сочинения вы выставляете за образец? Того, о чём вам мечтается, вы от меня не дождётесь, но что взамен? Что-то писать придётся: из-под ключа, из-под рыбьего взгляда Уэстолла иначе не выберешься. Как-то надо вас одурачить - как?

Напишу-ка я вам пейзаж. Привольный русский пейзаж с особой его тишиной, ласковыми лесными опушками и васильками во ржи. Или тайгу? Или «Кавказ подо мною»? Альпийский луг у кромки вечных снегов, а рядом древняя сванская башня из плоских камней, кладкой и возрастом сравнимая с башнями шотландскими или английскими... Или вспомнить про то, как в дни студенческой практики, белой ночью, вдвоём со случайным попутчиком вздумал переплыть Северную Двину на самодельном плоту? Скатили в воду три бревна, связали их кое-как проволокой, и всё бы ничего, да проскочил мимо катер, поднял волну и бедовая наша конструкция рассыпалась. А ведь я тогда и плавать толком не умел...

Не напечатаете? Чёрт с вами, а время выиграю. Впрочем, если уж искать подмоги в жизненном опыте, вспоминается иной эпизод. Когда я наконец научился плавать, то однажды в Новом Афоне заплыл не по силам и попал в мёртвую зыбь. Сбился с дыхания, тело налилось свинцом, и, как ни крути головой, зыбь в лицо. И кричать бесполезно - на берегу пусто, никто не услышит. Тоже думал - не выберусь. Но сказал себе: должен! Если помочь некому, значит, должен помочь себе сам. И ведь

взял себя в руки, одолел слабость и страх и дотянул до берега. Правда, то море даже в самую крутую волну, даже в шторм было бы безопаснее…

И я начал писать. Вопреки тому, о чём только что размышлял, - никаких пейзажей. Не знаю, кто или что в меня вселилось: азарт сопротивления, бес противоречия, просто ярость? Я сводил счёты со всей трёхмесячной жутью, с позолоченной клеткой, с «человеком, принимающим решения», а более всего- лично с Уэстоллом, с его лицемерными проповедями и маниакальными замашками. Захотели от меня публицистики, бросили щуку в реку - получайте! Распространили от моего имени бредовое «заявление» - вот вам моё контрзаявление, пусть его даже никто, кроме вас, и не прочтёт…

Наверняка сказалась и резкая, не слишком точно взвешенная смена «лекарственного режима»: всё казалось достижимым, всё нипочём. А может, хоть это и пахнет мистикой, дух мятежного Бёрнса помог? Ведь именно здесь, в Дамфрисе, великий поэт провёл свои последние дни. И не он ли посвятил одну из знаменитейших своих баллад весёлому разбойнику Макферсону, шедшему на эшафот с песней:

И перед смертью об одном

Душа моя грустит,

Что за меня в краю родном

Никто не отомстит.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!

Меня поймали в сеть.

Но жалок тот, кто смерти ждёт,

Не смея умереть! [16]

Короче, я расхлестал обе книжки, выданные мне «для образца», от души издеваясь над их дремучей претенциозностью. Писал зло, раскованно, быстро. Бунтовал. Правильно бунтовал? Несомненно. А вот умно ли? Хотя бывают поражения ценнее иных побед…

В Дамфрисе Уэстолл ходил сияющий, насвистывал по обыкновению. Радовался, что я «взялся за ум». Поминутно приставал: дайте посмотреть. Я отнекивался: не привык, мол, показывать полуфабрикаты, вот закончу, перепечатаю, отредактирую, тогда и покажу.

Но в конце-то концов, уже в Лондоне, статью пришлось отдать. Уэстолл схватил её, сунул в карман не читая и… не показывался два дня. А затем…

Лондон. Бунт подавлен

Была пятница, а стало воскресенье. Воскресенье 4 декабря.

Воскресенье в Англии - день приметный, даже если не надо ходить на

[16]Перевод С. Маршака.

службу. В воскресенье закрыто абсолютное большинство магазинов, редеет толпа, резко падает уличное движение, меняются сетка телепередач, расписание поездов на железных дорогах, а то и тарифы. Наконец, на смену ежедневным газетам выходят газеты воскресные, уже не толстые, а толстенные, с многокрасочными журнальными приложениями.

В общем, воскресенье дало о себе знать немедленно, едва мы с Уэстоллом вышли на улицу. Точнее, едва он вывел меня на улицу: я был опять очень вял, побаливала голова. Слегка знобило, хотя погода выдалась сносная - не поливало, не подмораживало и не дуло. Но вчера… вчера отчётливо была пятница. Куда же делась суббота?

- Недоумеваете? - поинтересовался он как бы между прочим. - Не можете вспомнить, что было вчера? А если я скажу вам, что вчера вы собственноручно порвали ту статью, что сочинили в Шотландии, и написали вместо неё другую? Совсем, совсем другую?..

Я издал какое-то восклицание, лишённое смысла, благо английский язык такими восклицаниями-междометиями богат необычайно. Уэстолл завёл меня в сквер и присел на скамью, раскуривая трубку.

- Мне за вас влетело, - сообщил он. (Не могу сказать, чтобы это сообщение меня особенно огорчило.) - Впредь от подобных экспериментов советую воздержаться. Ходить босиком по раскалённой проволоке неудобно - можно ноги обжечь. Или что-нибудь похуже…

- Например?

- Память, чтоб вы знали, управляется с точностью плюс-минус пятнадцать минут. Можно отобрать её у вас на день, а можно и навсегда. Теперь, надеюсь, поняли?..

Так вот оно что! Значит, выпавшая из жизни суббота была своего рода рецензией. Предупреждением за своеволие. Украли день - и возблагодари, мол, господа, что не неделю. Собственно, украли уже гораздо больше, целых три месяца, - но этот день, субботу, украли демонстративно. В назидание. Чтобы впредь не брыкался и «опекунов» своих не подводил.

Доходчиво, надо признать, украли. Страшно. Насчёт новой статьи - это Уэстолл, скорее всего, загнул, но что я делал в субботу? Где был? Просто лежал в беспамятстве? Вряд ли. Чего вообще можно добиться от человека, если память у него выключена, как лампочка? Не притушена, не смазана, не замутнена галлюцинациями, как раньше, а выключена совсем? Страшнее всего, что я не помнил не только дня целиком, но и важной частности: кто, где, как, под каким предлогом мог подсунуть мне что-либо или подсыпать. Память стёрли «с запасом». Суббота исчезла бесследно, будто её и в календаре не было. Ни контура, ни проблеска, ни догадки - пустота.

У этого эффекта, заверяют врачи, тоже есть точное наименование - ретроградная амнезия. Думаю, многим покажется, что подобное

«красивое» словосочетание им знакомо. Что они не то слышали про эту самую ретроградную, не то читали о ней. Но одно дело читать, другое - испытать...

Не единожды я пытался описать это скорбное воскресенье - не получалось. В репортажах 1984 года не получилось настолько, что редакторам пришлось применить ножницы и клей и выстричь пять-шесть вялых, невразумительных фраз. Присмотревшись к той, уже слегка пожелтевшей газетной подшивке, я без труда обнаруживаю шов. Не слишком грубый и всё-таки заметный.

И вот опять сижу, мучительно перебираю слова и не нахожу нужных. Рядом с пишущей машинкой растёт кучка смятых и отброшенных листков. Ну как же быть, если все слова приблизительны, если нет в языке подходящих по точности выражений, ни у Даля, ни у Ожегова с Ушаковым. Нет, и всё...

Знаете ли вы, например, что такое отчаяние? Отчаяние, продиктованное полным бессилием и столь же полным одиночеством? Надеяться не на кого, уповать не на что, дышать, кажется, и то нечем - ни глотка кислорода, кругом космический вакуум без скафандра. Утешить и то некому- не считать же за утешение лицемерное словоблудие Уэстолла:

- Возможно, - сказал он в тот день на прощание, - вы даже не очень виноваты. Присяжные вынесли бы вердикт «виновен, но заслуживает снисхождения». Стереотипы прежней манеры письма въелись настолько, что вам их без помощника не одолеть. Стало быть, подберём вам помощника...

Обещанию «подобрать помощника» я тогда, пожалуй, значения не придал, конкретным содержанием оно наполнилось лишь дней пять спустя. А тогда, в воскресенье, понедельник, вторник, я метался по своей золочёной клетке истинно как затравленный зверь. Я лихорадочно искал выход и не находил его. Приходила, к сожалению, единственная идея - самоубийство. Вскрыть себе вены, выброситься из окна, наглотаться крысиной отравы, только бы покончить с невыносимым кошмаром. Но и это была дрянная, дешёвенькая идейка. «Мужество слабых», как определил самоубийство кто-то из умных французов, допустимо, по-моему, лишь если оно спасает других и становится самопожертвованием. А на Редклиф-сквер это был бы чистой воды эгоизм. Уйти из жизни оклеветанным, не опровергнув «заявления» и не оставив близким в наследство ничего, кроме позора? Нет уж!

Ну и как же вы поступили бы на моём месте?

Разумеется, либо - либо, но возьму не худший вариант: попытались бы действовать так, как «рекомендовано» с киноэкрана. Какой-нибудь Штирлиц бы несомненно связался с Центром с помощью электробритвы и шнурков от ботинок. Устроил бы «опекунам» варфоломеевскую ночь, устлав трупами лестницу и улицы с переулками на всём протяжении до аэропорта Хитроу, а там захватил бы какой-нибудь зазевавшийся самолёт...

Как помягче назвать такие типовые «рекомендации»? Галиматья? Хотя, между прочим, Штирлиц - случай далеко, далеко не крайний: в отличие от множества других киногероев он не только машет руками, но и думает, напряжённо думает…

Смех и грех: в эти самые чёрные дни я не раз и не два запускал на телеэкран за неимением «Семнадцати мгновений весны» джеймсбондовские ленты. А вдруг сумею разглядеть, отыскать в какой-нибудь из них хоть что-то полезное для себя? Ни черта, конечно, не разглядел, залихватские небрежно-победительные авантюры ничего, кроме раздражения, не вызывали. И однажды вечером, остановив опостылевший видео, я воскликнул в сердцах:

- Тоже мне кинофестиваль! Кинофестиваль плаща и кинжала! Фестиваль длиною в…

И тут я осёкся. Даже головой помотал, поражённый:

- Постой, постой! Так ведь это же заголовок…

Воистину тот вечер следовало бы запомнить поточнее и занести в личные святцы в качестве памятной даты! Вероятно, 6 декабря. В тот вечер родился заголовок и вместе с ним замысел. Ещё не было ни строчки и быть не могло, не было не только реальных сроков: в заголовке после «длиною в» стояли три точки, - но и реальных надежд, что замысел вообще выполним. А он уже родился и мало-помалу вырос в оружие против «опекунов». Замысел помог определить цель, цель постепенно вернула силы, а остальное было, в сущности, делом времени.

Бунт был подавлен - бунт продолжался. Хотя до поры он свёлся к непритязательной, но какой же непростой задаче: сохранить разум, уберечься от нового «предупреждения», которое легко могло оказаться роковым, выбраться из-под «лекарственного режима», а дальше поживём-увидим. Хорошо, как известно, смеётся тот, кто смеётся последним…

Уэльс. Подарки на рождество

Анна Тейлор и другие

Ещё через день на Редклиф-сквер отключили телефон. Винить в этом приходится только себя и никого более.

Я же не сомневался, что Уэстолл не врёт и телефон прослушивается круглосуточно. Но свежеобретенный заголовок звал к действию, и я решил созвониться с одним из зарубежных собкоров «Литгазеты». С кем именно, большой роли не играло, и всё же я сразу остановился на собкоре парижском. На Александре Сабове.

Почему не на лондонском? По нескольким причинам. Во-первых, лондонского можно было зачислить в литгазетовцы лишь условно: британское правительство наотрез отказало нам в организации настоящего корпункта, и корреспондент Агентства Печати Новости

Сергей Воловец с разрешения своего правления взялся за выполнение наших заказов «по совместительству». Притом, во-вторых, он вообще был для редакции человеком новым, и я его почти не знал. А в-третьих, что-что, а попытку позвонить по лондонскому собкоровскому номеру «опекуны» предусмотрели наверняка.

Иное дело Париж. И недалеко, автоматическая связь безотказная, и человека знаю много лет, поймём друг друга с полуслова. Номер его телефона давно выучен наизусть и не стёрся (это же информационная память!). Одна проблема - код. Вот я и попытался - нет, не дозвониться Сабову, а всего-навсего выяснить комбинацию цифр, выводящую на парижский телефонный узел. Выяснил, справочная мне всё очень вежливо растолковала. А аппарат, едва я опустил трубку на рычаг, замолк. На две недели. Якобы по техническим причинам.

И тут же мне стало известно, что из состава моих «опекунов» выведен Чарли Макнот. Единственный, к кому я инстинктивно чувствовал хоть какое-то расположение. Я и не сознавал, что отличаю Чарли, пока не лишился его. Между Йоркширом и Шотландией он забегал в позолоченную клетку лишь мельком, на «дежурство» не вступал, но я не придал этому значения. А теперь заподозрил, что Чарли отсутствует неспроста, и даже осведомился, в чём дело. «Вышел в отставку», - коротко бросил Уэстолл. «Это в тридцать-то с небольшим?..» - «А в отставку выходят не только по возрасту. Просто выяснилось, что он нам не подходит. И вообще не лезьте в то, что вас не касается...»

«Подарков» за декабрь я наполучал немало, но главным из них следует, вне сомнения, числить «болгарский след». Вроде бы уже не оригинально: ведь ещё дознаватели в Брайтоне без устали кружили вокруг римского покушения, расследования его на страницах «ЛГ» и моего двухдневного пребывания в итальянской столице. Затем как будто устали, отступились. Но нет, не отступили, а сменили тактику.

В «заявлении», распространённом через агентство Рейтер, «римские мотивы» не упоминались. Тем не менее газеты разных стран принялись наперебой представлять меня человеком, располагающим «важнейшими сведениями о подготовке покушения на Иоанна Павла II». Общественное мнение Запада исподволь готовили к тому, что я, именно я, могу «внести ясность» и «сказать однозначно, кто направлял руку Агджи». Цитаты подлинные, хотя познакомился с ними я много позже. Вплоть до декабря я газет почти не видел. О своих долгосрочных планах, о рекомендациях ЦРУ на мой счёт «опекуны» мне, естественно, не сообщали.

Ярчайший образчик газетных домыслов той поры - «легенда об Анне Тейлор», лихая первополосная история, напечатанная в самой многотиражной газете Англии «Ньюс оф уорлд» 30 октября. Под аршинной шапкой расписывалось, как молодая английская учительница-соблазнительница, она же искусный агент МИ-5, заманила в свои сети «генерал-лейтенанта советских органов безопасности». И произошло сие не где-нибудь, а в Италии, куда «генерал», то бишь я, зачастил-де с тех самых дней, когда «коммунистические заговорщики» готовили

покушение.

Однако даже о роковой прелестнице Анне Тейлор (интересно, существует ли она в природе?) я ничего не проведал бы, если бы не случай. Если бы номер «Ньюс оф уорлд» не был мне показан адвокатом доктором Расселом, которого осенила идея возбудить против газеты иск о клевете. По-видимому, ранее доктор Рассел со спецслужбами особо не соприкасался - по каким-то мистическим соображениям «привлекли» новенького, и угадывать желания нанимателей он ещё не умел. За что и получил от полковника Хартленда жестокую и унизительную нахлобучку.

Сцена была короткая, но безобразная. Полковник кричал, плевался словами - напускным джентльменством, выдержкой тут и не пахло. Адвокату оставалось лишь меняться в лице. Он-то искренне считал, что дело беспроигрышное и будет, скорее всего, «решено вне суда». Под этим уклончивым юридическим термином понимается, что редакция, напечатавшая клеветнический материал, соглашается на негласную выплату компенсации «за ущерб»: цель-то достигнута, тираж распродан, а всё прочее - «накладные расходы»... Если бы так и произошло, адвокат выступил бы посредником и урвал свою, отнюдь не мизерную, долю. А вместо этого...

- Мы как будто договорились, - рявкал Хартленд, - что без нашего согласия вы не станете предпринимать ничего. Ни-че-го! А вы? Что вы себе позволили?..

- Но помилуйте, мистер Хартленд, кажется, я ничего предосудительного не сделал...

- А нам нужны не те, кому «кажется», а те, кто чётко выполняет полученные инструкции!..

Вся сцена разыгралась в моём присутствии, но воспринялась как малопонятный в ту секунду курьёз. (Это было перед самой Шотландией, 21-22 ноября.) Сама «легенда об Анне Тейлор» заинтересовала меня, пожалуй, чуть побольше, но тоже как анекдот: произвели в генеральский чин, да ещё агентессу прилепили... Хартленд, едва адвокат отбыл восвояси, объявил: не обращайте внимания на безответственных щелкопёров, не стоит того. Но ежели не стоит, чего ж ты на бедного Рассела так окрысился?..

В самом деле, о каком судебном иске, о какой компенсации могла идти речь, если «Ньюс оф уорлд» выполнила - на свой бульварный манер, но совершенно точно по существу - рекомендацию, полученную от тех же спецслужб? Нет-нет, конечно же, никто не врывался в редакцию в маске и не наставлял на сотрудников пистолет с глушителем - это тоже из области киноштампов, с действительностью ничего общего не имеющих. Всё, вероятно, выглядело куда спокойнее, хотя по-своему тоже зрелищно: какой-нибудь сановный сэр Питер (или Джон, или Колин) пригласил главного редактора, давнего своего знакомого, «на ленч». И после того как два джентльмена насладились чудесами французской, или итальянской, или китайской кухни, степенно обсудили погоду и

результаты последних скачек и приступили к кофе с коньяком и сигарами, пригласивший бросил приглашённому словно невзначай: «Да, между прочим, Уолтер, не покажется ли вам любопытным, что…» Или: «Знаете, Ник, на вашем месте я обратил бы внимание на…» Только и всего. Другого «ценного указания» и не надо.

Связь причин и следствий в Англии традиционно затемнена, англичане и не любят устанавливать её в открытую, предпочитая подразумевать. Ну а для иностранца, да ещё подневольного, оглушённого многократной сменой «режимов», оторванного от систематических источников информации, разобраться в кажущемся хаосе намёков и недомолвок - задача просто немыслимая. Не берусь угадывать, сколько ещё дней и недель англичане продолжали бы прогуливаться вокруг да около, примериваться и приноравливаться, будь они предоставлены сами себе. Но из-за океана, видимо, поторапливали, и пришлось приоткрыть передо мною краешек участи, уготованной мне в планах ЦРУ. Сделать это выпало на долю «толстого Питера» - высокопоставленного посланца МИ-6 Питера Джоя.

Заняв своей тушей весь диван (даже исполинская гостиная в многопудовом присутствии Джоя будто съёживалась), он порылся в папке и извлёк оттуда несколько листков. Ксерокопию предисловия, написанного Полом Хенци к его же собственной, только-только вышедшей из печати книжке «Заговор с целью убийства папы».

Что сказать о книжке? Излагать её подробно, спорить с ней сегодня смешно: непричастность болгарских граждан к заговору против главы римско-католической церкви доказана стократно. Не нашлось ни свидетелей, ни документов, способных подкрепить наветы наёмного убийцы, позёра и лжеца. И кто-кто, а мистер Хенци, лично руководивший резидентурой ЦРУ в Турции, прикармливавший «серых волков», изучивший вдоль и поперёк - сам пишет - досье на Агджу в архивах турецких сил безопасности, прекрасно знал, что документов нет и быть не может. Он знал, что «болгарский след» - провокация, поскольку сам стоял у её истоков. Документов он и не искал, подменяя их инсинуациями, а вот по части свидетелей в то время, осенью-зимой 83-го, питал кое-какие надежды.

Пола Бернарда Хенци, 1924 года рождения, кадрового сотрудника Центрального разведывательного управления США, по справедливости следует отнести к провокаторам высшего разряда. Нормальный человек и даже обычный рядовой агент рассудил бы: если затея не удалась и грозит рассыпаться, её надо побыстрее прекратить. У мастеров злостных, изощрённых провокаций мысль срабатывает иначе. Коль скоро одна провокация терпит крах, её надо не медля подпереть другой. Коль скоро свидетели не обнаруживаются, их надлежит «создать».

Как нарисовать пылесос

Чтобы я нечаянно не пропустил нужное место, Питер Джой отчеркнул его ногтем. В предисловии Хенци провозглашал, что «в ближайшее

время» на сцену выступит «важнейший свидетель», которому и предстоит подтвердить «болгарский след» окончательно и бесповоротно. Датировано предисловие было сентябрём. Ещё никто не решился огласить, где я есть, может, меня и в Англию-то ещё не доставили, а мистер Хенци, выходит, уже потирал руки в предвкушении «удачи».

- Ну и что вы об этом думаете? - осведомился Джой.

- Что у Хенци не сходятся концы с концами.

- Да, - согласился Джой. - Пока жидковато. Вот и помогите собрать доказательства.

- Каким образом? В Италии я раньше не бывал, в расследовании не участвовал.

- А кто это знает, кроме вас и меня? Коллеги-журналисты? Вы их больше никогда не увидите.

- Значит, по-вашему, можно врать что в голову придёт? Что я стоял рядом с Агджой и командовал: «Пли!..»?

Среди приёмов, каким выучила меня жизнь в неволе, этот родился едва ли не первым и сохранял свою роль чуть не до последнего дня. Сначала я дерзил от бессилия, потом мало-помалу сообразил, что собеседники-то мои, даже «профессионалы», воспринимают острые реплики не как осознанную дерзость, а как неумение выразить мысль на их языке в привычной для них форме. С одной стороны, сердиться за это на иностранца вроде бы грешно, а с другой - такая манера для англичанина настолько неожиданна и неприятна, что он может и растеряться, сбиться, потерять мысль. А мне, что называется, каждый сбой на руку. Как тут снова не вспомнить «человека, принимающего решения», с его афоризмом «Лингвистика - тоже оружие»! Он прав, стопроцентно прав.

Нет, не всегда на это хватало пороху, да и не со всяким удавалось. Уэстолл, сделав мне замечание раз-другой, приспособился не обращать на колкости внимания. С американцами, как довелось убедиться вскоре, этот номер не проходил совсем. А вот Питер Джой, невзирая на его габариты, в резком споре оказывался слаб. Багровел, запинался, отступал.

- Ну зачем же преувеличивать… Скажем, по своему положению в газете вы вполне могли знать подоплёку событий. Как велось расследование, кто им руководил, какие давал указания. Это же для нас самое важное - доказать, что за спиной заговорщиков стояла даже не София, а Москва. Если сегодня Москва не щадит усилий, чтобы обвинить ЦРУ…

- А не наоборот ли?

- Не упрямьтесь, подумайте. Учтите, чем труднее собрать доказательства, тем выше они ценятся. В прямом смысле слова. Беда в том, - добавил он, помолчав, - что другие источники информации, на которые мы могли бы сослаться, нельзя расшифровать ни в печати, ни в

суде. А вы огласили бы эту информацию как полученную конфиденциально в редакции…

- Короче, вы предлагаете мне нарисовать пылесос.

- Что, что? - опешил Джой. - Какой пылесос?

- Обыкновенный, не помню торговой марки. Из «Нашего человека в Гаване». Читали, наверное? Герой Грэма Грина нарисовал пылесос и выдал рисунок за чертежи новейшего оружия, полученные из жутко секретных источников. Когда источники жутко секретные, их не проверишь…

Грэма Грина он, как выяснилось, читал. Книга была написана более четверти века назад, и «толстый Питер», подозреваю, ещё не был толстым, но уже проходил выучку в «Интеллидженс сервис». И именно на высмеянной Грином «заграничной службе», только не на Кубе, а в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Не знаю, доводилось ли Джою «торговать пылесосами», но какие-то нелестные ассоциации у него по этому поводу возникли. Во всяком случае, ссылка на «Нашего человека в Гаване» пришлась кстати и помогла свернуть разговор.

- Повторяю, подумайте, - сказал Джой. - В долгу не останемся. В общем мы ещё вернёмся к этой теме…

Обещания своего «толстый Питер» не сдержал. Ни вскоре, ни в дальнейшем мы с ним к «ватиканской теме» не возвращались: это стало привилегией прямых эмиссаров из-за океана. То ли мистеру Хенци надоело действовать через британских посредников, то ли сами посредники решили, что не справятся, и запросили подкреплений. Но и Джою нашлась работёнка «по душе»: он принял на себя ответственность за мою так называемую «литературную деятельность». В эти же предрождественские недели меня свели с выделенным мне в «помощники», в соответствии с угрозой от 4 декабря, обозревателем Даффом Харт-Дэвисом из «Санди телеграф».

23 минуты от Лондона

Вот как больно аукнулись мне неосторожные строки в ноябрьской редакционной статье «Литгазеты»: спецслужбы постановили, что я «выступлю» всенепременно в «Телеграф». В воскресных выпусках, чтобы дать побольше места и поднять побольше шуму. Чтобы навсегда отрезать мне путь к возвращению домой. «Факт выступлений в буржуазной печати» независимо от их содержания и методов подготовки должен был, по мнению спецслужб, привести к тому, чтобы Родина поставила на мне крест.

Не забудьте, что в навязанную мне провокаторами игру мы с ними играли, мягко выражаясь, не на равных. Они знали о выступлениях «Литгазеты» во всём их комплексе, изучили с лупой каждую строчку - я нет. Они знали, что «заявлению Битова» на Родине не поверили, - я мог лишь надеяться на это, не больше. Они знали, что советские представители продолжают настаивать на встрече со мной, - меня в курс

дела, разумеется, не вводили. Наконец, им было известно, что планы, разработанные на мой счёт в Лэнгли, уходят в дальнюю перспективу и до поры исключают новые психотропные удары, что Полу Хенци и компании я нужен сломленный, но живой и относительно разумный. С подачи заокеанских «наставников», а возможно, и при их финансовом соучастии я стал «капиталовложением» («крупнейшим за год», проговорились впоследствии) - и этого не заметить было нельзя, но на осмысление такого поворота, хотя бы примерное, тоже требовалось время.

Естественно, я догадывался, что «помощника» мне выделили неспроста. Но ничего особенного он от меня вроде бы не требовал: встречал с машиной на вокзале в Рединге (от Лондона, от вокзала Пэддингтон, 36 миль, 23 минуты экспрессом), отвозил в собственное поместье близ Хенли-он-Темз. Не беден оказался «помощник», хотя поместье себе выбрал, на мой вкус, в высшей степени неуютное. «Зато семнадцатый век», - гордо заявлял он, словно возраст строения сам по себе компенсировал мозглую сырость стен и нелепицу планировки. Лучшее, что было в поместье, - камины с открытым огнём, в Лондоне и других больших городах запрещённые (вместе с каминами в область предания отошли, насколько могу судить, и легендарные лондонские туманы, замешанные на угольной гари). Но в доме Харт-Дэвиса и огонь почему-то не грел, тепло держалось лишь на резко очерченном пятачке у камина, а по комнатам не расходилось.

И сам Харт-Дэвис нравился мне не больше, чем его имение. Я уже сказал - не беден, скажу сходным образом - не глуп. И отталкивающе неприятен. Покатый лоб, отвисшая губа - и дело даже не в этом: мало ли кого природа обидела, обделила красотой. Но к внешности, любой, быстро привыкаешь и перестаёшь её замечать. А привыкнуть к губе Харт-Дэвиса не удавалось, она по-прежнему лезла в глаза, как стынь его поместья - под самый толстый свитер.

Он числил себя в писателях. Преподнёс мне в порядке саморекламы две свои книжки. Казалось бы, несопоставимо разные: одна в жанре биографической прозы, отменно толстая и отменно скучная, другая потоньше, в красочной люминесцентной обложке, а под обложкой-душераздирающая шпионская история на экзотическом гималайском фоне. Но… тоже скучная. Из тех, что покупают по дешёвке на полустанках и бензоколонках, а прочитав или недочитав, отправляют в мусорное ведро. Не помню, заносило ли Джеймса Бонда по какому-либо поводу в Гималаи. Кажется, нет. Вот Харт-Дэвис и надумал «восполнить пробел».

В том-то и беда с харт-дэвисами, имя им легион. Не в силах нащупать собственных путей в литературе (или около литературы, им всё равно), они мечутся на задворках чужих успехов и грезят их повторить. Рассуждают: такому-то удалось, а я чем хуже? А тем и хуже, что объект зависти никому не завидовал, а писал по собственному почину, на свой страх и риск. Но завистникам нет покоя, простейшее это возражение им невдомёк. Вообще говоря, их полно не только в литературе, завистники - не профессия и не нация, а сословие. Только добавлю ещё, что там, где

единственное мерило успеха - деньги, сословие это живуче и неразборчиво втройне.

Я имел дело не с легионом харт-дэвисов, а всего с одним, но сколько же он причинил мне зла! Зачем? Померещилось, что, услужая спецслужбам, можно услужить и себе, хоть на чуток, а приблизиться к ускользающей птичке - славе: вдруг потом, благодарности для, посвятят во что-то ещё, подскажут беспроигрышный сюжетец? Ну и, само собой, услуги «помощника» были щедро оплачены.

Он беседовал со мной вежливо и длинно, обо всём и ни о чём. Иногда делал вид, что записывает, но чаще либо забывал включить магнитофон, либо «записывал» по нескольку раз подряд на одну дорожку, стирая то, о чём шла речь час назад. Я понимал, не мог не понимать, что он ведёт со мной игру, задачи и правила которой мне неясны. И отвечал ему той же монетой: уклонялся от ответов, притворялся, что недопонял вопроса, придумывал на ходу несусветные байки, ни малейшего отношения к делу не имеющие. Может статься, я сам «приложил руку» к тому, чтобы «помощник» так явно небрежничал с магнитофоном: записывать было просто нечего с любой точки зрения.

После моего возвращения на Родину Харт-Дэвис, оправдываясь за всех (и то сказать, подлинным «профессионалам», от Хартленда и Уэстолла до Джоя, выступать в печати «не положено»), признавался на страницах своей «Санди телеграф», что разговаривать со мной было трудно, никак не удавалось выбраться из леса бесконечных «А кстати...». Ну что ж, приятно слышать. С тех пор этот приём также занял в моём репертуаре прочное место и помогал почти безотказно.

Бывало, отчаявшись выжать из меня хоть что-нибудь «путное», «помощник» бросался к телефону, вызванивал Питеру Джою, напрашивался на встречу. Раза два при мне (сколько же раз в моё отсутствие?) принимал приглашение «отобедать». Кавычки не оттого, что «толстый Питер» обманывал и не кормил, напротив, наверняка кормил за счёт «фирмы» обильно и вкусно. Но «кто меня обедает, тот меня и танцует»: за обедом Харт-Дэвису внушалось, какие вопросы ещё попробовать и как. В конце концов, вероятно, за таким же обедом постановили не тянуть резину и подготовить серию статей для «Санди телеграф» вообще заочно, на базе всё тех же перемонтированных брайтонских допросов.

Одно было привлекательно в этих тягостных поездках к Харт-Дэвису - те 23 минуты, что меня оставляли одного в экспрессе «Интерсити-125». «Интерсити» - «междугородний», «125» - предельная скорость в милях. Думаю, что на отрезке до Рединга такой скорости поезд не развивает, и всё же это было сродни полёту над самой землёй. Снег в ту зиму я видел только по телевидению, но поутру на крышах и пустошах лежал иней. Белая оторочка смягчала ландшафт, делала его чуть менее чужим, а стремительное, без толчков и перестуков, движение ласкало, баюкало душу. 23 минуты добавляли сил на весь день.

Между прочим, с того же вокзала Пэддингтон ходят и прямые поезда на Хенли-он-Темз, только не экспрессы, а пригородные, не 23 минуты, а около часа. Но сажали меня неизменно в экспресс - и не время моё экономили, и не о скоростном отдыхе для меня пеклись. Разницу между поездами спецслужбы усматривали, очевидно, в том, что пригородные идут с остановками. Из «Интерсити» на ходу не спрыгнешь, значит, можно оставить меня вплоть до возвращения в Лондон без присмотра. А в пригородном пришлось бы обеспечивать «хвост».

Чуть попозже обязательно включу в повествование несколько страниц о том, как пришиваются «хвосты по-английски», какие применяются методы и уловки. (Если бы я вздумал излагать это от себя, вы ещё, чего доброго, решили бы - фантазирую, так что нагляднее будет процитировать англичанина, которому МИ-5 отчасти доверила свои секреты.) Но пока что более уместен вопрос не как, а зачем. Ведь сто раз повторили, что связаться с посольством нечего и мечтать. Свозили на Ноттинг-Хилл-гейт, показали всё воочию. И тем не менее от «хвостов» не отказывались. Страховались. Выходит, побаивались.

И правильно делали. Прыгать на ходу я, конечно, не пытался, но, съездив к «помощнику» раз-другой, оценил достаточно чётко если не ситуацию, то его самого. Он выступал добросовестным пособником спецслужб, но «профессионалом» не был. Его я мог околпачить - и околпачил: попросил купить мне в буфете банку пива на дорогу, а сам к почтовому ящику. С вокзала в Рединге ушло письмо в Москву. И мало того, что ушло, - дошло.

Я очень долго думал над этим письмом, над каждой его строкой. Оно обязано было дойти даже в том случае, если его вскроют и прочтут, скажем, при сортировке в Лондоне. И потому подписался я не фамилией и не именем, а домашним прозвищем, никому в Англии заведомо не известным. И адресовал письмо на девичью фамилию жены, неведомую «опекунам». И каждая фраза, внешне совершенно невинная, несла в себе скрытый смысл, использовала любимые цитаты и присказки, какие непременно накапливаются в любой счастливой семье. Каждая фраза была как бы двуслойной, а иной раз даже и прямой, но недоговорённой, чтобы сторонний глаз не споткнулся, но и до истинной её сути не добрался ни за что.

Большой правды эзоповым языком не изложишь, но главное я мог сказать и сказал. В середине текста была припрятана фраза, настолько простая, что её можно воспроизвести почти без комментариев. Уточнить, пожалуй, надо только то, что Владимир Симонов, известный советский журналист, находился тогда в Нью-Йорке, ни малейшего отношения ни ко мне, ни к моей семье не имел и имя его помянуто исключительно ради камуфляжа. Письмо сохранилось. Фраза такая:

«Вспоминай почаще Симонова - не Владимира, а Константина: по себе знаю - помогает».

Неизвестно, вскрывали ли письмо, два против одного, что да. И

казалось бы, как не понять, что фраза эта, к тому же адресованная жене, читается однозначно: «Жди меня, и я вернусь»? Но я рассчитал - и, как видите, точно, что поймёт жена, поймут товарищи по редакции, которым она непременно покажет письмо, а непрошеные чтецы, пусть изучившие русский язык в совершенстве, не поймут ни черта. Решат, что речь о каких-то родственниках, и всё. Константин Симонов на английский почти не переводился. И даже если переводился бы: не пережив войну так, как её пережили мы, не представляя себе, что и через четыре десятилетия после Победы миллионы людей помнят эти стихи наизусть, понять мою простую фразу в истинном её значении невозможно.

Да, в отличие от заокеанских двоюродных сестёр и братьев на долю англичан выпала толика военных ужасов и тягот: были снаряды фау и разрушенный Ковентри, и бомбоубежища, и затемнения, и хлебные карточки были тоже. Но за целый год никто из моих собеседников, в том числе те, для кого по возрасту это было бы более чем естественно, не сослался в подкрепление своего суждения, в обоснование своей жизненной позиции на военный опыт. Даже в канун 40-летия высадки союзных войск во Франции подобного чуда не произошло.

В мае - июне 1984 года западная пресса предприняла недюжинные усилия отметить эту дату, расцветить и превознести её. Тщетно. Не вызвали судорожные усилия газет широкого общественного отзвука. Не стала минувшая война для англоязычных стран памятью народной. Ну спели разочек по телевидению «Путь далёкий до Типперери», но от этой не то строевой, не то фокстротной песенки до лучших наших, известных каждому военных песен - дистанция не меньшая, чем от штор на окнах английских гостиных до чёрного инея ленинградской блокады.

Короче, письмо ушло и дошло. А через два-три дня после того, как оно упало в почтовый ящик на вокзале в Рединге, и я в свою очередь получил весточку из дому. Свидания со мной советские представители так и не добились, однако сумели настоять на том, чтобы Форин офис принял письмецо от моей семьи. И коль скоро принял, то пришлось и передать: предполагалось, что я по меньшей мере распишусь в получении.

Весточка не была ответной: письма разошлись в пути. Я получил её в открытом конверте, из рук Уэстолла. Он почти продиктовал мне дословно, как именно я должен откликнуться, если хочу, чтобы переписка продолжилась: живу, мол, прекрасно, как никогда прежде. Только не мог Уэстолл помешать мне сослаться на предыдущее моё письмо, которого не читал. И точно так же не мог возразить против строк, в которых вроде бы не было подтекста: «Я тебя понял и не подведу. Надеюсь, что увидимся снова». Но я надеялся - и не ошибся, - что подтекст есть и будет воспринят, что ссылка на гениальные симоновские стихи в письме из Рединга окрасит и второе письмо совсем, совсем иначе…

Окрылила меня весточка из Москвы. Именно так: не от жены, не от семьи, а из Москвы. Жена, умница, подчеркнула это, написав: «Мы по-прежнему верим в тебя». Если бы она писала только от имени своего и дочкиного, то не поставила бы этого огромного «мы», предпочла бы что-

нибудь поскромнее. По крайней мере, так мне подумалось, так прочиталось.

Но полно, не принял ли я желаемое за действительное, не застлал ли себе глаза миражами? Прецедента-то не было, не было! В минуты наглой экскурсии на Ноттинг-Хилл-гейт Уэстолл явно не врал: я не первый, до меня были другие. Что же, все они были глупее меня? И тем не менее смирились. А если не смирились, но тоже упёрлись в отсутствие прецедента? Что же, так и будем повиноваться насилию да выжидать: авось первым отважится кто-то, кто похрабрее, а уж я пристроюсь вторым?..

Было заметно, что самому Уэстоллу начавшийся обмен письмами очень не по нутру. Дважды повторил, что выполняет «поручение свыше». Мой ответ взял не читая, но не преминул предупредить, что покажет «экспертам».

О том, что полтора месяца назад забрал у меня целую пачку писем домой, включая «открытку из Женевы», он, по-видимому, предпочитал не помнить. И в самом деле, к чему помнить о том, что было лицемерным спектаклем, давным-давно снятым с репертуара? Лицемеры не назывались бы лицемерами, если бы не умели, надевая новую личину, мгновенно забывать о прежних своих ролях.

Хэй-он-Уай

А вслед за настоящим рождественским подарком, письмом жены, меня ждал ещё и подарок фиктивный, в стиле «Интеллидженс сервис»: на праздничные дни меня увезли из Лондона в Уэльс, в маленькую гостиничку на дороге В 4233, милях в трёх от Абергавенни. Зачем увезли? Сперва я недоумевал: новых крупных «грехов», известных «опекунам», за мной вроде бы не водилось. Потом до меня дошло, что «грехи» ни при чём, увезли ради собственного удобства, чтоб сократить на каникулы стерегущую меня «команду» до абсолютного минимума - до одного человека.

Это оказался снова он, «мрачный Питер». Но если бы я видел его в Уэльсе впервые, ни за что не дал бы ему такого прозвища. Грубоватый - да. Не слишком образованный - да. Склонный к горячительным напиткам, особенно по вечерам, - тоже да. Но только не мрачный.

И в отличие от хартлендов и уэстоллов нисколько не лицемер. Отсюда и пасмурная его неразговорчивость в первую неделю йоркширской ссылки: объяснялась она не характером человека, а характером инструкций, которых он поджидал тогда с минуты на минуту. А в Уэльсе он никаких чрезвычайных инструкций не ждал и оставался самим собой. И это лишний раз убеждает меня, что у рождественской поездки «второго дна» не было.

Продолжалась поездка дней пять и могла бы стать очень интересной, если бы Питер и вправду оказался опытным гидом, каким был когда-то отрекомендован. Он великолепно водил машину - это мне было известно и

раньше. Не сверяясь с атласом, ориентировался на перекрёстках, больших и малых. Знал назубок придорожные таверны, для кратковременных остановок старался подобрать красивый вид. Но ни на один исторический вопрос ответить не мог. И ни одной легенды, ни одной сочной побасёнки, способной конкурировать с йоркширской притчей о мистере Мёрфи, здесь, на валлийской земле, не припомнил.

Зато в какой-то из вечеров он вдруг, подпив по обыкновению, немного рассказал о себе:

- Лётчик я. Списали после аварии. Жена, двое детей. На пенсию не проживёшь, сбережений кот наплакал. Куда податься? Вот предложили - думал, полезное дело, а оказалось дерьмо дерьмом. (Он выразился крепче.) Вляпался в политику, а это мерзость, грязь… (Выразился ещё крепче.) Вот ты говорил, что у вас в России всё не так, что наши газеты и дикторы на телевидении всё про вас врут. (Запомнил-таки.) Может, и врут. А откуда мне знать, что и ты, в свою очередь, не врёшь? Кругом враньё, мир катится в тартарары, а дети растут, надо копить им на колледж и на чёрный день. Ну что я могу сделать, что?..

А ведь это, подумал я, вопрос вопросов: что человек может? Один отдельно взятый человек, песчинка, пылинка, - что может он противопоставить кипению мировых страстей, экономическим и политическим катаклизмам? Как противиться силам, в тысячи и миллионы раз превышающим собственные ничтожные силёнки? Казалось бы, немыслимо. Человек не просто немощен - он подвержен случайностям, досадным и злым, его швыряет по стремнинам, засасывает в омуты, выносит на мели. И большинство так и плывёт по течению, довольствуясь сознанием своего бессилия и утешаясь именно таким, то вялым, а то агрессивным: «А что я могу?..»

Но кто-то первым высек искру и кто-то изобрёл колесо. Пересёк океан и поднялся на неприступные горы. Дерзнул подумать, что Земля вертится. Усомнился в непреложности постулатов Эвклида. Пошёл на таран.

Кто-то первым указывал человечеству путь с вековечных мелей и кто-то первым выплывал из омутов, какие в изобилии закручивала история науки и общества. Кто-то обязательно был первым, кто-то создавал прецедент…

Питер не задавал мне вопроса, что он может сделать для меня лично. И всё же померещилось, что как бы чуть-чуть и задал. Ни на что серьёзное, тем более протрезвев к утру, он бы не решился: лётчик-то лётчик, да обломавший крылья и к новому рискованному полёту уже не пригодный. Послать его, скажем, в посольство было бы беспросветной утопией. А вот слегка раздвинуть его полномочия, отклониться с его помощью от согласованного с «опекунами» маршрута - дело реальное.

- Свози меня в Хэй-он-Уай, - попросил я.

- Что ты там забыл? - откликнулся он. - В пыли давно не копался? А впрочем, поехали. Там неподалёку занятнейший кабачок есть. Тринадцатого века…

В английском языке, как известно, нет чёткого «ты» и «вы»: заведомо на «ты» обращаются только к богу, и то лишь в пределах канонических молитв, неизменных на протяжении многих столетий. При переводе сколько-нибудь современных произведений местоимения выбираются эмпирически, исходя из отношений, темперамента и норова персонажей. Так же приходится поступать и мне: называть Уэстолла на «ты» я не в состоянии, даже когда обращаюсь к нему вроде бы по-свойски - «Джим». Но и приписывать Питеру церемонное «вы» рука не поднимается, хотя всё-таки прошу не забывать, что диалоги в этой книге - на девять десятых переводные и разницы между «ты» и «вы» в действительности нет.

Хэй-он-Уай - посёлок-переросток, а может, город-недомерок, каких в Уэльсе пруд пруди. Многие из них ныне полупокинуты и потихоньку приходят в упадок: здесь жили шахтёры, а шахты закрылись. Или железнодорожники, но железные дороги захирели, заржавели или просто снесены. Уровень безработицы в Уэльсе - едва ли не наивысший в стране. Характерная деталь здешнего пейзажа - табунчики одичавших лошадей: их предки таскали вагонетки по штрекам, крутили вороты подъёмников, были при деле. Потом лошадей за ненадобностью повыпускали на волю. Пособие по безработице им не нужно, травы хватает, а они, никак не избавишься от впечатления, грустят. Тоскуют. Люди разъезжаются из этих оскудевших работой краёв - им уезжать некуда.

Хэй-он-Уай, никакого сомнения, разделил бы участь посёлков-призраков, если бы не причуда местного уроженца, разбогатевшего на стороне. Причуда редкостная, поначалу вызвавшая лишь снисходительные усмешки: он превратил посёлок, весь посёлок, в... букинистическую лавку. Безусловно крупнейшую в мире. На мили и мили тянутся по всему Хэю, в каждом мало-мальски годном помещении, полки, заставленные и заваленные печатной продукцией на всех языках Земли. Преимущественно англоязычной - но своими глазами видел и иероглифы разных фасонов, и арабскую вязь, и затейливые значки иврита и санскрита.

И кириллицу. Я посетил одно-единственное книгохранилище- как же это ещё назовёшь - в бывшем кинотеатре, наспех приспособленном к новой роли. К тому же Питер отпустил мне всего полтора часа, на большее не расщедрился. Но и за полтора часа удалось выискать там и сям, в хаосе почти бессистемного хранения, десятки русских обложек. В том числе советского и даже относительно недавнего издания. Для того я и подловил в разговорах этот адрес, для того и напросился сюда, что надеялся если не услышать, так хоть увидеть родное слово.

Питер в бывший кинотеатр не заходил, предпочёл пересидеть в ближайшем «пабе» - пивной. Оттого и время ограничил, что ровно в три часа дня все «пабы» Соединённого Королевства (кроме Шотландии) закрываются на перерыв до половины шестого, так установлено по каким-то смутным соображениям ещё при Виктории, и порядок нерушим. Но спасибо ему, Питеру, и на том, что внял просьбе и привёз меня в Хэй: я выкопал себе здесь подарок воистину сказочный. Романы Булгакова

выпуска 1975 года. Какая нелёгкая занесла их сюда? В Москве за это издание дрались, клянчили друг у друга, случалось, платили спекулянтам суммы без преувеличения астрономические. А тут - за два фунта с мелочью…

«Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита» скрашивали мне жизнь на протяжении многих месяцев. Помогали бороться с одиночеством и с хандрой, с неверием в свои силы, со всем враждебным, что окружало меня, давило, подкарауливало за каждым углом. В особенности помогал «Мастер» - если хотите, самим фактом своего существования. Роман, который нельзя было написать ни по логике той эпохи- тридцатые годы, ни по законам композиции, сформулированным авторитетами, ни по правилам самосохранения, никем не сформулированным, но цепким. И который нельзя было не написать, потому что уже сегодня представить себе литературу без этой книги трудно, а завтра, вероятно, станет немыслимо. Роман, созданный без надежды на опубликование, вопреки всему и вопреки себе. Сожжённый автором и тем не менее провозгласивший и доказавший, что рукописи не горят.

И не только рукописи. Не ветшают замыслы, если это замыслы, а не однодневки. Не тускнеют поступки, если они поступки, а не подделки, если продиктованы разумом, а не инстинктом, внутренним долгом, а не наставлениями мещан и перестраховщиков…

Но булгаковский томик, как ни цени его, сам по себе погоды ещё не делал. Это был прекрасный рождественский подарок, но, к сожалению, последний. Вслед за рождеством пришёл новый, 1984 год, который задолго до его наступления связали с именем другого писателя, не русского, а английского. Писатель сам предсказал себе эту честь, поставив в заголовок своего предсмертного и самого известного романа именно эти цифры - «1984».

На полках бывшего кинотеатра этот роман был представлен неоднократно и на разных языках, но я его не купил. Не купил, хотя и читал ранее. Нет, не пожадничал, но перечитывать в тот момент не захотелось. Если бы он издавался по-русски у нас в стране, вы легко поняли бы, почему. Или не поняли бы? Или понять роман так, как я понимаю его теперь, можно, только побывав в моей шкуре, чего я искренно никому не желаю?

Кстати, убеждён, что русское советское издание романа состоится, оно неизбежно по логике общественного развития. Рукописи не горят, а уж всемирно знаменитые тем более.

Дополнение 1988 года

И всё-таки когда я дерзнул на это предсказание - а дело было в начале 1987 года, оно представлялось не бесспорным и достаточно отдалённым. Не предвидел я, что уже через год «Новый мир» закажет полный перевод романа «1984», а «Литературная газета» напечатает из

него большой, принципиально важный отрывок, примерно полторы главы, и что мне же будет поручено готовить его к печати. Выполнив это задание, я душевно порадовался тому, что эволюция общественного сознания опережает самые смелые прогнозы.

Отступление второе. О Джордже Оруэлле в «год Оруэлла»

Из всех застарелых табу, касавшихся зарубежной литературы, это было едва ли не самым стойким и непробиваемым. При таможенных досмотрах роман Джорджа Оруэлла «1984» безоговорочно изымали как «не подлежащий ввозу», а в книгохранилищах - в тех крупнейших, куда он всё-таки проникал, - его заточали на дальнюю полку так называемого спецхрана и выдавали, естественно, в исключительных случаях, по особому разрешению.

Как и отчего зародилось табу, гадать не приходится. Роман был закончен в 1948 году, напечатан в 1949-м. И на первых же страницах читателю являлся портрет «человека с усами», взирающего на современников «с каждого заметного угла». Мгновенного панического узнавания было достаточно. Сам-то Сталин, скорее всего, о романе слыхом не слыхивал, ему и доложить не посмели, но крамольное сочинение было без суда и следствия поставлено вне закона.

Лет десять-пятнадцать назад запрет видоизменился. Ссылаться на Оруэлла теперь стало можно и даже модно, особенно если страховки ради прицепить к имени ярлык позабористее: «трубадур холодной войны», например. При всей своей несолидности такие фокусы оказывались, пожалуй, всё же предпочтительнее глухого молчания: читатели быстро усвоили правила игры и наловчились черпать информацию в обход ярлыков, не считаясь с ними. Однако предложения перевести роман - достоверно известно, что они делались, - по-прежнему отметались без обсуждения.

Но почему? По-прежнему из-за «человека с усами»? Если бы так, преодолеть инерцию было бы куда проще.

Оруэлл писал «1984» сразу после войны, когда ещё свежа была скорбь о пятидесяти миллионах погибших. Человечество едва успело подсчитать свои утраты, города ещё лежали в руинах, и казалось, ещё не остыли печи Освенцима и Дахау. Люди, осознавшие злодеяния фашизма, терзались вопросом: как это могло случиться? Кто виноват? Но уже нашлись и такие, кто скорбел не о жертвах, а о палачах. И ещё больше таких, кто быстренько позабыл о скорби и тем более не желал сознавать, что тени недавнего прошлого способны сгуститься снова.

Ещё не прозвучал приговор главным военным преступникам в Нюрнберге, а британский премьер Уинстон Черчилль уже произнёс свою фултонскую речь, открывшую эру новой, «холодной войны». И Оруэлл, убеждённый противник насилия и нетерпимости в любых проявлениях,

спросил себя: а не может ли фашизм вновь поднять голову не где-нибудь, а на моей родине? Не найдёт ли он питательной почвы на берегах Альбиона, и если да, то как скоро? Как это будет выглядеть, какие формы примет?

«Прежние цивилизации провозглашали, что они основаны на любви к справедливости. Наша - зиждется на ненависти. В нашем мире не останется места эмоциям, кроме страха, ярости, торжества и самоуничижения. Всё остальное мы уничтожим - всё без остатка… Мы разорвали связи между родителем и ребёнком, между мужчиной и женщиной, между человеком и человеком. Никто уже не доверяет ни жене, ни ребёнку, ни другу. А скоро не будет ни жён, ни друзей. Новорождённых мы заберём у матерей, как забираем яйца из-под несушки… Не будет иной любви, кроме любви к Старшему Брату. Не будет смеха, только смех триумфа над поверженным врагом. Не будет ни искусства, ни литературы, ни науки. Когда мы достигнем всемогущества, то обойдёмся без науки. Не останется различия между красотой и уродством. Не останется места для любознательности, для поиска смысла жизни… Но навсегда - запомните, Уинстон, - навсегда сохранится упоение властью, и чем дальше, тем оно будет сильнее, тем острее. И навсегда, на все времена, сохранится пронзительная радость победы, восторг того, кто попирает беспомощного врага. Если вам нужен образ грядущего, вообразите себе сапог, наступивший на человеческое лицо, - навеки».

Такова программа, гротескно бесчеловечная, которую выстраивает перед главным героем романа «1984» Уинстоном Смитом главный антигерой О’Брайен. Такова идеология нарисованного в романе общества, которую писатель окрестил «ангсоц» - английский социализм.

Этому-то словечку и было суждено стать камнем преткновения на пути книг Оруэлла (даже не одной, а всех подряд) к советскому читателю. Именно за это словечко ухватились истолкователи, сначала западные, а затем и доморощенные, дружно позабыв, чья идеология называла себя в 30-40-е годы национал-социалистской. Напрасно сам Оруэлл перед смертью - она оказалась очень близка - возражал против поспешных, односторонних истолкований. Напрасно записал в своём дневнике: «Все мои серьёзные произведения после 1936 года направлены против тоталитаризма и в защиту демократического социализма, как я его понимаю». В какофонии «холодной войны» слабеющий голос автора просто не услышали.

Год за годом роман обрастал мифами и комментариями к мифам, будто попал в систему кривых зеркал, где каждое последующее отражение уродливее предыдущего. Антифашист, борец за республиканскую Испанию был объявлен мракобесом, врагом прогресса, антикоммунистом и антисоветчиком. В одной из статей 70-х годов автору этих строк с трудом разрешили упомянуть о том, что Оруэлл был талантливым стилистом, - и то при условии, что мера похвалы будет снижена: вместо безусловного «талантливый» - снисходительное «неплохой».

Ну а если отбросить мифы, разбить кривые зеркала? Тогда окажется, что читатели во всём мире посрамили истолкователей и зачитывались книгой не зря. Что она благополучно пережила все истолкования и запреты, пережила и испытание календарным 1984 годом, что для книги менее талантливой, менее значимой наверняка стало бы роковым. И что в современных условиях, в походе за подлинную социалистическую демократию, Оруэлл нам не враг, а явный союзник. Роман «1984» - жгучая сатира на тоталитарное общество любой природы, гневная отповедь антигуманизму, какие бы мундиры и мантии он ни примерял.

Да, в романе есть страницы, которые можно без натяжки прочесть и как сатиру на социализм, но не на тот, о каком мечтали лучшие умы человечества, а на тот казарменный, подневольный строй, что был так мил «человеку с усами» - жизненному, а не книжному. Что же, спрашивается, ставить подобную «узнаваемость» в вину Оруэллу? А может быть, наоборот, - в заслугу?

И ещё одно обнаружится, если отбросить мифы. Обнаружится как историческая закономерность. Ведь по серьёзному счёту Гитлер был в своей эпохе закономерностью, а Сталин, как ни кляни его, - лишь случайностью, гримасой истории. «Оруэлловеды», в этом надо отдать им должное, отказались от прежних своих построений почти в унисон. На подступах к реальному 1984 году они оглянулись окрест и осознали, что Советский Союз на роль «модели мира по Оруэллу» больше не подходит. Даже невзирая на мощную в то время риторику относительно «империи зла».

Оглянулись ещё раз: где же искать, где бы найти новые, не исчерпавшие себя аналогии в реальной действительности? В Чили, Иране, Пакистане, Южной Африке? Слишком далеко…

В начале 1984 года, вроде бы вне всякой связи с Оруэллом, на английском телевидении родилась серия передач «Точная копия». Замысел заключался в том, чтобы «оживить» политическую карикатуру, срастив её с кукольной мультипликацией и разыгрывая на экране скетчи-комментарии на злобу дня. Вот один из самых первых сюжетов: Гитлер вовсе не умер, а живёт себе тихим старичком-пенсионером в пригороде Лондона. Выращивает розы, а иногда принимает гостей, лидеров кабинета, и, поправляя поседевшую чёлку, подаёт им советы. Является к старичку самолично госпожа премьер-министр и жалуется: ума не приложу, что делать с шахтёрами, совсем распоясались (был пик общенациональной забастовки угольщиков). «А что тут долго думать? - отвечает экс-диктатор, алчно клацая садовыми ножницами. - Всех в концлагерь!..» «Вот и я того же мнения», - отвечает мечтательно премьер.

Гипербола? Шарж? Разумеется. Но во всякой шутке должна быть доля правды, и хороший шарж обязан напоминать оригинал. Не столько совпадение дат, «предсказанной» и пришедшей, сколько действительность того времени внушала англичанам определённое беспокойство: что, если «пророчество» сбудется и мистическим образом претворится в жизнь?

Не сбылось: подмеченные телевизионными кукольниками тенденции развития не получили. Но воспользуемся удачной идеей и продолжим её за пределы экрана. В чистом виде «модель мира по Оруэллу» не осуществилась, к счастью для человечества, нигде. А её элементы?

Коротко о самой «модели». Герой романа Уинстон Смит служит в одном из верховных ведомств - «министерстве правды». На деле это министерство дезинформации, копирующее с зеркальной точностью геббельсовские приёмы, вплоть до переписывания и перепечатывания старых газет. Государственная машина включает в себя и три других министерства: «министерство мира», занятое ведением нескончаемых и зачастую вымышленных войн, «министерство изобилия», ведающее распределением скудных рационов, и главный двигатель машины, её сердце, - «министерство любви».

У «минлюба», как именуют это милейшее ведомство в оруэлловском Лондоне, тоже есть сердце - центр изощрённых пыток, известный под шифром «комната 101». Сюда и попадает Уинстон, как только вездесущая и всеведущая «полиция мыслей» устанавливает его «нелояльность». Здесь он и выслушивает приведённый выше красочный монолог. Герою «везёт»: он покидает застенок живым, хотя и сломленным навсегда. Отныне он со слезами на глазах будет славить сапог, растоптавший его лицо и душу.

Пощадим читателя и ограничим свою задачу. Можно бы провести цепочку аналогий, исторических и современных, по профилю всех четырёх «министерств», но хватит и одного «минлюба». Кого записать в прототипы О’Брайена - Гиммлера, шефа гестапо Мюллера или кого-то ещё? Право, неважно: все претенденты отошли в мир иной и могут выяснить, кому принадлежит пальма первенства, в личной встрече на адской сковородке. Нас, всех нас, задевает сегодня иной вопрос: не кто прототипы, а кто наследники.

«Мы вступаем в такой этап, когда не будет неприкосновенности частной жизни, не будет секретов от властей... Подслушивание телефонных разговоров и установка подслушивающих устройств достигли невероятных масштабов и не поддаются сколько-нибудь эффективному контролю... Настанет время, когда никто не будет уверен в том, что каждое его слово не фиксируется в целях использования в будущем; когда каждый будет бояться, что его самые сокровенные мысли принадлежат не только ему, они известны властям; когда самые конфиденциальные и интимные разговоры будут достоянием чужих ушей. И когда это время придёт, неприкосновенности частной жизни и свободе настанет конец».

Что, опять цитата из Оруэлла? Нет, слова видного американского юриста Уильяма Дугласа, обобщающие не прочитанные утопические романы, а текущие судебные дела. Произнесены они были ещё на полпути между двумя 1984-ми, книжным и календарным, в 1966 году. С тех пор практика, подсказавшая юристу гневные слова, не прекратилась, она продолжается.

«Полиции мыслей» из романа и не снились перспективы, открывшиеся перед её наследниками не из книжки, а наяву. Не предвидел Оруэлл современных компьютеров, способных хранить в своей необъятной памяти миллионы электронных досье на каждого, кто добился сколько-нибудь приметного положения, кто хоть чем-нибудь, хоть когда-нибудь обратил на себя внимание властей предержащих. Не предвидел, что телефонные, да и обычные разговоры можно не только подслушивать, но и хранить на магнитной ленте десятками лет. Не предвидел, что можно подглядывать и даже снимать сквозь стены, направленными микрофонами улавливать шёпот в соседнем квартале, а при желании ещё и монтировать записи так, что даже близкие друзья и родственники примут их за подлинные, хотя человек ничего подобного не говорил.

И поневоле задумываешься: как чувствовали бы себя в эдаком «свободном мире» персонажи полувековой давности - о’брайены, гиммлеры, мюллеры? Неплохо, надо полагать. Позавидовали бы нынешнему техническому обеспечению подозрительности и слежки. Погоревали бы, что не было в их арсенале таких возможностей. И наверняка подивились бы новейшим достижениям «науки допроса», фантастическому прогрессу в «выкручивании рук».

В самом деле, что умел Мюллер? Кое-что умел. Но ведь то же самое, по существу, умели ещё инквизиторы в средние века. Электричества они не ведали, это верно. Не ведали и крематориев, обходились кострами. Тут Мюллер их безусловно превзошёл. И тем не менее гарантировать победу над жертвой он не мог, как не мог и Торквемада. Голубая мечта палачей об абсолютной пытке, которой не выдержал бы никто, о «комнате 101», где сдавались бы самые стойкие, оставалась неосуществлённой. Вплоть до последней трети XX столетия.

...В 1980 году адвокат Джозеф Раух обратился в вашингтонский окружной суд от имени девяти канадцев, полностью утративших дееспособность и не умерших лишь благодаря заботам родственников. Все девять страдают галлюцинациями, не могут ни читать, ни писать, ни общаться с окружающими, почти не помнят своего прошлого. В 60-х годах они были пациентами клиники Монреальского университета, где по заданию Центрального разведывательного управления США проводились эксперименты по «управлению поведением» - проверялось действие препаратов, подавляющих волю и заставляющих человека выполнять любые приказы. В группе подопытных были 53 человека, 44 из них уже скончались. Теперь, с опозданием на полтора десятка лет, адвокат потребовал от ЦРУ компенсации девяти оставшимся в живых.

Ещё через пять лет, так и не добившись рассмотрения иска, Раух согласился побеседовать с корреспондентом «Литгазеты».

- Почему же ЦРУ не желает слегка раскошелиться, - спросил корреспондент, - и тем самым прекратить скандал?

- Деньги сами по себе ничего не значат для ЦРУ, - последовал ответ. -

Даже выплатить миллион долларов - ерунда для него! Волокита продолжается, конечно, не из-за денежных расходов. Есть две иные причины.

Первая - ЦРУ не желает публично признать свою вину. Выплата компенсации означает признание вины. А вторая причина состоит в том, что ЦРУ опасается судебного прецедента, который позволит кому-нибудь ещё возбудить против него иск за подневольную обработку наркотиками...

Опасения вполне основательны. Английский журнал «Нью сайентист» разоблачил «эксперименты по психическому воздействию», проводившиеся, также по заданию Лэнгли, в другом канадском научном центре, университете Мак-Гилла. В журнале приведены имена пострадавших- Велма Орликофф, Жан-Шарль Паж. И ещё приведена выдержка из отчёта «экспериментаторов», направленного в ЦРУ: «В результате опытов нам удалось выработать метод, с помощью которого мы вызываем необходимые изменения в поведении человека, сохраняющиеся в течение двух месяцев».

Канадская газета «Лидер-пост» дополнила список жертв «метода», опробованного в университете МакГилла, ещё тремя фамилиями: Роберт Логи, Дженни Хьюард, Лилиан Стедлер. Все они, в свою очередь, возбудили иски против ЦРУ. И ничего не добились.

...В том же, 1980 году на родину, в Финляндию, приехал Мартти Коски, проживший много лет в эмиграции за океаном. Он поведал миру историю, показавшуюся вначале совершенно неправдоподобной. В конце 70-х годов он работал сварщиком в городе Эдмонтоне, центре провинции Альберта. И вдруг в его жизнь начали вторгаться «голоса». Будто кто-то со стороны непрерывно следил за ним и подавал ему команды, зачастую противоречившие его личным побуждениям. Одна и та же еда казалась то солёной, то горькой. Сердце произвольно меняло ритм. Дома Коски страдал бессонницей, зато выйдя на улицу, испытывал неодолимую сонливость. «Мне казалось, что я теряю контроль над большинством функций тела и над эмоциями», - вспоминал он впоследствии.

В конце концов сварщика уложили в госпиталь. И там он узнал, что в течение многих месяцев служил объектом опытов по управлению человеческим разумом. Коски выступил с разоблачительной брошюрой, запрос по его делу прозвучал с трибуны канадского парламента. Запрос остался без ответа...

Во всех перечисленных случаях эксперименты велись на территории Канады. Но это вовсе не значит, что «исследователи» из Лэнгли ограничили свою деятельность масштабами одной страны и при попустительстве местной полиции измывались исключительно над иноземцами. Приведём свидетельство американского научного комментатора Сэмюэля Чавкина из его книги «Похитители разума» [17]:

«Вот уже четверть века в Соединённых Штатах осуществляется

[17]На русском языке книга выпущена издательством «Прогресс» в 1981 г.

широкая программа экспериментов по разработке методов контроля над поведением человека… Выступая 3 августа 1977 г. на слушаниях в сенате, адмирал Стэнсфилд Тернер, директор Центрального разведывательного управления, признался, что его ведомство проводило опыты по «промыванию мозгов» бесчисленного множества американцев без их ведома и согласия. Одни из них были заключёнными, другие - пациентами психиатрических больниц, третьи - пациентами онкологических лечебниц. Но среди них было и неизвестное число лиц, не находившихся в лечебных учреждениях, которые, ничего при этом не подозревая, стали выполнять роль подопытных кроликов. Так, например, агенты ЦРУ подсыпали в стаканы завсегдатаев баров в Нью-Йорке, Сан-Франциско и других городах ЛСД и другие психотропные вещества. На медсёстрах и другом медицинском персонале проводились эксперименты, вызывавшие потерю чувствительности. При этом у некоторых из них наблюдались первые симптомы шизофрении.

Подобная явно противозаконная деятельность ЦРУ осуществлялась при участии по меньшей мере 185 учёных и около 80 учреждений: тюрем, фармацевтических компаний, больниц и 44 медицинских колледжей и университетов».

А идея-то, между прочим, мюллеровская! Как мечталось шефу гестапо отыскать ключ, безотказно отмыкающий уста арестованных, подозреваемых, пленных! Первые опыты с примитивными «наркотиками правды», иначе говоря, препаратами, лишающими воли и самоконтроля, проводились в годы войны в фашистских концлагерях. Но то были именно первые неудачные, с точки зрения палачей, опыты: время действия снадобья не превышало полутора минут, а чаще жертвы лишались не только воли, но и речи, и оказывались «бесполезными».

Архивы гитлеровских секретных служб, как известно, попали в основном в руки «Интеллидженс сервис» и созданного сразу же после войны ЦРУ. Специальная группа американской разведки вывезла из концлагеря Дахау все сохранившиеся там материалы об экспериментах по подавлению воли, которыми руководил, в частности, доктор К. Плётнер. «Наследию» эсэсовцев в белых халатах уделили тогда внимание не меньшее, чем разработкам гитлеровского «ракетного короля» Вернера фон Брауна.

Можно добавить, что идея, почерпнутая в Дахау, легла на подготовленную почву. Поиски возможностей искусственной «модификации поведения» в англо-американской психиатрии шли давно, но сводились, как правило, к скальпелю и электроду, к необратимым психохирургическим операциям. Фармакологический «метод» сулил больше, гораздо больше. Был разработан целый комплекс психотропных препаратов длительного, а затем и избирательного действия. В дальнейшем его дополнили опыты с использованием микроволнового (случай Мартти Коски) и даже лазерного излучения. Всё это, вместе взятое, вошло в многомиллионную программу под кодовым названием «МК-ультра».

Программа, разумеется, была и осталась сверхсекретной. Однако шила в мешке не утаишь. Время от времени возникали провалы и скандалы. В 1974 году руководители ЦРУ были вынуждены официально заявить конгрессу, что опыты по «контролю за поведением» отныне прекращаются. Солгали. В 1978 году, после очередного скандала, администрация президента Картера клятвенно пообещала, что программа «МК-ультра» будет ликвидирована. Снова ложь. Случай с Мартти Коски произошёл в 1979 году и стал достоянием гласности в 1980-м. В августе 1983 года журнал «Нэшнл инкуайрер» огласил, причём по свежим следам, имя очередной жертвы похитителей разума - Дороти Бердик.

Правда, размах преступных экспериментов в последние годы (если сравнивать с 60-ми и 70-ми) действительно сократился. Но не по настоянию Белого дома и тем паче не по укору совести, а по иной, куда более веской для спецслужб причине. Разработка действенных психотропных схем продвинулась так далеко, что от них потребовали «отдачи». Программа «МК-ультра» перешла в новую стадию - стадию реального применения. Не только в клиниках и тюрьмах, но и в государственно-террористической практике.

Да, психотропные схемы всё ещё дороги. Да, возникшая было наглая уверенность в безотказности найденных «лекарств» вновь, под давлением событий, сменилась оценками более осторожными. Но и «успехи» налицо. По-видимому, под их впечатлением военный журнал «Милитари ревью» весной 1985 года нарисовал «идиллическую картинку». Третья мировая война. Полный триумф новейшего американского оружия. И бравая морская пехота при поддержке других родов войск захватывает полтора миллиона пленных.

Откуда такая цифра? Авторы журнала не скрыли, что опирались в расчётах на опыт вермахта. О том, что в ядерной войне пленных не может быть, что захватывать будет некого и некому, печатный орган Пентагона, по крайней мере в то время, предпочёл не задумываться. И продолжал своё: как поступить с полутора миллионами? Оказывается, проще простого: по уколу на брата, и весь контингент в мгновение ока сортируется на «бросовый» и «ценный». Что будет с «бросовыми», всё равно. А «ценных» передадут на более сложную индивидуальную обработку, и они, желают того или нет, будут ассимилированы «западной цивилизацией».

А на «внутреннем фронте» - если мыслить теми же категориями - перспективы ещё ослепительнее. Почему бы не «ассимилировать» не тысячи и не миллионы, а всю нацию, всё человечество? Угнетённых не станет, потому что никто не будет сознавать себя угнетаемым. Не станет ни богатых, ни бедных, поскольку самые эти понятия окажутся вытравлены из разума в младенчестве. Все будут довольны всем и всегда. А если в кои-то веки в ком-то шевельнётся недовольство, с аномалией легко будет покончить опять-таки уколом или таблеткой. Общество живых роботов. Общество, в сравнении с которым кошмарный мир романа «1984» выглядит весенней грёзой провинциальной барышни.

Остаётся назвать поимённо тех, кто прямо причастен к попыткам претворить антиутопию в жизнь, к разработке и применению программы «МК-ультра».

Ивэн Камерон. Доналд Хебб. Луис Джолион Уэст. Фрэнк Эрвин. Артур Ньюджент. Карл Пфайфер. Это, с позволения сказать, врачи-исследователи.

Б.Ф. Скиннер. Джеймс Макконел. Эдгар Шейн. Это теоретики, работами которых руководствовались перечисленные врачи.

Списки, конечно, очень неполны. Что такое девять имён, если С. Чавкин утверждает, и нет оснований ему не верить, что бесчеловечные эксперименты по заданию и на деньги ЦРУ вели сотни доверенных лиц в десятках учреждений? Очевидно, спискам преступников в белых халатах и академических шапочках ещё расти и расти. Но уже сейчас можно составить и другой список - тех, кто вдохновлял и пестовал заговор против разума.

Аллен Даллес. Он был директором ЦРУ в год основания программы «МК-ультра». ***Уильям Колби. Стэнсфилд Тернер. Уильям Кейси.*** Сменяя друг друга на этом посту, они санкционировали новые и новые её витки.

И - непременно отдельной строкой - ***Сидней Готлиб***, начальник гигантского «технического отдела» ЦРУ, бессменный непосредственный руководитель «МК-ультра» и дочерних программ на протяжении многих лет.

Запомните эти имена, люди!

Имена тех, кто хотел лишить вас права называться людьми.

Дополнение 1988 года

Но если роман «1984» был объявлен антисоветским лишь потому, что напоминал кому-то кого-то и что-то, а проще говоря, пострадал без вины, по навету; если горькую участь - это сегодня не тайна - разделили с ним десятки достойнейших книг; если обвинения книгам раздавались с той же лёгкостью, что и людям, и были столь же неосновательны, так, может быть, отказаться от словечка «антисоветский» в принципе, выбросить его из лексикона, как выброшена из уголовного кодекса и из жизни печально знаменитая 58-я статья?

Увы, аналогия неправомерна. Антисоветских книг гораздо меньше, чем уверяли перестраховщики, вероятно, во много раз меньше, - и всё-таки они были и есть. Пока ещё есть.

По моему мнению, такой характеристики - не ярлыка, а именно характеристики, объективной и доказательной, книга или статья заслуживают тогда и только тогда, если и когда автор заведомо врёт. Не заблуждается, не впадает в добросовестные ошибки, на что имеет право каждый, а возводит на нашу Родину напраслину, намеренную и корыстную. (Бескорыстная ложь - сочетание патологическое, известное в

психиатрии, но не в литературе и не в политике.) Я хотел бы на этих страницах вовсе обойтись без затёртого, потерявшего кредит словца, но не удаётся и, боюсь, не удастся. Во всяком случае, применяю его в исключительных случаях и только в смысле, указанном выше.

Надеюсь - вполне всерьёз, - что со временем словцо просто умрёт, как умрёт и породившая его политическая вражда.

Лондон. Два телефонных разговора

Во вторник 17 января 1984 года произошло событие необычайной важности. Я говорил по телефону с женой.

Собственно, к этому шло с момента, когда «опекуны» вынужденно передали мне её письмо и приняли ответное. А если совершенно точно, с 12 октября, когда в «Литературной газете» появилась первая редакционная статья. Именно она вызвала первое «короткое замыкание» в расчётах и замыслах спецслужб. Через тринадцать дней им пришлось признать, что я жив и нахожусь в их руках, через месяц - кардинально изменить свои планы, через два - согласиться на обмен письмами. Отсюда было уже не так далеко и до звонка: я понял, что могу теперь добиться его, - и добился.

Нельзя сказать, чтобы это не стоило мне никаких усилий. Очень им не хотелось идти на новое «послабление»: отнекивались, тянули, выдвигали условия. Но я настаивал, бил и бил в одну точку, и находить возражения после обмена письмами становилось всё труднее. Отнекивались - а я упорно гнул своё, и логика оказывалась на моей стороне. Тянули - но нельзя тянуть бесконечно. Выдвигали условия- а я эти условия взял и принял.

Хотя условия были нелёгкими. Первое - разговор пойдёт на запись. Второе - в присутствии Уэстолла. И главное - я обязан ограничиться обсуждением чисто семейных тем, в противном случае связь будет немедленно прервана.

И я согласился. Почему? Не только потому, что истосковался по семье и мечтал хотя бы услышать родные голоса. Не только потому, что жаждал выяснить, получены ли мои письма, и в этом никакой Уэстолл помешать мне не мог. Но ещё, а может, и прежде всего потому, что как ни вслушивайся, сколько магнитофонов ни подключай, а семейный, интонационный язык переводу не поддаётся. Я рассчитывал, уповал, предчувствовал: жена захочет и сумеет передать мне больше, чем скажет. Как в письме. Глубже, естественнее, многозначнее, чем в письме. Я надеялся на жену. И не обманулся.

Ну откуда в самом деле было Уэстоллу знать, что диктофоны для голосовой записи на семейном жаргоне именуются неожиданно ласково - «малыши»? Родилось словечко с бесхитростной целью подчеркнуть различие со стационарной магнитофонной системой, а сослужило совсем иную службу. «Малыша не забываешь?» - спросила жена. «Тут забудешь,

со всех сторон малыши…» И мы поняли друг друга.

Разговор был обставлен по всем правилам конспирации, перенесён из позолоченной клетки на другую квартиру. Адрес «переговорного пункта» - Олд-Бромтон-роуд, Роланд-уэй, 12. Двухэтажный домик в глубине квартала. И даже здесь с предосторожностями, не по схеме обычного междугородного или международного разговора. Сперва Уэстолл накрутил семь цифр и, поздоровавшись с неким Тоби, коротко известил: «Мы на месте». Минут через десять раздался звонок, но нет, это была ещё не Москва. Уэстолл доложил: «Ждём». Повесил трубку, снова связался с Тоби, заверил, что всё о’кэй. Повернулся ко мне: «Не забывайте, о чём мы с вами договаривались…» Я кивнул. И только тогда…

Пересказывать весь разговор трудно даже три года спустя. Да и не нужно. Я волновался - но это пустяки в сравнении с тем, что переживала жена. Голос у неё срывался, в нём, особенно на первых минутах, дрожали слёзы. Но мало-помалу она овладела собой. Задача передать больше, гораздо больше, чем может быть сказано, была ей ясна.

- Ты получила мои письма?

- Да. Да!..

И в это «да» с восклицательным знаком и многоточием она вложила сразу и «спасибо», и «люблю», и «верю». И боль, и страх, и надежду. Я всё-таки решил уточнить:

- Сколько писем?

- Два подряд…

Значит, письмо из Рединга дошло тоже. Как спросить дальше? «Ты всё поняла? Про Симонова - поняла?..» Нет, не стоит: Уэстолл вращает ушами, как локаторами. С его-то садистскими наклонностями он не поколеблется дать отбой, едва ему послышится или померещится двусмысленность. Но жена, ощутив недосказанность, произнесла сама:

- Жду, когда снега метут…

Именно так - не первую и не вторую, а пятую строку. И дала мне повод подхватить без натуги:

- Да, у вас там, наверное, метели. А здесь, представляешь, снега нет и в помине…

Ещё поговорили про погоду, потом обменялись невинными с виду репликами про «малышей». И вдруг:

- Ты помнишь, о чём писал Юлиус? - спросила она.

- Какой?

- Фучик. Он просил тебя не забывать о нём.

- А где ты его видела? - отозвался я после паузы.

- В редакции, конечно, где же ещё? - походя бросила она и перешла к делам семейным.

И Уэстолл, слышавший лишь половину диалога, не сумел ни к чему прицепиться. А «слухачи» на линии, сколько бы их ни было, записывали, может, и старательно, но права прерывать разговор по собственному почину, видимо, не имели. Да и сто против одного, что немного поняли. В сущности, тот же приём, что с бессмертным симоновским стихотворением: понять способен лишь тот, кто читал, - и мало читать, надо ещё и сходно относиться к прочитанному, и хотеть понять…

Значит, жена показывала письмо из Рединга в «Литературной газете». Значит, там, в редакции, тоже кое-что раскусили. Не махнули на меня рукой, не потеряли надежды - или, может статься, обрели её заново. Намёк на «Репортаж с петлёй на шее» - явное задание, иначе его расценить нельзя, как ни крути. Выполнимое ли? Неважно. Куда важнее, что оно прозвучало, невзирая на опубликованное от моего имени «заявление для печати».

Окрылил меня этот встречный намёк. Сразу ожил в душе - да, наверное, и не забывался - заголовок, придуманный ещё в декабре: «Кинофестиваль» длиною в…». Правда, после «в» по-прежнему стояли три точки. «Длиною в полгода»? Меньше-то, увы, не получится. В любом случае надо что-то предпринять. И прежде всего передать, что задание понято и принято к исполнению. Как передать - письмом? Опять через жену? Можно - но лучше бы напрямую…

Случай представился неожиданно и довольно скоро, через десять дней. В точности по старой пословице - не было бы счастья, да несчастье помогло. Потому что не прошло и недели после разговора с Москвой, как Уэстолл поставил меня в известность, что меня ожидает новая ссылка.

- Доктор Джонатан считает, - сообщил он с привычно ханжеской миной, - что вам следует отдохнуть, поправить здоровье…

Я действительно видел мельком этого самого доктора, неизменного с брайтонских времён, но никаких жалоб ему не предъявлял и диагнозов не выслушивал. Из опыта первой ссылки вспомнилось мрачное: «Лондонский климат в эти дни вреден для вашего здоровья…» И поневоле вырвалось:

- Уж не в Йоркшире ли?

- Нет-нет, - поспешно отмежевался Уэстолл от иронии, - поедем в тёплые края.

- А куда, если не секрет?

- Это пока не решено, - ещё поспешнее ушёл он от прямого вопроса. - Возможно, на Ямайку. Или на Кипр…

В действительности оказалось не то и не другое, а - географически - нечто среднее. Но мне в ту пору было не до географических изысканий. Я уже крепко-накрепко усвоил: если увозят, да ещё скоропалительно, добра не жди…

Загадочной оставалась сама причина ссылки: что стряслось? Вроде бы никаких свеженьких «проступков» я не совершал. Неужели,

шевельнулась тревога, вслушались в запись разговора и обратили внимание?.. Да нет, вряд ли. Если бы догадались, то не заботу о моём здоровье разыгрывали бы, а постарались бы припугнуть или сжить со света. Как 4 декабря, если не хлеще…

Сколько ни думал, а настоящей причины не вычислил даже отдалённо. Не почуял, откуда беда. Вместо этого позволил себе утвердиться в мысли, казалось, единственно логичной, что после редакционного задания советские представители предприняли что-то решительное. Столь решительное, что англичане с перепугу увозят меня подальше. Но не навечно же увозят, остаётся только перетерпеть. Не то терпел…

Самообман - воистину наихудший из всех вариантов обмана. Самый непоправимый. Пожелай «опекуны» избавиться от меня, что могло бы помешать им сделать это в любой момент, в том числе и у тёплых морей? Просто у них уже вызрели и чётко оформились другие планы, о которых я ещё не ведал. Просто наступил, хоть я того тоже не ведал, принципиально новый этап «кинофестиваля», ещё более напряжённый и насыщенный парадоксами. Парадокс из парадоксов заключался в том, что сами же спецслужбы поторопились вылечить меня от самообмана и внушить, уже бесповоротно, чтобы я не грезил ни о чьей конкретной помощи, а рассчитывал впредь только на себя.

А утром 28-го, перед началом ссылки, мне повезло: Уэстолл решил добираться до аэропорта Хитроу не на машине, а на метро - так быстрее. И на полдороге к подземке спохватился, что забыл на Редклиф-сквер свою трубку. Возмездие за трюкачество: нарочитая забывчивость вошла в привычку и обернулась против трюкача.

Оставив багаж на моё попечение, подполковник устремился назад. Рядом, совсем рядом торчала красная будка телефона-автомата. Раз со мной постоянный надзиратель, других филёров быть не должно. Можно рискнуть. Сколько уйдёт на то, чтобы он дошёл быстрым шагом до дома, поднялся по лестнице, открыл дверь, нашёл в необъятности позолоченной клетки злополучную трубку и вернулся назад? Самое меньшее - минут пять. Успею.

Едва его нелепая шляпа-пирожок скрылась в толпе, я запихнул в прорезь не десять пенсов, как положено внутри города, а два тяжёлых гранёных пятидесятипенсовика подряд. Семь цифр кода (вот когда пригодилась декабрьская ошибка), семь цифр номера. Номера собкоров, выученные за годы работы в газете наизусть, засели в памяти крепко - не вытравишь.

По счастью, было утро субботы. Сабов оказался у себя и сразу снял трубку.

- Здравствуй, - произнёс я. - Говорит тень отца Гамлета…

- Что???

- Ты уже и голос мой не узнаёшь? Говорит тень отца Гамлета. Не

перебивай, у меня мало времени. Слушай и запоминай…

По возвращении на Родину выяснилось, что он запомнил и передал всё до слова с предельной точностью. Выбор собеседника, чисто интуитивный, оказался безукоризненным не только с человеческой, но и с деловой точки зрения. Ведь это ему, Сабову - я и не догадывался, - редакция поручила расследовать «дело Битова» в Италии. Ведь это он проторчал там без малого месяц, прошёл по моим следам, насколько мог их нащупать, встречался в поисках хоть каких-то полезных деталей с прокурором Нордио и многими другими, ругался с посольством…

Да, представьте себе: сыскались в тогдашнем нашем посольстве в Риме мудрецы, ставившие расследованию палки в колёса, норовившие внушить «Литгазете», что не надо больше ворошить «эту историю», поскольку настойчивость-де не служит «интересам улучшения советско-итальянских отношений». Это из служебной записки Сабова от 10 ноября 1983 года, с которой я познакомился, разумеется, уже в Москве. Ещё раз спасибо редакции, что не прислушалась к «мнению» тех, кто под видом «государственных интересов» защищал лишь собственное спокойствие и устойчивость удобных дипломатических кресел. Сколько вреда нанесли - не мне одному - такие вот облечённые властью жрецы личного бездействия, и как замечательно, что время их миновало…

Спасибо Сабову, который не подчинился давлению и при поддержке редакции довёл свою миссию, нелёгкую во всех отношениях и ещё более осложнённую «мнениями», до логического конца. Подготовленная им по следам ноябрьской командировки статья света, правда, не увидела, но это никак не его вина. Спасибо и человеку, о котором я узнал благодаря Сабову, - журналисту из «Паэзе сера» Франко Тинтори, проведшему серьёзное самостоятельное расследование и также пришедшему к правильным выводам. Сделать это было тем труднее, что последовательной политической смелостью «Паэзе сера» тогда не отличалась. Увы, самому Тинтори моих благодарственных слов уже не прочесть: в 1986 году, опять-таки в Венеции, он внезапно скончался. Говорят, от сердечного приступа…

Но утром 28 января Сабов мне ни о Тинтори, ни о себе не рассказывал. Экономя мои секунды, он только слушал. И запоминал, как я просил. И передал всё в точности.

Только мы оба опоздали - и я и он. Оттого-то и подготовленная им статья засохла на корню. Оттого и «кинофестиваль» затянулся на год, что спецслужбы тоже не дремали и сделали свой ход. Сильный ход, безжалостный. Отбросивший меня на исходные позиции, если не хуже.

К утру 28-го этот ход был фактически уже сделан. Затем меня и увозили - чтобы я поспел к шапочному разбору, когда даже протестовать и то будет слишком поздно.

Марокко. «Не ходите, дети, в Африку гулять...»

«Двуспальный лёва» №226246E

Страна назначения выяснилась только в аэропорту, у стойки компании «Эр Франс». Уэстолл тянул до последней возможности и только перед самой регистрацией вручил мне билет и паспорт. И я прочёл: «Лондон- Танжер - Агадир».

«Эр Франс» прямого отношения к полёту не имела, рейс выполнялся компанией «Руаяль Эр Марок». Не самой большой и не самой престижной в мире. Обзаводиться собственной стойкой в Хитроу ради единственного и даже, как будто, не ежедневного рейса марокканцам показалось накладно, вот европейская «старшая сестра» и согласилась прийти им на помощь. По давней колониальной памяти и, разумеется, не бесплатно.

Паспорт был новый. Опять Дэвид Лок, но с уточнённой, доподлинно моей, датой рождения. И не убогий, тяп-ляп, документишко от имени посольства, а истинный «двуспальный лева», сорокастраничный, бархатно зелёный с золотым тиснением, выданный самим «Хоум офисом» - министерством внутренних дел. Срок действия - десять лет, аж до 25 января 1994 года. И хотя реально «лёва» прожил у меня в кармане не десять лет, а десять дней, но и их хватило, чтобы вызубрить номер - 226246 E.

Не сомневаюсь, было тут нечто от психологического эксперимента. Одно дело, мол, открещиваться от британского гражданства заочно, теоретически, и совсем другое - получив его нежданно-негаданно в руки. То кнут, то пряник. А ну как дрогну и соглашусь на то, что прежде высмеивал? А ну как, впечатлённый пограничным и таможенным могуществом зелёной книжицы, не захочу её отдавать?

И ведь, будь моя воля, не отдал бы. При условии, что сумел бы распорядиться ею иначе, чем мечталось «опекунам». Пограничные-то права книжица давала действительно немалые - въезд без визы в любую страну Западной Европы плюс почти во все страны, причисленные к так называемому Британскому содружеству. И даже это не всё: к примеру, Марокко на довоенных картах красили не в зелёный британский, а в лиловый французский цвет, а виза в паспорте не проставлена. Не нужна. Собственно, её отсутствие и дало мне повод расспросить Уэстолл а о визовом режиме: неужели, мол, без всяких формальностей практически куда захочу? Наивность моя была изрядно наигранной, наблюдения за «лёвами», за их международными претензиями и возможностями накапливались давненько. Однако Уэстолл истолковал моё любопытство по-своему, оно ему льстило, он посмеивался, но отвечал.

А что, если исхитриться и махнуть из Марокко, раз такая фортуна, прямёхонько в Париж к Сабову? Допустим даже, что вручённая мне паспортина с подвохом, что есть там какая-нибудь неприметная запятая или условный знак и без сопровождающего меня из Англии не выпустили бы. Но марокканцам эта тонкость, надо полагать, невдомёк. А обменять

билет - наверняка не проблема…

Сильно повлиял на меня удавшийся утром разговор. Хорошо ещё, что Уэстолл приписал моё возбуждение гипнотическому воздействию британского паспорта и неладного не заподозрил. Если объективно, улетал я навстречу полной неизвестности и должен был бы по меньшей мере волноваться. Только где там! В тот день мне опять казалось море по колено - хоть в Парагвай, хоть в ЮАР. «Боинг» с арабской вязью на фюзеляже, коротко взревев, оттолкнулся от бетонки и окунулся в низкие хмурые облака - а я всё разглядывал «лёву» да прикидывал, какие средства и пути к избавлению он мне сулит.

«Боинг» как «боинг», неотличимый от сотен и тысяч своих собратьев. Марокканская его принадлежность определялась разве что по размытому, в бурых тонах, пейзажу на стенке пилотской кабины - экзотические развалины на фоне песков, цепочка верблюдов да парочка пальм сбоку. Первый пилот, судя по фамилии, отнюдь не марокканец, а немец. Обслуживание стандартное, средненькое. Уэстоллу, во всяком случае, не понравилось, буркнул что-то в том смысле, что дерут, как за первый класс, а кормят, как в чартерном рейсе. Ни подтвердить, ни опровергнуть его суждение не могу: чартерными, то бишь заказными туристскими, особо дешёвыми, рейсами не летал.

Потом он вовсе расслабился, откинул спинку, задремал. И то сказать, при любых обстоятельствах, известных и неизвестных ему, сбежать с высоты шести миль мне бы не удалось. На такое не хватало даже моей разыгравшейся после утренней удачи фантазии. Где-то под нами, в шести милях, лежала Франция - сначала Нормандия, потом Бретань, потом Бискайский залив. Если трасса не отклонялась резко от берега, то мы прошли более или менее над легендарной Ла-Рошелью, где д’Артаньян, как помнится каждому с малолетства, заслужил наконец мушкетёрский плащ. Насколько же проще было, наверное, жить в те прямодушные времена! Хотя, впрочем, выражение насчёт плащей и кинжалов возникло как раз тогда, в позднем средневековье…

Испанию «боинг» пересёк по диагонали, от Страны Басков до Гибралтара. Гибралтар, в отличие от Мадрида, Севильи и что там было ещё по пути, увиделся с борта вполне отчётливо. Багровое солнце к этому часу завалилось на запад, облака посветлели, расслоились, и в сумерках, при почти прояснившемся небе, внизу мелькнули колючие прожекторные огни. Это случилось минуты за две-три до посадки. А тут и Уэстолл проснулся и смерил геркулесовы столбы с приткнувшимся подле них форпостом британской короны горделиво-удовлетворённым взглядом.

Колючие гибралтарские прожектора были ему откровенно милы. Что из того, что некогда эта твердыня являлась одной из многих, что далее на восток её подпирали Мальта, Суэц и Аден, а ныне от всей цепочки остались лишь базы на Кипре, - но Гибралтар-то целёхонек! Чуть позже, в какой-то из «африканских» бесед, я затронул чувствительный вопрос о наследственных имперских амбициях: на кой ляд держаться за один отдельно взятый, стратегически ничего уже не решающий клочок земли?

Уэстолл ответил английской пословицей: «Одинокое дерево стоит прочнее». И неизвестно, чего в этом ответе было больше - желания погасить ненужный, по его мнению, разговор или защитить любыми, первыми пришедшими на ум средствами мирок политического самообмана.

А первым африканским впечатлением оказался ветер. Тугой и влажный - не из Сахары, а с Атлантики. Не холодный, особенно после Лондона, но не такой уж и тёплый, свитер не повредил бы. К моменту посадки солнце закатилось, багровая полоса на западе быстро тускнела, темнела, сливалась с небом. В такой час предметы либо пропадают в тени, либо выступают из неё резко, будто обведённые тушью. Зданьице аэровокзала запомнилось рельефно белым, хотя, возможно, в действительности было жёлтым, или голубоватым, или ещё каким-нибудь.

После многолюдного, многоярусного и многоязыкого Хитроу аэровокзал в Танжере представился крохотулькой, если брать по отечественным меркам, районного масштаба. Три с половиной пассажира плюс буфетчик, на лице которого навечно запечатлелось презрение к своей профессии и ко всему человечеству. Увечные кресла. Скудное освещение. Захолустье на перекрёстке воздушных путей. Думал ли я, что именно здесь через десяток дней приведётся пережить минуту настолько острую, что сравнить её просто не с чем даже в этом, ничего не скажешь, богатом острыми ощущениями «фестивальном» году…

Ещё примерно час полёта на другом «боинге», неотличимом от прежнего. Посадка. Опять атлантический ветер, но из полной тьмы. Опять захолустный одноэтажный вокзал, правда, народу побольше. И после короткой, ничем не примечательной таможенной процедуры - полтора часа на машине в ночь. Рядом Уэстолл. Впереди безмолвный, очень высокий - как только за руль влез? - водитель в бурнусе.

Если бы не бурнус да не прилепленные к ветровому стеклу, невесть зачем, переводные картинки с диснеевским Микки-Маусом, можно бы вообразить, что нас занесло куда-нибудь в Среднюю Азию. Мышонок, впрочем, ничего не доказывает - в наш век мог по суетному характеру забежать куда угодно. Кругом несомненно равнина. Фары выхватывают из мрака то высаженные у обочин, выбеленные по-над корнями тополя, то глухие стены и заборы, тоже выбеленные. Для полноты иллюзии навстречу попадается нечто похожее на арбу, а следом старикан на осле - босые ноги почти волочатся по земле. Самарканд? Хорезм? Бухара?

Но нет, решительно нет. На развилке дорог - «джип».

Отмашка светящимся жезлом - остановиться. Патруль. Чужая форма, бурный гортанный спор с шофёром. И дело не в том, что я долго ничего не понимал - не понял бы и по-узбекски, даром что прожил в Узбекистане после блокады целый год, - а в явственном без перевода абсолютном неравноправии спорящих. Патрульный поигрывал жезлом, как дубинкой, а шофёр словно съёживался и на глазах становился меньше ростом: он был привычно готов к тому, что его могут не просто остановить, а вытащить

из-за руля, обыскать, ограбить, избить...

В конце концов шофёр обернулся и на каком-то немыслимом полуевропейском наречии попросил нас предъявить документы. Уэстолл не задумываясь вложил под корешок паспорта две банкноты по фунту каждая. Паспорта были возвращены, банкноты исчезли. Жезл милостиво разрешил двигаться дальше.

Вот тогда-то, на ночном шоссе после этой малоприятной встречи, из неведомых глубин памяти вдруг высунулся, выстроился по строчкам и начал стучать в висках звонкий, ещё довоенный и доблокадный, стишок:

Маленькие дети!

Ни за что на свете

Не ходите в Африку,

В Африку гулять!

.....

В Африке разбойник,

В Африке злодей,

В Африке ужасный

Бар-ма-лей!

Он бегает по Африке

И кушает детей -

Гадкий, нехороший, жадный

Бармалей!

Долгим выдался для меня этот день, начавшийся звонком в Париж из будки у станции лондонского метро «Эрлс-корт» и закончившийся в Южном Марокко, в отеле «Золотая газель», примерно в ста километрах от побережья. Африки я, собственно, ещё и не видел - а стишок всплыл, и я с ним больше не расставался.

Что, солдат-патрульный был так уж похож на Бармалея? Да нет, конечно. Обыкновенный туповатый парень, дорвавшийся до маленькой власти. Раболепный перед всяким, кто сильнее, зато агрессивно наглый по отношению к тем, кто слабее. Вполне международный тип в специфической местной упаковке. На роль Бармалея куда лучше годился мой постоянный, знакомый мне с ранней осени надзиратель Джеймс Уэстолл. Но ведь до этой секунды, до встречи с патрулём на тёмной марокканской дороге, мне такое сравнение в голову не приходило.

Неважно, в сущности, когда и отчего всплыл детский стишок, куда важнее, что всплыл. Это же сработала ассоциативная, эмоциональная память! Та, что была так долго подавлена, замурована, разъята на атомы. Та, без которой и речи не могло быть о сопротивлении настоящем, активном, последовательном и взвешенном, единственно имеющем шансы

на успех. От «тени отца Гамлета» утром к Корнею Чуковскому вечером - для того чтобы пройти такой путь, стоило перелететь и в Африку, и к чёрту на рога...

Сказки Шехерезады

Итак, «Золотая газель» у стен древнего арабского города Тарудант. 30 градусов с минутами северной широты, 9 градусов западной долготы. Ни южнее, ни западнее я до той поры не бывал.

Город - самая настоящая крепость с глинобитными стенами десятиметровой, как минимум, высоты. И недюжинной красоты, какая всегда идёт бок о бок с истинной, выверенной веками целесообразностью. Взять этакую цитадель приступом во времена, когда её возводили, было задачкой не из простых. Тем более что цитадель не отъединяла имущих от неимущих, как феодальные замки, а объединяла горожан всех сословий, брала под защиту сразу всё поселение, как древнерусские кремли.

А нынче за стенами - рынок. Весь город - сплошной рынок, где с восхода до заката зазывают, нахваливают, захлёбываются в спорах, назначают цену заведомо несусветную, чтоб потом снижать её по дирхему в минуту, расходятся не сговорившись и сходятся вновь. Продают все и всё. Продают посуду и платье, ковры и зелень, эмаль и чеканку, пряности и верблюдов, американские сигареты и японские транзисторы. Гашиш и героин продают тоже, только не так громогласно. Тысяча и одна ночь, хоть и с привкусом кока-колы.

Что касается «Золотой газели», то это ночь тысяча вторая, поддельная. Среди пальм и вечнозелёных кустов разбросаны одноэтажные каменные бунгало грубой, как бы доисторической кладки, но со всеми удобствами. Чирикают какие-то крупные хвостатые птицы. Бассейн, выложенный голубой плиткой. Прислуга в фирменных крахмальных бурнусах. Апельсиновые деревья в огненнорыжих неснятых плодах. Над входом в бунгало - живописная ветка золотых лимонов. Лимоны и апельсины - бесплатно, вернее, оплачены постояльцами заранее, да ещё и неоднократно.

- Ну и зачем? - спросил я Уэстолла утром на третий день. Накануне осмотрелся, и стало ясно - отель дорогой. Очень дорогой. Для богатых бездельников, для бизнесменов, воспылавших провести уик-энд в обществе новой секретарши. И, естественно, для тех, кто хочет обтяпать без лишнего шума иные не вполне законные дела. Но применительно к конкретной ситуации - зачем такие расходы? Зачем так далеко?

Занятная деталь: после того как я вернулся домой и выступил на пресс-конференции, западные газетчики с ног сбились, проверяя названные мной адреса и выискивая неназванные, лишь бы они имели ко мне какое-то отношение. Так возник из небытия убогий псевдорусский ресторанчик «Балалайка» в Ричмонде-на-Темзе: узнав меня по портретам, владельцы попытались сделать на мне рекламу, а я и был-то там один-

единственный раз и совершенно случайно. Так же объявились сами собой и другие британские, американские, итальянские и парижские адреса. Осенью 1984 года на два-три месяца возникла парадоксальная ситуация, когда ссылка на моё имя сулила барыш. И, как в рассказе Леонида Андреева «Бездна», разномастные субчики бросились следом, визжа возбуждённо: «И я! И я!..»

А «Золотая газель» промолчала. Африканскую мою поездку вообще упомянули всего однажды, в «Санди телеграф» за 23 сентября. Сделал это, разумеется, Харт-Дэвис. Никаких подробностей, страна не названа, только укоризна в мой адрес: как же Битову не стыдно, спецслужбы у нас такие заботливые, даже в Африку его свозили, загаром среди зимы обеспечили... Но никто в других газетах, изнывавших тогда в поисках благоприятных для Запада версий и громоздивших нелепость на нелепость, на эту, казалось бы, жирную «косточку» не польстился. Не сомневаюсь - пробовали, да не вышло. Не позволили её подобрать, инициативу Харт-Дэвиса сочли, поразмыслив, опасной, чреватой логическими, да и дипломатическими затруднениями.

Вообще Харт-Дэвис, на долю которого выпало оправдываться в печати от имени и по поручению нашкодивших и изобличённых «профессионалов», не столько помог им, сколько навредил. Хотел как-то подготовить английскую публику к тому, что я расскажу (за несколько дней до пресс-конференции «опекунам» стало ясно, что я опять не погиб и её не избежать), - проговорился о «соучастии» ЦРУ. Коснулся моего так называемого заявления - проболтался, что использовали специальный монтаж. Воистину, заставь умника богу молиться, он себе ненароком лоб расшибёт...

Я далёк от того, чтобы преувеличивать роль харт-дэвисовых обмолвок: западному читателю, задавленному сенсационными заголовками и тенденциозными комментариями, было не до них. Но они характерны и достойны упоминания. Во-первых, возможно, как своеобразная страховка на случай, если придётся признаваться и приносить извинения на высоком официальном уровне. А во-вторых, и это наверняка, в сентябре 84-го наш знакомец из «Санди телеграф» заметался меж двух соблазнов: услужить «заказчикам» и угодить подписчикам, заработать денежку, привлечь внимание не ко мне, а к себе. И отнюдь не исключено, что второй соблазн оказывался подчас сильнее.

...Однако в январе, очутившись за тридевять земель от Харт-Дэвиса, я, что греха таить, позволил себе забыть о нём. Позволил как раз тогда, когда следовало бы помнить о нём неотступно, когда его лик с отвисшей губой должен был бы являться мне в кошмарах. Но не было кошмаров. Мимолётного подозрения, что моё африканское «турне» прямо связано с деятельностью «помощника», и то не было. «Рабочая гипотеза» оставалась прежней: советские представители предприняли что-то решительное, обеспокоившее тюремщиков донельзя, вот меня и сбагрили подальше. Масштаб расходов, да и расстояние, я считал

пропорциональным давлению и приставал к Уэстолл у в надежде, что он так или иначе подтвердит это.

Он не подтвердил. Сначала отбрёхивался, ссылался со смешком на «doctor’s orders» - предписания доктора Джонатана, потом, когда однообразие вопросов-ответов надоело нам обоим, снизошёл до разъяснений.

Тому способствовало и мелкое, но смутившее Уэстолла обстоятельство: я поймал его опорожняющим «мой» холодильник. Бунгало внутри делилось на две половины, и на «моей» половине всё было то же и так же, как у него, только зеркально. И в холодильниках был один и тот же набор напитков, возобновляемый каждодневно, от лимонада и содовой до виски и коньяка «Курвуазье». Выйдя неожиданно из ванной, я накрыл своего «наставника» на том, что он переносит «мои» бутылочки к себе. На «Курвуазье», тем более из холодильника, мне было наплевать, но я стремительно, с превеликим удовольствием возмутился:

- Что это значит?!

- Не сердитесь, - произнёс он. - Крепких напитков вам всё равно нельзя. По крайней мере, временно.

- Кто сказал, что нельзя?

- Доктор Джонатан.

- Опять доктор! Он что, передал вам свои полномочия? И какое вам, собственно, дело до моего здоровья?

Уэстолл сосредоточенно помолчал. Я понял: назревает очередной монолог. А ведь и правда, с самого отлёта из Лондона он их не произносил и, должно быть, соскучился.

- Вы не заметили, какими глазами смотрел на вас Мустафа? - начал он вроде бы ни к селу ни к городу. - Как на европейца. Как на врага. Внешне он был очень любезен, неплохо справился с обязанностями гида, честно заработал свои чаевые. Но когда он думал, что его не видят, он смотрел на вас с ненавистью. На меня, вероятно, тоже…

Мустафа - так звали парня, который при первой же вылазке в Тарудант привязался к нам у ворот отеля и не отходил от нас ни на шаг, пока не довёл обратно до сторожки привратника. Сносно говорил по-английски. Представился студентом на каникулах, а кем был на деле - бог весть, может, и соглядатаем за праздношатающимися иностранцами. На порядки, установленные в Королевстве Марокко, это походило бы вполне, и не забавно ли, если «Сикрет сервис» попала под наблюдение третьеразрядной тайной полиции? Но недоброжелательства, не говоря уж об открытой ненависти, я за «студентом» не примечал. И вообще - при чём здесь Мустафа, разве он залез ко мне в холодильник?

- Пропасть, - изрёк Уэстолл. - Непроходимая пропасть разделяет народы. Цивилизации прошлого, как арабская, никогда не смирятся с тем, что их могущество позади. И ненавидят нас, пришедших им на смену. То

же, по существу, относится к советскому блоку, с той разницей, что тут борьба ещё не решена, точки не расставлены, поэтому ненависть взаимна. Наша - к Советам, Советов- к нам. Но не воображайте, что Мустафа смягчился бы, если бы догадался, что вы из-за занавеса. Нет и нет, даже отшатнулся бы ещё резче. К нам, людям Запада, он хоть привык, мы не посягаем на его обычаи, не разрушаем мечетей и не сдёргиваем с женщин чадру…

Мне стало почти смешно. Опять коктейль из банальностей, политическая пошлятина, приправленная имперской спесью. Запад есть запад, восток есть восток, и с мест они не сойдут… Тоже мне, Киплинг новоявленный! Ну ничего, я уже не тот, что в Шотландии, спеси я тебе сейчас поубавлю…

- Послушайте, Джим, вы наплели сейчас вагон чепухи. Почему вы так уверены, что у арабов всё в прошлом? Пока что Запад ввозит нефть из арабского мира, а не наоборот. Откуда вы взяли, что в Советском Союзе разрушают мечети? Что за дикий бред о взаимной ненависти? А кроме того, напоминаю, что спрашивал я вас вовсе не про Мустафу…

Цели своей я не достиг - он не смутился.

- Браво! Вы не представляете себе, как приятно слышать ваши возражения. Я даже готов согласиться, что перегнул, и признаюсь, что сделал это нарочно. Зачем? Чтобы проверить вашу реакцию. Реакция возвращается, значит, психика восстанавливается, рекомендации доктора Джонатана были совершенно точны.

- Да оставьте вы в покое доктора Джонатана! Захотелось выпить - так и скажите и зубы мне не заговаривайте…

Вот теперь он, пожалуй, обиделся. А я ощутил его обиду и обрадовался. Не по мстительности, нет. Вывести его из себя - это же единственно давало мне шанс пробить броню лицемерия, а следовательно, что-то узнать.

- Выходит, я поторопился вас похвалить, - сказал он после паузы. - Вспыльчивы и грубы вы по-прежнему. Ничего, вылечим.

Какой смысл вкладывал Уэстолл в это «вылечим»? Прямой или косвенный? Обещание или угрозу? Наверное, помаленьку и того и другого.

- А кто виноват, если я болен? Кто кормил меня всякой отравой?

Его опять покорёжило - но пришлось отвечать. Нехотя, с оглядкой, взвешивая слова.

- Видите ли, прежде всего надо было выяснить, кто вы. Чтоб результат был быстрым и безошибочным, следовало заблокировать волю. Потом - смягчить последствия нанесённой вам моральной травмы. Раз наука предлагает помощь, отвергать её просто нелепо, не правда ли? В невидимой войне применение специальных препаратов вместо оружия прогрессивно и гуманно…

Ну каков лицемер! Прогрессивно, стало быть, и гуманно. И от меня же ещё подтверждение требуется!

- А как насчёт прав человека, Джим? Тех самых, о которых вы здесь так пылко печётесь? И обвиняете Советский Союз в том, что мы злоупотребляем мерами принуждения, злоупотребляем психиатрией в борьбе с инакомыслящими, топчем свободу личности, подавляем индивидуальность. Для чего всё это? Не для того ли, чтобы скрыть, что вы и сами не прочь поиздеваться над себе подобными, когда можете?

Он усмехнулся, показалось, с облегчением. Мои аргументы его не испугали. Опасался он, видимо, каких-то других, которых я не нашёл. Из многомесячного опыта общения с «профессионалами» могу заключить, что чаще всего они пугались собственной тени. Пугались, когда мерещилось, что я догадался о какой-нибудь их особенно грязной, особенно уязвимой тайне. Чего именно боялся в Африке Уэстолл? Чего-то боялся, очень, и доказал это днём спустя грубо и зримо…

- Нет, всё-таки вы поправляетесь, - сказал он. - Определённо поправляетесь. Логика уже в полном порядке. Я и возражать не стану. Одно пожелание: приучайтесь говорить «мы», имея в виду не Советский Союз, а Запад. Вы теперь, как и я, человек Запада. Навсегда. Ручаюсь, в «Золотой газели» красных никогда не бывало. И не будет.

- Ручаетесь? Не торопитесь ли?

- Ну не сумасшедший же вы отказываться от такого уровня роскоши! Мне такое и то выпадало не часто.

- А вы убеждены, что людям, кроме роскоши, ничего и не надо?

- А вы нет? Бросьте! Тот же Мустафа душу дьяволу продал бы, лишь бы получить малую долю тех благ, что предлагаются вам.

- Дался вам этот Мустафа! Вы же сами заявляли, что он вас ненавидит.

- Ненавидит, пока голодный. Попал бы из-за ворот сюда, в бунгало, и ненависть сразу испарилась бы.

- Упрощаете, Джим, упрощаете. И упорно не отвечаете. Зачем вам такие расходы? К чему эти сказки Шехерезады? Раньше вы спокойненько обходились фермой в Йоркшире.

- То было раньше.

- А теперь? Что изменилось теперь?

- Доктор рекомендовал вам полную смену обстановки.

Броня лицемерия вновь отвердела, прошибить её мне не удалось. Я устал. Сил всё ещё было мало, их надо было копить. И для этой цели Африка несомненно годилась лучше Йоркшира.

- Ладно, - решил я. - Хватит пикироваться, пошли в бассейн. Правды вы всё равно не скажете.

- Да, - легко и весело согласился он. - Правды не скажу.

Уэстолл мне снится. Три года прошло с тех пор, даже три с лишним, давно поджили импортные болячки, успокоилась кардиограмма, а он никак не желает оставить меня в покое и вламывается в сны. И наши с ним «собеседования» припоминаются без натуги. Однажды средь бела дня мне почудилось, что его несравненная шляпа-пирожок мелькнула в толпе на Тверском бульваре. Нет, я не бросился никуда звонить, я осознал, что это мираж, но до чего же назойливый, до чего неотступный!

На следующий день после «правды не скажу» он нанял машину и повёз меня в древнюю столицу страны Маракеш. Попробовал по кратчайшей дороге - по заасфальтированному кое-как серпантину, бывшей караванной тропе сквозь Высокий Атлас. Щит перед горным участком честно предупреждал на нескольких языках, что дорога труднопроходима. Уэстолл презрительно покосился на щит, просвистел мимо, но на третьем километре подъёма прокатный мотор стал задыхаться, потом скрежетнуло и загромыхало под днищем - то ли глушитель, то ли подвеска. Пришлось разворачиваться, спускаться с гор, ремонтироваться, выбирать другое шоссе - километров на сто длиннее, но пошире и поровнее.

Вы ждёте приключений? Извольте!

Красивые это горы, Высокий Атлас. Красно-бурые на обрывах, тёмно-зелёные на затенённых лесистых склонах, серебристые в узких долинах, где полно оливковых рощ. А выше - приснеженные вершины под ослепительно синим небом. И всё это называется - зима. Февраль 1984 года.

Описывать Маракеш не стану. Во-первых, я уже описал Тарудант, а Маракеш в древней части своей - то же самое, только больше. И во-вторых, я никоим образом не хочу превращать эту книгу в «клуб кинопутешествий». Судить об увиденном в пределах туристских шаблонов, как бы соревнуясь с Уэстоллом? Увольте. А глубже, основательнее судить не могу и чисто географические, экзотические впечатления, если они не связаны с перипетиями «кинофестиваля» напрямую, пропускаю. Пропустил бы, наверное, и Маракеш, если бы не занимательные приключения в дороге. Особенно в обратной дороге.

Вечерело. Здесь, на другом континенте, было бесконечно теплее, чем в Лондоне, но зимний-то день удлинился ничтожно. Шоссе от Маракеша вначале вело строго на запад, упираясь в низкое распухшее солнце, в пламенный, какой-то дымный закат. Из этого дымного пламени, рыча, навстречу нам вырывались тяжёлые трайлеры. Ехать было неуютно. Уэстолл давил на клаксон, жался к обочине. Через асфальт переметало колючки, пыль, песок. Из школьной памяти проклёвывалось забытое определение - полупустыня.

Так продолжалось километров семьдесят, до посёлка Шемайя, где трасса круто поворачивала на юг, к горам. И тут, за самым поворотом,

пристроившись в пыли у неказистой лавчонки, стояла… чёрная «Волга». Самая обыкновенная, о какой мечтают начинающие начальники районного калибра. Откуда она взялась, какими судьбами занесло её в забытый аллахом и людьми поселочек на краю пустыни? Этого я никогда не узнаю. Номер был марокканский, незнакомый и нечитаемый. Дипломатический? Не исключено, хотя советское посольство тут наверняка ни при чём. Наши представительства за рубежом, как правило, не пользуются машинами, не имеющими рынка в стране пребывания, чтобы не приходилось выписывать любую стекляшку и гаечку из Москвы.

По части гаечек Уэстолл был, по-видимому, не осведомлён. А марку машины опознал. И надо же случиться такому, чтобы «Волга», едва пропустив нас мимо, тронулась следом! Уэстолл прибавил газу - она тоже. Он ещё - и она ещё.

И тут мой «опекун» откровенно струсил. И, уже не считаясь ни с чем - ни с обманчивым сумеречным светом, ни с правилами движения, - бросился наутёк. Обходил впритирку попутные трайлеры и увёртывался от встречных, резал сплошную осевую и шёл на двойной обгон, выжимая из поношенного мотора последние, неведомые самому мотору резервы. Большого риска не возникало - шофёрил Уэстолл классно. Но даже мне - а уж мне-то было бы простительно - ни на миг не подумалось, что «Волга» подкарауливала нас в посёлке Шемайя в засаде. А ему примерещилось. У страха, как известно, глаза велики.

Следующие два дня прошли тихо-мирно, не считая словесных стычек с Уэстоллом, которые превратились в своего рода ритуал, обязательную умственную разминку. Чувствовал я себя всё лучше, мысль работала всё яснее. Но тут, в предпоследний марокканский день, местная тайная полиция надумала наконец заняться нами всерьёз. Наверное, её можно понять: странноватой парой мы казались со стороны, не вполне вписывались в привычный контингент «Золотой газели». За гомосексуалистов, занявших бунгало для своих утех, нас, надеюсь, не принимали - но могли возникнуть и иные полицейские подозрения: не имеем ли мы отношения, например, к подпольной торговле оружием или наркотиками?

Решили проверить. И проверили. В очередную суточную дозу напитков оказался подмешан опиум. Или другое сокрушительное зелье. Уэстолл впоследствии утверждал, что опиум. Ему виднее.

Независимо от химической формулы, эффект был ошеломляющим в прямом смысле слова. Отведав припасённого в холодильниках, он и я разом впали в неодолимую сонливость и «отключились» часов на пять. Я очнулся первым и с трудом растолкал «опекуна»: он же пил крепкое за двоих, ему и досталось крепче. Уж если у меня голова раскалывалась, то можно вообразить, каково ощущалось зелье в комбинации с виски и коньяком…

Как он ругался! Как поносил «скудоумных варваров», а заодно кого-то из посольства её величества в Рабате! С этого «кого-то» он отчётливо

обещал снять скальп и шкуру, высушить их на солнышке и прибить к порогу, чтобы всяк сладострастно вытирал о них ноги. Оставалось, правда, неясным, чем именно провинился «кто-то» и каким образом мог бы предотвратить то, что произошло. Полагаю, что никаким: по логике «Интеллидженс сервис» привлекать внимание к «Дэвиду Локу» и уж тем паче раскрывать псевдонимы не следовало в тот момент ни в коем случае. Этого и не делали - но засекретились и перестраховались настолько, что навлекли на себя подозрение. В трагикомических событиях вокруг «Золотой газели» был повинен не кто-то конкретно, а «профессионалы» вообще, выпестованные ими стереотипы вселенского недоверия и слежки. Вор у вора дубинку украл…

А с другой стороны, какое неправдоподобное нагромождение обстоятельств! Та самая киносюжетность, которую я высмеивал, от которой открещивался. На протяжении всего-то нескольких дней - тут вам и столкновение интересов спецслужб, хоть и по недоразумению, и тайный обыск, уверен, безрезультатный, и дикая шоссейная гонка с отрывом от преследователей, правда, воображаемых. Только перестрелки и не хватало. И ведь всё это ещё чепуха по сравнению с тем, что припасла мне Африка на прощание…

Так и подмывает спросить: а нельзя было, раз уж киноинтрига ворвалась в жизнь, без промедления развивать её по экранным рецептам? Не будить Уэстолла, пусть дрыхнет, а спереть у него ключи от прокатной машины и - назад в Маракеш, а оттуда в Рабат, в посольство. Не в британское, разумеется. Да, могло бы выйти впечатляюще, если бы… Если бы столица Марокко была удалена от «Золотой газели» километров на сто, а не на четыреста. Если бы удалось добраться туда сквозь ночь, по сомнительного качества дорогам, невзирая на головную боль. Если бы нашлась по пути заправочная станция кругосуточного действия - бензину было мало. Если бы я не заблудился и меня не задержал патруль - ведь ни карты, ни языка, ни водительских прав. Тысяча и одно «если бы»… И тысяча против одного, что Уэстолл успел бы очухаться, разыскать своего «кого-то» по телефону, поднять с постели, и к утру на меня началась бы охота по всем правилам. С предопределённым финалом.

Между прочим, африканские эпизоды меня до сих пор смущают больше всего. И не тем трусоватым смущением, с каким я в своё время столкнулся при подготовке пресс-конференции и газетных репортажей: мол, напустишь экзотики, обмолвишься о бассейне с голубой водой и дармовых апельсинах - и подогреешь в неокрепших душах соблазн «сбегать туда и обратно». Чушь это штампованная, унаследованная от застойных, перестраховочных лет. Не то что апельсина - кожуры от него не получит бесплатно такой «доброволец». А коль не поверит, решит, прочитав эту книгу, всё равно испытать судьбу, - тогда, простите за откровенность, и чёрт с ним.

Мне ведь тоже никто ничего не дарил. Благотворительностью либо «компенсацией за моральный ущерб» и не пахло. За «щедростью», в какие словесные кружева её ни рядили бы, скрывалась корысть. Меня

воспринимали как живую инвестицию, «капиталовложение», рассчитанное на высокие проценты. Мнилось, что чем выше кредит, тем весомее будет отдача.

А у избыточной роскоши африканского «турне» была ещё и дополнительная причина. Диктовалась эта роскошь не заботой о моём здоровье (оздоровительная, реабилитационная задача ставилась, но была попутной) и не необходимостью сплавить меня из Лондона на неделю-другую (это можно было бы устроить вдесятеро дешевле). С течением времени я пришёл к твёрдому выводу, что поездка санкционировалась, а может, и субсидировалась из-за океана. Уэстолл сорил в Марокко деньгами оттого, что деньги были дважды не свои.

И вот тут-то оживает и сумрачно ворочается в душе червь сомнения. Да, мне был нужен отдых. Да, именно там, в голубом бассейне, я смыл с себя остатки наркотического дурмана и последующие испытания встретил с ясной головой. Да, ещё до Марокко я сумел связаться с Родиной и кое-что сообщить, заложить как бы первые камешки в фундамент будущего своего возвращения. И всё же... И всё же я провёл эти «марокканские каникулы» пассивно. Я просто выжидал. Пусть это было разумно, а попытка к бегству в краденой машине - джеймс-бондовщина, киноштамп. Но как ни издевайся над штампами, как ни сравнивай шансы «за» и «против», а возможность, хотя бы теоретическая, была. А вдруг получилось бы?..

Поступать разумно бывает иногда унизительно.

Инцидент в Танжере

Мы вылетали из Агадира рано утром. Уэстолл клевал носом, в аэропорту сделал попытку опохмелиться, но в баре, как назло, не продавали ничего спиртного - то ли до полудня, то ли до вечера, то ли в принципе. И за похмельными своими муками проморгал мой «опекун» ответственную минуту, когда я проходил пограничный контроль. Чиновник при виде «двуспального лёвы» изобразил любезную улыбку и ничего не сказал. Как было угадать, что по марокканским установлениям следовало заполнить анкетку и украсить паспорт верноподданного британца Дэвида Лока выездной печатью? Есть масса стран, самых разных, где на въезде паспорта припечатывают, а на выезде нет. На въезде в Соединённые Штаты контроль был строжайшим, а на выезде удовольствовались билетом: улетаешь- и улетай, Америка не заплачет...

Но Африка - не Америка. В Танжере при проверке паспортов на пересадке меня арестовали.

Ну не совсем арестовали, но задержали и отвели за перегородку, пред бдительные очи дежурного начальника. Уэстолл кинулся следом, а его не пустили. У него-то в паспорте всё было в порядке! Он позеленел, посерел, почернел и только успел шепнуть:

- Ради бога, ни с чем не спорьте...

Почему он так изменился в лице? Ведь вскоре выяснилось, что на этот

случай - не обязательно такой, но на случай любого моего столкновения с иноземными пограничными и иными властями - «опекун» был застрахован, и неплохо. Но промашка, его промашка, была бесспорной и грубой, и производство в полковничий чин, наверное, отодвинулось бы. И думаю, что дело не только в предчувствии нагоняя по службе. Наворот случайностей, исполосовавших «марокканские каникулы» вдоль и поперёк, оказался чрезмерным даже для него.

Что уж говорить обо мне! Сколько лет прошло, а я вновь и вновь перебираю эти случайности, возвращаюсь к ним, и особенно к инциденту в Танжере, пытаюсь как-то подчинить их логике, выстроить в сколько-нибудь связную цепь. Безнадёжно, ничего не выходит. Цепь не выстраивается.

Действительно, что она, вместе взятая, должна означать? Разгильдяйство, небрежность, некомпетентность «Сикрет сервис» и персонально Джеймса Уэстолла? Ну уж нет! Под африканским солнцем он, конечно, слегка подрасслабился и галстука не надевал, но не сам же он выпустил на трассу чёрную «Волгу» и не сам подсыпал себе в виски снотворное. А вообразить, что всё это было спланировано заранее и нацелено против меня, составляя некую хитроумную провокацию, - извините, это уже паранойя. Слишком сложно, да и зачем?

Нет уж, коль на то пошло, у меня назрело объяснение, не претендующее на научность. Когда нормальная человеческая жизнь с обычными, отлаженными связями причин и следствий раскалывается, уступая место катаклизмам, роковым стечениям обстоятельств, сумеречной зауми «плащей и кинжалов», то и теория вероятности даёт трещину. А затем она же требует восстановить равновесие, реставрировать здравый смысл, залатать причинно-следственную дыру. И чем невероятнее сложились исходные события, тем выше возможность новых неожиданностей, как бы призванных вернуть всё на круги своя, хоть нередко ударяющих вслепую и мимо цели.

Но попробуйте, только попробуйте представить себе этот миг внезапного пронзительного соблазна! Уэстолл остался за перегородкой. У меня в руках британский паспорт; но я один на один с официальными лицами третьей страны. Что, если обратиться к ним за помощью, объявить, что паспорт - фальшивка, попросить связать меня с советским посольством? Однако до столицы, до посольства - всё те же четыреста километров, хоть и с другой стороны. А на размышление - пять, от силы десять секунд.

Секунды истекли. И я сказал:

- А какое мне, собственно, дело до ваших анкет? Сами завели такой порядок, сами и следите за его выполнением…

Дежурный начальник лично заполнил анкету на имя Дэвида Лока, пришлёпнул «лёву» недостающей печатью. Извинился передо мной, выпустил обратно в зал. Уэстолл воскрес из мёртвых прямо у меня на глазах.

Как хотите, а я до сих пор считаю эти десять секунд в Танжере самыми острыми за весь год, едва ли не самыми трудными во всей моей жизни. Если бы я поступил иначе, если бы поддался соблазну, мне бы не вернуться домой никогда. Вероятность добраться до Рабата на краденой машине была призрачной, равнялась, скажем, нескольким долям процента. Здесь шансы были равны круглому нулю. Почему? Узнаете в следующей главе.

«Не ходите, дети, в Африку гулять...»

А до конца «кинофестиваля» оставалось ещё полгода.

Лондон. Новые обстоятельства, новые персонажи

Так, и только так!

- Ну вот, Дэвид, - сказал Уэстолл меланхолично, - вы опять прошлись босиком по раскалённой проволоке. Зачем вам это надо? Нервы пощекотать?

- Что вы имеете в виду? Танжер?

- Как раз нет. Танжер, если хотите знать, спас вас от больших неприятностей. Если бы не Танжер, мне бы вас, наверное, не защитить.

- Скажите на милость...

Тон у меня был, очевидно, довольно дерзкий. Уэстолл не то что обиделся, но от напускной меланхолии излечился.

- Сколько я вас, русских, перевидал, сколько лет с вами вожусь, а предугадывать ваши поступки не научился. Ну объясните, отчего вы тогда в Танжере не обратились к марокканским властям? Признайтесь, когда остались с ними наедине, был такой соблазн?

- Допустим, был, и что с того?

- Значит, был, но вы передумали. Почему?

А правда, почему? По тысяче причин, крупных и помельче, вплоть до облика дежурного, к которому меня привели. По сумме впечатлений и наблюдений, накопившихся за время пребывания в стране и слившихся в огромное, категорическое «нельзя». Нельзя, потому что бесцельно. Потому что связались бы не с посольством, а со своим начальством, которое обратилось бы в министерство иностранных дел, а уж оттуда последовал бы звонок в посольство, причём в британское. И Уэстолл, надо понимать, не сидел бы сложа руки, а тоже позвонил бы своему «кому-то» - резиденту «Интеллидженс сервис». Кашу я, конечно, заварил бы крутую и головомойку «опекуну» обеспечил бы. А дальше что? А дальше меня либо отправили бы в Лондон на сутки позже, либо повезли в Рабат, но на полпути, десять против одного, «обронили» бы. И появилась бы в барханах безымянная могила, от которой никому - ни семье моей, ни редакции, ни Родине - ни малейшей пользы.

С чем, в сущности, выпало мне столкнуться на Западе, в «свободном», как Уэстолл повторял без устали, мире? С модернизированной по последнему слову науки инквизицией, с выверенным механизмом психотропного и психологического воздействия, направленным на превращение человека в раба. С механизмом, преследующим глобальные цели и рассчитанным на дальнюю перспективу, но уже применяемым против моей страны и моего народа. Но если так, не было у меня права сгинуть ни в барханах, ни в неоновых джунглях столиц. Я должен был выжить, вырваться и рассказать обо всём, что волею случая узнал.

Просто выжить? Нет, этого мало. Узнать побольше, пройти по собственным следам, помочь расслоённой памяти восстановить всё, что было. Выяснить как можно больше имён, адресов, подробностей. Изучить, уже на сознательном уровне, методы и уловки инквизиторов. И, вернувшись на Родину, разоблачить их перед всем миром. Так, и только так!

Так-то так, если бы не новый «подарок», какой приготовили мне Питер Джой и Харт-Дэвис. Если бы не серия статей в «Санди телеграф», напечатанных в моё отсутствие от моего имени. Ловко сработали: сплавили меня подальше и поставили перед фактом. Выходит, и звонок Сабову был ни к чему, запоздал звонок, сведения о нём поступили в Москву одновременно с номером «Телеграф», вышедшим ровнёхонько на следующий день после моего отъезда. Где уж мне с ними тягаться, они не дилетанты и обдумывают свои комбинации на много ходов вперёд…

А может, всё-таки потягаемся?..

Не дождавшись ответа, Уэстолл решил меня подстегнуть:

- Чтобы вы знали, у меня в бумажнике лежало свидетельство, выданное одной из самых уважаемых лондонских клиник. За двумя солидными подписями. В нём сообщалось, что пациент Дэвид Лок страдает, увы, тяжёлой формой шизофрении с симптомами раздвоения личности и навязчивого бреда. В настоящий момент больной не представляет опасности для окружающих и ему рекомендован отдых в тёплых краях, однако в случае внезапного рецидива заболевания его надлежит немедленно вернуть в клинику, что и возлагается на сопровождающего Джеймса Уэстолла, а к властям просьба при необходимости оказывать сопровождающему всяческую помощь. Так что, дорогой мой, если бы вы задержались и не вышли ко мне в течение десяти минут, я бы предъявил свидетельство и вас доставили обратно в Лондон в смирительной рубашке. Сами понимаете, за сумасшедшего никто не вступится, что бы он ни болтал…

Вот это да! Вот это откровение - и к тому же крайне похожее на правду. Конкретную ситуацию они, конечно, предугадать не могли, но от случайностей такого рода застраховались в принципе. Я-то рассматривал «танжерскую проблему» лишь с одной стороны, а оказывается, была и вторая, ничуть не веселее первой.

- И после этого вы ещё поднимаете шум о злоупотреблениях

психиатрией, якобы практикуемых в Советском Союзе! Кричите во всю глотку «Держи вора!», чтобы мир не разобрался, кто, когда и кого украл?

- А что? - осклабился он. - Принцип давний и действенный. Или вы полагаете, что африканские власти стали бы запрашивать, выдавала клиника такое свидетельство или не выдавала?

- Самоуверенность наказуема, мистер Уэстолл.

- Пожалуйста, не впадайте в официальный тон. Я рассказал вам об этом не для того, чтобы вас унизить, а чтоб получить право на ответную откровенность. Мне действительно интересно: как вы догадались, что поднимать скандал бессмысленно? Вы что, прежде чем разбудить меня, рылись у меня в карманах?

- Очень жаль, но это мне в голову не пришло. Этому я ещё не научился.

- Тогда что же вас удержало от самого, казалось бы, естественного шага? Интуиция? Или всё-таки пришли к разумному выводу, что у нас здесь не так плохо? Что «Золотая газель» лучше, чем концлагерь в Сибири?..

Да, можно было бы опять полезть в драку. Можно было бы, как случалось десятки раз, снова вспениться, разъяриться, надерзить. Заявить Уэстоллу открытым текстом, что я думаю о нём и его коллегах по ремеслу. Попытаться, как в кино, перевоспитать его или на худой конец оскорбить. Он бы не перевоспитался и даже не оскорбился. Потому что, как удачно сказал в своей повести ленинградский писатель Виктор Конецкий, всё это происходило, увы, не в кино.

Африка, спасибо ей, и впрямь изменила меня и вылечила. Вылечила не только от головокружений и обмороков, но и от скороспешных реакций, совершенно нормальных и совершенно бесплодных. От наивных прожектов и надежд. Серия статей в «Санди телеграф» оказалась, пожалуй, последней каплей: вызванная ею оторопь ужаса была на удивление кратковременной. Я понял, быстро понял, что это палка о двух концах, а вернее, бумеранг, который очень даже может ударить по тем, кто его запустил. Только бы суметь направить его полёт по кривой - и чтобы вдогонку не надумали или не успели запустить целую эскадрилью.

Я мог бы вновь заявить - и это была бы святая правда, - что не боюсь Сибири. Мог бы произнести очередную речь, исполненную справедливого пафоса, уличающую «опекуна» во множестве смертных грехов: демагогии и бесчестности, невежестве и фанфаронстве. Мог бы обнаружить и развенчать в нынешнем его выступлении натяжки и противоречия супротив выступлений прежних. Мог бы, наконец, попросту напомнить о некоторых (вероятно, обоюдных) впечатлениях, какими обогатила нас «Золотая газель». Но ничего этого я не сделал, а пришибленно пожал плечами:

- Боюсь, что вы правы, Джим. Выбора у меня не осталось.

- Так какого же чёрта, - взорвался он, - какого дьявола вы звонили на

континент?

Час от часу не легче. Я был готов к тому, что «тень отца Гамлета» никого не обманет, что, если не удалось подслушать на этом конце провода, подслушают на другом. Что разберутся, откуда пришёл звонок, и вычислят, от кого. А вот что не постесняются нагло оповестить о подслушивании, притом на международной линии, - такого я не предвидел. Ну что ж, теперь и я вправе вспылить. Но поспешай медленно, сердись аккуратно. Не переиграй…

- Значит, подслушивать телефонные разговоры можно? Печатать всякую муть от моего имени тоже можно? А позвонить старому другу нельзя? Вы же хвалитесь своей свободой! Сколько раз твердили, что если я смирюсь со своей участью, то буду пользоваться ослепительной, неслыханной свободой! Где же она, ваша свобода, если без поводка шагу ступить нельзя?

Стоп, пока хватит. Послушаем, каков будет ответ.

- Я же сказал, что защищал вас. И защитил. В нашем западном обществе есть свои достоинства, есть и недостатки. Один из них - подозрительность. Лично я считаю, что ничего особенно тревожного в том разговоре не было. Разве что некоторый авантюризм. Это, повторяю, моё мнение. Но у нас есть и другие, не столь… - он замялся, выбирая слово, и выбрал явно неточное, - не столь великодушные. В этой стране людей не расстреливают. Посадить вас на электрический стул здесь тоже нельзя. А вот отшибить разум можно вполне. Свидетельством от психиатров мы, как вы теперь знаете, запаслись заранее. Да и не обязательно валить всё на психиатров - есть ещё такая полезная медицинская дисциплина, как онкология. Определим вас в больницу, где вы через недельку-другую благополучно умрёте, например, от рака гортани. Похороним за счёт фирмы…

У того же Виктора Конецкого в той же повести (она называется «Никто пути пройдённого у нас не отберёт») выражено недоверие к любым диалогам за рамками стопроцентно художественной прозы: «Во всех мемуарах диалог вообще всегда выглядит обыкновенной липой, если, конечно, у тебя за пазухой не было магнитофона». Магнитофон у меня был, но в действие я его в феврале ещё не пускал. (Да и потом, когда стал им пользоваться, к прямой записи по понятным причинам не прибегал, а надиктовывал материал по памяти, хотя и свежей.) И тем не менее согласиться с мнением Конецкого при всём к нему уважении не могу.

Не поручусь за стерильную точность каждой реплики, но гарантирую, что ключевые моменты во всех словесных схватках идеально точны. Живодерские афоризмы Уэстолла звучат в ушах, как взрывы, и даже кажется иногда, что были произнесены по-русски: перевод произошёл в подсознании, сам собой. К числу таких самозваных переводов относится и «в этой стране людей не расстреливают». «We do not shoot people in this country», - изрёк Уэстолл. Попробуй, забудь такое, сопоставляя со всей

обширнейшей программой «кинофестиваля» и с разъяснением по части похорон. «За счёт фирмы» - «оп the company» - так и сказал…

Какая муха укусила его в тот день, отчего он разоткровенничался? Последовательной скрытностью он и прежде не отличался, ради эффекта в очередном монологе способен был «брякнуть» что-нибудь с претензией на искренность, однако служебная кухня оставалась за семью печатями. И вдруг… Если это была нарочитая смена тактики, то она сильно запоздала, я не испугался. А может быть - или не может? - он пугал меня потому, что испугался сам?

«Совещание у руководства» с обсуждением итогов африканского «турне» и разбором моего звонка в Париж, не сомневаюсь, было. И он вынужденно защищал меня, чтобы защитить себя. И сослаться на что-либо, кроме моего «героического поведения» в Танжере, было затруднительно. До сих пор всё правильно. А дальше - извиняюсь. Избавляться от меня любым из перечисленных и не перечисленных Уэстоллом способов было уже не с руки. Ухлопали безумные тысячи, американским «старшим партнёрам» наобещали чёрт-те что, да плюс ещё свежеопубликованная от моего имени чепуха в «Санди телеграф». Положительно, ситуация для «онкологического исхода» складывалась неподходящая.

Тут, пожалуй, настало время сформулировать моё отношение к этим самым статьям в «Санди телеграф». Я назвал их чепухой, а ещё выше мутью. Эмоционально оправданно, но неверно. Харт-Дэвис поработал куда старательнее и профессиональнее, чем составители «заявления Битова» в конце октября. Три статьи мало того что были крупно набраны и броско поданы, они и логически неплохо продолжали и дополняли друг друга. Были использованы не просто контуры моей биографии, а и отдельные «экзотические», с точки зрения англичан, детали, мои вполне реальные поездки по тайге, беломорской тундре и туркменским пескам. И боюсь, что я действительно рассказывал о них Харт-Дэвису, не представляя себе, что при помощи «классических» антисоветских приправ опытный повар сварит суп по вкусу заказчика даже из беломорского снега.

Двух вещей не учёл автор-составитель этих статей. Во-первых, на что я и надеяться не смел, в Москве сразу же провели лингвистическую экспертизу, и эксперты дали заключение, что статьи не переведены, а написаны кем-то, для кого английский язык - родной. Как заметил незабвенный «человек, принимающий решения», «лингвистика - тоже оружие». Проницательно заметил, да подчинённым, видно, не внушил.

Во-вторых - и на это тоже обратили внимание, в том числе и англичане, - несмотря на все харт-дэвисовы старания, суп получился жидковат. Другие газеты, не «Телеграф», оценили статьи как «не слишком увлекательные», «необъяснимо длинные» и «банальные». «От журналиста такого уровня, - посетовал солидный журнал «Экономист», - можно было бы ждать серьёзных разоблачений, а их не оказалось». Действительно, откуда бы им взяться - «разоблачения» сколько-нибудь предметные на обрывках плёнок не построишь и из пальца не высосешь.

Остаётся лишь добавить, что приведённые оценки прозвучали осенью, когда меня в Англии и след простыл. Так и подмывает спросить: а раньше-то где были ваши глаза, господа?

А раньше «уровень» просто-напросто никого не интересовал. Раньше полагали, что «by-line», то есть имя, вынесенное в шапку статьи, неизмеримо важнее, чем её содержание. Никто из подписчиков «Санди телеграф» меня до этого не читал, а уж о лингвистических экспертизах и слыхом не слыхивал. Питер Джой и Харт-Дэвис рассчитывали на то, что «узнаваемые» детали снимут сомнения в авторстве даже у тех, кто мог бы усомниться, у моих друзей и коллег на Родине. И, как ни печально, расчёты могли бы и оправдаться, не прояви коллеги зоркости, в те недавние и вместе с тем давние времена беспримерной.

В июле 1987 года в «Правде» мне попался на глаза замечательный заголовок: «Борьба, как и истина, не бывает абстрактной...». С высоты нынешней эпохи, ломающей стереотипы дюжинами, к тому же глядя не из Лондона, а из Москвы, прямо диву даюсь: как же тяжело далась мне тактика конкретной борьбы в конкретных обстоятельствах! Понятно же было, что киноштампы надлежит сдать в архив за полной непригодностью, что какие бы то ни было рецидивы честности и порядочности по отношению к джеймсам бондам смешны и нелепы. Ан нет, спорил, урезонивал, метал политический бисер и метался сам... Слава богу, хоть после Африки отрезвел.

- Ладно, будь по-вашему, - сказал я. - Считайте, что вы меня сломали. Во всяком случае, позорно ославили статьями в «Санди телеграф», а на каторгу мне как-то не хочется...

Встрепенулся Уэстолл, разогнал мрак на челе. Чуть не физически ощутилось, как уходит, растворяется терзавшее его напряжение, как медленно и робко, а потом быстрее, ярче, пышнее расцветает в нём предвкушение победы. Одолел! После стольких мучений - одолел! Наконец-то!..

- Одно условие, - добавил я, - писать для газет не буду. Хочу написать большую, серьёзную книгу.

- Такую, какую мы имеем в виду?

- Другую же вы не напечатаете...

Он улыбнулся. Во все тридцать два зуба.

- Это надо обсудить с Питером Джоем...

И я повторил то же самое «толстому Питеру» и его крестнику, литературному агенту мистеру Рубинстайну. И без хлопот, что называется, с доставкой на дом получил книжный контракт сроком до 31 марта 1985 года. Год с липшим - в тех условиях подобный срок казался фантастическим, лежащим где-то за гранью XXI века, а меньше-то и нельзя, книга серьёзная... Ну как не вспомнить присказку Ходжи Насреддина, когда он, к ужасу сограждан, пообещал эмиру обучить ишака за двадцать лет грамоте и корану: «За эдакий срок либо ишак подохнет,

либо эмир, либо я...»

Эмиссар из-за океана

Мудрость Ходжи Насреддина пришлась ко двору и ко времени. По-английски, с учётом околичностей языка и без ссылки на первоисточник, мудрость отчасти потускнела и выродилась в пакетик простеньких фраз, но до чего удобных! «Извините, благодарю за предложение, но вынужден его отклонить. Если хотите, позвоните мне снова месяцев через девять-десять. В настоящий момент занят серьёзной работой, не хочу отвлекаться...»

Надо сказать, всё это происходило уже не в позолоченной клетке, а на новой квартире в Ричмонде, куда меня препроводили сразу по возвращении из африканского далека. Новая квартира по адресу: 118, Шин-корт, Аппер-Ричмонд-роуд - была меньше, уютнее, да и дешевле. Она была предпочтительнее во всех отношениях, кроме одного. Если прежний телефон 244-9757 был известен лишь самим «опекунам», то новый 878-1781 довели до сведения более широкого круга «избранных». Телефон звонил. И приходилось отбрёхиваться, прежде всего от репортёров.

Поступали и разнообразные письменные предложения, через «Телеграф» и через мистера Рубинстайна, от иностранных газет. Эти я сваливал, не отвечая, в нижний ящик стола. Там они и остались спецслужбам на память.

Вообще в конце февраля - в марте, как только я «поумнел», «опекуны» чуть ослабили хватку. Уэстолла от меня убрали, повысив в чине и дав ему какое-то свеженькое «трудное поручение», а меня «передали» Майклу Уилмонту, аккуратному вежливому старичку. Ни одной беседы с ним я не запомнил, нечего было запоминать, против прежних это была игра в бирюльки. Если Уэстолл вечно возвращался за трубкой, то Уилмонт - за зонтиком. Только, по-моему, без всякой задней мысли, просто склероз.

Квартиру мне, ещё при Уэстолле, «дооборудовали». Сменили телефонные розетки по всем трём комнатам (зачем?), а самую маленькую комнату, по реестру «вторую спальню», приспособили под кабинет, вышвырнув тахту и водрузив вместо неё письменный стол. Против этого возражать не приходилось: ежели подрядился на книгу, то надобны и «условия для работы». Пожалуй, я даже полюбил эту комнатёнку: когда меня оставляли в покое, я сидел там и смотрел в окно.

За окном не было никаких особых красот. Направо - железнодорожная линия, платформа Норт-Шин. Линия пригородная, дальних поездов нет, одни синие желтомордые электрички: на Виндзор, Шеппертон, а большей частью кольцевые, через Кингстон или Айлуорт и обратно на вокзал Ватерлоо. На «моей» платформе многие и не останавливались, проносились мимо. Левее платформы и прямо передо мной - пустырь, нарезанный на мелкие огородики - «элотменты». На окраинах Большого Лондона кварталы, как полые коробки, - внутренней застройки нет, вот муниципалитет и сдаёт эту землю в аренду

пенсионерам, а те копошатся кто во что горазд. Одни растят на своих делянках клубнику, другие капусту.

Но предметом пристального моего внимания были не поезда и не пенсионеры, а самолёты. Оказалось, что в аккурат над домом лежит главная трасса захода на аэропорт Хитроу. Это почему-то упустили из виду: возможно, когда выбирали квартиру, ветер был нетипичным и трасса - иной. Потом Уилмонт спохватился, осведомился: не беспокоит ли? Я ответил отрицательно. В Москве, мол, жил тоже в зоне аэропорта, привык...

Я распознавал типы самолётов по звуку, ещё когда они шли над крышей и были не видны. Самый мягкий, почти ласковый гул - аэробус европейского производства. Не громче, но с отчётливым присвистом - небольшой реактивный «частник», например «лир-джет». Эти, впрочем, на Хитроу допускаются редко. Далее, по мере нарастания грохота, - «каравеллы», «дугласы», «боинги». И наконец, когда гул переходит в громовой рёв и начинают дребезжать стёкла, - это «конкорд». Сверхзвуковая помесь муравьеда и птеродактиля. В Москву не летает.

В этой шумовой гамме, повторяющейся изо дня в день, я сознательно пропустил одну ноту. Чтобы вынести её в отдельный абзац. Она звучала не ежедневно, иногда запаздывала. Но я ждал её. Особенную. Намного тише «конкорда», но громче, мощнее всех остальных. Около полудня на посадку заходил аэрофлотовский ИЛ-62. С моего наблюдательного пункта красного флажка на хвосте было не разглядеть. Но «СССР» и цифры понизу плоскостей читались отчётливо.

Как же это исхитриться и попасть на борт? Хорошо, что я следил за посадкой, а не за взлётом - иначе было бы ещё нестерпимее. Сто - двести метров отделяли меня по прямой от русских советских людей на борту. В джеймсбондовской ленте «Шаровая молния» задача решалась так: терпящий бедствие Шон Коннери запускал в поднебесье воздушный шар на канате, другим концом канат крепился к поясу. Самолёт цеплял канат специальным захватом, и Шон взмывал ввысь в обнимку с очередной завоёванной и перевербованной красавицей.

Ладно, без красавицы перебьёмся, но чем заменить канат? «Двуспального лёву» у меня, естественно, отобрали. Заявили: «Понадобится - вернём». Был там условный значок или не было, осталось невыясненным. Но даже если не было, с «лёвой» как таковым на борт ИЛа не пустят - нужен билет. А британцу Дэвиду Локу, родившемуся в Оксфорде, на въезд в Советский Союз необходима ещё и виза. Визы дают в посольстве, посольство - на «полюсе недоступности», за аркой на Кенсингтон-Палас-гарденс. Круг замыкается. Значит, круг порочен, значит, нужно добыть другой документ, не на имя липового Дэвида Лока, а на моё собственное. Легко сказать - добыть, но как?

Ищите да обрящете. Искомый документ преподнёс мне, разумеется непреднамеренно, направленный в Лондон американский эмиссар, заведующий европейским бюро журнала «Ридерс дайджест» и по

совместительству полномочный представитель Центрального разведывательного управления Джон Дими Паница.

Встреча состоялась в первых числах марта в американизированном стеклобетонном отеле на Кадоган-плейс, угол Слоун-стрит. Не состояться она не могла: меня, что называется, не спросили. Это же не шестёрка-репортёр, от которого можно, так и быть, позволить мне увильнуть. Это же король, а может, и туз пик. Эмиссар из Лэнгли с чрезвычайными полномочиями…

Чего он от меня хочет, долго гадать не пришлось. Честно говоря, после лекций-проповедей-монологов Уэстолла нахрапистая прямота Джона Дими мне почти понравилась. Я был сыт по горло лицемерными хождениями вокруг да около, изящными манерами, строгими галстуками, белоснежными манжетами и ударами исподтишка. Тут, по крайней мере, противник выступал без грима.

Хотя неожиданностей встреча принесла мне немало. Чуть не с порога он спросил, хорошо ли я знаю болгарскую столицу Софию. Я ответил, что да, неплохо. А памятник царю-освободителю? Да, конечно. А улицу по соседству с памятником? Припоминаю. А особняк, самый красивый на всей улице, - сейчас в нём разместилось одно из посольств? Особняка я припомнить не сумел, в посольство это меня не приглашали.

- Жаль, что не приглашали, - отозвался Паница. - Я бы пригласил. Если б не коммунисты, это был бы мой особняк…

Неожиданность первая: эмиссар из Лэнгли по происхождению оказался болгарином. Он сбежал из родной страны в 1947 году, но, хоть и сколотил на Западе состояние, не простил народной власти утраченного особняка. И не только в особняке дело: такие, как он, даже самые удачливые из них, не прощают родине, которую предали, собственного предательства. И по мере сил пытаются свести с ней счёты, легко находя на этой почве общий язык с ЦРУ.

Не стоит упрощать. Не каждый, кто проповедует антикоммунизм с печатных страниц или с телеэкрана, находится на штатном содержании у спецслужб. Но «Ридерс дайджест» - это особый случай. Иные ведущие сотрудники издания даже не считают нужным скрывать, что «соподчинены» ЦРУ. Оно и неудивительно, исходя из самой идеи «дайджестирования», то есть подгонки любых идей и концепций под уровень «среднего читателя». В 1984 году журнал выходил общим тиражом 31 миллион экземпляров, похваляясь (из расчёта, что каждый экземпляр прочтут, как минимум, трое) впечатляющей цифрой - сто миллионов читателей. Влиять одновременно на сто миллионов «средних» - такую лакомую возможность стратеги из Лэнгли никак не могли упустить.

Отсюда и роль, какая была отведена самому многотиражному журналу капиталистического мира в «отработке», «обосновании», а главное - распространении клеветнической «болгарской версии» покушения на папу римского Иоанна Павла II.

Преступление, придётся напомнить, было совершено 13 мая 1981 года. Через два месяца преступник был приговорён к пожизненному заключению, и журналисты всех мастей, нахлынувшие в Рим, разъехались кто куда в поисках новых сенсаций. Но не специальный корреспондент «Ридерс дайджест» Клэр Стерлинг. «Мои усилия, - признавалась она впоследствии, - начались осенью 1981 года». И закончились (по первому кругу) девять месяцев спустя, когда сто миллионов поклонников «Ридерс» прочитали за её подписью безапелляционный вердикт: пистолет Агджи направляла «рука Софии», то бишь еле-еле прикрытая «рука Москвы».

Пересказывать «концепцию» миссис Стерлинг, заново опровергать её «аргументы» было бы сегодня растратой времени, явной и нелепой. И потому, что миссис фактически повторяла Пола Хенци, с которым мы сталкивались на этих страницах уже не раз (а может быть, не она его, а он её в чём-то повторял, принципиальной разницы не ощущаю). И потому, что сочинениям Стерлинг и Хенци «Литгазета» уделила в ту пору более чем достаточное внимание. Я сам опубликовал 6 марта 1985 года большую статью «Выступаю свидетелем по «делу Антонова», где рассказывал об измышлениях миссис Стерлинг в подробностях. Статья, вероятно, слегка пожелтела в подшивках, но сохранилась - и я от неё никоим образом не отрекаюсь.

Однако тогда, в марте 84-го, в Лондоне, пожелтевшая ныне статья ещё не была написана! И не могла быть написана, и вполне могла остаться ненаписанной. Тогда это было не давно прошедшее и пережитое, а сиюминутная действительность, живая и жестокая. Кто этот бывший болгарин не по должности, а по сути? Что я ему и зачем?

Допрос продолжался. Давно ли я ездил в Болгарию в последний раз? В феврале 1983 года. А позже? Нет, позже не ездил, да и зачем, если материал, собранный в февральской поездке, полностью не напечатал, не успел…

- Ну, положим, статейку о «деле Антонова» в газете «Литературен фронт» вы напечатали…

Ничего себе информированность! Что правда, то правда: по просьбе болгарских коллег я дал им короткую заметку по свежим следам событий, выразил своё возмущение произволом итальянских властей, попранием норм международного права и здравого смысла. Оказывается, и это скромное выступление было где-то кем-то подшито в досье…

- Издали, - пояснил Паница, - я слежу за вами довольно давно. Почему вы не откликнулись на обращение моего друга Пола Хенци? Почему не приняли предложение журнала «Сёрвей»?

Опять в точку! Я и забыл об этих разрозненных эпизодах, африканские страсти-мордасти и «Санди телеграф» начисто заслонили их. А в условиях «кинофестиваля», когда каждое мимолётное лыко в строку, нельзя забывать ничего, абсолютно ничего!

Обострённое внимание к мелочам - ведь сформулировал для себя такой принцип, давно сформулировал. И вот, выходит, нарушил. Полезный

урок. Раз уж память вернулась, не позволять ей лениться и небрежничать. Теребить её, выжимать досуха, требовать от неё полного накала. Сопоставлять, казалось бы, несопоставимое, сталкивать в анализе тысячи мелочей, искать логику в расхождениях и единство в случайностях. И тем более не зевать, если кто-то или что-то встречается последовательно и не впервые.

Значит, опять Хенци. Где же и когда я услышал эту фамилию впервые? Конечно, не услышал, а прочитал - у Ионы Андронова в репортажах «По волчьему следу». Летом 83-го этими репортажами зачитывалась вся страна, а в журналистике они представлялись эталоном профессионального мужества и мастерства. Не говоря о том, какое огромное значение они имели для доказательного опровержения «болгарской версии», поиска и обличения истинных вдохновителей покушения на площади Святого Петра. По сравнению с Андроновым скромненькая моя заметка в газете «Литературен фронт», хоть и опубликованная за три месяца до его репортажей, выглядела убогой и голословной.

Так какого же чёрта они прицепились ко мне со своим «болгарским следом»? Пожалуй, до Паницы я всё ещё не отдавал себе полного отчёта в том, что это неспроста. И заказывают эту музыку, Андронов не ошибся, из-за океана. После предисловия, с которым меня знакомил «толстый Питер», мистер Хенци дважды обращался ко мне напрямую - через «Таймс» и помянутый Паницей журнальчик «Сёрвей». С редактором журнальчика меня даже познакомили, и он, егозливый такой старичок, подхалимистый, битых полтора часа уговаривал меня «откликнуться». Это было до Африки. Я отбоярился от старичка неопределённо-обещательным «подумаю» - и запамятовал. Напомнили. Вон какого гангстера международного класса прислали.

А в «Санди телеграф», как ни странно, эту тему не тронули, совсем не тронули. Ни о папе римском, ни об Агдже, ни об Антонове - ни звука. Могли бы, кажется, приписать мне всё, что захотели бы, и почему-то не захотели. Парадокс? Терпеть не могу парадоксов, как говаривал кто-то из героев Оскара Уайльда. Не возникают такие парадоксы на пустом месте, непременно что-то обозначают - но что? Надо бы перечитать, вдумчиво и не торопясь, сочинения мистера Хенци. И сопоставить их с репортажами Андронова. Попросить, чтобы мне оттиснули и показали три-четыре номера «Литгазеты». Об этом-то можно и даже следует попросить…

И всё-таки неизвестно, как повернулось бы и чем закончилось свидание с Паницей, если бы он удовольствовался теми ударами, что уже нанёс, и не поторопился с новыми.

- Как вам понравилась «Золотая газель»? - спросил от без перехода. - Колоритное заведение, не правда ли? Цивилизация и экзотика в приятной пропорции. Между прочим, вы побывали там по моей рекомендации. Люблю такие комфортабельные уединённые местечки, удобные и для отдыха, и для работы. Не так уж много их осталось, в Штатах подобрать что-либо подобное нелегко. Но ничего, для вас что-нибудь придумаем…

Поток прямой и косвенной информации, обрушившийся на меня вместе с беглым болгарином, был огромен. Осмыслить её всю мгновенно я, конечно же, не мог. Это теперь я пишу с уверенностью, что Паница представлял ЦРУ, но верительных грамот в Лэнгли не выдают. Однако если он рекомендовал отель в Марокко, рекомендовал для определённой цели, - кто он? «Ридерс дайджест», и только? Однозначно - нет. «Для вас что-нибудь придумаем» - явный намёк на поездку в Штаты. И Уэстолл говорил, что без такой поездки не обойдётся. Сходится... Но прилетел этот тип не прямо из Штатов, а из Парижа. Европейское бюро «Ридерс», которым он заправляет, - в Париже. И Сабов, которому я хоть единожды, а дозвонился и который, верю, поможет мне, как никто другой, - тоже в Париже. Тоже - сходится...

- «Золотая газель» выше всяких похвал, - отозвался я. - Если это ваш выбор, спасибо. А на предыдущий ваш вопрос, мистер Паница, ответить нетрудно. Что мне «Сёрвей»? Какой у него тираж, кто его читает? Два с половиной чудака? Вот если вы предложите мне выступить у вас в журнале, тогда другое дело. Пригласите меня в Париж, там и поговорим...

Он взглянул на меня и гулко расхохотался.

- В Париж, говорите? Меня предупреждали, что вы будете проситься в Париж...

Предыдущие удары шли вразброс, зато этот оказался прицельным: взаимная информация у них, как и следовало ожидать, налажена чётко. У меня внутри захолонуло и оборвалось, но топтать меня он не стал, в его намерения это не входило.

- А я бы, представьте, не возражал, - продолжал он, оборвав смех. - Ваше выступление в «Ридерс» - идея перспективная. Я бы сам её предложил, вы меня опередили. И это хорошо, что опередили. Хорошо, что знаете себе цену, значит, столкуемся. Только в Париж поедете потом, а сначала в Штаты...

- Почему?

- Мог бы не объяснять, но объясню. У нас в журнале особая специфика и сложный производственный цикл. Рукописи проходят многоступенчатую редактуру. Как бы вы ни старались, с первой попытки у вас ничего не получится. Дайджестирование - это искусство, лучшие наши редакторы овладевали им годами. И всё-таки это процесс медленный. Статьи, которые я вчера выслал из Парижа как готовые, попадут в лучшем случае в сентябрьский номер. А если вы отправитесь сразу в Штаты, шесть месяцев могут сократиться до четырёх.

- Любопытно.

Что я, по-вашему, мог и должен был ему сказать? Что Париж меня устраивает больше, потому что там Сабов? Что я действую по заветам Ходжи Насреддина, писать ничего не хочу и не буду, а потому прошу не поджимать сроки? Нет уж, снявши голову, по волосам не плачут. Иных ответов, кроме коротких осторожных реплик, мне было не дано.

- Послушайте, - вдруг перебил он сам себя, - а под каким именем вы ездили в «Золотую газель»? Под собственным?

Вот-те на! Выходит, взаимная информация не так уж и чётка? Выходит, в ней случаются и прорехи?

- Жил под именем, какое мне тут придумали. Дэвид Лок, родился в Оксфорде. Паспорт выписан 25 января на десять лет. А почему вы спрашиваете?

- Потому что въезд в Соединённые Штаты под чужим именем расценивается как федеральное преступление. Вот упрямцы, сто раз им втолковывали, а они всё своё!.. Ладно, забудьте об этом. В конце концов, это не ваша проблема…

А я не забыл. Я возвращался к свиданию с Паницей снова и снова, перебирал разговор по зёрнышку, взвешивал фразы, сортировал интонации. Идея перспективная… Производственный цикл - четыре месяца, а то и шесть… Федеральное преступление…

Рискованно? Да. Но и шансы просматриваются. Пятьдесят на пятьдесят. Или даже, допустим, один к трём не в мою пользу. Всё равно это уже не нуль, далеко не нуль…

Но прежде чем продолжить рассказ о своих надеждах и расчётах, должен познакомить читателей ещё с одним персонажем. Он возник в «фестивальной» программе почти синхронно с Джоном Дими Паницей, приотстав лишь на несколько дней. Случайно ли совпадение? Возможно, да, а возможно, и нет. Зато моя встреча с этим новым персонажем никак не случайна. С ним, единственным из всех, я был знаком и прежде. Правда, заочно.

Ещё в 1980 году я посвятил ему статью в «Литгазете». Перечитав её по возвращении на Родину, я не без удивления убедился, что статья почти не устарела. Разве что длинновата, но это не беда - подсокращу.

Прыткий Фредди и его картонная альтернатива

"ЛГ" №23 (4777), 4 июня 1980 г

«- Правда ли, что на каждой своей новой книге вы зарабатываете несколько миллиардов лир?

- Не на каждой. За первый свой роман «День Шакала» я получил меньше. А вот за «Дьявольскую альтернативу» могу получить и больше. Подсчитано, что каждое написанное мною слово приносит мне в среднем восемнадцать тысяч лир [18].

- При такой ситуации ваша писательская работа - уже не риск, а сплошной цинизм… Каков же ваш рецепт производства бестселлеров?

- В своих книгах я всегда вывожу героя, выступающего в одиночку против всех… Что касается остальных составляющих, то на первый план я поставил бы точные технические, а впрочем, и не только технические

[18]По курсу того времени - 8 фунтов стерлингов или 13,6 доллара.

детали. Я человек щепетильный. Если в какой-нибудь из книг я описываю, к примеру, ресторан, то любой желающий может отправиться туда и убедиться: и директор, и обстановка, и меню там именно таковы, какими изобразил их я…»

Это интервью опубликовано в итальянском журнале «Эпока». Французский журналист Франц-Оливье Жисбер взял его у знаменитейшего сегодня на Западе писателя Фредерика Форсайта.

Интервью с Форсайтом, очерки о нём, статьи и рецензии, посвящённые ему, исчисляются сегодня тысячами, если не десятками тысяч. Кажется, уж и надежды-то на свежий материал нет никакой, но нет, спрос «на Форсайта» в западной печати не падает. И Форсайт, сам в прошлом журналист, охотно идёт коллегам навстречу.

Великодушия тут, разумеется, нет и в помине, а только трезвый расчёт: чем больше будут читать про Форсайта, тем азартнее станут раскупать написанные им книги. Тем паче что налицо, так сказать, литературное воплощение «великой западной легенды»: ведь был же безработным, без гроша в кармане, но дерзость, напор, немного удачи, и вот, пожалуйста, вместо нищего - миллионер.

Но о чём пишет Форсайт, чему посвящает свои отменно толстые романы? До недавнего времени их насчитывалось три:

«День Шакала» - о гениальном наёмном убийце по кличке «Шакал», который взялся «устранить» генерала де Голля и преуспел бы, если бы не менее гениальный детектив Клод Лебель не настиг его в последний момент и не положил предел его козням очередью из автомата. Случилось это - дата указана точно - 25 августа 1963 года.

«Досье «ОДЕССА» - об организации взаимопомощи бывших эсэсовцев и о храбром молодом журналисте Петере Миллере, который в одиночку преследует матёрого фашистского преступника Эдуарда Рошмана и в конце концов настигает его на уединённой горной вилле. Дата завершения действия - февральское утро 1964 года.

«Псы войны» - тут опять наёмники, целых пятеро, во главе с майором Карло Шенноном. Глава могущественной горнорудной компании Мэнсон поручает им осуществить государственный переворот в африканской республике Зангаро, чтобы прибрать к рукам богатейшее месторождение платины. Однако наёмники, хоть и наёмники, но не чужды благородства и после победы вручают власть не ставленнику Мэнсона, а некоему «независимому вождю». С датами в этом романе дело обстоит чуть менее чётко, но всё же можно понять, что подразумеваются весна и лето 1970 года.

Что объединяет все три романа, выпущенные - суммарно-фантастическим тиражом 25 миллионов экземпляров [19]? Культ супермена? Да, бесспорно. Но в беллетристике последних десятилетий

[19]Данные устарели. Цифра приблизилась уже к 50 миллионам. Правда, и романов уже не три, а пять.

суперменов рождалось более чем достаточно - одним этим столь сногсшибательный успех не объяснишь.

Интервью для журнала «Эпока» продолжалось так:

«- Вы отдаёте себе отчёт, что у вас, как у писателя, нет своего стиля?

- А я не считаю себя писателем. Я журналист, рассказывающий ту или иную историю, и всё. Ещё мальчишкой я мечтал о путешествиях. Учиться я перестал, как только закончил школу. Меня влекла к себе настоящая жизнь…»

Легко заметить, что ответ не вполне соответствует вопросу, но важнее другое: настоящая ли жизнь лежит в основе форсайтовских романов? Отбросим издержки суперменства - правдоподобно ли то, что останется? В общем-то, да. Покушения 25 августа 1963 года не было, но попытки устранить генерала де Голля были, причём неоднократно. Эдуард Рошман - фигура вымышленная [20], но фашистские преступники, разгуливающие на свободе, - не вымысел, а прискорбный факт. Республики Зангаро не существует в природе, но разве мало заговоров против молодых африканских, и не только африканских, стран знает новейшая история?

И тем не менее до «настоящей жизни» Форсайту куда как далеко. Если в его романах и проявилась приверженность к журнализму, то наихудшего западного образца. Те достоинства, что без устали нахваливаются издателями: злободневность политических предпосылок темы, умение строить интригу плюс хвалёная точность в прорисовке мелких деталей, - самому Форсайту всегда представлялись чисто ремесленными приёмами, помогающими в решении главной задачи - «сделать деньги». «Писать я не люблю, - не раз признавался он, - процесс писания меня раздражает».

Откуда же успех? Думается, что золотоносная «формула Форсайта» - авантюрный роман-репортаж на псевдодокументальной основе - своей успешностью обязана эффекту чисто иллюзионному. Рассыпанные по тексту детали репортёрского свойства - названия улиц, ресторанов, магазинов, ссылки на действительные исторические события и т.д. - для читателей не слишком требовательных сходили и сходят за истинные приметы окружающей жизни. Лихо закрученная интрига накладывается на постоянную «иллюзию узнавания», и это, в свою очередь, как бы усиливает напряжённость интриги. Надо отдать Форсайту должное: финты, скрепляющие сюжет, он изобретает с отменной, прямо цирковой ловкостью. Но литература и цирк - это всё-таки не одно и то же.

Три романа, о которых шла речь, были выпущены подряд, в 1971, 1972, 1974 годах. А потом наступила длительная пауза. Форсайт заявлял, что переутомился и выдохся, что писал лишь для того, чтобы заработать, а теперь, когда цель достигнута, с удовольствием накроет пишущую машинку чехлом и не притронется к ней до смертного часа. Так

[20]Тут я допустил тогда ошибку. Эдуард Рошман по прозвищу «Рижский мясник» - не вымышлен, вымышлена лишь его послевоенная биография.

продолжалось до осени 1978 года, когда «Интернэшнл геральд трибюн» оповестила, что Форсайт «берёт свои слова обратно» и через год выпускает новую книгу. Заголовок уже придуман - «Дьявольская альтернатива».

Не будем гадать, менялся ли замысел в процессе работы, но заголовок изменений не претерпел. Не изменилась - на первый взгляд - и «творческая манера» Форсайта, его демонстративное внимание к мелочам. Однако даты в новом романе не точны и даже не приблизительны, а просто фиктивны: действие «Дьявольской альтернативы» развёртывается начиная с апреля 1982 года. Что же происходит, по Форсайту, в 1982 году?

В Советском Союзе намечается неурожай, и, воспользовавшись этим, правительства Запада принуждают (!) нашу страну сесть за стол переговоров о сокращении вооружений. Дело это нелёгкое, поскольку, как выясняется, за стенами Кремля разработан план захвата Европы, которому дано кодовое наименование «план Борис» - «в честь Бориса Гудонова, великого русского полководца» [21]. Каково? А ведь, между прочим, по выходе романа из печати Форсайт не преминул похвалиться заново: «В этой книге точны даже мельчайшие подробности…»

А главная нить сюжета в том, что миротворцами выступают не только западные правительства, но и их разведывательные службы. Найти «дьявольскую альтернативу», удержать Советы от выполнения «плана Борис» и добиться разоружения оказывается по силам лишь шпиону-супермену Адаму Манро. За неполные сутки он совершает перелёт по маршруту Москва - Лондон - Вашингтон - Москва - Берлин и спасает Европу и весь мир, отравив двух беглых уголовников с русскими фамилиями. Чего не сделаешь с благословения начальства и на благо западной демократии!

Одолев «Альтернативу», интервьюер спросил у автора:

«- Как вы организуете свою работу?

- Как любой репортёр. Работаю один, без секретарши и без сотрудников, подбирающих документальный материал. Просто беру записную книжку и отправляюсь в разные уголки земного шара. Беседую за стаканом вина с людьми из «Интеллидженс сервис» или ЦРУ. Запечатлеваю в памяти обстановку. Делаю заметки…

- И таких заметок для одной только «Дьявольской альтернативы» у вас, должно быть, набралось великое множество. Ведь действие происходит то в Москве, то в Вашингтоне, то в Лондоне, то бог знает где ещё. Вы что, и в Кремле побывали?

- В Советском Союзе я тоже был. Но чтобы узнать, что происходит за Кремлёвской стеной, нужно побывать не в Москве, а в Вашингтоне. Американские кремленологи могут сообщить вам обо всём с абсолютной

[21]В дальнейшем Форсайт исправил фамилию на «Годунов». «План Борис» и «великий русский полководец» изменений не претерпели.

точностью...»

Сказано откровенно. Но какая печальная закономерность: пока Форсайт не касается советской жизни, он остаётся прежним Форсайтом - иллюзионистом, безошибочным по мелочам. «Иллюзия узнавания» для западного читателя по-прежнему налицо, и действует она, надо полагать, с той же безотказностью, что и раньше. И невдомёк читателю, заворожённому этой иллюзией (да и рекламной шумихой), что знаменитый автор скатился к обыкновенной «развесистой клюкве», что сведения о Москве и Одессе почерпнуты им в основном «за стаканом вина» у «людей из ЦРУ»...

Раньше въедливые критики, случалось, попрекали Форсайта тем, что его персонажи неотличимы друг от друга ни характерами, ни манерами, ни речью, что они всего-навсего «фигурки, вырезанные из толстого картона». Теперь из картона, и изрядно помятого, вырезаны не только персонажи, но и отправные точки сюжета, и практически все его движущие пружины.

Но позвольте, он же утверждает, что бывал в Советском Союзе! Действительно был - целых четыре дня. Вот какие впечатления вынес он из своей поездки:

«Я не представлял себе, как меня встретят в аэропорту- букетами гвоздик или придирками. Однако ничего не случилось, абсолютно ничего. За мной даже не установили слежки. Теперь я понимаю: на меня просто не обратили внимания... Я сказал себе: «Меня не проведёшь, я их перехитрю». Возвращаясь по вечерам в гостиницу, я фиксировал в памяти всё, что увидел: сколько шагов от улицы Горького до КГБ, на каком этаже кирпичная кладка сменяется гранитной облицовкой, обшиты двери деревом или сталью, как зовут старшего официанта в ресторане. Когда я улетал, они даже не открыли ни одного из моих чемоданов. Я мог бы спокойненько всё записывать».

И очень жаль, что не записывали, мистер Форсайт. Тогда, по крайней мере, Внуково не превратилось бы у вас во Внуковно, мотель «Можайский» - в «Можорский», Манежная и Боровицкая площади не поменялись бы местами, и не вырос бы на Москве-реке Серафимов мост, неведомый ни нам, ни нашим дедам. Перечень ошибок, зачастую анекдотических, можно было бы и продолжить. Но дело, в конечном счёте, не в частных ошибках - дело в том, что самый фундамент книги возведён на зыбком антисоветском песочке, что весь её сюжет состряпан по рецептам «всезнающих» американских кремленологов.

Во избежание недоразумений уточним: было бы наивностью думать, что Форсайт сочинил «Дьявольскую альтернативу» по прямому заданию «Интеллидженс сервис» либо ЦРУ. Просто обострённое чутьё профессионального поставщика бестселлеров подсказало ему, как точнее потрафить тем, кто «заказывает музыку». Вот почему и поездка в Москву - поездка с повязкой антисоветизма на глазах - ничего ему не дала. Громоздя нелепость на нелепость, вглядываясь в мифические контуры

«плана Борис» с высот Серафимова моста, Форсайт греет руки на обывательских страхах перед «советской угрозой» и сам, в свою очередь, пестует и наращивает эти страхи. Дьявольский круг замыкается, не оставляя читателю никакой альтернативы, кроме надежд на спасителя-супермена.

Дополнение 1988 года

И всё-таки в моей статье о Форсайте недоставало одной детали. Я знал о ней, но чтобы включить её в текст - о такой дерзости нечего было и думать. В 1974 году алма-атинский журнал «Простор» предпринял попытку напечатать «День Шакала» в русском переводе. Закончилась попытка печально: после первых двух «порций», несмотря на «Продолжение следует», публикация была прекращена, да ещё с крутыми «оргвыводами». Почему? По причине странной донельзя: кому-то примерещилось, что публикация «Шакала» чревата риском распространения политических покушений. Инициатор запрета, похоже, страдал манией величия и почитал собственную персону равнозначной де Голлю.

Сегодня, насколько знаю, в алма-атинской редакции выдвигается идея: а не вернуться ли к «Шакалу» и не напечатать ли его, раз времена переменились, целиком? В наши дни такие вопросы решаются, слава богу, без сановных вмешательств. Долги надо отдавать независимо от того, как они возникли, а ничего «неприемлемого» в «Шакале» (как и в последующей «ОДЕССЕ») нет.

Лондон, Портсмут, Йорк. Расшатать «коробочку»!

«Ягуар» в цвет костюма

Как соблазнительно, в некотором роде лестно было бы подумать, что именно статья о «прытком Фредди», затрагивающая «Интеллидженс сервис» и ЦРУ, привлекла ко мне неблагосклонное их внимание! Что уязвились они моей иронией, почувствовали себя задетыми и постановили меня «пресечь». Тем паче что годом позже я высмеял другое их интеллектуальное детище, книжку американца Мартина Круза Смита «Парк Горького», и фельетон-пародия «Эх, да с кольтом, да вдоль Москвы-реки...» был переведён на английский и перепечатан во многих странах. А после моего возвращения на Родину итальянская «Паэзе сера» напечатала чёрным по белому: «В «департаменте грязных трюков» ЦРУ его (то бишь моё) имя фигурировало в списках наиболее «интересных» для них людей...»

Но нет, голову даю на отсечение, было не так. То есть насчёт «департамента грязных трюков», может, и так, но тогда не по той причине. Или литературные соображения послужили лишь крохотной дополнительной гирькой, на весы их если бросили, то в последнюю очередь. И вообще принцип «Post hoc ergo propter hoc» - «после этого - значит вследствие этого» - римляне сформулировали не в защиту, а в

осуждение поверхностных, необоснованных умозаключений.

А вот Форсайт оказался уязвлён не на шутку. Не столько моей статьёй, сколько собственными воспоминаниями. Перечитайте внимательно его рассказ о поездке в Москву - это же рассказ человека глубоко обиженного, если не оскорблённого. «За мной даже не установили слежки... на меня просто не обратили внимания... они даже не открыли ни одного из моих чемоданов...» Ах ты, господи, какая напасть и какая досада!

Чего он хотел - и активно хотел? Как раз не гвоздик, а придирок. От гвоздик он, конечно, не отказался бы- привык, но в данном случае ему мечталось об «известности наоборот». Чтоб вывернули чемоданы на грязный пол и хорошо бы что-нибудь порвали, чтоб по пятам таскались филёры со зверскими мордами, а из-под шкафа высовывались микрофоны с клеймом: «Мейд ин Чека». А он бы это потом со смаком описал. Вот была бы реклама для «Дьявольской альтернативы»: «Знаменитый писатель собирал материал для этой книги, рискуя жизнью...». Как подвели его наши пограничники и таможенники, горничные и таксисты, как подвели!..

Но хватит предисловий: персонаж, надеюсь, понятен вполне. Как мы встретились? У меня есть возможность вначале предоставить слово самому Форсайту. День в день с процитированной чуть выше «Паэзе сера», 19 сентября 1984 года, лондонская «Дейли мейл» поместила за его подписью нижеследующее:

«Битову было сказано, что я буду ждать его на определённом месте в вестибюле отеля «Монткам» неподалёку от метро «Марбл-арч». Он немного опоздал. И я наблюдал за дверью и старался представить себе, как он может выглядеть.

В нашей недавней встрече за обедом не было, в сущности, ничего необычайного. Встречу устроил наш общий друг в Лондоне. Я читал о Битове, а он знал обо мне. По-видимому, с полсотни экземпляров моих книг были куплены агентами КГБ в Лондоне и отправлены в Москву, чтобы такие, как Битов, и прочие важные птицы могли их прочитать.

Оповещать о себе ему не пришлось. Как только я заметил этого человека в дверях, я понял, что он русский. Особенность русских в том, что они и выглядят как русские...»

Здесь не выброшено и не изменено ни строчки. Но пора прервать перевод и сказать, что на первой странице, на самом видном месте, «Дейли мейл» объявила: сочинение Форсайта публикуется эксклюзивно. В западной газетной практике сие словечко расшифровывается: «Только у нас! Если не купите нашу газету, больше нигде не прочтёте!..» Полностью объявление было завлекательно до дрожи: «Эксклюзив! Фредерик Форсайт: Тайны, которые Битов поведал мне за обедом. См. с. 6 и 7».

Какие же такие страшные тайны я поведал ему? Что я очень люблю свою жену и дочь. Что тоскую по Родине и никакие блага, никакие удобства мне её не заменят. По уверению Форсайта, я говорил об этом «большую часть времени, по крайней мере 15 минут», да и затем

возвращался к той же теме, волнуясь и даже «обрывая фразы посередине».

«У меня создалось совершенно чёткое впечатление, - продолжал знаменитый автор, - что он знает лишь обрывки московских сплетен, «шелуху», как выражаются американцы. Если он говорил мне правду, а по-моему, это так, не представляю себе, как кто бы то ни было в службах безопасности мог поверить, что они захватили важную добычу.

Я бы определил его ценность как нуль».

Опять-таки текст воспроизведён строка в строку. Жаль, что мои британские «опекуны» не посоветовались с Форсайтом предварительно и не пришли к аналогичным выводам, прежде чем затевать долгий и дорогостоящий детектив. С выставленной мне «нулевой» отметкой смирюсь с удовольствием, хотя как совместить её с гигантским заголовком на первой странице по соседству с «эксклюзивным» объявлением: «Человек, который слишком много знал»? А никак. Весь смысл сенсационных заголовков, по отдельности и вместе, сводился к тому, чтобы распродать тираж, полуторный тираж, двойной, если получится. А что заголовки противоречат содержанию- подумаешь, чепуха какая...

Закончил Форсайт своё повествование на ноте явственно меланхолической:

«Мы простились на улице у выхода из отеля... В последний раз я увидел его затылок с жидкими седыми волосами, когда он шёл прочь, к стоянке такси...»

Ну а теперь моя очередь. В том, что навспоминал «дотошный» и «щепетильный» Форсайт по заказу «Дейли мейл» (только ли «Дейли мейл»?), полным-полно вранья. Уж не стану комментировать смехотворную посылку, что некие «агенты» скупали его романы, дабы я мог перелистать их на досуге. Ограничусь поправками фактического характера.

Как мы встретились? Никакого «общего друга» не было. Форсайт, надо полагать, имел в виду «людей из «Интеллидженс сервис», с которыми по обыкновению побеседовал «за стаканом вина». Я их в друзьях не числю. Но без их санкции, это факт, я не получил бы ни его письма с предварительным приглашением, ни звонка, уточняющего время и место.

А он мне позвонил. По телефону 878-1781. И я принял его приглашение. Оно превосходно вписывалось в новую мою тактику. Да и, честно скажу, любопытно было посмотреть на «короля бестселлеров» вблизи.

Вблизи он оказался моложавым, спортивно подтянутым и подчёркнуто элегантным. Бежевый его костюм сидел на нём без складочки, как суперобложка на твёрдом переплёте. И первая тема для разговора, какую он мне предложил, тоже была элегантной,

интеллигентной, безукоризненно светской: отчего и почему отель «Монткам» получил своё нестандартное название.

Выяснилось, что название обретает смысл, если прочитать его не по-английски, а по-французски, не «Монткам», а «Монкальм». Маркиз де Монкальм-Гозон, командующий французскими войсками в Канаде, побил англичан при Тикондероге, отстоял осаждённый Квебек, однако в 1759 году пал на поле брани. И остался олицетворением достойного, благородного противника.

- Есть ли в мире другая нация, способная столь объективно относиться к врагу? - вопросил Форсайт риторически. И сам себе ответил - Нет такой. Сохранять беспристрастность при любой ситуации умеем, вероятно, только мы, англичане…

Ой ли? Свежо предание…

Но для чего он меня пригласил? Не для того же, чтобы просветить по части ратных подвигов маркиза де Монкальм-Гозона! В «Дейли мейл» Форсайт увёртливо обходит этот вопрос молчанием. Придётся ему помочь. Четверть часа, утверждает он, я говорил о своей семье. Допустим. Пять минут отдадим маркизу, да будет светла его память. Куда же делись ещё полтора часа?

А полтора часа «король бестселлеров» посвятил себе. Как раз к весне 1984 года он закончил новый роман «Четвёртый протокол». И, поскольку фабула снова строилась вокруг жутких «советских козней», разворачиваясь попеременно в Англии и в СССР, автору остро хотелось внедрить в неё побольше «достоверных» деталей. Встречал ли я лично кого-нибудь из советских лидеров? Нет. А что слышал о разногласиях «на высшем уровне»? Ничего. О политических и разведывательных операциях, проводимых или задуманных против Запада? Опять-таки ничего - и вообще не лучше ли обратиться к американским кремленологам, вы же сами уверяли, что их осведомлённость выше всяких похвал…

Я не грубил и даже почти не язвил, отказы были облечены в вежливейшую форму - выучился. И действительно то и дело сворачивал на себя и свою семью, не из доверия к Форсайту и не из желания «поплакаться», а по принципу: ты мне про Фому, я тебе про Ерему. Я же никогда не готовил себе ролей, не прикидывал загодя, какую маску надеть. Всё по обстоятельствам, часто экспромтом, интуитивно. Интуиция вообще - славная штука, последний резерв и в то же время обобщённый опыт. Не подвела она меня, по-видимому, и в отеле «Монткам», он же «Монкальм».

Кроме того, я ведь тоже предложил ему альтернативу- не дьявольскую, но и не пустую: дайте рукопись, посмотрю, потом продолжим разговор. Но тут уже уклонился Форсайт: «К сожалению, рукопись сдана в типографию, исправить ничего не смогу». - «Не хотелось бы напоминать о неприятном, однако «Альтернатива» пестрела ошибками». - «На этот раз я подобрал консультантов получше, были среди них и ваши соотечественники, так что не беспокойтесь, ошибок быть не

должно…»

Не соврал: частных ошибок в названиях, транскрипциях и т. д. почти не обнаружилось, всего одна. Соврал: из его же последующих интервью знаю, что он правил роман, внося коррективы «на злобу дня», вплоть до лета. И опять не соврал, что, подытоживая наш разговор, испытал разочарование: для него моя «ценность» действительно свелась к нулю.

Ясное дело, в марте, сидя с Форсайтом лицом к лицу, я понятия не имел ни о фабуле нового романа, ни о его недостатках. Прочитал я «Четвёртый протокол» уже в 1985 году и перечитал совсем недавно. Н-да… Что там «Дьявольская альтернатива» и намеченный в ней пунктиром бледненький и банальный «план Борис» против новоявленного злодейского «плана Аврора»! Теперь читатель призван не просто купить роман и проглотить не отрываясь, но организованно содрогнуться.

Заключается «план Аврора» в том, чтобы провезти в «добрую старую Англию» контрабандой - ни много ни мало - атомную бомбу. Провезти по частям, а затем собрать и взорвать близ военно-воздушной базы Бент-уотерс, где размещены американские истребители-бомбардировщики, оснащённые ядерным оружием. Поскольку от базы ничего не останется, все решат, что рвануло на ней. А поскольку взрыв намечен в канун парламентских выборов, то уцелевшие избиратели неизбежно переметнутся от консерваторов, выступавших за сохранение американских военных баз, к лейбористам, выступающим за ядерное разоружение. И на берегах Альбиона воцарится «марксистско-ленинское» правительство.

Само собой, хитроумный план едва не удаётся, но всё-таки срывается. Согласно законам жанра, главы и страницы кишмя кишат гангстерами, шпионами, охотниками за шпионами, захватывающими приключениями и сюжетными сальто-мортале. Пять убийств по ходу действия и десяток упомянутых ретроспективно. Одно самоубийство. Одна виртуозная кража со взломом. Погони и переодевания. Шифровальные блокноты и подпольные радиопередатчики. Проницательные седовласые джентльмены во главе недреманных секретных служб МИ-5 и МИ-6. А главное - два противоборствующих супермена: Джон Престон и Джеймс Дункан Росс, он же Валерий Петрофский. Надо ли объяснять, кто за кем гонится и кто кого побеждает, кто кумир и кто злодей?

Поражает, однако, не «расстановка сил». И не смешная буквица «ф» в русской фамилии. И не убожество облюбованного автором «московского реквизита». И даже не злостное искажение и вульгаризация политической правды современного мира - к этому, увы, не привыкать. Поражают даты.

Действие романа «Четвёртый протокол» развёртывается в 1987 году. Предугадано - за три года, - что по инициативе правящей партии и премьер-министра выборы будут проведены досрочно. Когда именно? По Форсайту, 18 июня. Ошибка в одну неделю! Точность буквально снайперская.

И даже промах в одну неделю - промах ли? Не настаиваю на своей гипотезе, но склонен подозревать, что безоговорочной победой на выборах 11 июня консерваторы обязаны ещё и Форсайту. Сам он тоже голосовал за тори. Собственных политических симпатий он и не скрывал, но обеспечил партии-победителю не один, а множество голосов. Тех, которые традиционно принято называть «плавающими» и которые в английской избирательной практике могут оказаться решающими.

Не улыбайтесь. «План Аврора», размноженный миллионными тиражами, - это не смешно. Примите во внимание популярность автора, его безусловно незаурядное умение плести интригу, а более всего - рекламный его портрет с акцентом на добросовестность и точность в деталях. «Форсайт не врёт», - убеждённо судит читатель, околдованный неотвязной «иллюзией узнавания». «Форсайт знает, о чём пишет... Слава богу, до этого ещё не дошло, но ведь дыма без огня не бывает», - добавляет читатель, чуточку подумав, и... голосует за тори.

«Плавающие голоса» оттого и получили своё название, что принадлежат людям без твёрдых убеждений. По английским оценкам, это десять - двадцать процентов избирателей. За эти-то проценты, по существу, и идёт борьба в предвыборных кампаниях, остальное предрешено. С другой стороны, если убеждений нет, их место занимают впечатления. Прочесть «Четвёртый протокол» легче и занятнее, чем вникать в тексты и подтексты предвыборных манифестов. И люди, даже не отдавая себе в том отчёта, голосовали 11 июня за то, чтоб не случилось событий, «намеченных» Форсайтом на 18-е...

Осталось рассказать, как мы расстались. Когда я двинулся в сторону метро, он, прежде чем уставиться мне в затылок, взялся за дверцу своего «ягуара», предупредительно поданного к подъезду. Машина была такая же элегантно бежевая, как его костюм. И невольно подумалось, что у него нынче к каждому костюму - особый выезд, масть в масть...

В дни цветения сакуры

А в Лондон между тем пришла весна. Корявенькие деревца, черневшие вдоль «моего» переулка Шин-корт, в одну ночь окутались нежно-розовыми облачками - выяснилось, что это сакура. Сочно зазеленели газоны, потом, к концу марта, расцвели другие садовые деревья и вообще всё, что может и должно цвести.

Англию мы как-то автоматически представляем себе страной дождей и туманов, сумрачной и суровой, короче, северной. И мои предыдущие описания грешили унынием под стать самочувствию и настроению, что в Йоркшире, что в Эдинбурге. Хотя Эдинбург, конечно, не Англия, а Шотландия. Но и в Шотландии, на западном её побережье, есть, говорят, заповедный залив Ю, где в открытом грунте растут чуть не все субтропики. Какой-то мощный, Узкий и благостный завиток Гольфстрима.

Мне и дальше часто будет не до пейзажей и не до погоды. Но, коль зашла об этом речь, заявляю определённо, что Англия - не серая и не

чёрная, а прежде всего зелёная. Естественный парник, залитый солнцем не реже, чем затянутый сеткой дождя. В Сюррее и Сассексе наряду с дубами и газонами вовсе не редкость встретить и сакуру, и лавровишню. Как-то они пережили всемирно холодную зиму 1986/87 года, когда снег выпадал даже в Алжире? Уберёг ли свою прибрежную оранжерею заливчик Ю? Может, и уберёг: если нет, где-нибудь упомянули бы.

«Праздник цветения сакуры» был скоротечным, вроде минуты отдыха от гонга до гонга. Начался - а скорее и не прерывался - новый раунд, с задачей обмануть надзирателей, измотать их, вынудить прекратить или хотя бы ослабить слежку. Пользуясь их собственным жаргоном - расшатать «коробочку».

Откуда выражение? От «опекунов» я его не слышал - остерегались. Просветил меня всё тот же Фредерик Форсайт. В «Четвёртом протоколе», расписывая бесподобные успехи контрразведки МИ-5, он, по обыкновению своему, уделил немало внимания подробностям чисто техническим. В частности, тому, как организована «служба наружного наблюдения», по убеждению автора, «лучшая в мире».

Команда «сторожей», как они именуются на служебном жаргоне, состоит из шести человек - четверо пеших, образующих «коробочку», и ещё двое на неприметных внешне машинах. Допустим, «клиент» зашёл в дом. Тогда «коробочка» выглядит так: один «сторож» уходит вверх по улице, другой вниз, третий занимает пост на противоположной стороне, четвёртый - у заднего фасада. Разумеется, все шестеро, включая водителей, снабжены мини-передатчиками, а старший по команде держит связь ещё и с радиоцентром МИ-5.

Можно бы - и короче - излагать своими словами и далее, но нагляднее временно пожертвовать краткостью в пользу перевода. Для ясности добавлю, что Винклер у Форсайта - один из «вражеских агентов», самый неловкий и незадачливый.

«В восемь тридцать Винклер вышел на улицу, направился в ресторан на Эджвер-роуд, легко поужинал и вернулся. Он ничего не бросил и не подобрал по дороге, не оставил на столе, ни с кем не заговаривал.

Но дважды он всё-таки «отличился». По пути в ресторан, на Эджвер-роуд, он резко остановился и уставился в витрину, затем повернулся и зашагал в ту сторону, откуда пришёл. Древнейшая из уловок, чтобы заметить «хвост», и не слишком удачная.

Выйдя из ресторана, он задержался на бровке тротуара, выждал разрыва в движении и перебежал на другую сторону. Затем опять остановился и пристально оглядел улицу: не метнётся ли кто-нибудь следом? Никто не метнулся. Всё, чего добился Винклер, - он перешёл под опеку того из сторожей, который занял позицию на противоположной стороне Эджвер-роуд заранее. В ту минуту, когда Винклер зорко всматривался в поток машин, наблюдая, не рискнёт ли кто-то жизнью или здоровьем ради преследования, «сторож» в двух шагах от него делал вид, что ловит такси.

- Никаких сомнений, это «клиент», - доложил Беркиншо радиоцентру. - Он пытается уйти от «хвоста», и не слишком умело...

В одиннадцать утра Винклер снова вышел на Эджвер-роуд, подозвал такси и поехал в сторону Парк-лейн. У Гайд-парка такси и следом две машины со «сторожами» повернули на Пикадилли. Высадившись близ Пикадилли-серкус, Винклер испробовал ещё одну уловку, чтоб стряхнуть «хвост», которого даже не замечал.

- Ну вот, пожалуйста, - пробормотал Лён Стюарт, обращаясь к лацкану своего пиджака. Он успел познакомиться с отчётом Беркиншо и ждал чего-либо подобного.

Винклер неожиданно нырнул под арку торгового пассажа и бросился в дальний его конец почти бегом, вынырнул на другую улицу, отбежал на несколько шагов и обернулся в ожидании, не выскочит ли из пассажа кто-нибудь следом. Никто не выскочил - в том не было нужды. Один из «сторожей» занял пост у южного входа в пассаж раньше него.

«Сторожа» знают Лондон лучше полисменов и таксистов. Они знают, сколько выходов у каждого большого здания, у каждого пассажа и подземной галереи, знают, где расположены проходные дворы и куда выводят. Когда бы «клиент» ни попытался ускользнуть, один из команды непременно опередит его. Второй будет не спеша идти следом и двое - прикрывать с флангов. «Коробочка» никогда не ломается, и надо быть очень умным «клиентом», чтобы заметить её вообще.

Придя к выводу, что слежки нет, Винклер вошёл в железнодорожное агентство на Риджент-стрит и осведомился о расписании поездов на Шеффилд. Рядом повязанный шотландским шарфом футбольный болельщик выяснял, как ему добраться в родной Мазеруэлл. Это был один из «сторожей»...

Найдя свой поезд, Винклер двинулся вдоль платформы. Из трёх вагонов второго класса в голове состава он выбрал средний, закинул чемодан на багажную полку и спокойно опустился в кресло в ожидании отправления.

Через несколько минут в вагоне появился молодой негр с наушниками на голове и магнитофончиком у пояса. Он сел за три ряда от Винклера и принялся покачивать головой в такт музыке, прикрыв от удовольствия глаза. Команда Беркиншо вступила на вахту: наушники не воспроизводили никакой музыки, но если установить регулятор громкости на отметку «5», передавали инструкции «сторожам».

Второй «сторож» устроился в головном вагоне, сам Беркиншо и Джон Престон - в третьем, и Винклер вновь очутился в «коробочке». Ещё один сотрудник занял место в хвостовом вагоне на случай, если Винклер вздумает «пробежаться» по составу...»

Можно ли доверять Форсайту в этих отрывках? Безусловно. Ни в одну из его предыдущих книг «сторожа» не проникли, хоть поводов к тому было более чем достаточно. Просто его контакты с «Интеллидженс

сервис» крепли от романа к роману. Так что про «коробочку» - всё достоверно, конечно, не считая имён. Жаргонного выражения я не слыхивал, но в положение злосчастного Винклера попадал, боюсь, неоднократно.

Из всего, что вспоминать неприятно и не хочется, это - едва ли не самое неприятное. Потому что самое глупое. В проходные дворы и торговые пассажи я не нырял - надо было, как минимум, знать, где они находятся, - а вот улицу с односторонним движением перебегал. Под жёлтый сигнал светофора, когда автомобильные орды уже готовились сорваться с места. И, вывернувшись из-под разъярённых радиаторов, пялился на другую сторону: не мечется ли там кто-нибудь, не поспевший за мной?

Было это, правда, не на Эджвер-роуд, а на Эрлс-Корт-роуд, но какая разница! Ну удалось бы мне заметить и даже сбросить «хвост», а дальше что? Тем решительнее меня отрезали бы от тех немногих адресов в Лондоне, куда я мог бы стремиться. Радиоволны, как известно, распространяются со скоростью света.

Одно меня извиняет: это было в декабре. Потом, после Африки, я уже не дёргался и не прыгал, но взял за обыкновение пристально вглядываться в попутные и встречные лица. И часто казалось, что лица попадаются смутно знакомые, виденные вчера или позавчера. Может, казалось, а может, на самом деле. И что с того? Какой прок знать «сторожей» в лицо? Ну следят, было бы странно, если бы не следили…

Но к поре цветения сакуры пришло понимание, горькое и холодное, что с внешними «знаками внимания» мне не совладать и цель вообще не в этом. Что «коробочку» (буду уж пользоваться этим термином, коротко и удобно) нельзя поломать, можно только расшатать. А чтобы расшатать, её надо раздвинуть. На весь Альбион, а лучше бы и за его пределы.

И, рассмотрев проблему со всех сторон и обсудив с собой - а с кем ещё? - я вновь позвонил в Париж. Никого не таясь, с домашнего телефона. Не Сабову, а Джону Дими Панице. Звонок, как и следовало ожидать, прошёл беспрепятственно.

- Мистер Паница? Говорит Олег Битов. Я всё обдумал. Ваше предложение принимаю. Когда вылетать?

Похоже, я набрал слишком резвый темп. Паница был куда как нахрапист, но к чужому натиску не привык.

- Погодите. Вы прочитали, что я вам оставил?

Оставил он мне только что вышедшую тогда мутночерную с обложки и изнутри книжку Клэр Стерлинг «Времена убийц». Расширенную и собранную под переплёт сводку её измышлений, опубликованных ранее в «Ридерс дайджест».

- Прочитал. Плоско и бездоказательно.

Он хмыкнул в трубку.

- Вы забыли, какой у нас тираж. Убеждают не сами слова, а то, сколько раз и каким тиражом их повторили.

- Но если вам кажется, что эффект достигнут, тогда зачем вам я?

Возникла пауза. Хорошая пауза, нужная.

- А я и не говорил, - произнёс он веско, - что ваши выступления у нас в журнале должны повторять тезисы Клэр. У вас иной угол зрения. Можно будет даже поспорить с ней, но умно. И вообще готовьтесь к тому, что ваша статья о «болгарском следе» понадобится через год. А сперва мы приучим читателя, нашего читателя, к вашему имени. Поищем другие темы…

Вот это была удача! Неожиданная и бесконечно необходимая. Я же построил свой расчёт, ухватившись именно за «Ридерс дайджест», на соображениях ближнего порядка: мне вынужденно выпишут иной документ, я избавлюсь от опостылевшего Дэвида Лока, а там увидим. Дальше стелился туман: то ли удастся привести редакцию к полному разочарованию, то ли нет, но и в этом случае останется не меньше четырёх месяцев, чтобы дезавуировать любую бредятину до выхода журнала. Новый паспорт - новые пересечения границ, и отобрать его я не дам: придумал как. Главное - заполучить паспорт…

И вдруг, будто по щучьему веленью, редакция «Ридерс» добровольно идёт мне навстречу, рассеивает туман, отодвигает свой возлюбленный «болгарский след» на целую вечность. Почему? Что случилось? А то, что в очной беседе с Паницей я, по-видимому, не сделал ошибок. И он доложил в Лэнгли оптимистично: ещё, мол, чуточку не дозрел, но дозреет. И было окончательно решено сделать на меня ставку не в промежуточной пропагандистской игре, а на стадии решающей. На римском процессе, до которого оставался год.

Нет, я не понял ещё, откуда ветер дует. Я ощутил удачу именно как удачу, как щучье веленье, и побоялся спугнуть её. Побоялся, что он осадит меня снова. Решимость испарилась, я огорошенно промолчал. Ему это понравилось.

- Не унывайте, отсрочка будет недолгой, - утешил он покровительственно. - На днях буду в главной редакции, в Штатах, обговорю всё на высшем уровне.

Позвоните мне в Плезантвилл, штат Нью-Йорк, в ближайший вторник. Запишите номер…

Что я и сделал.

Бриг знаменитого адмирала

А на следующий день- была пятница, и погода хорошая - приступил к осуществлению второй, независимой части своего плана. Вышел с утра к платформе Норт-Шин, сел на желтомордую электричку, доехал до вокзала Ватерлоо. Сверился с расписанием и купил обратный билет до Портсмута.

Почему до Портсмута? Мне было в сущности всё равно, куда ехать, хотелось побыстрее и подальше, но и не очень далеко, чтоб вышло недорого и чтоб к вечеру вернуться. Транспортные схемы в Англии выдаются бесплатно, надо только освоить, где и как спросить. Накопив добрую дюжину схем, я исчертил её мысленно множеством маршрутов. Теперь я как бы тряхнул наобум короб, где они накопились, и Портсмут выпал первым.

Почему Портсмут вообще возник в числе маршрутов, что меня приманило? Веской причины могло бы и не быть, скажем, понравилось, приласкало слух само название. Но причина была, она зародилась в дальнем военном детстве, когда в эвакуационной уральской Ревде, в нетопленом клубе крутили английский фильм «Леди Гамильтон». Стопушечный бриг адмирала Нельсона в фильме был представлен, вероятно, правдоподобным макетом. Однако не исключается, что какие-то сцены снимались не в павильоне, а на самом корабле. Бриг «Виктори», спущенный на воду двести двадцать лет назад, покалеченный в десятках сражений, реставрирован и стоит на вечной стоянке в гавани Портсмута.

Он прекрасен тяжёлой, неуклюжей красотой подлинника. Неожиданно ярко раскрашен: корма оранжевая с чёрным, полосатые борта - полосы жёлто-оранжевые в очередь с густо-синими, и красные зевы пушечных люков в три, не то в четыре ряда. Но главные впечатления, конечно же, внутри. Каким чудом в это тесное деревянное пространство втискивались не только пушки, ворота, помпы, пороховые погреба, но ещё и 850 человеческих жизней - именно столько было при Трафальгаре? Даже кровать адмирала (и над нею штормовая «люлька» с занавесками, скроенными, по преданию, лично леди Гамильтон) втиснута меж двух пушек. Неужели - не помню - этот поразительный штрих не привлёк создателей фильма? Актёры были заняты гениальные - Вивьен Ли и Лоуренс Оливье, но запах времени на плёнке не передаётся.

На самой нижней трюмной палубе под ватерлинией располагалась кают-компания для младших офицеров, а в боевых условиях - госпиталь. Сюда приносили сверху истекающих кровью, здесь даже доски палубного настила перекрыты охрой, чтобы кровь не бросалась в глаза. Здесь оперировали в тех пределах, что умели, применяя вместо наркоза ром и торопливо-торжественный шёпот капеллана. Сюда принесли смертельно раненного Нельсона, и корабельный хирург Битти после краткого осмотра приговорил: «Безнадёжен!» Здесь великий флотоводец произнёс последние исторические слова: «Хвала господу, я исполнил свой долг».

Гид в матросской форме предупредил с вязким ланкаширским акцентом: «Леди и джентльмены, это ровно на одну минуту» - и погасил электричество. И всё погрузилось во тьму, в которой немощно трепыхался, ничего не освещая, язычок одинокой свечи. При такой свече оперировал хирург Битти и даже кого-то спасал. При такой свече Нельсон синеющими губами возносил хвалу тому, в кого верил. Такой свечи, лишь подчёркивающей темень, на экране быть не могло: специфика кинопроизводства не позволяла.

Я провёл в Портсмуте часа три, из них два часа в гавани. Устал чудовищно: все три часа я общался не только с историей, не только с гидом и соседями-экскурсантами (что в Англии вообще-то не принято), но со всеми подряд и с кем попало. Потому и считаю, что с Портсмутом мне повезло: впечатления оказались настолько яркими, что уцелели, несмотря на усталость. Ведь адрес, подсказанный старым фильмом, играл роль всё-таки второстепенную, а на первом для меня плане была она, «коробочка». Не ведая термина, я думал прежде всего о ней и даже называл её про себя как-то сходно.

Я совершал массу действий, совершенно ненужных и беспорядочных: заходил в лавки и лавчонки, приценивался ко всякой ерунде, вертел её в руках, щупал и возвращал, на каждом углу спрашивал дорогу, хотя мог бы всё или почти всё выяснить по настенным указателям. Я растягивал «коробочку». По правилам профессиональной слежки, каждый нечаянный мой собеседник подлежал оценке и проверке, тем более что прежде я никогда себя так не вёл. Какими бы ресурсами ни располагали «опекуны», какую бы ставку на меня ни делали, но не могли же они прикрепить ко мне весь штат «Сикрет сервис»! Стало быть, рано или поздно придётся «хвосты» попридержать...

Так рассуждал я. Они рассудили по-иному.

Во вторник Паница сообщил мне по трансатлантическому кабелю (а может, по спутниковой связи - слышимость была прекрасная), что вылет в Америку намечен на 20 апреля. В среду я провёл новую самостийную экспедицию: вокзал Черинг Кросс - Кентербери. И вёл себя так же, как в Портсмуте. А в четверг меня удостоил звонком не кто-нибудь, а полковник Хартленд. Звонком, а затем посещением и уведомлением, что, учитывая пробудившуюся во мне страсть к путешествиям, меня решено облагодетельствовать самодвижущейся коляской марки «тойота-терсел».

Благотворительность? Ни малейшей, хоть разобраться в этом удалось тоже не сразу. Машина давала возможность перевести «коробочку», так сказать, на полуавтоматический режим. Даже марку подобрали целенаправленно: поди заметь под капотом, где полно электроники и всё перевито разноцветными проводами, лишнюю «блошку»! Не заметишь, сколько ни пялься. Слежка стала дистанционной. Если бы мне вздумалось двинуться по «опасному», с точки зрения надзирателей, маршруту, тогда можно в мгновение ока принять «ответные меры». А если я брожу себе по холмам и долам какого-нибудь отдалённого графства, то и волноваться не о чем, достаточно включать локатор для контрольного успокоения два-три раза в сутки. В том, что мои самовольные «контакты» с уличными лотошниками не стоят никакого внимания, «опекуны», если не полные шизофреники, убедились быстро.

Выходит, я опять проиграл? А вот и нет. «Тойота» в дальнейшем очень мне помогла, в расчёты спецслужб и здесь вкралась серьёзная опечатка. Какая? Расскажу позже, когда замечу её, оприходую и приму к сведению.

Но, если честно, мною всё чаще завладевает тревога, что читатель уже утомлён не на шутку, что следить за извивами и перипетиями «кинофестиваля» уже не хватает ни внимания, ни терпения. Как было бы славно, если бы я писал не документальное повествование, а киносценарий или роман! Можно было бы выпрямить интригу, свести её к поворотам, обдуманным заранее, ограничить число персонажей Уэстоллом, Хартлендом и двумя-тремя «боссами из ЦРУ». И каждый бы появлялся на сцене и исчезал по удобному для меня расписанию, раскрывался бы и делал ошибки в плановом порядке, когда и как пожелает автор.

А только интригу-то планировал и строил не я. Уэстолла, неразлучного надзирателя-компаньона с полугодовым стажем, я больше просто не видел. Был - и сгинул без предупреждения, не оставив даже трубки на подоконнике. И Харт-Дэвис сгинул, и «мрачный Питер». Порою кажется, что, если бы они напоминали о себе время от времени, было бы легче. Они, по крайней мере, давние знакомцы, я знал бы, чего от них ожидать.

Вокруг темно, как в трюме, и даже ещё темнее оттого, что на дворе весна. Где капеллан, которому можно довериться, у которого можно попросить забвения и утешения? Нет его. Из тьмы по чьей-то указке выныривают всё новые морды, то хищно оскаленные, то улыбчивые умильно и неискренно, и каждая норовит загасить или заслонить свечу. Свеча теплится, я берегу её из последних сил, но как нужен, как необходим хоть изредка ответный сигнал! А его тоже нет, писем снова нет, опять не доходят…

И всё-таки в интересах читателя я пару-тройку недель пропущу. Нудным выдался для меня лондонский месяц апрель. Машину мне преподнесли, а ключей от неё не отдавали. Паница застрял за океаном - вроде бы в Плезантвилле, в главной редакции, а может, и в Лэнгли, кто его разберёт, - периодически позванивал, переносил сроки. Позванивал и Хартленд, словно просто так. Уилмонт вежливо забывал зонтики…

Вся эта тягомотина была как-то переплетена, но в узелок её вязали где-то за горизонтом. Наконец, в Лондон пожаловал ещё один персонаж, и его я пропустить уже никак не смогу: в апреле - мае - июне он вился подле меня неотступно, как Уэстолл осенью и зимой. Но была и разница, и довольно существенная: Уэстолл мало кому известен, а этот знаменит в своём роде не меньше, чем «прыткий Фредди». О связях этого человека с ЦРУ ходят легенды. Его перу принадлежат, как минимум, три антисоветских бестселлера, но ни один справочник - ни «Кто есть кто», ни «Биографии года» - сведений о нём не даёт.

Персонаж американский, зовут его Джон Баррон. Пропустить я его не смогу, да и не надо, однако подробное с ним знакомство опять-таки чуть-чуть отложу. На родной своей американской почве он, думаю, будет выглядеть натуральнее, чем в лондонском отеле «Клэридж», где я встретился с ним впервые. «Клэридж» старомодно аристократичен, сплошь манеры и этикет, так и хочется надеть на здание серый цилиндр,

вставить в окно бельэтажа монокль и присвоить отелю герцогский титул. Баррон же, хоть и занял один из лучших номеров, был подчёркнуто простоват, одет небрежно, нагло и дурашливо развязен. Но - ухо востро: не маска ли это? Глазки-то у него пристальные…

На следующий день после «Клэриджа» я предпринял ещё одну самостийную поездку. Не отдаёте ключей - пусть вам же будет хуже. Вокзал Кингз Кросс, славный древний город Йорк. На самом скоростном экспрессе - два часа, столько же обратно. И в Йорке часа четыре, если не пять. Не затем даже, чтобы вновь пошевелить «коробочку», а чтобы успокоиться и подумать. Не наломал ли я дров, не натворил ли ошибок с Барроном?

По-видимому, не наломал и не натворил. Через две недели после поездки в Йорк я сошёл с самолёта в ощеренные бетоном ущелья его младшего тёзки - Нью-Йорка. С вызовом из редакции «Ридерс дайджест», американской визой и, как я и надеялся, с новым паспортом в кармане.

Нью-Йорк. Вид на статую Свободы со 107-го этажа

«Судьба процесса решается здесь»

Едва Баррон вывел машину на автостраду, он спросил со смешком:

- Ну как по-вашему, похоже, что эта страна развалится с минуты на минуту?

- Помилуйте, Джон, разве я когда-нибудь утверждал что-либо подобное?

- Ну не вы лично, так ваши коллеги по советской прессе утверждали и утверждают.

- У серьёзных журналистов я таких примитивных суждений не встречал.

Смешок погас, он стал впадать в раздражение.

- Да оглянитесь вокруг! Вы же наконец в Америке! Что вы чувствуете? Нравится вам здесь?

- Я же только что с самолёта, ничего ещё не видел…

- Как ничего? А это?..

Он даже руки от руля оторвал, чтобы взмахнуть пошире.

А вокруг не было ровным счётом ничего особенного. Поля и перелески, редкие коттеджи среди листвы да рекламные щиты. Автострада, правда, была хороша, и то ничем не лучше новых английских. И казалось, мы не едем - ползём, потому что лимит скорости в Америке много ниже английского: 55 миль, 88 километров в час, а для мощнейшей машины с мотором сил на двести - разве это скорость?

- Просторно у вас, - сказал я, слегка задержав ответ. Несложная

ситуация, вроде бы ничем непосредственно не угрожающая, но уж больно неожиданная и, возможно, с подвохом. - Дышится иначе, чем в Европе. Только очень уж жарко.

- Это не проблема, сейчас включу кондиционер.

Оконные стёкла полезли вверх, заурчало, стало прохладнее. Хотя настоящей жары и на улице не было: что такое американские «сто плюс сто» - сто градусов по Фаренгейту плюс сто процентов влажности, - мне ещё предстояло узнать. Как предстояло ещё понять, насколько же типичным для Америки был этот вроде бы незначительный дорожный разговор. Типичным и в ожидании похвал с порога, авансом, и в убеждении, что любую проблему, от крохотной до гигантской, можно, были бы деньги, решить простым нажатием кнопки.

Где-то раньше я сравнил первых явившихся мне без грима американских персонажей с карточными фигурами. Джон Дими Паница, помнится, показался мне королём пик, если не тузом. Только где ему! На поверку, в американской колоде, вышло - валетишка, что же до Баррона, то карта действительно козырная, но не старше десятки. Знатоки поправят: изобретены, мол, и такие карточные игры, где десятки могут бить королей, всё зависит от правил. Но перед тузами, подлинными, десятки пасуют даже в игре без правил. А ей, этой десятке, было уже ведомо, что пойдут не мелочась - с туза.

Впрочем, вначале мне предъявили ещё одного валета по имени Джерри.

Те, кому доводилось бывать в Нью-Йорке, уже заметили, что в моём описании что-то не так: дорожный пейзаж «не соответствует». Верно. Межконтинентальный «боинг» сел не в Нью-Йорке, а в вашингтонском аэропорту Даллес. Зачем понадобилось лететь в Нью-Йорк с пересадкой, понятия не имею. То ли планы поменяли, когда я уже находился в воздухе, то ли тузу втемяшилось напустить на меня предварительно ещё одного валета. Может, он доверял только этому валету и никому другому.

Из аэропорта, минуя столицу, Баррон повёз меня к себе домой, в пригородный посёлок Фолсчерч. И, как острили за кулисами провинциальных театров, «в кустах случайно отыскался рояль» - в гости к Баррону «случайно» пожаловал Джерри. Усатый и нагловатый, как истый карточный валет, но притом привычный прятать наглость за словесной уклончивостью: такая привычка, по-моему, доказывала почти бесспорно, что сей валет - из чиновной масти. Какое ведомство представлял Джерри? ЦРУ? Госдепартамент? Или, что наиболее вероятно, какой-нибудь «мозговой трест» типа «Херитидж фаундейшн»? Прежде чем я покинул Америку, Баррон разболтал, что в финансировании моей поездки означенный Фонд принимал прямое участие…

Самое время сказать без обиняков, что выбор Джона Баррона на роль главного моего наставника за океаном оказался мне на руку. Он был не просто самоуверен и хвастлив - он пил, ежедневно и тяжело. А напившись, безголосо орал патриотические гимны эпохи войны Севера с

Югом, заходился сальными анекдотами чуть помоложе и непременно норовил «блеснуть» осведомлённостью. Его откровения бывали то смехотворны, то кошмарны, но подчас и полезны: пока ещё я сумел бы выяснить что-то окольным путём, а Баррон, глядишь, уже «отличился».

Даже в аэропорт он приехал отчётливо под хмельком. А как только добрался до дому и добавил стаканчик - усатый принял на себя функцию бармена, - его развезло. Язык стал заплетаться, а уж терпения дожидаться, пока Джерри подступится к сути дела, и подавно не хватило.

- Ну давай, давай, - обратился Баррон к «случайному гостю», - выкладывай гостю, чего нам от него надо. Давай, не тушуйся, он же должен соображать, что в Америку не приглашают за здорово живёшь. Когда мы с тобой обсуждали программу его поездки, ты говорил, что её следует рассматривать как небольшой аванс. Вот и растолкуй, за что.

Тем не менее Джерри и тут откликнулся не сразу. Отпустил замечание о погоде, потом углубился в изучение полок с книгами и пластинками. Баррон выругался:

- Да ну вас, политиков! Храбрецы кулуарные! Как до дела дойдёт, вы в кусты. Зато когда пенки снимать, вы тут как тут... Ну ладно, - он повернулся ко мне, - как вы отнесётесь к предложению выступить свидетелем на предстоящем процессе против болгар, замешанных в покушении на папу римского? Это ведь не новое для вас предложение, не так ли?

- И да и нет. Были намёки, открытого предложения не было. Но разве процесс состоится здесь, в штате Вирджиния?

Нахальный вопрос. Много раз к тому времени я давал себе зарок воздерживаться от язвительных, агрессивных вопросов, и вот опять. Ведь не спорить я должен был с ними, а вызнавать, запоминать, вести свою игру - и не вытерпел. Хорошо, что Баррон был пьян и ответил на алкогольном серьёзе:

- Судьба процесса решается здесь...

- С чем же, по-вашему, я должен выступить? С утверждением, что я генерал советской разведки, как писали осенью?

И тогда Джерри оторвался наконец от созерцания книжных полок и вмешался лично:

- Это, безусловно, ерунда. Или, если хотите, артподготовка. Нет, вы должны сказать, что Москва была заинтересована в устранении папы и «болгарский след» - не вымысел, а правда. В устах сотрудника «Литературной газеты» это прозвучит убедительно. Вы заявите, что результаты проведённого газетой расследования были фальсифицированы по заданию свыше...

- И суд поверит подобному заявлению без доказательств?

- Доказательства мы вам предоставим.

- Если такие же, как у Стерлинг и Хенци, лучше не надо. У них на двоих ни одного толкового довода…

- А иначе вы бы нам и не понадобились, - вставил Баррон.

- Спокойно, Джон, - осадил его усатый. - Сформулируем так: на суде важно не только что будет сказано, но и кем сказано. Тогда и прежние доводы зазвучат по-другому…

- Вы хоть сами-то в них верите?

Джерри ухмыльнулся.

- Наш друг Джон сообщил вам, что я политик. А это вопрос политики. Большой политики. Вопрос настолько важный, что ваше выступление будет оплачено по особому тарифу.

- По какому же?

Когда-то я думал и даже заявил в печати, что реплика «в лоб» вынудила его замяться. Но, проиграв сцену в памяти ещё раз, понял, что ошибался: лобовая, по-американски, прямота, перевод разговора в цинично денежную плоскость им обоим, и Джерри и Баррону, скорее понравились. И ответ оказался расплывчатым не потому, что я смутил их, а потому, что ни десятка, ни валет не смели выпрыгнуть за рамки своих полномочий.

- Обсуждать конкретные условия мы сегодня не будем. Через несколько дней вы встретитесь с одним влиятельным лицом, тогда всё и узнаете…

«Владелец заводов, газет, пароходов»

Никогда прежде не доводилось мне попадать в город, который был бы так похож на заочное представление о нём. Пытаюсь теперь восстановить нью-йоркские ощущения - и испытываю неловкость: что ни вспомни, всё давно читано-перечитано, а в нынешней телевизионной действительности ещё и видано-перевидано. В самом деле, сколько раз каждый из нас всматривался в иззубренный силуэт Манхэттена? Не всматривался даже - скользил глазами по картинке, не воспринимая её, словно сотни миллионов зрителей отнимали у неё по кусочку, пока не превратили общими усилиями в бессмысленное пятно.

И всё-таки Нью-Йорк, живой и объёмный, впечатляет немилосердно. Особенно с верхней точки, с птичьего полёта. В этом, самом выгодном ракурсе мне показали его дважды подряд. Первые американские дни были, по-видимому, освящены приказом денег не жалеть. Потом эта нарочитая щедрость несколько приумерилась. Но пока приказ действовал, мне закатили индивидуальную обзорную экскурсию с вертолёта. А через несколько часов закрепили впечатление ещё и панорамой вечернего города со 107-го этажа.

Высота в обоих случаях примерно одинаковая. Хорошо подобранная высота. Людей не различишь совсем, машины - искорки, а исполинские

«билдинги» кажутся диковинным природным образованием вроде сталагмитов, выросших отчего-то на вольном воздухе. Впрочем, вертолётный гид специально обращает моё внимание на то, что некоторые сталагмиты увенчаны зеленью: это «пентхаузы», жилища самых-самых богатых. На крыше небоскрёба разбит сад, в саду вилла, и даже спускаться вниз нет нужды: имеется посадочная площадка для такого же вертолёта, только личного.

А ещё, пожалуй, Манхэттен при свете дня напоминает ежа, задремавшего мордой к большой воде. Гудзон и Ист-ривер, не то бурые, не то серые, обтекая ежа, вливаются в бухту, и речная муть постепенно растворяется в зеленоватой голубизне. Впереди изящный контур моста Верразано, перемахнувшего рекордным прыжком пролив Нэрроуз, а дальше бескрайняя стальная синь. Но вертолёт поворачивает назад, снижается. Что это? Неужели Статуя Свободы? Господи, что с ней нынче сделали, и не узнать...

Вечерняя панорама со 107-го - мягче, зауряднее, спокойнее. Бликует внизу вода, отражающая и умножающая огни берегов. Налево Бруклин, направо Стейтен-Айленд, ещё правее, за гирляндами городов-спутников, - тёмная полоса, подразумевающая лесной простор. Правда, горизонт вновь помечен жёлто-розовым маревом, что уж там такое - бог весть. Две сомкнутые по центру световые дуги - тот же, знакомый с утра мост Верразано. А ближе, в сиянии прожекторов, - дама с факелом. В темноте опознать её, как ни странно, проще, хоть метаморфозы 1984 года заметны и в темноте.

Полтора десятилетия назад мне случилось переводить на русский язык роман, посвящённый Нью-Йорку. По сюжету действие там развёртывалось в двух пластах: в современности и в 80-е годы XIX века, причём симпатии автора - его имя Джек Финней - принадлежали всецело «золотому прошлому». Когда на весь город не было ни одного светофора, а на улицах властвовали извозчики. Когда Манхэттен ещё оставался островом в прямом смысле слова: первый из нью-йоркских мостов, Бруклинский, только строился, а о туннелях никто и не помышлял. Когда наивысшей точкой города по праву считалась церковь Троицы на Бродвее, сохранившаяся и поныне, но совершенно затерянная среди небоскрёбов.

Статуи Свободы на островке Бедлоу (ныне - Либерти) тогда ещё не было тоже. Вернее, физически она уже существовала, но в Париже, в мастерской своего создателя Огюста Бартольди: её ведь изваяли на деньги, собранные по подписке во Франции, и преподнесли Соединённым Штатам в подарок к столетию американской революции. А американцы... скорчили кислую мину. Всего-то и требовалось, что определить место для статуи и выделить средства на постамент, но это заняло годы и годы. Маленькая цитата из романа: «Никто не хочет за это платить, так что некоторые считают, что её вообще никогда не установят...» А чтобы не заподозрилось, что Финней выдумал настроения той поры в угоду сюжету, - подлинная выдержка из «Нью-Йорк таймс» 1881 года: «Сомнительно, чтобы монумент, не отвечающий никакой практической потребности,

приобрёл в этой стране многих сторонников».

Ошиблась газета вековой давности. Исторические недальновидности забываются вообще охотно и быстро, а в стране с недлинной историей, где плавки Элвиса Пресли - уже реликвия, столетняя статуя искренне кажется древнее, чем Афина Паллада. К столетнему юбилею статую в нью-йоркской бухте было решено капитально обновить. На сей раз затрат не пожалели. Правую руку с факелом сняли с креплений и отправили в реставрацию, а фигуру одели в решётчатые леса. И со 107-го этажа, как и раньше с вертолёта, она смотрелась незабываемо, как Свобода в клетке.

Америка обожает символы, легко создаёт их взамен понятий и сплошь и рядом сама не замечает, когда и как создаёт. Так и для меня, разумеется, необдуманно, сотворили целую галерею символов. Дама с острова Либерти, некогда молодая и привлекательная, предстала передо мной одряхлевшей, без факела и за решёткой - и как раз тогда, когда «кинофестиваль» достиг своего апогея, своего 107-го этажа.

А над 107-м - «пентхауз». Это ведь неважно, что на крыше Международного торгового центра, о котором речь (в знаменитом «Эмпайр стейт билдинге» обзорная площадка - на 96-м), «пентхауза» физически нет. Всё равно он как бы и существует. Не как строительное понятие, а как символ, экономический, социальный и нравственный.

Адрес - дом №116 по Восточной 80-й стрит. Частная резиденция промышленного и торгового магната Джеймса Голдсмита.

А вот и он сам, будто вылепленный по образу, заимствованному у Маршака. «Владелец заводов, газет, пароходов», а в натуре - личных самолётов и лимузинов в милю длиной, компаний «Кэвенхем лимитед» (Англия), «Женераль оксиданталь» (Франция), «Дженерал ориентл» (Гонконг), основатель опутавшей пол-Америки сети супермаркетов «Грэнд юнион», глава издательской группы «Экспресс» и прочая, и прочая. Сидит, картинно закинув ногу на ногу и жуя сигару специального нумерованного выпуска, толстую, как фабричная труба. Нисходит к посетителю с высоты своих миллионов, как с трона.

Обрамление у трона самое что ни на есть соответствующее: подлинная мебель Людовика XV, скульптуры Бенвенуто Челлини, полотна старых голландских мастеров. Вот только книжные стеллажи отчего-то пустые, если не считать сиротливой парочки детективов и биржевого справочника. Наверное, на тот день -25 мая 1984 года - букинисты Старого Света ещё не подобрали должного числа антикварных томов с золотым тиснением на корешках.

Британская королева пожаловала Голдсмиту, надо понимать, за «заслуги» перед мировой экономикой, рыцарское звание и тем даровала ему формальное право на приставку «сэр». Думаете, сэр Джеймс в самом деле любит антиквариат и старую живопись? Он любит демонстрировать, что самый редкостный антиквариат ему по карману, вот и всё.

Знаю, учили в детстве, что заглядывать в чужие карманы нехорошо. Но во-первых, дело происходило в Америке, а она на этот счёт другого

мнения: нет для американца занятия увлекательнее, чем подсчитывать чужие доходы, особенно миллионные. А во-вторых, есть в современном мире состояния, решительно вышедшие за пределы морали. Добиться полной точности я не смогу и не собираюсь, но порядок исчисления обозначу. Примерно через год после нашей встречи сэр Джеймс пришёл к выводу, что для полного счастья ему недостаёт собственной нефти. Купил в дополнение к прежним ещё одну компанию, не то саудовскую, не то кувейтскую, за что и выложил в одной сделке 400 с лишним миллионов Долларов.

Так что, когда вы видите на телеэкранах неохватные туши супертанкеров в Персидском заливе и авианосцы, приплывшие за тридевять морей ради защиты «жизненных интересов США», не забудьте, что подразумеваются, в частности, интересы сэра Джеймса.

Ну а я-то ему зачем понадобился? Чего ради он снизошёл до личного участия в моей судьбе, удостоил меня длительной аудиенции? Заметьте, не в отеле, не в какой-то из бесчисленных своих контор, а в резиденции. С глазу на глаз.

- Цифра в пятьдесят тысяч долларов вас устроит? - спросил он без церемоний. - Нет, это ещё не за Антонова, это за прелюдию в Лондоне. Когда дойдёт до римского процесса, гонорар обещаю шестизначный…

Следовательно, усатый Джерри каким-то образом представлял не только своё непонятное ведомство, но и персонально Голдсмита. Выступал его агентом-посредником, «готовил почву» и, конечно, отчитался обо всём, что было и не было сказано. Само собой, не только Баррон, но и Паница против этого магната - шваль, мусор, шевельни он пальцем - и «Ридерс дайджест», и само ЦРУ станут навытяжку. И тем не менее, и всё-таки: зачем ему было ввязываться в сложнейшую политическую интригу лично? Зачем магнату «болгарский след»?

Я спросил его об этом. Прямого ответа не получил. Сэр Джеймс подымил сигарой, изрёк философски:

- В этом мире всё взаимосвязано. Суд над болгарами, если будет вынесен обвинительный приговор, подорвёт престиж коммунистической системы. Так мы надеемся…

- Кто - мы?

- Капитаны бизнеса. Все, кто взял на себя ответственность за ход истории.

Напыщенно, но в первой части точно. Однако насчёт второй позволю себе усомниться. Не принимайте, сэр Джеймс, желаемого за действительное. История вам не подчинена, её вы не купите.

- А что за прелюдия в Лондоне?

- В Лондоне у меня маленькая тяжба с западногерманским журналом «Шпигель». Дело будет слушаться осенью. Полагаю, вы не откажетесь выступить в моей команде…

Для справки: «маленькая тяжба» на сумму два миллиона фунтов стерлингов была возбуждена «Шпигелем» против Голдсмита по обвинению в клевете. Магнат имел неосторожность публично выразить недовольство журналом, который-де недостаточно рьяно защищает «интересы Запада», а подчас публикует «материалы, инспирированные с Востока». Редакция «Шпигеля» потребовала доказательств, таковых у Голдсмита не нашлось, вот и пришлось обращаться за помощью «со стороны». Впоследствии дело было «решено вне суда». Под этим уклончивым юридическим термином понимается, я уже объяснял, негласная «компенсация за ущерб». А если конкретно, то в сентябре, как только «команда» сэра Джеймса рассыпалась по не зависящим от него обстоятельствам, он предпочёл избежать гласности и откупиться.

Вот мы и подошли к разгадке, простой и исчерпывающей. В «пентхауз» на 80-й стрит я был приглашён потому, что магнату померещилась выгода: пятьдесят и даже сто пятьдесят тысяч всё же значительно меньше, чем два миллиона. И спецслужбам померещилась выгода, причём двойная, если не тройная. Угодить одному из некоронованных владык «свободного мира» - раз. Впечатлить меня намёком на грядущее приобщение к бешеным деньгам, если буду послушен, - два. А заодно спрятать концы в воду ещё глубже: ни одно из десятков журналистских расследований к Голдсмиту, что называется, близко не подступалось. И если бы я пошёл у него на поводу, то и не подступилось бы: он перевёл бы договорную сумму через какой-нибудь фонд наподобие «Херитидж» или «Джеймстаун фаундейшн» - и поди разбирайся за что…

Нелишне также напомнить, что у тщеславия нет границ. Музейных полотен и рыцарского звания Голдсмиту показалось мало, он решил выступить вождём «крестового похода против коммунизма». Принадлежащий ему парижский еженедельник «Экспресс» не раз печатал за его личной подписью пространные опусы, поучающие человечество, как жить и думать, дабы не прогневить сэра Джеймса. Не исключаю, что в глубине души магнат прикидывал, не перекупить ли у «Ридерс дайджест» права на «финальную» версию мировой сенсации. Но и без этого капиталовложение рисовалось ему многообещающим, тут он высказался вполне откровенно. На то, чтобы уязвить социалистическую систему, ослабить её влияние, он денег не пожалел бы.

Я сказал ему осторожно и неотчётливо, что подумаю, связан контрактами, вот месяца через два-три… Но он, по-моему, пропустил мои слова мимо ушей. Он был уверен, что купит всё, всех и всегда. Хотя на всякий случай пригрозил:

- Только не воображайте себя незаменимым. Незаменимых не существует. В Нью-Одессе, - так он вслед за американскими репортёрами обозвал окраинный нью-йоркский район Брайтон-Бич, знакомый нам теперь по телепередаче «Бывшие», - каждый второй за сто долларов засвидетельствует всё что угодно. Что папа римский родился в штате Индиана. Что Антонов и Агджа - родные братья. Или двоюродные. В

зависимости от пожеланий нанимателя. Но мы остановились на вашей кандидатуре. Ваше выступление прозвучит убедительно, а вы, если всё пройдёт хорошо, будете обеспечены до конца ваших дней…

Потом магнат решил продемонстрировать свою влиятельность наглядно и предложил устроить мне конфиденциальную беседу с президентом Соединённых Штатов. Отбросил сигару, схватился за телефон. Жест был очевидным в своей театральности - я знал из газет, что президент отправился в Европу. Но с одним из его помощников Голдсмит связался, фамильярно назвал собеседника «Бобби», пригласил куда-то на ужин. Потом ещё поразглагольствовал о взаимоотношениях властей с «большим бизнесом» и наконец исчерпал запас красноречия и встал.

Аудиенция была окончена.

Вашингтон. Лицом к лицу с ЦРУ

Разговор со сверстником

2 июня, в Вашингтоне, мне исполнилось пятьдесят два года. Разные бывали у меня дни рождения, случалось, я не отмечал их вовсе. Как-то с детства, от мамы, повелось, что в году есть один большой семейный праздник - новогодье, а дни рождения, кроме самых круглых юбилеев, серьёзного внимания не стоят. Прожит ещё год, хорошо, если хорошо прожит, а думать надо не о прошлом, а о будущем. Так учила мама, так я и старался поступать и в двадцать лет, и в сорок.

Но был один день рождения, которого не позабуду. Стоящий особняком от остальных, отмеченный не празднеством - разговором. 2 июня 1953 года. Ленинград, предпоследний курс университета. Какой-то у меня был в тот день не то экзамен, не то зачёт, не то стенгазету выпускали. Короче, что-то привело меня под своды «альма матер» и что-то свело со студентом из параллельной группы, с которым мы никогда особенно не дружили, общих похождений не возникало, схлестнуться в споре не выпадало случая - однокурсник и только. До этого самого дня.

Не вижу необходимости скрывать его имя - Виктор Головинский. Он ушёл из жизни трагически рано, первым из всех нас. Посмертно усилиями друзей в Барнауле издали книжку его рассказов. Сделать больше он просто не успел. А был, вероятно, самым одарённым на курсе. И уж точно - гораздо раньше других осознал своё право и потребность думать не по шаблону и высказываться без оглядки на авторитеты, самые тогда непререкаемые. Чуть раньше, на три месяца раньше - это могло бы дорого обойтись как ему, так и мне.

Как нас вообще угораздило выйти на тему, столь отчётливо «огнеопасную»? Честное слово, ума не приложу. Будто, предвидя скорую свою гибель, он заглянул сквозь толщу времени на три с лишним десятилетия вперёд. Мы же только что сверх программы осваивали «Марксизм и вопросы языкознания», а следом «Экономические проблемы

социализма в СССР», зубрили по абзацам, и маститый вчера профессор, но помянутый нелестно, покаянно обращался к студенту, положившему перед ним зачётку: «Коллега, расскажите, пожалуйста, о моих ошибках…»

Не знаю как профессору, а нам всерьёз представлялось, что вождь открыл нам истину в последней инстанции, истину навсегда. Остро помню мартовские, с робкой капелью, дни, когда на лицах независимо от возраста стояли слёзы, а будущее казалось беспросветно пасмурным и туманным: как же мы без Отца? Не удивлялись, а завидовали тем, кто правдами и неправдами пробирался в столицу, поближе к телу, а одна активисточка ухитрилась якобы просочиться в Колонный зал и вернулась помятая, но просветлённая. Её окружали, расспрашивали, на неделю она стала факультетской знаменитостью, и деканат, формально такие поездки запретивший, тем не менее назвать её прогульщицей не рискнул.

И вдруг, да на день рождения… О Сталине заговорил, вероятно, не он, а я. В самом почтительном тоне, в связи с каким-нибудь свежим умопомрачительным замыслом: мы все как раз начинали печататься, эпохальные прожекты полыхали в нас по дюжине на день, а без мудрой цитаты эпохальность вроде бы ускользала. Отповедь однокурсника меня ошарашила.

- А знаешь, - сказал он раздумчиво, - настанет день, когда тебе самому будет смешно, что шагу не смел ступить, не оглядываясь на гения. Смешно, если не стыдно…

А я? Что ответил я? Боюсь, что удовлетворительного ответа я не нашёл, да что там, просто испугался ответить. Репрессированных у нас в семье не было, коса дважды просвистела рядом, да мимо. Но память о тридцатых и более близкая - память о «деле врачей», едва не задевшем дядю Алю, - сидела в подсознании крепче цитат и как-то уживалась с преклонением и благоговением перед Учителем. Собственно, благоговение и страх были неразъединимы, как две стороны медали с Его чеканным профилем.

Но почему, почему память о 53-м воскресла так резко и настойчиво именно здесь, в Вашингтоне? Какой намёк она подавала, к чему звала?

В семье никто не вёл «политических» разговоров, подозреваю, что взрослые опасались вести их даже между собой. Но вирус страха, невидимый, витал в воздухе, проникал в поры, отравлял и калечил раньше, чем человек понимал, что отравлен и искалечен. Война, блокада расставили на время всё по своим местам - а потом? А потом, с 46-го и далее, в решающие для сознания годы, нас вновь учили - исподволь, но упорно и доходчиво - страху, слепому подчинению, «будь винтиком и не рассуждай».

И участь вернувшихся из фашистского плена. Опять-таки бог миловал, в прямой родне пострадавших не было. Однако был честнейший доктор, друг семьи, угодивший в плен под Старой Руссой, к власовцам решительно не перешедший, промыкавшийся всю войну по лагерям и всюду хранивший верность клятве Гиппократа, лечивший без лекарств,

оперировавший без инструментов, спасший много десятков, если не сотен товарищей по несчастью. Помогло это ему? Как бы не так: вместе с вылеченными попал из лагеря в лагерь, из Померании на Колыму. Он, правда, дожил до реабилитации, но что это в принципе меняет?

Я - частица своего поколения, подверженная его радостям и печалям, его заботам и заблуждениям. Всю жизнь у меня болело там же, где у всех, жало и давило там же, где всем. Да, я гордился кажущейся самостоятельностью своих поступков, вызвал бы на дуэль любого, кто осмелился бы в ней усомниться. Но вот угодил в условия экстремальные, потребовавшие действительной самостоятельности, и выходит, то и дело терялся. Мучился стереотипами и преодолевал их вынужденно, переступая через себя. Не врагов боялся, не того, что их много и они сильны, а того, что не к кому обратиться за советом, санкцией, что не запасся я мудрой цитатой специально на этот случай…

Пёстрые картинки

По счастью, 2 июня была суббота. Выходных с самого начала «кинофестиваля» никто не соблюдал, и всё же по субботам-воскресеньям дышалось легче. «Закон уикэнда», как я его окрестил: капитан и полковник, Джерри и Баррон, магнат и последний филёр, в субботу всё так или иначе подумывали, как бы побыстрее разделаться и пораньше смыться. Несколько раз удавалось подгадывать, чтобы «закон» сработал мне на пользу, да и окончательное закрытие «фестиваля» я провёл именно на уик-энд. А в Вашингтоне сумел настоять, чтобы меня на день рождения оставили в покое.

Пёстрые картинки из этого длинного дня.

Серая американская белка, проживающая в рощице близ мемориала Линкольна, стремглав выскакивает на дорожку и требовательно таращится на прохожих: а ну хватит шляться попусту, вон поп-корн продаётся, разве не видите? К белкам у меня претензий нет, я покупаю пакет, надрываю уголок. За что и получаю по руке острым коготочком: надо, мол, проворнее. От неожиданности роняю пакет, часть его содержимого высыпается на дорожку. И тут белка ухватывает зубами не одно-два зёрнышка, а пакет целиком! И скрывается в кустах стремительно, как появилась. Случившийся поблизости пожилой пьяноватый негр гогочет с добродушной издёвкой: «Сразу видно европейца. В Америке не зевай, а то ещё не так обчистят…»

Вашингтонский Молл - площадь не площадь, парк не парк, переводится «место для прогулок», а в общем зелёная полоса, поднимающаяся от полноводного Потомака до Капитолийского холма. По обе стороны Молла, наряду с такими достопримечательностями, как ФБР и «Голос Америки», да и Белый дом неподалёку, - комплекс музеев Смитсониевского института. Музеи богатейшие, обойти их толком не хватит месяца, не то что дня. Направо - музей авиации и космонавтики, где собраны вехи покорения пространства от самолёта братьев Райт до лунного модуля. Налево - национальная галерея искусств, где одних

полотен Рембрандта выставлено семнадцать, а какие импрессионисты! Возникает, правда, невольный вопрос, можно ли называть галерею национальной, но американцы убеждены, что можно. Раз куплено - значит, собственность, а разница между собственностью и культурным достоянием - нечто мистическое и в долларах не выражаемое.

А знаете, где самая большая толчея? В музее естественной истории, в том его отделе, где минералы. У тех стендов, где не просто редкое и красивое, а фантастически дорогое: голубой алмаз «Надежда», сапфир «Звезда Азии», золотые самородки. Тут и очереди полюбоваться, и вспышки блицев - запечатлеть. И «копы» при оружии и с дубинками: бронестекло тройное, но чем чёрт не шутит, когда полиция не бдит. Ну что ж, она бдит - и подле алмазов, и подле Рембрандта с Ренуаром. Ты смотришь на полотно, а тебе смотрят в затылок при расстёгнутой кобуре. Восприятию искусства способствует чрезвычайно. Хотя при всём при том результат неоспорим: шедевры крали и из Лувра, и из галереи Уффици во Флоренции, а из смитсониевских музеев - что-то не слышал.

Капитолий. У западных, со стороны Молла, лестниц воздвигаются небольшие аккуратные надолбы, чтобы кто-нибудь не вздумал подняться по ступеням не выходя из машины. В центре Ротонды, то бишь зала под всемирно известным куполом, - небольшой беломраморный кружок. Люди поочерёдно подходят и попирают его ногами, подхожу и я. И на миг теряю равновесие: за полтора столетия «сердце Америки», как неофициально прозвали этот кружок, вытоптали до ощутимой ямы, хоть на белом её и не разглядеть. Занятный ритуал, однако символического его значения я как-то не осознал.

Возвращаюсь в отель на метро. Метро в Вашингтоне хорошее, светлое и чистое, не чета нью-йоркской подземке. Сплошная автоматика - даже банкноты разменяваются, если сунуть их в прорезь определённым образом. Служащих почти не видно, зато тех же «копов» пруд пруди. Внезапный не то чтобы затор, а завихрение у подножия эскалатора: девица в шортиках, распатланная, возраст угадать не берусь, оседает по стенке, пока не валится на пол. Ноги поперёк прохода - мешает. Подскакивает «коп», осведомляется: «Ты как, о’кэй или не очень?» Девица молчит. «Нанюхалась», - ставит диагноз «коп», тащит её волоком в нишу и тянется к переговорному устройству. Инцидент исчерпан - да и был ли инцидент? Никто не останавливается и не оборачивается…

Не сумел я принять Америку ни душой, ни хотя бы разумом. Наверное, слишком уже устал от насилия над собой. Ведь в тот день я намеренно выбрал маршрут, казалось бы, беспроигрышный, отшлифованный туристами со всего света. Специально ставил себе задачу найти объект для добросовестной похвалы, оттого и по музеям отправился. И потерпел фиаско: куда бы я ни шагнул, на что бы ни взглянул, обязательно впутывались детали и всё портили.

Зрение избирательно, в радости оно предпочитает солнечные тона, в печали - сумрачные. Как я ни старался сохранить объективность, высмотреть что-нибудь сугубо привлекательное, чтобы без всяких «но», -

простая эта задача мне никак не давалась. Реакция отторжения становилась с каждым днём всё более бурной. Я давил её, не давал ей внешнего выхода, а она прорывалась наружу исподволь, в отборе этих самых деталей, в неосторожных, а то и неостроумных колкостях по мелочам.

Одна из резких особенностей американской жизни состоит, по-моему, в том, что плюсы её и минусы живут слитно, не желают разлучаться, бегают наперегонки, играют друг с другом в чехарду. Америка с великой Щедростью поставляет материал в подкрепление любых точек зрения, противоположных и взаимоисключающих, от святочной идиллии до саркастического гротеска.

Нет нужды принадлежать к «другому лагерю», чтобы оценить иные чёрточки заокеанской жизни, мягко говоря, неодобрительно. Не кто иной, как Джеймс Уэстолл, мой английский «опекун», под настроение однажды брякнул, что для культурного человека Америка - выжженная пустыня. Он ведь, если помните, обожал Шуберта, а там классику по телевидению не транслируют, цена билета в концертный зал - десятки долларов, вот и готово, база для негативного обобщения найдена.

А как вам понравится такое высказывание: «Америка - единственная нация в истории, чудесным образом шагнувшая от варварства к вырождению, минуя обычную промежуточную стадию цивилизации»? Думаете, желчью захлебнулся изгой, голодный философ, «подрывной элемент» из обездоленных? Ничего подобного, я процитировал Жоржа Клемансо, французского премьера, милитариста, союзника президента Вильсона по Антанте и интервенции. Наверное, ему в Америке воду для бритья недогрели или спаржу не так приготовили.

Всё это я к тому, что мои «пёстрые картинки» - далеко, далеко не крайность. Ни с Уэстоллом, ни с Клемансо я никоим образом не согласен: ни о пустыне, ни о национальном вырождении не может быть и речи. Но и хвалить Америку только за то, что она существует и бурлит, только потому, что американцы жаждут похвалы, как дети, - извините, не получается. Что видел, то видел.

Хлопот соглядатаям я в тот вашингтонский день не доставил, впечатления мои в их отчёты попасть не могли. Мимолётная, задним числом, мыслишка: а может, соглядатаев и не было? Увы, мыслишка вздорная. Какой-нибудь американский вариант «коробочки» был задействован вне сомнения. Скорее всего, даже более прямолинейный, чем в Англии. Я просто не позволял себе озираться, делал вид, что слежкой не интересуюсь, не подозреваю о ней, гуляю себе, захожу в музеи, добровольно устаю.

Я и вправду устал изрядно. Не столько от прогулки и «пёстрых картинок», сколько от мыслей. В общем-то, невесёлых.

Помните, как Уэстолл устроил мне визит к «полюсу недоступности» - к арке, перекрывающей вход и въезд на Кенсингтон-Палас-гарденс? За океаном затею повторили почти напрямую: едва я прилетел из Нью-Йорка,

меня неторопливо обвезли вокруг квартала, где расположено советское посольство, затем подвезли к резиденции посла и всё поглядывали искоса: что я предприму? Решение пришло сразу, тяжкое, но единственное: я не предпринял ничего. Провокация была ещё более откровенной, чем в Лондоне, и наверняка подстрахованной. А я слишком далеко продвинулся в собственных своих планах, чтобы подвергать их ребяческому риску.

Далеко продвинулся? Полноте! Не гипнотизирую ли я себя, не выдаю ли желаемое за действительное? Географически - я не продвинулся, а отодвинулся: до Москвы отсюда не две с половиной, а все семь тысяч километров, не три, а восемь часовых поясов. Другое полушарие, другой политический полюс Земли. Прямого воздушного сообщения с Родиной и то нет, отменено на неопределённый срок (напоминаю - был июнь 1984 года). Да и что мне дало бы прямое сообщение, уж не воображаю ли я, что здесь меня на борт советского лайнера пустили бы беспрепятственно…

Да, в кармане у меня паспорт на собственное имя. Ну не совсем паспорт, называется «дорожный документ», не зелёный, а голубой с чёрными полосками, ничьего гражданства не обещает, но право на пересечение границ Даёт. В пределах Западной Европы вроде бы даже без виз. Но во-первых, надо ещё проверить, как оно выглядит на деле. А во-вторых, ещё раньше надо вернуться в Европу…

И в-третьих, самое главное: не слишком ли дорого я за этот документ заплатил? Плата пока не внесена, но кто ж сомневается, что и «Ридерс дайджест», и тем паче сэр магнат потребуют своё с процентами. Потребуют и получат. Или не получат? В том-то и гвоздь вопроса: если я успею их всех перехитрить и удрать - одно дело. Если же нет…

А если нет, тогда никто больше не скажет обо мне на Родине доброго слова. Никто никогда не узнает, какие мной руководили намерения, о чём и как я размышлял в свой день рождения на дорожках вашингтонского Молла и под сводами Капитолия. Для самых дорогих мне людей: для мамы, жены, дочери, брата, не говоря уж о товарищах по редакции, - я, невернувшийся, навсегда останусь изменником. Что я исчез при обстоятельствах непонятных и загадочных, забудется. Позор, такое уж у него свойство, останется. Долгие годы моих родных будет преследовать шепоток за спиной. И ужаснее всего, что я ничем, ничем не могу им помочь, пока не вернусь. Если не выдержу, сорвусь, сойду с ума, выпрыгну с какого-нибудь 107-го - им только хуже. Потому что смерть погасит надежду, которая, судя по редким письмам, всё-таки теплится. Погибшую мою репутацию она не восстановит, ибо ничего не объяснит. И даже шепоток у них за спиной не умерит…

А если бы - мысль нелепая, но всё же - если бы семьи не было, если бы я был один как перст? Изменилось бы что-нибудь? Вряд ли. Потому что человек по природе своей не может остаться совсем один. Потому что есть, что бы ни случилось, ещё и долг перед Родиной. Простые слова, затёртые назойливым, небрежным повтором до того, что скользят не задерживаясь мимо слуха, а ведь нет их важнее. Не для слуха - для

совести.

Так в чём же он, мой долг? Ведь решил, давно решил - необходимо выжить, вернуться и рассказать. Хорошо бы в печати, но на худой конец можно и устно, были бы собеседники компетентными. Рассказать не только о том, что коснулось меня лично, но обо всей системе психотропного и психологического насилия, направленной против советских людей, явно террористической и вместе с тем, к сожалению, научной. Не надо быть ни государственным деятелем, ни полководцем, ни академиком, чтобы сообразить, что идёт разработка новейших видов химического оружия, что замышляется, а частично уже и осуществляется агрессия совершенно нового типа - агрессия против разума. И этот мой рассказ подкрепляется и дополняется другим, не менее важным и даже более срочным, - о том, что Центральное разведывательное управление и его европейские партнёры не оставили затею дотащить пресловутый «болгарский след» до суда и лихорадочно ищут потенциальных «свидетелей»…

Представляет ли информация, которой я волею судеб располагаю, ценность для Родины? Двух мнений быть не может. То есть обманываться тоже ни к чему: каких-то принципиальных америк я, наверное, не открою. Специалисты, надо полагать, думают обо всём этом и догадываются о многом. Но догадываться - это одно, а узнать с подробностями, получить в распоряжение серьёзный объём информации из первых рук - совсем другое. Разница такая, что и пояснять незачем.

В чём же я тогда сомневаюсь? Что заставляет без конца перебирать всё те же, наизусть выученные компоненты решения, вновь и вновь обосновывать его для себя?

И выходило - если назвать вещи своими именами, - что причина терзаний кроется в прошлом. Не в настоящем, которого не изменить, и не в будущем, до которого ещё тянуться и тянуться, а в давнем прошлом. В тридцатых, послевоенных сороковых и в начале пятидесятых. Выходило, что я хочу, в сущности, того самого, к чему меня приучили сызмальства: снять с себя бремя единоличной ответственности, чтобы кто-нибудь мудрый принял её на себя или по меньшей мере разделил. Помощь не помощь, а всё не так страшно…

Приношу извинения за цитату из самого себя. В этой же книге я уже задавал себе вопрос: как устроена память? Отчего в данный момент вспоминается именно то, а не это? И выстроил рассуждение, что память устроена очень правильно и если своевольничает, то не без причины. Значит, она подсказывает прецедент, параллель, точку отсчёта, выход из положения, казалось бы, безвыходного. Безвыходных-то положений, если разобраться, нет в природе, а уж какой выход вам приглянется, зависит от того, что подскажет вам память…

Разговор со сверстником (продолжение)

В Лондоне память отослала меня к сорок первому, в Вашингтоне - к

пятьдесят третьему. И даже не к году, а к строго определённому дню. Почему Совпадение дат, разумеется, особой роли не играет. При чём тут однокурсник, которого давно нет в живых? Я долго не понимал, а когда понял - разозлился. На себя. При том, непонятливая ты голова, что тот давний разговор мог бы сегодня продолжиться ещё основательнее и резче.

- Ну что, - сказал бы он, - опять ищешь, на кого бы, на что бы опереться? Без ценного указания ни шагу? А собственной совести, уверенности в своей правоте тебе мало?

- Мало, - признался бы я, не пытаясь лукавить: с призраками не лукавят. - Ведь свидетелей нет, не тебя же звать в свидетели! Кто подтвердит, что я думал так, а не иначе? Допустим даже, мне удастся вырваться и вернуться, хоть это тоже пока не факт. А что дальше? Помнишь, как относились к вернувшимся из плена в студенческие наши времена? Кто поручится, что мне не уготована такая же участь?

- Сколько лет, ты говоришь, прошло? Тридцать? И ничто не изменилось? Не поверю.

- Изменилось, конечно. Человек вышел в космос, понастроил ядерных подлодок и межконтинентальных ракет. Теперь мы можем уничтожить друг друга и вообще всю жизнь на Земле за каких-то полчаса. Можем и издеваться над себе подобными так, как самому гестапо не снилось.

- Иными словами, госпожа наука предъявляет миру не только свою обольстительную внешность, но и изнанку. В этом нет ничего нового. А общественное сознание отстаёт, не поспевает за двуликими дарами прогресса, и это тоже не новость. Стереотипы мышления складывались десятилетиями, а иные - веками.

- Но ты же выступал против стереотипов!

- Выступал и выступаю. Это ты боишься стереотипов, а не я. Мне бояться, сам понимаешь, нечего.

- Что же ты мне посоветуешь?

- Действуй и не причитай. «Кто подтвердит» да «кто поручится» - слушать противно. Поручится твоя совесть, подтвердит твоё перо. И даже если не доберёшься до цели, не хватит сил, подстережёт какая-нибудь новая злая случайность, - ничего не поделаешь, в бою выживают не все, - в предсмертный миг будешь вправе сказать себе: я сделал всё, что мог, и немножко больше.

- Если б это был открытый бой! А то приходится отступать, изворачиваться, ломать комедию...

- Военную хитрость признавали во все времена. И есть ещё такое понятие, правовое и нравственное, как крайняя необходимость. Хоть я вместе с тобой учился на филологическом, а не на юридическом факультете, смею тебя заверить, что твои поступки нужно рассматривать так и только так.

- Хорошо, допустим, я выдержу всё это, вырвусь и вернусь. Выслушает ли меня Родина, вникнет ли, не окажется ли несправедливой?

- Ты сначала вырвись. А кроме того, в бою не оборачиваются. Да, несправедливости было много. Что ж, по-твоему, вернувшимся из плена и несправедливо наказанным следовало не возвращаться? Записаться в перемещённые лица и мыкаться по чужбинам? Хочешь такой судьбы - валяй, от тебя здесь только того и ждут. Но меня больше не зови, не откликнусь.

- Не будь ты призраком, надавал бы я тебе по шее. Ты же знаешь, что для меня это категорически не приемлемо.

- Так зачем толочь воду в ступе? Решил, куда идти, - иди. Не выходит идти - ползи. Тебя теснят назад, а ты цепляйся зубами и ползи хоть по миллиметру, а вперёд. Думай о ближайшей задаче, перспектива нарастёт.

- Спасибо за совет.

- Не за что. Ты же и разговаривал не со мной, а с самим собой…

«Лицом к лицу лица не увидать»

Таков был день, резко выбившийся из вереницы предшествующих и последующих. Остальные вашингтонские дни, с самого возвращения из Нью-Йорка, походили друг на друга, как капли воды. Мутные капли, монотонные, ядовитые.

Магнат ведь только одобрил идею в целом, дал деньги и, если угодно, общую санкцию. Ковыряться в мелочах, отрабатывать сценарий, готовить «свидетеля» на предложенную ему роль - всё это вновь препоручили «профессионалам». Сперва ФБР, а ещё через день - ЦРУ. И уж, разумеется, леди и джентльмены из Лэнгли - не старичок Уилмонт, которому «Интеллидженс сервис» спихивает «законченные дела». Для Лэнгли «дело» вовсе не было законченным, оно едва-едва начиналось…

А я-то воображал, что знаю о психотропном насилии всё!

Они являлись спозаранку, частенько до завтрака или сразу после него, непременно целыми партиями - трое, пятеро, а то и семеро. Входили гуськом, коротко называя имена без фамилий и, конечно, без должностей: Джек, Эдвин, Саймон, Анна (среди них были и женщины, хоть и в меньшинстве). Деловито рассаживались полукольцом, выставив мне стул в центре, и принимались выспрашивать, ловко перекидывая вопросы через меня друг другу. Будто в баскетбол играли, но с таким расчётом, чтобы корзина, куда метят, оставалась у меня за спиной. И так, с небольшим перерывом, до вечера, а утром всё сызнова.

«Лицом к лицу лица не увидать» - знаменитую эту строку как только ни истолковывали. Но никому ни в критическом угаре, ни в бреду не приходило в голову, что строка эта может приобрести смысл прискорбно прямой и буквальный.

В той манере, в какой они вели «собеседования», в принципе сложно

запомнить, кто, что и в каком порядке спросил. А они ещё очень не хотели, чтобы я запомнил. И в особенности не хотели, чтобы я запомнил их в лицо.

Совершенно точно, что я оставался в сознании. И даже, по-видимому, - сужу по результату - более или менее сохранял контроль над своими ответами. А вот с чувством времени что-то произошло. Оно - за исключением субботы 2 июня - съёживалось и убегало, длиннющие часы и дни «собеседований» сжимались во много раз, начала и концы срастались, перехлёстывались, и самая обострённая дедукция оказывалась не в силах установить, что случилось раньше, а что потом.

И лица - опять-таки за исключением 2 июня- расплывались, будто по невысохшей краске мазнули тряпкой. Накладывались, сливались, превращались в некое тусклое рыло, не молодое, не старое, не мужское, не женское, без отличительных черт и признаков характера. Про смазанную краску уже помянул - но предложу и другое сравнение. Видели в кино бандитов, натянувших на голову нейлоновый чулок? Вполне похоже, только никакого нейлона.

Что было бы, если бы мне в придачу ещё и подавили волю, как в брайтонские времена?

Плохо было бы. Один-два чётко поставленных вопроса - и все мои планы вылетели бы в трубу, пришлось бы в лучшем случае начинать всё сначала, ценой новых унижений и потерь. Но от «повторения пройденного» воздержались - почему? Уж никак не из человеколюбия, воистину смешное предположение, скорее потому, что новая полномасштабная психотропная атака могла бы помрачить рассудок, а это теперь никого не устраивало. Или перепроверку сочли просто излишней - какие ещё могут у меня оставаться планы, когда магнат развязал мошну? Или, чем чёрт не шутит, я исподволь научился сопротивляться воздействию нейролептиков, как-то им противостоять? А вдруг и такое возможно?

Но воспоминания о «собеседованиях» всё равно сливаются в мутный хаос. Был ли, скажем, в числе «собеседователей» мистер Пол Хенци? Примерно в те же дни, когда меня «потрошили» в номере 404 отеля «Гест куотерс» на Нью-Гэмпшир-авеню, «Литгазета» раздобыла и напечатала портрет означенного мистера, довольно для него лестный: пышноволосый и бородатый красавец с пронзительным взглядом. В Вашингтоне мне газету, яснее ясного, не показывали, но впоследствии я всматривался в фотографию до рези в глазах. Нет, этого бородача в номере 404 я положительно не припоминаю. А если фотография давняя, если он постарел, облысел, сбрил бороду? Тогда не знаю.

Чего они добивались? Это как раз не вызывает сомнений: из калейдоскопа сведений о фактах моей биографии, в особенности о зарубежных поездках разных лет, сплести самую непротиворечивую, самую правдоподобную версию моей «особой осведомлённости» о подоплёке «болгарского следа». Могла ли она сплестись? Не исключаю,

что могла: в Болгарии я бывал неоднократно- это факт, а лучшие сорта лжи, как известно, плетутся из полуправды.

И тем не менее, как бы они ни старались, какие бы подробности из меня ни вытаскивали, любая версия могла обрести вес лишь при условии, что «свидетель» будет предъявлен суду в натуре. Вот что было важно, единственно важно, всё остальное, включая любые мои переживания и ощущения, отступало на задний план.

Надежду на возвращение они отнять у меня не сумели, значит, я имел право считать, что сыграл с ними вничью.

Вирджиния. Кое-что о скунсах

Ни флорид, ни калифорний

В субботу 9 июня, ровно через неделю после дня рождения, по федеральному шоссе №211 имени генерала Ли лениво катилась «тойота-терсел», почти такая же, как в Лондоне, но с кондиционером. И то сказать, без услужливого «кондишн» машина на здешнем солнцепёке автоматически превратилась бы в крематорий. А что спецслужбы тяготеют к строго определённым автомобильным фирмам и маркам, я уже, помнится, подмечал выше.

За рулём сидела Кэтрин Блэкенси. Сотрудница ЦРУ, на которую возложили диковинную и за отпущенный ей срок - два дня - явно невыполнимую миссию. Напутствуя Кэтрин, Джон Баррон распорядился: «Покажите ему Соединённые Штаты!..»

«Ему» - это мне. Поначалу тот же Баррон сулил маршрут залихватский, многотысячемильный: Сан-Франциско и Ниагару, Новый Орлеан и Йеллоустонский парк. Однако мало-помалу программа сокращалась и в конце концов свелась к этим двум дням, небезынтересным, но ограниченным ближайшими штатами Вирджиния и Мэриленд.

Почему так? Там и тогда, за океаном, да и сразу потом мне мерещилось, что всё упёрлось в моё упрямое несогласие хвалить Америку, что программу срезали как бы мне в отместку. Смешно, но я даже слегка гордился: вот, мол, никакими посулами флорид и калифорний не сумели выжать из меня неискренние слова, когда они не вызывались абсолютной необходимостью. Пропади вы пропадом с вашими посулами вместе, а я играю свою игру и должен довести её до конца, не отвлекаясь на дополнительные вояжи, даже самые привлекательные…

Наверное, это не было пустым упрямством, наверное, своеволие такого рода помогало не утратить чувства собственного достоинства, накапливать силы для главного. Но, как понимаю теперь, большого влияния на развитие событий оно не оказывало. Если бы мои колкости, критические замечания и прочие мелкие выходки принимались в расчёт, если бы джентльмены из Лэнгли всерьёз заподозрили меня в

«неблагонадёжности», они бы никоим образом не выпихнули меня обратно в Англию, напротив, постарались бы удержать поближе к себе, продолжали бы «изучать» и приручать, чередуя кнут и пряник, пряник и кнут. И уж, во всяком случае, последние недели моего «кинофестиваля» - вплоть до возвращения на Родину - не могли бы сложиться так, как сложились.

Да, конечно, в очередной раз хочется доискаться, почему случилось то, а не это, почему меня не задержали в Америке, откуда вырваться было бы ещё труднее. По-видимому, я просто неисправимый «почемучка»: непременно надо мне добраться до сути, хотя бы задним числом, непременно я строю и разрушаю гипотезы до тех пор, пока не выйду на самую логичную, самую непротиворечивую. Может быть даже, именно это свойство ума и характера предопределило отчасти, что мне, именно мне, довелось первому разорвать паутину психотропного плена и, вопреки вероятности, выйти победителем в отчаянно неравной игре. Но применительно к первой декаде июня могу лишь засвидетельствовать происшедшее, констатировать его как факт. Объяснить перемену программы, выстроить по-настоящему чёткую гипотезу не могу - не хватает данных.

Мне ведь только казалось, в моём положении естественно и всё же нелепо, что я сражаюсь с «профессионалами» один на один. Косвенно я всё время зависел от множества изменчивых величин, от событий на Родине и в мире, о которых подчас и не догадывался, от успехов и неудач самых разных людей, наших и не наших, да и от каждого нового номера «Литгазеты», где «про меня» давным-давно не упоминалось, но - искали… В каждой «антоновской», как их называли тогда, статье (а статей таких и зимой, и весной было немало) высматривали с лупой и скальпелем «намёки» и даже «указания» в мой адрес и не медля вносили коррективы в уготованные мне программы и сценарии. А я не мог правильно оценить последствия, оттого что не понимал причин.

За весь «фестивальный» год я видел один-единственный целый номер «Литгазеты» и то по чистой случайности. Впоследствии я штудировал эти, вышедшие без меня, номера самым пристальным образом и изредка делал открытия, устанавливая для себя, наконец-то, что означал тот или иной эпизод, в отрыве от газетной подшивки совершенно необъяснимый. Но и подшивка была не в силах ответить на все вопросы, потому что не могла учесть существенного фактора, о котором тогда не знал никто, кроме самого узкого круга посвящённых в «верхних этажах» ЦРУ. Параллельно со мной к «римскому процессу» готовили ещё нескольких «русских свидетелей». Как минимум, двух.

Об этой закулисной «подготовке» к судилищу известно мало, чрезвычайно мало. До моего возвращения на Родину, до статьи «Выступаю свидетелем по «делу Антонова» не было известно практически ничего. Да и статья лишь приподняла завесу, а заглянуть поглубже во мглу, выудить из неё имена и роли других потенциальных «свидетелей» я сумел совсем-совсем недавно. В завершение книги расскажу, что удалось

узнать и как.

А пока что, с учётом этого нового знания, приведу одну фразу Джона Баррона, брошенную как бы невзначай: «В сентябре мы, предполагаю, пригласим вас в Америку снова». Я тогда не придал ей ровно никакого значения, решил, что нахвастался Баррон, наобещал с три короба, вот и выкручивается, чтобы не выглядеть полным треплом. А что, если Баррон не трепался, если эта-то мимолётная фраза и была ключевой?

Лжесвидетели, в отличие от свидетелей истинных, - товар хрупкий и каверзный. Если нас, русских людей, отобранных в «свидетели обвинения», было несколько, то надлежало ещё и непрерывно согласовывать наши будущие «показания» друг с другом. Допустим, моя функция в итоге «собеседований» в отеле «Гест куотерс» как-то определилась. И вновь настала очередь двух других - заново уточнять их роли, сглаживая и устраняя неизбежные противоречия, а значит, заново допрашивать, а возможно, уговаривать, а возможно, гнуть и ломать (я же не знаю, как они себя вели, какую линию приняли!). И чтобы вся эта волынка, заведомо долгая, не теряла шансов на успех, надо было соблюсти обязательное условие: ни при каких обстоятельствах «свидетели» не должны были встречаться и общаться между собой. А есть ли лучшая гарантия того, что мы не встретимся и я даже не догадаюсь о собратьях по участи, чем вернуть меня «до востребования» на Британские острова?

Это, конечно, опять гипотеза, всего лишь гипотеза, но, согласитесь, уже непротиворечивая.

Федеральное шоссе №211

Что же предложила мне взамен отменённой программы Кэтрин Блэкенси, «женщина из ЦРУ»? Для двух коротких дней - немало.

8 июня - Уильямсберг, столицу Вирджинии в колониальные времена. В войне за независимость Уильямсберг, оплот британского владычества, был сожжён и разрушен, однако в 70-е годы нашего века, в честь двухсотлетия Соединённых Штатов, восстановлен по старым рисункам и чертежам. Мало того, весь уклад жизни городка приближён к прежнему, колониальному. Работают лавочки и мастерские, аптека и пивная, обставленные, как в неспешном XVIII веке. Экскурсоводы в париках, камзолах и башмаках с пряжками дают пояснения на тягучем, малопонятном нынешнему американцу диалекте, имитирующем «ту эпоху». Да и по улицам там и сям бродят в одиночку и парами статисты обоего пола, одетые и причёсанные в том же стиле. Говорят, не актёры, а подрабатывающие студенты. Как они не умирают в глухих длинных платьях и в кафтанах тяжёлого сукна, уму непостижимо! Погода стояла типичнейшая для американского лета: жарко и душно, «сто плюс сто».

Что нельзя показать в натуре, показывают в кино. В зале, как и за дверьми любого «музейного объекта», дышится полегче - «кондишн». На экране - фильм о великом американце Томасе Джефферсоне, снятый в

основном здесь же, в восстановленном Уильямсберге. В какой мере фильм точен биографически, судить не берусь. Но одна деталь - опять деталь! - запомнилась особо. Чтобы улицы выглядели «взаправдашними», современную мостовую присыпали песочком. Присыпали небрежно, на цветном широком экране из-под песка то и дело высовывались серо-бетонные пятна. И вдруг подумалось, что коль историю не сохранили, она не воссоздаётся, получается в лучшем случае декорация, туристский аттракцион...

А на обратном пути Кэтрин - нечаянно ли, сознательно ли - показала мне подлинное американское чудо. Инженерное чудо - мост-туннель, пересёкший Чезапикский залив у самого порога Атлантики. Когда машина, обеднев на положенные девять долларов (мост платный), выкатилась с мягкого поворота прямо в океан и асфальт с перильцами, сужаясь в перспективу, повёл неведомо куда, - и ни намёка на противоположный берег, одна бескрайняя синь, - чувство возникло нереальное, сон наяву. А потом насыпной островок, и мост ушёл под воду, пересекая фарватер туннелем. И снова мост, и опять туннель, пока из-за горизонта не выплыла плоская береговая твердь. Длина сооружения-28 километров. Возведено оно было в угаре экономического бума 60-х и окупилось за пятнадцать лет.

Вернулись мы в Вашингтон где-то к полуночи, но наутро, ровно к девяти, Кэтрин вновь подогнала «тойоту» к порогу гостиницы и повезла меня в другую сторону, к отрогам Аппалачей, в «самую большую в мире» пещеру Лурей. «Самая большая» - это, конечно, чистая реклама, наша Новоафонская пещера никак не меньше. Приятная прохлада, подсвеченные сталактиты, всё как водится в обихоженном подземном царстве. И «колодец желаний» - неглубокое прозрачное озерцо, устланное многослойным блеском монет. Каждая - чья-то немая мольба: десятицентовик, допустим, - новый автомобиль, четвертак- продвижение по службе, а ежели целый доллар - не иначе как успех на бирже. Есть табличка, извещающая, сколько тысяч долларов отловлено со дна и куда они ушли - на какие-то благотворительные медицинские цели. Не побоюсь признаться, я тоже не утерпел, загадал желание. Надо ли пояснять какое? Выдержать, вырваться, добраться домой. Увидеть, ощутить под ногами родную землю.

Но самое острое впечатление подстерегало меня, как и накануне, на обратном пути. Как и накануне, Кэтрин выбрала для возвращения другой маршрут, и вместо автострад мы очутились на федеральном шоссе №211, довольно старом и довольно узком, смахивающем на иные закавказские дороги, не прорезающем горы, а плавно огибающем их. Поплутав в лесах национального парка Шенандоа, шоссе зигзагами потекло вниз, в долину. И тогда...

Нет, сначала о ней самой, о Кэтрин Блэкенси. Увы и ах, в очередной раз придётся разрушать киноштампы. «Женщина из ЦРУ» с экрана несомненно предстала бы обольстительной длинноногой блондинкой или жгучей брюнеткой-вамп. А в действительности если она была на кого-то

похожа, то на училку, державшую меня в страхе в эвакуационные времена: бесцветный пучок волос на затылке, походка враскачку и подчёркнутое равнодушие к собственной внешности. Единственная детективная чёрточка - она носила не снимая тяжёлые тёмные очки. До пещеры я не представлял себе, есть ли у неё глаза и какие они. В пещере она наконец очки сдёрнула, оказалось - есть, тускло-серые, с набрякшими воспалёнными веками. Так что и очки объяснялись не конспирацией, а лечебно-профилактическими соображениями.

И вообще нет у меня к ней неприязни, она просто выполняла поручение своего начальства, как в своё время англичанка Роуз Принс. Только, в отличие от Роуз, ни на шаг дальше и ни на цент щедрее. Приказали бы слетать со мной в Луизиану или Техас - слетала бы с таким же добросовестным равнодушием. Однако Кэтрин для меня не смутная тень, а конкретный человек с чертами лица и фамилией. Уже это выделило её из толпы её коллег. И ещё глубокие и неожиданные её познания о скунсах.

Стандартные кондиционеры защищают лишь от жары, но не от запахов. В салоне «тойоты» ощущался и терпкий аромат перегретой хвои, и пряный дух свежескошенного сена. Нет, не медовый хмель русского поля, оттенок другой, да и слыхано ли на Руси, чтоб сенокос - в начале июня, и всё равно хорошо. И вдруг - безжалостный удар по обонянию, едкий, ни на что не похожий смрад. Я непроизвольно чихнул, на глаза навернулись слёзы.

- Господи, что это?

Кэтрин оживилась, в тёмных очках блеснула смешинка.

- Не заметили на обочине полосатую шкурку? Скунса задавили. Вот он и послал прощальный привет. Ещё скажите спасибо, что прошло минут пять, успело выветриться. Не завидую тем, кто нас обгонял…

Нас действительно обходили все кому не лень: Кэтрин не торопилась. Одного из обогнавших мы увидели за следующим поворотом. Элегантный «шевроле» приткнулся вкось, полусъехав в кювет, все двери настежь. Хозяин сидел неподалёку на траве. Кэтрин, притормозив, посигналила - он вяло помахал рукой. По-моему, его рвало.

А Кэтрин нашла интересную тему. И, всё более оживляясь, рассказала, что в юности пробовала среди прочего служить ассистентом у ветеринара. У предприимчивого ветеринара, нашедшего оригинальный бизнес: он специализировался на скунсах. Отловленных зверьков усыпляли, и ветеринар удалял им смрадные железы под хвостом. Потом зверьки шли на продажу по нескольку сот долларов за штуку.

- Это ещё зачем?

- Для забавы. Представляете, собрались у вас гости, и тут из соседней комнаты выходит скунс, хвост трубой. Гости врассыпную, а скунс подбирается к вам и ну ласкаться! Говорят, они, когда приручённые, ходят у ноги, как собаки, и мурлычат, как кошки. И мех пышный, прочный,

красивый…

- А всё-таки зачем? Зачем заводить именно скунса?

- Кошку может завести всякий, скунса - только богатый…

Скунсячья тема (а как правильно - скунсиная? скунсовая?) представлялась ей неисчерпаемой. Обширные её знания по столь новому для меня вопросу требовали выхода. Тема и впрямь таила в себе возможности, о каких я и не подозревал.

- В природе скунсы никого не боятся, - рассказывала Кэтрин. - И ни от кого не прячутся: окрашены пёстро, видны издали, словно предупреждают - не подходи. А если кто не остережётся, приблизится, скунс не ждёт, пока на него нападут, а поворачивается задом и пускает струю, обращая противника в бегство. Оттого их и давят: они и машин не боятся, переходят шоссе вразвалочку, при виде машины не убегают, а разворачиваются к бою… А что, - перебила она себя, - люди точно такие же: иной ощетинится - не подступишься, а поймаешь на чём-нибудь, обезоружишь - и ластится к тому, кто доказал, что сильнее…

Вот какое рассуждение можно, оказывается, вывести из того скромного факта, что самоуверенный скунс вылез на шоссе №211, не считаясь с правилами движения.

Рассуждение было досадно непоследовательным и неженским. Будто скунс вернул меня на полгода вспять, распахнул форточку в ненастную лондонскую осень, и на меня пахнуло стойким - ни с чем не спутаешь - смрадом проповедей-монологов Уэстолла. Ведь завела же интересный разговор о том, что знает не с чужих слов и о чём я никогда не слышал, - и вот пожалуйста, съехала на заурядную демагогию…

Профессиональное это у них, что ли? Если не у всех, то у многих. Верный вывод сделал обследовавший цэрэушников профессор-психиатр, и верно я на него сослался в одной из давних глав: больные они, кто поумнее. Больные подозрением, что служат неправому делу неправедными средствами. Эта их страсть к монологам по поводу и без повода - симптом болезни и метод самозащиты. Защищаются прежде, чем на них нападут. Как скунсы.

Но стоит ли обижать таким сравнением тварь бессловесную?

Под знаком вывернутой перчатки

Сколько же я перевидел за год двуногих скунсов - не сосчитать! Кэтрин, конечно, не чета Уэстоллу, до вершин его лицемерного фразёрства ей не дотянуться. Зато Баррон…

Мне бы не полагалось видеть, как Баррон её инструктирует, но вышло так, что я видел. По обыкновению сильно подвыпивший, вскинувший ноги на стол, он начальственно швырялся словами, а она внимала ему, примостившись робко и скованно на краешке стула. В моём присутствии, явно не запланированном, ему бы прерваться или по меньшей мере снизить тон. Но Баррон был бы не Баррон, если бы не воспользовался

поводом прихвастнуть - на сей раз своей властью над людьми.

Представляю, как подобострастно он съёжился бы, например, при встрече с Голдсмитом. Это ведь всегда так, на всех континентах: тот, кто способен орать на младшего, непременно станет лебезить перед тем, кого почитает выше себя…

И всё-таки: что руководило им в этом демонстративном инструктаже? Только пьяное фанфаронство - или?.. Склоняюсь к мысли, что «или». Он и впрямь имел право отдавать Кэтрин приказы. Не случайно его прислали в Лондон перепроверять выводы Джона Дими Паницы, хотя по редакционной табели о рангах, публикуемой в каждом номере «Ридерс дайджест», следовало бы наоборот [22].

- Перчатки носите? - спросил меня однажды Баррон. - А выворачивать их наизнанку умеете?

- Зачем?

- Затем, что в том и состоит главный принцип политической журналистики. Допустим, где-нибудь, неважно где, произошло какое-то событие. Катастрофа, или государственный переворот, или покушение, а лучше всего убийство. Что случилось на самом деле и почему, тоже неважно. Важно одно: мгновенно поднять перчатку и вывернуть. Подать новость как вызов или угрозу. Возложить вину, хотя бы намёком, на основного политического противника: в советской прессе - на нас, в нашей - на коммунистов.

- А если не получается?

- Если не получается, надо было наниматься не в печать, а в Армию спасения. Видели на улицах старых дев с колокольчиками и ящиками для подаяний? Вот-вот. Можно даже подкинуть им доллар-другой на бедность, но далеко ли слышен их колокольчик? И не уверяйте меня, что у вас там не так. То же самое, разве что Армия спасения называется как-нибудь по-другому.

- Не очень-то вы высокого мнения о своей профессии…

- Почему невысокого? Хорошая профессия. Пока существует конфронтация двух систем, безработица нам не грозит.

- А конфронтация, по-вашему, нескончаема?

Он ухмыльнулся, обнажив мелкие жёлтые зубы.

- На мой век хватит…

Что-то он поделывает нынче, Джон Баррон? О новых крупномасштабных его сочинениях давненько не слышно. Окончательно и

[22]В вышедшей летом 1988 г. книге Э. Ковалёва и И. Седых «Лабиринтами провокации», детально исследующей подоплёку покушения на Иоанна Павла II и последующие события, Джон Баррон почему-то возведён в ранг главного редактора «Ридерс дайджест». Это ошибка. Главным редактором «Ридерс» с апреля 1984 г. и по сей день является Кеннет Гилмор, а Баррон по штату занимает относительно скромную должность старшего редактора вашингтонского бюро журнала.

тупо спивается? Если да, то, как говорится, с горя, поскольку международная обстановка вопреки его прогнозам меняется к лучшему. Однако не будь барронов, она менялась бы решительнее и быстрее. А они в англо-американской печати по-прежнему в чести, тактика вывернутой перчатки глубоких изменений пока не претерпела. Не кто иной, как глава ведущего пропагандистского ведомства - Информационного агентства США, заявил во всеуслышание, что советская политика гласности - «триумф обмана над правдой». И раз уж тон задан на таком уровне, то рядовые газетчики и телевизионщики не торопятся менять пластинку тем более. Тоже, наверное, рассуждают по-барроновски, что «на их век» хватит и прежних методов и уловок, что следовать стереотипам надёжнее, чем идти им наперекор.

И тем не менее Баррон, к сожалению, прав в одном: многие годы советская печать грешила такими же тупиковыми конфронтационными приёмами. Да ещё и хронически отставала. События, в особенности неожиданные, часто повергали наших международников в нерешительность, ставили их перед частоколом табу, запретов и согласований, а согласования, мало того что пожирали драгоценное время, сплошь и рядом заканчивались глубокомысленными рекомендациями типа: «Не будем торопиться, подождём до завтра. А может, обойдётся, может, удастся совсем ничего не писать...» И новость переставала быть новостью, становилась монопольной добычей «голосов» и достигала читателей и слушателей искажённой, обглоданной барронами, вывернутой наизнанку. Писать-то приходилось всё равно, но с невосполнимой потерей темпа, - уже не столько размышлять самостоятельно, сколько оправдываться, опровергая чужие домыслы, а то, случалось и так, низводя борьбу идей к пропагандистской склоке. Скунсы потирали лапы: пущенная ими в нашу сторону струя не без нашей же помощи превращалась в зловонное облако, отравлявшее мировую атмосферу на месяцы и годы.

Не надо ловить меня на слове. Ни при какой политической погоде не призываю печатать и передавать любую непроверенную сенсационную чушь, лишь бы поскорее. Но кто сказал, что нельзя добиться оперативности, не поступаясь достоверностью?

И ещё оговорка, менее очевидная и вроде бы необязательная. Я хотел было обойтись без неё, но нет, она настойчиво требует к себе внимания, требует огласки.

В американском английском бытует красочное выражение «drunk as a skunk»» - «пьяный, как скунс». За что обидели зверюшек, не вполне понятно, но к Баррону выражение липнет само собой, оно ему впору как воспетая им перчатка. Два-три года назад я, наверное, не устоял бы против соблазна и уж поплясал бы на идиомах, только держись. А сегодня чувствую: не по душе мне такая пляска, слишком легко она даётся, слишком дёшево стоит.

Чем ближе моё повествование к концу, тем меньше остаётся у меня охоты рисовать карикатуры. Пытаюсь понять: с чего он так тяжело,

беспробудно пил? По врождённой порочности натуры? Вот уж не объяснение...

Возникает мысль, что к рюмке, вернее, к стакану он потянулся, как случается чаще всего, в силу разлада с собственной совестью. Что паразитирование на душах сломленных людей - занятие, может, и прибыльное, но для душевного здоровья небезопасное: помогая ломать других, он сломался сам. Скунс отравился собственными миазмами. С четвероногими этого не бывает, а у людей встречается и называется - возмездие судьбы.

Дополнение 1988 года

На картах доколумбовой эры пространство за пределами проторённых путей метили отпугивающими надписями: «Здесь живут люди с пёсьими головами». В наш просвещённый век средневековая наивность пополам с нетерпимостью должна бы выглядеть анахронизмом, в лучшем случае курьёзом. Но - уцелела традиция, прорвалась сквозь столетия. Прискорбно долго не переводились в мире любители пририсовывать чужеземной действительности «пёсью голову», изображать всех и каждого, кто живёт по-своему, ходячими карикатурами: иначе, мол, не вылепится «образ врага».

Нужны ли сегодня подобные «образа»? Однозначно - нет. Перевелись ли любители их лепить? Тоже, к сожалению, нет. Не идёт из памяти громкоголосая журналистская орда на пресс-конференции Р. Рейгана в Москве. Как они наседали на своего президента, как вымогали упорно и въедливо, чтобы он отрёкся от сделанного накануне заявления, что больше не считает Советский Союз «империей зла»! На пресс-конференции вообще-то положено задавать вопросы. А эти не спрашивали, они выступали. Чувствовалось, что они излагают тезисно будущие свои статьи, и предчувствие не обмануло: когда статьи были опубликованы, выяснилось, что перестроиться вслед за президентом, поддержать его в разумной смене тона многие авторы не смогли. Или, скорее, не захотели.

Но меня, признаться, беспокоят не столько эти закосневшие в конфронтационных выкриках, сколько другие, поменявшие тон практически мгновенно. Не столько иностранные журналисты, сколько наши отечественные. Довелось уже слышать с трибун разной высоты призывы изваять на смену «образу врага» «образ партнёра» (это бы ещё куда ни шло) или даже «образ друга». Довелось и встречать на газетных страницах скороспелые отклики на такие призывы, где без микроскопа видны натяжки под стать прежним, конфронтационным, но с заменой минуса на плюс. Понимают ли творцы скороспелок, окуривающие «передовые страны» елеем с тем рвением, с каким раньше мазали их дёгтем, что создают пряничную, залакированную действительность наподобие «Кубанских казаков» и «Сказания о земле Сибирской», только теперь с международным акцентом?

В большинстве своём, думаю, понимают, но считают, что «так надо».

Опять двоемыслие, привычка следовать указаниям, не поверяя их совестью, а то и не обсуждая даже с собой. Ничего не поделаешь, долго внедряли, вколачивали в нас эту дрянную привычку, и не вдруг она исчезнет. Наберёмся терпения.

А сейчас хотелось бы добавить одно: если мы и впрямь материалисты, то негоже нам «творить образа». Ни дьявольские, ни ангельские. Один-единственный образ нужен нам - объективный образ современной действительности, многоцветной, противоречивой и слитной. Если сумеем отказаться от мифотворчества и строго держаться этого правила, то и врагов у нас убавится, и друзей прибудет.

Отступление третье. Миф о загробной жизни

В Америке тоже робеют осины,

И смотрят берёзки в прозрачную синь,

И так же по-русски краснеют рябины,

И ласковой горечью пахнет полынь.

Такие же реки, озёра и рощи,

И люди похожи на русских людей,

Но русская песня скромнее и проще,

И шире душою, и сердцем добрей.

И пусть Миссисипи, как Волга, красива,

И пусть по-байкальски широк Мичиган,

Но всё-таки ночью мне снится Россия.

Вот и весь вальсок, я опустил лишь последнюю строчку, совсем слабую поэтически и к тому же требующую знания обстоятельств личной жизни автора, с которыми я решительно не знаком. В Америке я не слышал ни слов этих, ни мелодии, привязались задним числом: примерно через год по московским магнитофонам прокатилась короткой шквальной волной мода на плёнки, напетые в «русских» кабаках за океаном, в основном на упоминавшейся уже нью-йоркской окраине Брайтон-Бич.

Когда я обдумывал эту книгу, всё казалось если не простым, то стройным: будут сюжетные главы, написанные неизбежно от первого лица, а будут и главы-отступления, где можно в крайнем случае спрятаться за ширмой отстранения, прикрыться стареньким оборотом «автор этих строк». Короче, хотелось разделить: вот он я, какой есть, а вот факты, почерпнутые из сторонних источников, вот субъективные впечатления, а вот объективные истины…

Но есть тема, где субъективное и объективное переплетены так, что не разделишь. И это именно отступление, хотя играть в прятки я не намерен и никакого «автора строк» на помощь не позову. Тема эта - эмигранты и эмиграция.

Тяжёлая тема. Сложная, противоречивая, парадоксальная.

Лично для меня парадокс начинается с того, что меня считают теперь «специалистом», знатоком темы - а я не только себя эмигрантом не числил, но и других, под эту категорию подпадающих, за весь «фестивальный» год почти не видел. Меня просто не подпускали к ним, а их ко мне. А если в кои-то веки на горизонте возникали фигуры «нашенского» вроде бы происхождения, они были заведомо непригодны ни для серьёзных обобщений, ни для элементарного человеческого доверия. Ставленники, наймиты спецслужб - этим всё сказано.

Но сводить проблему к отщепенцам? Нет, не выходит. Ну сколько их может быть, доподлинных отщепенцев, продажных и продавшихся? Десять? Сорок? Сто? Однако ни для кого не секрет, что только за пресловутые годы застоя нашу страну покинули под разными предлогами десятки, если не сотни тысяч человек [23]. Что же, все-все они - отщепенцы?

По пропагандистским канонам, неизменным в этой своей части с 30-х годов, полагалось думать именно так. Полагалось выдавать эмиграцию за нечто однородно ничтожное, алчное и враждебное. Полагалось предельно всё упрощать, прилежно затушёвывая тот факт, что однородной эмиграция никогда не была.

Не была единой «первая волна» эмиграции после революции и гражданской войны, когда наряду с бывшими князьями и заводчиками за границей оказались - полками и дивизиями - и рядовые, подневольные участники «белого движения». Не отличалась единством и «вторая волна» после Великой Отечественной, когда домой не вернулись не только миллионы павших на поле брани, но и миллионы пропавших без вести. Кое-кто из них потом отыскался в странах ближних и дальних, вплоть до Австралии и Южной Америки. И вовсе не обязательно это были негодяи, фашистские прихвостни, бежавшие от возмездия. Были, и в немалом числе, люди, сломленные пленом и лишениями, испугавшиеся репрессий по возвращении - недобрые слухи распространились быстро, да и память о 37-м была ещё свежа. Положа руку на сердце, есть ли у нас право безоговорочно осуждать тех, кто, не совершив преступлений, тем не менее предпочёл изгнание новой неволе?

Известна впечатляющая цифра: в соответствии с декретами ВЦИК об амнистии «рядовым участникам белогвардейских военных организаций» на Родину с 1921 по 1931 год вернулись 181 тысяча человек. А сколько из них чуть позже были объявлены шпионами, вредителями или, как минимум, «социально опасными элементами» и по приговорам «особых троек» сгинули в лагерях? А после Победы, когда к тем, прежним, добавились новые сотни тысяч вернувшихся и сгинувших бесправно и бесследно? Сколько их было в точности? Где эта скорбная статистика,

[23]Можно уточнить: по данным ОВИР, за послевоенные годы за границу на постоянное жительство выехали около полумиллиона человек. Процесс этот, разумеется, сразу остановить нельзя, да и нужно ли останавливать? Сдерживать эмиграцию запретами - неприемлемо, а естественным порядком она, уверен, остановится и сама. Пока что, в 1987-1988 гг., но апрель включительно, было выдано 60 тысяч разрешений на выезд.

известна ли она хоть кому-нибудь?

И нечего воротить нос: это было. Не оглянувшись на прошлое, не всматриваясь в самые неприятные его страницы, эмиграцию как явление себе не представишь. Повторяю, она никогда не была однородной, но, чтобы картина стала целостной и правдивой, нужны не частные случаи - их-то можно, было бы желание, подобрать на любой вкус, - а чёткий, без изъятий, исторический фон.

Сегодня нас, конечно же, более всего беспокоит так называемая «третья волна» эмиграции, вспухшая в эпоху Брежнева и не опавшая до сих пор. Именно по этому поводу от меня настойчиво требовали экспертных суждений и в конце концов в 1987 году убедили их высказать. Удачно ли, доказательно ли - судить не мне. Полагаю, впрочем, что удача не была и не могла быть полной: хоть я и призвал на подмогу настоящего эксперта из МИДа, внятности и беспристрастности исторического анализа нам с ним в тот момент ещё не хватило. Из всего опубликованного выделю письмо ленинградца-фронтовика, экономиста по профессии Г.И. Кузнецова:

«Почему вокруг вопроса о «бывших» завязался узел страстей? Потому что, по-моему, в нём переплелись негативные явления, унаследованные от разных времён. Легко ли требовать снисходительного отношения к тем, кто оказался за границей в силу собственной жадности, «вещизма», жажды личного благополучия любой ценой? В 70-е годы общество серьёзно болело этими заразными болезнями, но не прощаем же мы вора, который оправдывается тем, что «все крали»!..

И всё-таки не идёт из памяти другой период нашей истории, когда в начале 50-х Берия затеял так называемую «борьбу с космополитами», а затем «дело врачей», чуть было не закончившееся трагически. Ни Берии, ни его приспешников давно нет на свете, а отрыжка воскрешённого ими антисемитизма слышна и поныне. Сказывается она и в отношении к «бывшим».

Во избежание недоразумений сообщаю, что сам я русский и по отцу и по матери. Под судом и следствием не состоял, за границей не был. Ущемлённым себя не считаю ни в чём. За моим письмом нет ни личной обиды, ни личной заинтересованности, только желание разобраться.

Думаю, раз уж «бывшие» просятся обратно, то не будем им мстить» [24].

В письме есть неточности, спорные утверждения (Берия ли затеял «борьбу с космополитами» и «дело врачей», а если да, то по своему ли почину?). Но что привлекает, очень, - действительное желание разобраться непредвзято. В потоках писем на «эмигрантскую тему», обрушившихся в ту пору не только на «Литгазету», но и, насколько знаю, на самые высокие инстанции до ЦК включительно, таких - непредвзятых - были считанные единицы.

---

[24] «Литературная газета», №27 (5145), 1987, 1 июля.

Тут опять обнаружился парадокс. Письма-то потекли потоком не оттого, что эмиграция, допустим, вышла на какой-то новый виток, а оттого, что группе уехавших в 70-е годы разрешили вернуться обратно. По какому праву?! - возмутились высокоидейные граждане. В некоторых особо непримиримых посланиях явственно проступили антисемитские нотки. Хотя в подавляющем большинстве случаев националистических ноток не было, слог был возвышенным, авторов объединяло благородное негодование. Как?! В трудные годы покинули Родину, а теперь, учуяв перемены, запросились обратно? Отсиделись за тридевять земель, а теперь на готовенькое? Не пущать!..

Ладно, что до «готовенького» куда как далеко. Ладно, что «сидение» за морями обернулось для самих «отсидевшихся» отнюдь не мёдом и сахаром. На такие «мелочи» разгневанные авторы дружно не обращали внимания.

И уж, ясное дело, было им невдомёк, что своими филиппиками они живейшим образом напомнили мне поучения, какие доводилось многократно выслушивать от «соотечественников» на другой стороне. От тех самых, кого всё-таки подпускали, а то и навязывали в «друзья» и «наставники». Те ведь тоже твердили с полным единодушием: «Вернуться и помышлять не моги - не пустят. А если пустят, то посадят. Помнишь Ильфа и Петрова? Заграница - это миф о загробной жизни. Кто сюда попал, тот не возвращается».

Поразительно упорство, с каким консервативное мышление ограждает себя удобненькими, гладенькими кирпичиками стереотипов! Это, в сущности, не зависит от социальной системы, закономерность общая. Вся и разница в окраске кирпичиков: где на одной стороне, на одной проторённой дорожке кирпичик чёрный, на другой, симметрично, белый, и наоборот.

Но сперва о цитате из Ильфа и Петрова. В эмигрантской среде она популярна необыкновенно и почти подлинна. «Золотой телёнок», глава 32-я. Последнее свидание великого комбинатора с бывшим бортмехаником Балагановым на Рязанском вокзале.

«- А как Рио-де-Жанейро? - возбуждённо спросил Балаганов. - Поедем?

- Ну его к чёрту! - с неожиданной злостью сказал Остап. - Всё это выдумки, нет никакого Рио-де-Жанейро, и Америки нет, и Европы нет, ничего нет. И вообще последний город - это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана.

- Ну и дела! - вздохнул Балаганов.

- Мне один доктор всё объяснил, - продолжал Остап. - Заграница - это миф о загробной жизни. Кто туда попадёт, тот не возвращается...»

А краски-то в подлиннике иные! Гораздо живее и богаче. Укатали цитату на эмигрантских дорожках, отсекли от неё весь диалог, кроме самого его финала. И уж тем более запамятовали, что вслед за свиданием

в вокзальном буфете Балаганова сдадут в милицию за кражу грошовой сумочки, а Остап примется отчаянно допытываться у заезжего философа, в чём же смысл жизни…

Учинённое над цитатой насилие не случайно, как не случайна её популярность в усечённом виде. Как не случайны ностальгические, в расчёте на алкогольную слезу, напевы в размножившихся «русских» кабаках. И немыслимые, никакой и даже извращённой логикой не объяснимые перепады настроений, симпатий и антипатий, славословий и проклятий в любом на выбор эмигрантском издании. Всё это разные грани одного и того же явления: «третья волна» эмиграции, в отличие от двух предыдущих, с самого своего возникновения жаждала оправдаться - если не перед Родиной, так хоть перед собратьями по несчастью, перед собой.

«Третья волна» терзалась и терзается комплексом вины. Потому что в этой волне, за немногими исключениями, эмиграция была не вынужденной, а добровольной. Г. И. Кузнецов, чьё письмо приведено выше, умозрительно мягок, но по существу прав: за границу этих людей повлекли, как правило, не идейные соображения, а ощутимое их отсутствие.

Или - смотря что понимать под идейными соображениями. Незабвенный Остап тоже ведь считал себя идейным борцом за денежные знаки. В основе «третьей волны» лежал и лежит всё тот же уцелевший «миф о загробной жизни». Местечковые, инфантильные представления о зарубежном счастии: «полтора миллиона человек, и все поголовно в белых штанах». Ну, может, с небольшой поправкой на эпоху - не в белых штанах, а в джинсах с наклейками. А дальше точь-в-точь «по Бендеру»: «Пальмы, девушки, голубые экспрессы, синее море, белый пароход, мало поношенный смокинг, лакей-японец, собственный бильярд, платиновые зубы…» Стоит ли продолжать?

Нет, я не собираюсь, запоздало сверяясь с канонами, возвращать разговор в стародавнее конфронтационное русло. Я даже готов согласиться с тезисом, вычитанным то ли в «Новом русском слове», то ли в каком-то ещё эмигрантском листке: «третью волну» можно рассматривать как форму протеста против застоя и порождённых им экономических тягот, против коррупции, беспринципности, а равно против ползучего антисемитизма, который нет-нет да и высовывался из статеек и анкет. Спорить не о чем, всё это, увы, имело место. Но убедительна ли эмиграция как форма протеста - вот вопрос. И ещё больший вопрос, не конструируется ли подобная схема как версия для оправдания задним числом…

Беды и вины эмиграции нерасторжимы, сами эмигранты знают это никак не хуже меня. Однако есть за ними вина, о которой они упорно не догадываются, а подскажешь - не верят. Даже реэмигранты, вернувшиеся на Родину после долгих странствий и, в общем, склонные к покаянию, бешено упираются, прежде чем под давлением доказательств соглашаются нехотя, что я прав. Для Центрального разведывательного управления «третья волна» служила объектом самого пристального

внимания. И не только в том примитивном смысле, что каждого мало-мальски сведущего эмигранта изучали с лупой на предмет данных, представляющих разведывательный интерес. В течение лет десяти, не меньше, по эмигрантам судили о глубинных процессах, происходящих в советском обществе, о его «болевых точках», а соответственно и о том, куда и как нацеливать прямые и косвенные удары.

Правда, профессиональный состав и интеллектуальный потенциал эмиграции, по мнению ЦРУ, оставляли желать лучшего. Таково уж свойство «мифа о загробной жизни», что болеют им далеко не все. «Мало-мальски сведущие» шли среди них наперечёт. И нравится это самим эмигрантам или нет, ранит их или нет, но именно на базе длительного изучения «третьей волны» в недрах Лэнгли вызрела идея: пополнить галерею «беглецов с Востока» искусственно, повысить «качество эмиграции» принудительным порядком.

Рассуждали примерно так. Почему не уезжают те, кто мог бы пригодиться на Западе всерьёз? Очень просто - потому, что не пускают. А если пускают, то ненадолго и без семьи. Может, кто-то и хотел бы остаться, да не решается. Значит, надо слегка «помочь», а разлуку с семьёй компенсировать материальными благами, уровнем комфорта, солидным банковским счётом. Если выяснится, что человек действительно сильно привязан к родным и близким, то почему бы не поддерживать их деньгами и посылками отсюда? А какое-то время спустя можно и шум поднять о семейном воссоединении - в Москве такого шума не любят, прислушаются. Даже если успехом увенчается одна попытка из двух-трёх, овчинка выделки стоит...

В 1982 году ЦРУ разработало и разослало своим доверенным по всему земному шару директиву под выразительным заголовком «Программа организации побегов на Запад». (Существовал, по-видимому, и более ранний документ сходного характера, но этот стал достоянием гласности.) В директиве были даны подробные указания о «развёртывании специальных операций по невозвращению на родину граждан социалистических стран». Рекомендовалось использовать в этих целях полный джентльменский набор «традиционных и нетрадиционных» средств и методов: целенаправленный подбор пропагандистских материалов, подкуп, лесть, шантаж, а «в определённых условиях» и неприкрытое насилие.

В 1983 году в Вашингтоне была основана якобы на частные пожертвования, а на деле под контролем ЦРУ (впрочем, одно не исключает другого) контора особого назначения - «Джеймстаун фаундейшн». Основана с задачей - принимать и обрабатывать тех, кого удалось отловить в соответствии с «программой организации побегов», держать их под неусыпным контролем, вымогая у измученных людей просьбу о предоставлении «политического убежища», а в случае удачи устраивать жертвам рекламу и помогать им по крайней мере на первых порах. Американские журналисты прозвали эту контору, в традициях чёрного юмора, «палатой реанимации».

В 1986 году Ионе Андронову, ныне корреспонденту «ЛГ» в Америке, удалось коротко побеседовать с вице-президентом «Джеймстаун фаундейшн» Барбарой Эббот. Поинтересовался он, в частности, и смыслом прозвища. Действительно, при чём тут реанимация и отчего палата?

- Очевидно, оттого, - ответила миссис Эббот, - что нашу организацию можно сравнить с госпиталем, где хирурги, завершив работу над пациентом, отправляют его из операционной в такую палату.

- С той разницей, - парировал Андронов, - что ваши, так сказать, реаниматоры обрабатывают попавших к вам отнюдь не по болезни. Сколько же вам на это ассигновано?

- Мы не скрываем свой годовой бюджет - 750 тысяч долларов.

- И сколько человек вы уже подвергли подобной реанимации?

- Дюжины полторы…

Слукавила миссис Эббот, назвала лишь расходы на содержание аппарата своей конторы. На каждого «успешно обработанного» смета составляется отдельно.

А не был ли я сам, спрошу кстати, «подопечным» миссис Эббот, пациентом её «палаты»? Не знаю. Возможно. Отель «Гест куотерс», где меня поселили в Вашингтоне, расположен на той же Нью-Гэмпшир-авеню, что и штаб-квартира «Джеймстаун фаундейшн». Это факт. И вроде я смутно помню описанный Андроновым серый четырёхэтажный особняк с лепниной на фасаде и с окнами, спрятанными за железными прутьями. Вроде был такой особняк совсем неподалёку от отеля. А что отсюда следует, сам не пойму. Как обмолвился однажды мой главный английский «опекун» Джеймс Уэстолл, случайные совпадения в мире секретных служб бывают, но их ещё надо устроить…

Об эмиграции как явлении мы с Уэстоллом почти не говорили. Зато «миф о загробной жизни» обсуждали не раз. Тут нет противоречия. Юмор плохо пересекает границы, Ильфа и Петрова «опекуны» не читали. Но в миф, формулируя его по-своему, верили свято. Верили, что против материальной культуры Запада никакой идеологии, никаким убеждениям не устоять.

Я честно предупреждал в начале главы, что эта тема полна парадоксов. Самый неприятный в том, что эпоха Брежнева с её двоемыслием и цинизмом, переизбытком лозунгов и информационным голодом «работала» на миф круче и последовательнее, чем эпоха Сталина, скованная страхом. Если автомобиль или видеосистема престижной западной марки становились мерилом жизненного успеха, самодовлеющей целью, то отсюда, собственно, было рукой подать до эмиграции, лишь бы повод нашёлся.

Ну а как же быть дальше? Та эпоха миновала - теперь как? Думаю, что парадокс гасится парадоксом. «Миф о загробной жизни» умрёт, и довольно скоро, если… не мешать ему умереть.

И речь вовсе не о том, чтобы «жигулёнок» сравнялся по своим достоинствам с «мерседесом», а уровень жизни советского инженера приблизился к Рокфеллеру, Меллону или тому же Голдсмиту. Этого в обозримом будущем не произойдёт. Но может и должно произойти другое: люди должны начать ездить за границу. Совершенно свободно. По делам и на отдых, учиться и просто за впечатлениями. Встречаться и общаться с другими людьми, живущими иначе. Сопоставлять не только цены, но и ценности. Открытого сопоставления мифу не выдержать, он обречён.

Обречена ли вместе с ним и непрошеная «благотворительная деятельность» ЦРУ и прочих спецслужб? Как ни удивительно (ещё один парадокс!), тоже обречена, хоть и не сразу. А впрочем, свои соображения на сей счёт я, пожалуй, приберегу для эпилога.

Снова Лондон. Чем торгуют в «Доме белья»

Солидный дом на солидной улице: №162-168 по Риджент-стрит. У подъезда надпись, сохранившаяся, видимо, с викторианских времён: «Дом белья». Знали бы лондонцы, каким грязным бельём торгуют нынче под этой вывеской!

Третий этаж. Безлюдный кондиционированный коридор, двери без табличек. Здесь разместился крупный антисоветский центр, известный в печати под вывеской «Лондонский институт по изучению локальных и международных конфликтов». Заправляет центром - простите, институтом - кадровый разведчик и публицист крайне правого толка, биограф Франко и Чан Кайши Брайан Крозье.

По совместительству Крозье уполномочен блюсти на Британских островах интересы магната, принимавшего меня за океаном. Может, не все интересы и не всякие, но интересы политические - безусловно.

Лет пять назад дружная эта пара Голдсмит - Крозье пошла в наступление на британский журнальный рынок, затеяв выпуск многокрасочного еженедельника «Нау!». Голдсмит взял на себя роль издателя, Крозье - ведущего публициста. Предприятие лопнуло: утробной ненависти к социализму - единственного принципа, положенного в основу издания, - оказалось на поверку маловато. Подозреваю, что британская публика уже и не помнит, как этот еженедельник выглядел и о чём писал, но в архиве «Литературной газеты» несколько номеров сохранилось. Что и даёт мне возможность показать вам Брайана Крозье в профиль и анфас. И на портрете и в публичных высказываниях.

Только не подумайте, что он и в жизни эдакий кинокрасавец с выпирающим подбородком. Польстили мистеру Крозье фотограф с ретушёром: если он и выглядел так, то давно. Теперь он обрюзг, полысел, примкнул к вегетарианцам. Хотя в писаниях своих умеренностью по-прежнему не отличается.

Из современных политических фигур мистеру Крозье всего милее, он

не скрывает, чилийский диктатор Аугусто Пиночет. Пожалуй, диктатор вправе рассчитывать, что со временем из-под пера Крозье выйдет его полновесная биография. Хорошая бумага, высокое качество полиграфического исполнения гарантируются. За высокое качество мысли и аргументации ручаться труднее.

Ну какие, в самом деле, можно изыскать аргументы, чтобы оправдать, более того, восславить кровавую диктатуру, ставшую во всём мире символом террора и беззакония? Вот, полюбуйтесь: «Если вы сохраняете за собой право, - вещает Крозье, - сменить нанимателя, купить и продать дом, жениться или выйти замуж по своему выбору, свободно выехать из страны и вернуться в неё, тогда многие из наиболее важных свобод не обязательно записывать на бумаге.

Вы можете сделать всё это в Чили (как в своё время в Испании при Франко), но вы лишены таких прав в России. И это делает диктатуру Пиночета авторитарной, но не тоталитарной - два понятия, во многом противоположных друг другу».

Иначе говоря, Пиночет терпим уже потому, что Советы завсегда хуже. Знакомая логика! Именно так оправдывали Гитлера в пору Мюнхенского сговора. Именно так - Муссолини и Франко (что Крозье и демонстрирует наглядно). Именно так - парагвайского диктатора Стресснера и никарагуанского Сомосу…

И не стоило бы останавливаться на этой выдержке, не стоило бы переводить её, тысячу раз читанную в разные годы за разными подписями, если бы Крозье был рядовым сотрудником центра, а не его директором. Если бы не приплёл сюда ещё и права человека и не продемонстрировал с подкупающей чёткостью технологию этого столь популярного в недавнем прошлом вранья.

Вранья взаимного и, что ещё печальнее, сплошь и рядом - сознательного. Включая вышеприведённый случай. Не может в конце XX века образованный человек (а что Крозье принадлежит к таковым, сомнений нет) чистосердечно верить, что советские люди «женятся или выходят замуж» не иначе как по решению партячейки. Полагалось бы ему догадываться, что права мало декларировать, их надо обеспечить в масштабах общества. Полагалось бы, наконец, понимать, что диктатура фашистского типа отнимает у человека главное право - право на жизнь, и толковать о каких-либо иных правах применительно к Чили просто не имеет смысла.

А вот ещё пример посвежее. В конце 1986 года в парижском «Экспрессе» Брайан Крозье выступил с сенсационным заявлением: оказывается, вот уже четверть века Советский Союз в соответствии с разработанным в Москве коварным планом травит Запад наркотиками, дабы - цитата - «ослабить нашу мораль и мускулы». Каков бред? Доказательства, разумеется, отсутствуют, да и какие могут быть доказательства, когда задуман новый сеанс чёрного политического вранья?

Однако ближе к делу. Я-то зачем понадобился на Риджент-стрит? Зачем меня разыскали и настойчиво, безотлагательно зазвали в кабинет директора?

Гадать долго не пришлось. В выражениях энергичных и недвусмысленных - от имени и по поручению сэра Джеймса - мне было велено изучить номер журнала «Шпигель» от 21 мая. (Фактически номер вышел из печати на неделю раньше, так что к моменту нашей встречи Голдсмит наверняка знал о нём, только не снизошёл до объяснений.) В номере напечатана статья о ходе следствия по делу о римском покушении - мне как «эксперту» предлагалось доказать, что статья текстуально совпадает с публикациями «Литературной газеты», а следовательно, «вдохновлена теми же целями и теми же организациями».

Сразу скажу, «доказать» такое можно было разве что в кавычках, с грубейшими передержками. Статья оказалась совершенно самостоятельной и к тому же далеко не бесспорной. Общее с репортажами «По волчьему следу» было одно, зато принципиально важное: автор стремился к объективности. Он высмеивал Стерлинг и Хенци, называл их возлюбленный «болгарский след» мнимым. Он заново перечислил вопиющие противоречия в показаниях Агджи, привёл высказывание защитника Сергея Антонова профессора Консоло: «Они вынуждены будут его оправдать, поскольку против него нет ни одной веской улики». Он даже дерзнул отозваться саркастически о ЦРУ!

Немудрено, что в центрах спецслужб статья вызвала бешенство, и неудивительно, что Голдсмит решил использовать её как свежий довод в своей тяжбе с журналом. Занимает иное: неужели можно было рассчитывать на заведомо липовые «доводы» и «доказательства» как на юридически весомые? Очевидно, да - с учётом пристрастности судей: «эксперту» поверили бы на слово и заново сличать разноязычные тексты не стали бы.

- Задание понятно? - спросил Крозье.

- Понятно. Но с чего вы взяли, что я его приму?

Он отчётливо опешил.

- Вы виделись с сэром Джеймсом в Нью-Йорке?

- Виделся.

- Так в чём же дело?

А правда, что я мог и как должен был ответить? Безоговорочное честное «нет» отпадало, это ясно. Не для того я барахтался в сетях психотропного плена, продирался сквозь заведомо более опасные трюки ЦРУ, не для того возвращался в Европу, удерживал и удержал «дорожный документ», чтобы споткнуться на каком-то Крозье. Первые мои реплики сложились почти автоматически - потянуть время, по возможности прощупать собеседника, навык накопился уже изрядный. Теперь требовалась более определённая реакция. Какая? Попробую-ка наудачу:

- Сперва я должен завершить то, что предусмотрено по контракту с «Ридерс дайджест»...

Самое смешное, что не предусматривалось ровно ничего. Никакого контракта не было. Откликаясь на предложение Паницы выступить в «Ридерс», полупровоцируя его на это предложение, я имел в виду конкретную задачу - выцарапать у «опекунов» под этим предлогом нужный мне документ. Я был готов к тому, что в Америке меня посадят за стол и заставят писать, даже парочку тем заготовил таких, чтобы не в ущерб Родине. В молодые годы я немало поездил по самым дальним её уголкам, бывал в местах, с точки зрения американцев, совершенно экзотических. Почему бы, например, не сочинить эссе под заголовком, в меру вызывающим, в меру завлекательным: «А я люблю Сибирь!..».

Давно излеченный от остатков наивности, я отдавал себе отчёт в том, что любую мою строку, о чём бы я ни писал, постараются при «многоступенчатом», по выражению Паницы, редактировании вывернуть наизнанку, окрасить в антисоветские тона. Риск просматривался без увеличительного стекла, но я считал его оправданным. Пока ещё раскачаются, включат рукопись в план, поведут её по ступенькам редактуры, плюс большой производственный срок... Я успею, я должен успеть!

Так я думал перед поездкой в Америку. Того, что писать не придётся вообще, что «Ридерс» ограничится ролью ширмы и перепродаст меня Голдсмиту и Kº на корню, что игра пойдёт куда крупнее какой-то отдельно взятой статьи, - не предвидел.

Но Крозье ведь тоже не видел всей картины целиком! Он не знал, что я не заключал контракта с «Ридерс». Его не уведомили о том, чего не было, и он растерялся.

Это начало замечаться ещё весной: по мере усложнения интриги в неё вовлекалось всё больше новых лиц, и новички всё чаще оказывались посвящены лишь в крошечную часть целого. Как бы ни уверяли руководящие джеймсы бонды меня и себя, что не признают законов, одна закономерность выявлялась всё откровеннее. В ней, собственно, нет ничего специфически западного, она свойственна всем громоздким и в особенности военнобюрократическим организациям, и спецслужбы не составляют исключения. Каждый вниз по иерархии информирован всё хуже, ему сообщают лишь абсолютный минимум, без которого ему не обойтись, и об истинном размахе и целях операции он частенько знает не больше случайного прохожего.

Крозье, разумеется, не был рядовым исполнителем, но его «подключили» только после моей поездки в Америку. Он не знал, а скорее всего и не интересовался, что было до неё. Ручаюсь, всем накопленным тяжёлым опытом ручаюсь, что про Венецию, Брайтон, позолоченную клетку на Редклиф-сквер и многое другое он впервые услышал не раньше, чем я выступил на пресс-конференции в Москве.

Экспромт насчёт якобы заключённого с «Ридерс дайджест» контракта

получился на редкость удачным. И не столь рискованным, как может почудиться на первый взгляд. Крозье был не в силах меня проверить. У кого проверять? У Голдсмита? Тот бы пришёл в ярость, что его посмели беспокоить по таким пустякам. У начальства в «Интеллидженс сервис»? А начальство пожало бы плечами: ну решили американцы по каким-то своим соображениям связать меня контрактом, и что тут страшного?

Раздражать Лэнгли специальным запросом по этому поводу?

Экспромт был непротиворечивым и труднопроверяемым. На самый крайний случай у меня всегда оставалась возможность утверждать, что я просто чего-то недопонял. Не потребовалось - Крозье принял мои слова за чистую монету.

- Уж не собираетесь ли вы снова лететь в Штаты?

- Нет, зачем же, - отозвался я как мог спокойнее. - Париж гораздо ближе. В главной редакции «Ридерс» я уже побывал, обо всём договорился. Когда закончу работу, сдам её в европейское бюро журнала в Париже. После этого, - добавил я, - можно будет подумать и о вашем задании. Если вас устраивает отсрочка в две-три недели…

У него, похоже, отлегло от сердца. Порядка ради он сделал вид, что обдумывает, потом согласился:

- Хорошо. Две-три недели мы ещё подождём. Но вы должны обещать, что в дальнейшем не будете принимать на себя новых обязательств, не посоветовавшись предварительно с нами. Мы не станем ограничивать вашу деятельность, в том числе и литературную, это не в наших интересах. Однако к нашим заданиям следует впредь относиться как к приоритетным. А чтобы это условие не показалось вам обременительным, сэр Джеймс поручил мне предложить вам жалованье в размере двух тысяч фунтов в месяц…

Надо же, подумал я. Видно, припёрло вас: цены растут, как на аукционе. Вслух я произнёс другое и помедлив:

- Сэр Джеймс называл мне более впечатляющие цифры…

- Они также остаются в силе. Сэр Джеймс говорил о разовых суммах, о премиях за каждое убедительно выполненное задание, а я предлагаю вам регулярное жалованье. Начиная прямо с сегодняшнего дня.

- Вы что, хотите, чтобы я ходил сюда, как на работу?

Я догадывался, каков будет ответ, если не в деталях, то в принципе. Вопрос преследовал двоякую цель: как бы поторговаться ещё чуток, косвенным образом, и окончательно успокоить Крозье, внушить ему самодовольную уверенность, что вот сейчас он меня «дожмет». Он клюнул на приманку, не мог не клюнуть: весь опыт служения голдсмитам, весь опыт собственной жизни убеждали его в том, что продаётся и покупается всё, была бы цена подходящей.

- Что вы! - воскликнул он. - Никаких присутственных часов, никаких, повторяю, ограничений в чём бы то ни было. Сочиняйте романы,

отдыхайте на курортах, развлекайтесь как и когда вам угодно. При единственном условии тщательного и своевременного выполнения наших заданий. Больше того. Если дело пойдёт на лад, если вы оправдаете наши надежды, то после первого же большого успеха сэр Джеймс согласен оплатить вам отдых в любой точке земного шара.

- Сэр Джеймс очень великодушен, - отозвался я.

Ничего не скажешь, лицемерить меня научили: учителя попались хорошие.

Добавлю, что чистоплюйству в условиях, в какие я был поставлен, не должно бы вообще оставаться места. И, наверное, если бы понадобилось, я должен был бы пойти в своей игре ещё дальше, составить какой-нибудь подложный, скрытно уязвимый «анализ», принять «заслуженное» вознаграждение, а затем натянуть Крозье и Голдсмиту нос за их же деньги. А всё-таки сознание, что обошлось без этого, что я сумел разорвать кольцо плена и уйти, не передав им ни строки и не запятнав себе рук ни единым подписанным ими чеком, приносит мне удовлетворение.

Зато на следующий же день после визита в «Институт грязного белья» мне отдали ключи от машины!

Почему это было так важно? Потому что я давно задумал, а в Америке решил окончательно: рассказ о «кинофестивале», с самых первых его дней, надо не только восстановить в памяти, но и надиктовать на магнитофонную плёнку. Передать на Родину плёнку - тоже задачка не из простых, но всё же, надо думать, полегче, чем вырваться самому. Чтобы передать плёнку, довольно увидеть Сабова хоть мельком, хоть на две-три минуты. А дальше, в конце концов, даже если не суждено мне вернуться самому, если разгадают мою игру, остановят, а то и прибьют, - это уже будет не так важно, потому что в Москве узнают правду.

Решить-то я решил, а вот как своё намерение осуществить? Ведь не десять минут диктовать и не час, в квартире всё прослушивается, под одеялом долго не выдержишь… Тут-то и пригодилась эта самая «тойота-терсел». И из навязанного мне имущества буквально в два дня превратилась в лучшего друга и доверенного помощника.

Что из того, что где-то в переплетении проводов под капотом или в недрах приборной панели запрятан электронный доносчик, рапортующий, где я нахожусь и куда направляюсь? В том-то и суть, что рапорт неточен - не где я сам, а где «тойота». Я отгонял машину за город, миль за пятьдесят - сто, пристраивал где-нибудь на лесной опушке или на морском берегу, а сам с магнитофоном в сумке устраивался чуть поодаль. И пусть себе передатчик, куда бы его ни упрятали, исправно несёт свою службу, зуммерит в чьих-то динамиках или шлёт зайчики на локационный экран. Местонахождение моё тревоги не вызывает, значит, не помешают…

Между прочим, найти в Англии, не слишком далеко от Лондона, укромное местечко - задача хитрая сама по себе: либо народу прорва (а

для меня и один человек - толпа), либо вывеска «Private» в смысле - «частное владение, вход воспрещён». В конце концов я остановил свой выбор на заповеднике Нью-Форест к западу - юго-западу от Саутгемптона. Сосняк, белый мох, ляжешь на спину - того и гляди сам поверишь, что это не в графстве Гэмпшир, а на Карельском перешейке, где-нибудь возле Вуоксы. Или на архангельском Севере, на Пинеге: сохранились там ещё настоящие сосны, из каких когда-то по указу Петра тесали корабельные мачты.

Одно отличие, притом поразительное: вроде по всем приметам расти бы здесь, в заповеднике, боровикам, крепеньким, как орешки, а нет их. Может, рано? Но маслята, и молодые и перезрелые, попадаются, а боровиков ни единого. И грибников нет. Не доверяют англичане лесным грибам, признают только парниковые шампиньоны да что-то маринованное до горечи наподобие синюшек. А белых не собирают, опасаясь отравы, хотя в любой приличной книжной лавке продаются толстые альбомы-определители, где всё изображено в натуральных красках и с кулинарными рецептами в приложении.

После третьей или четвёртой поездки в Нью-Форест старичок Уилмонт осведомился как бы невзначай, стараясь прикрыть недосужее любопытство старомодной вежливостью, чего это ради я катаюсь изо дня в день по одному маршруту. Мне, очевидно, предоставлялась возможность вспылить: когда же, мол, кончится слежка? Или разыграть удивление: откуда вы взяли, что маршрут не меняется... Обеими возможностями я пренебрёг. Соревнуясь со старичком в вежливости, объяснил про корабельные сосны и про грибы. Не забыл и про величавый собор в Уинчестере, где делал неизменную остановку.

Объяснение, судя по всему, было признано удовлетворительным. Ещё я добавил, что сознательно «накатываю» один маршрут, прямой и несложный, чтобы привыкнуть к левостороннему движению. Тоже почти правда, хотя ездить по левой стороне оказалось гораздо проще, чем я предполагал, а переключать скорости левой рукой удалось приноровиться с первого раза.

Уилмонт пошлёпал губами и спросил, доволен ли я машиной. Тут уж можно было вовсе не кривить душой: машина была прекрасная, послушная, удобная. Несерийная блошка, засунутая ей в нутро, на потребительские её качества не влияла.

Три недели, обусловленные с Крозье, пролетели как один миг. Чуть не впервые с самого начала «фестиваля», не считая отдельных яростных вспышек и разрозненных, фрагментарных удач, я не ждал, как повернутся события, не приспосабливался к ним, а последовательно направлял их. По крайней мере, мне так казалось. Я работал. Считалось, что над статьями для «Ридерс», на самом деле - над дневниками. Кассеты множились, их стало две, потом три, потом пять...

Возникал, конечно, вопрос, как их хранить, но и тут на помощь пришла «тойота». Я перекладывал их в красочные коробочки из-под

записей фабричного производства и сваливал с нарочитой небрежностью в так называемое отделение для перчаток. Говорят, лучший способ спрятать что-либо - держать на виду. Поскольку машина была «с музыкой», наличие в ней большого числа кассет подозрений не вызывало.

А через три недели я, как и надеялся, попал в Париж.

Париж. Лиловые сумерки

Я-то попал в Париж, а вот планы, какие я длительно связывал с французской столицей, рассыпались, как карточный домик. Сабова в Париже не оказалось. Взял он отпуск и уехал домой, в Москву, на месяц раньше, чем уезжал в предыдущие годы. Вот тебе, бабушка, и юрьев день…

Обида была адской, по-детски горькой и, как большинство острых обид, несправедливой. Ну каким чудом мог Сабов угадать, что я окажусь в Париже именно 8 июля? Предупреждать его я, памятуя февральский урок, воздержался, а он ведь не телепат…

Да больше того: никто и не пустил бы меня сюда, если б не его отпуск. Зря я рассчитывал, что после «Института грязного белья» стану себе хозяином и сумею вырваться на свободу, когда и как захочу. Спецслужбы с удовольствием поиграли со мной, как кошка с мышкой. Рвёшься в Париж - изволь, но о Сабове и думать забудь. Моими же стараниями этот вариант был скомпрометирован, и психологи из «Интеллидженс сервис» сочли момент подходящим, чтобы окончательно его перечеркнуть.

Вновь напрашивается вопрос: к чему столько усилий? Можно же было, дешевле и, казалось бы, легче, никуда меня не пускать, а знай себе давить да выкручивать руки. Но нет, с выкрученными руками, как и с вывихнутыми мозгами, я им не подходил. От меня добивались сотрудничества непритворного, заинтересованного. Меня «приручали», не стесняясь в расходах, но и не забывая напоминать, что я по-прежнему зависим и подневолен…

Впрочем, надувательство со статьями, якобы написанными для «Ридерс дайджест», так и не вскрылось.

Номер Сабова не отвечал ни поздним вечером, ни ранним утром. А если бы ответил? Только позже, в Москве, я додумался до очевидного: если бы ответил, было бы много хуже. Меня «заклинило» на идее уходить через Париж, с помощью Сабова, но даже если мы связались бы по телефону, кто дал бы нам встретиться? Январский разговор удался только потому, что явился для «профессионалов» полной неожиданностью. Но тем самым всякая возможность повторить удачу, развить её в прежнем направлении снималась с повестки дня. Ежели, конечно, не брать за образец экранные представления о цельности интриги. С жизнью они опять - в который раз! - не совпали.

Бог весть, как я пережил бы крушение затаённых своих надежд, если

бы это произошло не в Париже. Сабов уехал, «опекуны» поглумились, интуиция подвела - Париж выручил. В особенности одно место в Париже. Кафе «Клозери де лила» на бульваре Монпарнас.

«Тут я подошёл к «Клозери де лила»: свет падал на моего старого друга - статую маршала Нея, и тень деревьев ложилась на бронзу его обнажённой сабли, - стоит совсем один, и за ним никого… И я подумал, что все поколения в какой-то степени потерянные, так было и так будет, - и зашёл в «Лила», чтобы ему было не так одиноко…»

«…Мы сидели на открытой террасе «Лила» и наблюдали, как сгущаются сумерки, как идут по тротуару люди, как меняется серое вечернее освещение…»

«Я сел в углу - так, чтобы через моё плечо падали лучи вечернего солнца, и стал писать в блокноте. Официант принёс мне кофе с молоком, я подождал, пока он остыл, выпил полчашки и, отодвинув чашку, продолжал писать…»

Знакомо?

Всё так, как описано. Почти так. Маршал Ней со своей сабелькой стоит как стоял. Обтекает его толпа, колышутся тени, и наступает минута, когда вслед за последним косым солнечным лучом в город приходят серо-лиловые сумерки. Удивительная эта лиловость длится недолго и исчезает, как только зажгут фонари, но без этих лиловых минут Париж не был бы Парижем.

А на террасе «Лила», несмотря на тёплый вечер, нынче не сидят. Толпятся внутри, где тесно и душно, и ещё норовят протолкаться в самый дальний, самый душный угол. К тому столику, за которым было так удобно писать в блокноте, поскольку толкотни тут тогда не было и на пишущего мало кто обращал внимание. Зато теперь поди не обрати внимания на бронзовую табличку, прикреплённую к знаменитому столику намертво: «Хемингуэй».

Смысл паломничества? Да такой же, как у всякого туристского паломничества, - «отметиться». Мягко говоря, не уверен, что каждый из посетителей любит или хотя бы читал Хемингуэя, как не каждый, кто проносится галопом по залам Лувра, способен отличить Гогена от Тициана. Но - включено в путеводители, надлежит приобщиться. Типичное иноземное любопытство в Лувре: «Сколько это стоит?» И у экскурсоводов заготовлены точные ответы, куда денешься! А в «Клозери де лила» я собственными ушами слышал, как голенастая дама без возраста обратилась к своему мясистому клетчатому спутнику за справкой: «Сколько же этот, - тычок в сторону углового столика, - заработал?..»

В том-то и штука, дорогая дамочка, что Хемингуэй не зарабатывал, он работал. Работал в комнатке над лесопилкой на соседней улице Нотр-Дам-дю-Шан, когда не визжала под полом пила и спал ребёнок. Работал здесь, в кафе, когда и потому что больше было негде. Нелепо и горестно утратил все свои ранние рукописи - и снова работал. И записал весело и гордо в адрес разных преуспевающих: «Будь я проклят, если напишу

роман только ради того, чтобы обедать каждый день!» Запись опубликована посмертно, в путеводители не попала.

В сумеречном, смятенном настроении пришёл я в «Клозери де лила». Пришёл не один. В Париже я, по существу, не бывал один: надзор, смешанный англо-американский, установили плотный до непристойности. Кое-что, воздам надзирателям должное, они мне показали: и на Эйфелеву башню я поднимался, и на Триумфальную арку, и на Монмартре побывал, и в Лувре, и в Версале. И кормили вкусно, и развлекали по вечерам. Но от себя не отпускали ни на шаг.

Зачем такие почести, если Сабов в отъезде? На всякий случай. Уж очень откровенно я рвался в Париж - а вдруг у меня, кроме Сабова, есть и другие парижские варианты? Считалось, вероятно, что меня сломали - почти, купили - почти, приручили - почти, своеволия осталось, мол, на последний дюйм, но потому-то и надо подстраховаться, что дюйм - последний...

Надзирателей было несколько, и они сменяли друг друга. Этот, на бульваре Монпарнас, представился Робертом. Исключительно колоритный был фрукт, офранцузившийся англичанин. Отказавшийся от галстука в пользу рубашки поло. Усвоивший вместе с языком живость жестикуляции и внешнюю беззаботность. Согласный позубоскалить над соотечественниками, их чопорностью и скованностью во имя «хороших манер». Мечтающий остаться в Париже до конца дней своих или, на крайний случай, до старости. «При условии, - разъяснял он, пародируя официальный слог, - что казна её величества не оставит меня своими милостями и будет по-прежнему оплачивать мои скромные досуги».

Он был по-своему занятен, космополит, сбросивший с себя путы британского воспитания, циник, эпикуреец. Вернее, он был бы занятен, если бы не был приставлен ко мне сторожем. Ведь циник - вовсе не значит глупец, и небрежность в манерах - не синоним беспечности.

- Вам не надоело? - спросил он меня на бульваре подле маршала Нея.

- Вы о чём?

- Сабову своему дозваниваться не надоело? Вы звонили ему четыре раза - дважды из гостиницы, из вестибюля ресторана и из метро. Или мы что-нибудь проглядели?

Нет, они ничего не проглядели.

- Послушайте доброго совета, поберегите нервы. Я не обязан вам это говорить, наверное, не должен бы говорить, но за многие годы работы на фирму я только дважды сталкивался с такими бешеными мерами предосторожности. Вот и сейчас, сию минуту, за вами наблюдаю не я один, вы меня поняли? Вам не то что не сбежать, если у вас есть подобные намерения, вам пальцем не пошевелить, чтобы этого не заметили...

- Делать вам больше нечего, - буркнул я.

Если англо-француз хотел меня поразить, ему это не удалось. Я был настолько подавлен неудачей, в душе сгущались такие лиловые сумерки, что каплей мрака больше, каплей меньше - не составляло разницы.

- Я не знаю, почему вы представляете собой такую ценность, - продолжал он. - Не знаю, при чём тут дядя Сэм. Но могу догадаться, что дело нешуточное. И могу дать совет: торгуйтесь. Не тратьте себя на бесполезные выходки, а торгуйтесь. Если складывается - редко, но бывает, - что благополучие фирмы зависит от одного человека, этот человек может выторговать себе всё что угодно. Какая у вас машина? «Тойота»? Просите спортивный «мерседес» - дадут. Просите виллу, личный самолёт, отдых на Таити. Сейчас просите, не откладывая, - как только надобность в вас минует, а это неизбежно, вы не выпросите у них и сантима…

- Не люблю просить, - сказал я, просто чтобы что-нибудь сказать.

Он взглянул на меня с ироническим интересом.

- И я не люблю, и никто не любит. Но все просят, хотя мало кто получает. А вы можете получить. И пожить в своё удовольствие…

- А дальше? Вы знаете, что дальше?

- Нет, не знаю. И знать не хочу, - отстранился он. - И не вздумайте посвящать меня в то, что меня не касается. Вы хотели посидеть в «Клозери де лила» - мы пришли…

«Посидеть», как выяснилось, было негде. Кое-как, и то не вдруг, удалось присесть. Не за угловой, это полностью исключалось, а за столик через один от углового, втиснувшись между каким-то волосатиком и упомянутой выше дамой в шортах и перстнях. Англо-француз, не дожидаясь официанта, протолкался к стойке, принёс по методу самообслуживания две кружки пива, якобы того самого, какое предпочитал Хемингуэй. Пиво показалось водянистым, свет в кафе - слишком резким, и вообще весь этот содом был так далёк от того, что описывалось и ожидалось…

Лиловые сумерки за окнами, по контрасту с яркими лампами в кафе, сгустились до черноты. Лиловые сумерки в душе тоже. Я просчитался. Я опять не видел выхода, никакого выхода. Тупик.

В Лондоне такой же трагический вечер мог бы привести, чуть не привёл, к самоубийству. К малодушно непоправимому решению, тусклому и бесцельному. По счастью, Париж - не Лондон.

Не засиделись мы в «Клозери». На прощание я всё-таки подобрался к угловому столику и коснулся его вскользь рукой. И через час, к собственному своему удивлению, обнаружил, что только это движение и было осмысленным, а чувство безысходности приходит и уходит. А этот Роберт - шестёрка, шут гороховый. А раздражение от пустопорожнего туристского ажиотажа - и вовсе вздор, ерунда, помарка на празднике.

Праздник - неожиданное в моём положении слово. Оно всплыло из

подсознания в тот же вечер, лишь чуть-чуть припоздало. Праздником назвал Хемингуэй неунывающий город Париж. И как же это я забыл? Как позволил себе забыть?

Лиловость парижского предвечерья никуда не делась, она притаилась в улочках и двориках Латинского квартала, в листве каштанов, под коньками крыш. Она осталась оттенком, настроением - импрессионизм мог и должен был родиться только в Париже, - и это настроение не было траурным, грустинка в нём ощущалась, но и отзвук далёкой музыки, лёгкий смех, а ещё обещание, что такой же вечер будет завтра, и послезавтра, и через год. Прав был Генрих Наваррский: Париж стоит мессы. Хемингуэй тоже был прав. И тем более прав был Маяковский:

Я хотел бы жить и умереть в Париже,

Если б не было такой земли - Москва.

Поскольку «кинофестивалю» скоро конец, пора объясниться. Думаю, вы давно обратили внимание на высокое насыщение едва ли не каждой главы литературными параллелями, сопоставлениями и прямыми цитатами. Кому-то это понравилось - надеюсь, не все цитаты затасканы, - а кого-то, возможно, и покоробило. Пожалуй, я и сам предпочёл бы заимствовать поменьше, цитировать пореже, да не могу: параллели эти не надуманы после, они принимали в «фестивале» невидимое, но важное участие. Без них я не продержался бы. В магнитофонном дневнике, о котором я рассказывал в предыдущей главе, их не меньше, а больше.

Так и должно было быть, если я хотел выиграть и вернуться. Пока я тщился «воевать» заёмными приёмами, подсмотренными в посредственных кинолентах, у меня ничего не выходило и выйти не могло. Но когда я вернул себе память и стал опираться на неё эмоционально и нравственно, когда противопоставил «профессионализму» «опекунов» знания и опыт своей профессии, когда в состязание вступили два профессионализма, тогда и только тогда у меня появились шансы на успех.

Где-то прежде я сетовал - кажется, и не раз, - что не у кого было спросить совета, санкции, заготовленных на столь необычный случай. Глупости, как это не у кого? У всей мудрости человечества, накопленной в литературе. Вот я спросил у Эрнеста Хемингуэя, притронувшись к краю его любимого столика: что скажешь, хороший писатель? И он ответил устами Джейкоба Барнса, героя «Фиесты»:

«Не огорчайтесь. Все страны похожи на кинофильм».

И устами старого Сантьяго, ведущего неравный бой с исполинской рыбиной в одиночку, в открытом море:

«...Человек не для того создан, чтобы терпеть поражения. Человека можно уничтожить, но его нельзя победить».

И ещё он добавил, характерно прищурясь, выставив торчком короткую бороду:

«Мужество - как деньги. Тратишь и тратишь, а однажды ночью вывернешь карманы и увидишь, что они пусты. Именно тогда и начинается настоящее мужество».

Не спешите, поклонники и знатоки, восклицать негодующе: это не он! Да, не он - но некоторым образом и он тоже. Влияние его на всю последующую англоязычную литературу таково, что он незримо присутствует едва ли не в каждой звонкой, сочно написанной фразе.

Приведённые слова - из романа Джона Ле Карре «Маленькая барабанщица». Прочтите роман сами - он переводится. И сами решите, вправе ли я считать, что автор «Фиесты» и «Колокола» остался бы им доволен.

Читайте книжки, господа современные тюремщики! Нет, не похождения Джеймса Бонда и не сочинения Баррона, а настоящие книжки. Тогда, быть может, и поймёте в конце концов, что голубая ваша мечта смирить человечество как была недостижимой от века, так и осталась. Не помогали ни костры инквизиции, ни лагеря смерти - не помогут ни электроника, ни атомный шантаж, ни психотропные снадобья. «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить».

Всего я провёл в Париже сто двадцать два часа, пять суток с небольшим. Пяти суток, по мнению спецслужб, было довольно, чтобы я убедился в тщетности попыток снова связаться с Сабовым и вообще увильнуть с уготованной мне дорожки. Пяти суток оказалось довольно, чтобы я понял: несмотря ни на что, час близится, скоро уйду. Возвращаясь из Парижа в Лондон - а как было не вернуться, если довели не до контроля даже, а до салона самолёта, - я уже точно знал как и почти точно когда.

Стрэтфорд, Корнуолл, остров Уайт. Англия в последний раз

«Британия Битова»

Как давно я пишу эту книгу? Формально - с осени 1986 года, а фактически? Заголовок «Кинофестиваль» длиною в...» родился, я рассказывал, хмурым декабрьским вечером в чреве лондонской позолоченной клетки. И многие названия глав возникали так же задолго до возвращения, а иногда и по свежим следам событий, и жили во мне странной призрачной жизнью, ворочались, обрастая подробностями, сопоставлениями, размышлениями по разным поводам, потом входили в подпольный надиктованный дневник... И всё-таки это была ещё не книга, а лишь заметки к книге, вешки на пути к ней. Каждая вешка была необходимой - сперва как средство сохранить рассудок, лекарство от одиночества и отчаяния, затем как подспорье памяти, как доказательство самому себе, что я жив и не сдался, борюсь и надеюсь... Но до книги, повторяю, было ещё далеко.

На пресс-конференции 1984 года я объявил, что книга уже существует, мне так казалось. На самом деле я смог бы тогда подготовить разве что книжечку, собрав и наскоро расширив газетные репортажи. Мне это предлагалось, хорошо, что я воздержался. Не должен был я выходить к читателю с брошюркой-скороспелкой, которая вызвала бы вопросов больше, чем разрешила бы. Обязательно надо было сначала отдалиться от бурных «фестивальных» событий, отделить существенное от маловажного, закономерное от случайного, надо было просто побыть на Родине, поговорить с людьми, разобраться, что им понятно, что нет, что интересно, что нет, - тогда и только тогда можно было приниматься за книгу.

Но тем временем меня неприятно опередили.

Осенью 1985 года лондонское издательство «Вайкинг» выпустило в свет обширное сочинение в броской багровой обложке под заголовком «Британия Битова». Выпустило, как показал анализ, с единственной целью - хоть косвенно, хоть год спустя притушить общественный резонанс, вызванный моим возвращением на Родину и рассказом о пережитом. Был избран приём, которому не откажешь в известной оригинальности: якобы сразу вслед за разоблачительными репортажами я испёк и издал в Москве книжку, порочащую Англию и англичан - не спецслужбы, не каких-то мало кому известных капитанов и полковников, а нацию в целом. Всё-то в этой стране мерзко и убого, достойно издёвки, и вот, не успев сносить купленных в Англии носков, я-де поспешил «просветить» и «позабавить» своих соотечественников серией пошлых анекдотов.

Естественно, «Литературная газета» не могла пройти мимо пасквильного издания. Были опубликованы мой ответ на «Британию Битова» и редакционный комментарий, где, в частности, говорилось:

«Пересказывать цепь событий, приведших к тому, что имя сотрудника «Литературной газеты» оказалось в центре внимания мировой печати, нет нужды. Многим, очевидно, памятны его репортажи «Кинофестиваль» длиною в год» и другие материалы, разоблачающие насаждаемую реакционными кругами Запада политику государственного терроризма, развёрнутую по их указке охоту за советскими людьми, попытки использовать новейшие достижения науки для разработки гнусных приёмов деформации психики, контроля над волей и разумом человека.

Но памятны они не только нам - памятны и тем, кто оказался пригвождённым к позорному столбу. Памятны тем более, что предпринятые отдельными западными газетами «по свежим следам» проверки оглашённых Битовым имён, дат, адресов, номеров телефонов и т. д. дали результат совершенно однозначный: всё подтвердилось. Потому-то, наверное, и возникла подлая идейка: если опровергнуть бывшего пленника британской разведки не удаётся, то хотя бы отомстить ему, выставив безответственным болтуном, невеждой и графоманом…

Вдвойне возмутительно, что фальшивая «Британия Битова»

выпущена как книга переводная, якобы изданная и широко читаемая в Советском Союзе. Под «предисловием автора» красуется ссылка на «Литературную газету». Мало того, в тексте многократно подчёркивается, что книга «санкционирована советскими властями», которые, выходит, заинтересованы в том, чтобы советские люди представляли себе Британию пасквильно, карикатурно.

Убеждать, что это не так, - всё равно что доказывать таблицу умножения. Книги, подобной «Британии Битова», в нашей стране никогда не было и быть не может. И не только потому, что всем своим содержанием она нацелена не на советского, а на английского читателя, но и по более глубоким, принципиальным соображениям. Не в обычаях наших издательств печатать опусы, полные оскорбительных выпадов в адрес другого народа, поощрять национальную рознь, пренебрежительное верхоглядство и шовинизм. Не в правилах советских людей высокомерно поучать других, какие порядки им заводить у себя дома.

В связи с выходом «Британии Битова» редакция «Литературной газеты» требует от издательства «Вайкинг» публичных извинений и немедленного изъятия книги из продажи как заведомо фальшивой и вредной» [25].

Надо ли говорить, что извинений от издательства «Вайкинг» «Литгазета» не дождалась. Кое-какие отклики, впрочем, были. К примеру, русская служба Би-би-си высказалась в том смысле, что литературная мистификация, мол, вполне законный приём и что мне должно бы «не обижаться, а гордиться». Возможно, и так, если бы речь шла о чисто литературной мистификации, пародии или розыгрыше. Но речь шла и идёт о заведомой политической провокации, чего русская служба ухитрилась старательно не заметить.

«Не заметили» в русской службе (уж не разучились ли читать по-русски?) ни единого из составлявших ткань моего ответа аргументов и доказательств. Ладно, что обошли молчанием доводы в пользу прямой причастности «Интеллидженс сервис», - было бы даже странно, если бы признали. Ладно, что не огласили моей догадки относительно личности настоящего автора, а я считал и считаю, что тут не обошлось без того же Харт-Дэвиса из «Санди телеграф». Но одна часть ответа, русской службой также «не замеченная», представляется настолько важной принципиально, что позволю себе воспроизвести её заново, не изменяя ни слова:

«Прежде всего: правомерно ли само словосочетание, вынесенное на обложку? Существует ли, коль на то пошло, Британия, какую я без насилия над собой согласился бы назвать своей?

Как ни удивительно, да. Правда, она, эта Британия, почти совершенно безмолвна, словно я, сохранив зрение, на год утратил слух, а вернее, - словно в кино, цветном и широкоформатном, отключили звук. Отчего бы?

---

[25] «Литературная газета», №17 (5083), 1986, 23 апреля.

Объяснение, в сущности, просто: страна безмолвна потому, что безлюдна. Не в том прямолинейном смысле, что не населена, а в том, более глубоком и необходимом, что не согрета дружеским теплом, радостью человеческого общения. Тех, кто навязывался мне в благодетели, тщился не мытьём, так катаньем приспособить меня к своей системе ценностей, к своим грязным политическим целям, я со счета категорически сбрасываю. Если угодно, я вообще отказываю им в праве именоваться людьми, представлять свою страну, её народ, её характер - это современная нечисть, упыри, тем более страшные, что пооканчивали кембриджи и выучились творить зло, опираясь на магию науки.

Но никаким упырям не под силу замордовать человека так, чтобы он не замечал ничего вокруг, кроме собственного несчастья. Чтобы не запомнил бурые утёсы Корнуолла, зелёные холмы Сассекса и многоцветные сполохи парусов над холодноватой гладью Британского канала, известного остальному человечеству под «ошибочной кличкой» Ла-Манш. Чтобы из памяти стёрлись вековые парки, похожие на леса, и леса, ухоженные, как парки. И разбросанные там и сям коттеджи и коттеджики, издали равно весёленькие и аккуратненькие, а вблизи затейливые или топорно грубые, кичливые в самодовольном достатке или жалкие в ретиво прикрываемой нищете. И если поискать взглядом, то где-нибудь среди крон или на склоне непременно отыщется угрюмый, поросший мохом и плющом осколок седой старины - феодальная башня, ровесница Робина Гуда, а то и легендарных «рыцарей круглого стола». А разве забудешь серебряные шотландские «лохи», озёра-фьорды, иные протяжённостью в десятки миль, и над каждой милей висит, переливается своя отдельная радуга, отчётливо достающая концами до самой земли. По крайней мере так было в те дни, когда мне выпало их увидеть, и убеждён: именно здесь, при сходной погоде, родилось поверье, что, если копнуть в точности там, куда упёрлась радуга, отроешь звонкий горшок с золотом...

Выходит, Британия осталась для меня лишь страной пейзажей? Нет, ни в коем случае.

В книгах об этой стране - а их немало - неуклонно внушается, что она полна закоренелых себялюбов, что истинный бритт одинок и обособлен, как та самая феодальная башня: по пояс в грунт уйдёт, а слова не молвит и по сторонам не оглянется. Ну что ж, известная отчуждённость каждого от всех и всех от каждого действительно бросается в глаза. Только - как бы выразиться поточнее - слишком уж бросается, чтобы ею всё и исчерпывалось. Скорее другое: британец внешне отчуждён от себе подобных не потому, что чурается и презирает их, а потому, что врождённо, безоговорочно их уважает и опасается хоть ненароком ущемить. А попробуйте копнуть - держу пари, блеснёт на глубине золото. Рискните, остановите первого встречного, неприступнейшего из неприступных, и попросите о помощи, сославшись, скажем, на незнание местных обычаев. Внимательнее и терпеливее британца в этой, казалось бы, раздражающе банальной ситуации на свете не сыщешь.

Жаль, конечно, что не судьба была завести здесь друзей. Но, быть может, именно потому, что волею обстоятельств народ не разделён в моём сознании на семейные и дружеские ячейки, я острее, объемнее воспринимаю его как целое. И это целое - бесспорно положительная и даже привлекательная величина. Привлекательная своей самобытностью, самоотверженной привязанностью к не слишком щедрым своим островам. Глубоко припрятанной, но оттого стократно ценной душевной чуткостью. Готовностью посмеяться - не над кем-то, а в первую голову над собой. Уважительным отношением к братьям нашим меньшим и вообще ко всему живущему на Земле. И - это уже частность, но частность, своеобразно вытекающая из всего остального и очень мне небезразличная, - к спецслужбам её величества, к джеймсам бондам во плоти, а не на экране здесь относятся весьма прохладно, если не презрительно. Их по возможности обходят подальше как нечто нарочитое, малопочтенное, злокачественно чуждое традициям и интересам страны».

Строго говоря, сохранять кавычки я был не обязан. Но показалось правильным выделить отрывок, оградить его кавычками, потому что он - итоговый, потому что переписать его точнее, чем уже сделано, я не смогу и лучшего опровержения «Британии Битова» найти не сумею. Только добавлю, пожалуй, что родился этот отрывок, накопился и вызрел именно в последний английский месяц.

1200 миль за рулём

У меня было на выбор, я знал заранее, три даты: 10, 17, 24 августа. Три пятницы. Почему пятницы, я уже объяснял: пятница, любая пятница, означала начало уик-энда с вытекающими отсюда послаблениями во всех отношениях и на всех уровнях. А пятницы августовские, исключая самую первую, обещали послабления большие, чем когда-либо: повсюду, в том числе и в спецслужбах, назревали отпуска. Из чего следовало с неизбежностью, что в критических для меня точках - в аэропортах, в том числе и на паспортном контроле, - появятся люди привлечённые, временно замещающие, хуже натренированные, да и затеряться в отпускном пассажирском столпотворении неизмеримо легче.

Кто мне рассказал об этом? А никто. Накопились не просто впечатления о стране, а и умение вычислить, как поведут себя англичане в той или иной ситуации, накопились знания и навыки, чтобы осуществить свой план уверенно, не задав нигде ни одного лишнего вопроса. Да, в Париже я потерпел поражение - по собственной вине. Да, мне и теперь нужна была капелька удачи. Но и права на новое поражение у меня не осталось.

Когда меня вернули из Парижа, шла середина июля - до августа надо было ещё дотянуть. Я посетил «Институт грязного белья» и назаказывал кучу всяких материалов, ксерокопий и переводов, заверив Крозье и его помощников, что всё это совершенно необходимо для предстоящей работы. И, совершив сию лицедейскую акцию, я сбежал из Лондона, отправился в своё первое и последнее большое автомобильное

путешествие по стране. Периодически я позванивал то в институт, некоему уполномоченному на то Рону Бакстеру, то «опекунам» в «Интеллидженс сервис» - Уилмонту или прямо полковнику Хартленду. У Бакстера справлялся, как выполняется мой заказ, критиковал его за нерасторопность, Уилмонта с Хартлендом заверял, что вот-вот тронусь в обратный путь. Я вёл себя пай-мальчиком, которого не в чем упрекнуть, не считая того, что, повесив трубку, я не выруливал на лондонскую автостраду, а двигался дальше.

В общей сложности за две недели я накатал примерно 1200 миль. Побывал в местах, какие перечислил в названии главы: в шекспировском Стрэтфорде и в пережившем «ковровую бомбёжку» Ковентри, поднялся на северо-запад до Честера, потом часа за четыре спустился без остановок до Экзетера. Потом - дальше на запад и юго-запад, вплоть до оконечности Корнуолла, мыса Лэнде Энд. Под оглушительный ор гигантских раскормленных чаек посидел на бережку, поглядел на Атлантику с третьей для себя стороны (принимая Африку за первую, Америку за вторую). Затем наконец-то повернул назад, поскольку иного выхода не оставалось, дороги в океан не было, но и тут не спешил, а ехал широким зигзагом, пока не занесло меня ещё и на остров Уайт…

Была в этом движении, достаточно хаотичном, одна особенность, заслуживающая того, чтобы отметить её отдельно: почти ежедневно я попадал в порты, включая такие, откуда есть регулярные паромы на континент. Легко себе представить, что в эти дни за мной следовало и меня обгоняло предупреждение: машину под номером NYK993Y и её владельца ни при каких обстоятельствах на борт не пускать. А я и не пробовал проникнуть на борт. Трепал «опекунам» нервы, не отрицаю, но пытаться тихоходно и рискованно пересечь Ла-Манш - ради чего? Чтобы в лучшем случае очутиться в каком-нибудь Шербуре или Дьеппе, иначе говоря, во Франции, откуда меня только что выставили? Слуга покорный!

В поездке этой я преследовал цель не только потянуть время, подвести его к августовским отметкам, но и другую, более тонкую и совершенно не различимую со стороны. Иностранцев опознают по акценту, это аксиома, но речевой акцент - не единственный. Ещё заметнее, да и важнее, акцент в манерах, поступках, в неосведомлённости о мелочах быта, учебниками не предусмотренных, в растерянности перед лицом заурядных, а то и чепуховых житейских ситуаций, в которых уроженец Альбиона разбирается не задумываясь, как дышит. И если я так и не сумел избавиться от лёгкого акцента в разговоре (тут мне англичан было не обмануть), то от акцента в поведении я должен был освободиться напрочь. Это входило в план - поведение должно было стать естественным, не привлекать к себе ничьего и никакого внимания.

Я останавливался в маленьких провинциальных отелях, а ещё чаще в пансионах - обычных частных коттеджах, но отмеченных скромной вывеской «би энд би», то бишь «постель и завтрак». Я поневоле вступал в переговоры с хозяевами, с другими постояльцами, да и на улицах

приставал к встречным-поперечным с вопросами, какие в голову взбредут. Поскольку мне было относительно всё равно, куда ехать, и подробный дорожный атлас оказался выше всяких похвал, сбиться с пути мне было мудрено, и всё же я заставлял себя вступать в общение с полисменами и патрульными, с водителями - соседями по автостоянкам и заправщиками на бензоколонках. Я впитывал в себя поведенческие мелочи, копил их про запас. Я не знал, которая из них будет для меня на вес золота, но верил, предвидел, что какая-нибудь сгодится наверняка.

Попутно я доделывал свой магнитофонный дневник, прослушивал через наушник, вносил добавления и уточнения: передать его Сабову не удалось, но не выбрасывать же! Не удалось в Париже - удастся где-нибудь в другом городе, в другой стране, не Сабову, так кому-то другому, всё равно кому, лишь бы дневник попал по назначению…

И совсем уж попутно - не ставил я себе такой задачи, но рад, что она сама нашла меня, - у меня складывалось то самое мнение об англичанах, какое легло в основу приведённого выше отрывка. А то ведь могло произойти досадно непоправимое, и я покинул бы страну в убеждении, что она вся насквозь населена уэстоллами, хартлендами да брайанами крозье. Умом бы, скорее всего, понимал, что это абракадабра, несусветица, навязанная мне аберрация восприятия, но угол зрения остался бы резко зауженным и расширить его впоследствии было бы очень трудно.

Я мог бы, вероятно, поднатужиться и нарисовать две-три картинки из этого своего последнего путешествия - но не стану. Даже Стрэтфорд, при всём благоговейном отношении к Шекспиру, описывать сейчас воздержусь. Потому что никакой особой роли в выполнении намеченного плана посещение Стрэтфорда не сыграло, а если бы я стал конструировать эту роль задним числом, то солгал бы. И если бы стал выискивать в шекспировских трагедиях какое-нибудь крылатое выражение, сильно подходящее к случаю, тоже солгал бы. Там и тогда не вспомнилось, значит, не было в нём духовной нужды. Значит, время искать опору в мыслях мудрых, но заимствованных, приспособленных, миновало.

Хотя, если честно, был у тех дней свой литературный рефрен, и стучал он в висках так же неотступно, как стишок про Бармалея зимой в Марокко. Рефреном этим - от Стрэтфорда до Корнуолла, а оттуда до острова Уайт - стали восемь строк Роберта Бёрнса в волшебном переводе Маршака:

Британский край! Хорош твой дуб,

Твой стройный тополь - тоже.

И ты на шутки был не скуп,

Когда ты был моложе.

Богатым лесом ты одет -

И дубом и сосной, брат.

Но дерева свободы нет

В твоей семье лесной, брат.

«Кинофестиваль» завершается

А назначил мне точный срок возвращения на Родину, выбрал из трёх пятниц одну, среднюю, - он удивится, но это факт, - самолично Брайан Крозье.

Когда я вернулся в Лондон, выяснилось, что он заболел. Мне померещилось, что его болезнь мне на руку, и я попробовал ещё продлить прежнюю тактику: забраковал половину подготовленных переводов, запросил десяток справок, ни малейшего отношения ни к чему не имеющих и совершенно мне не нужных. Номер не прошёл. Бакстер созвонился с Крозье, и тот, тоже по телефону, поставил ультимативный срок: «анализ» выступлений «Шпигеля» должен быть завершён к двадцатому и ни на день позже.

Так определилась дата. Её надлежало застраховать от капризов судьбы и дурного глаза, от недоразумений, напастей и внезапных приступов бдительности, а главное, конечно, от слежки. Ни одна страховая компания в мире за такое не взялась бы, но у меня, недаром я столько колесил в одиночестве по дальним графствам, была продумана на этот счёт целая система мер.

Во-первых, я перезвонил Крозье и сообщил, что задание будет выполнено убедительно и в срок, но у меня неважно с деньгами и я просил бы подготовить мне к двадцатому чек пожирнее. Просьба была выслушана и принята с благосклонностью.

Во-вторых, я связался с «толстым Питером», а то он давно не подавал о себе вестей. Поскольку, сказал я, вслед за работой по заданию сэра Джеймса (слышал ли Питер об этом? ну ещё бы!) я намерен приняться за обещанную издательствам книгу, то не разумно ли обеспечить меня для ускорения дела персональным компьютером? Да, согласен в счёт будущих гонораров. Да, разумеется, с хорошей редакторской программой и быстродействующим автоматическим принтером. Какой срок доставки и установки? Хотелось бы на двадцать второе число.

В-третьих, я напросился на свидание с полковником Хартлендом. Тут я выдвинул целую кучу идей, позаимствовав их по преимуществу у англо-француза с бульвара Монпарнас. Мне надоел самолётный рёв над головой, заявил я, желаю тихий домик за городом - это раз. Мне нужны доказательства, что я всерьёз обеспечен материально, желаю чековую книжку и набор кредитных карточек, - это два. И наконец, желаю провести следующую зиму не в мозглой английской сырости, а в круизе по тёплым морям, предпочтительно на лайнере «Куин Элизабет», который безудержно рекламируется в газетах и по телевидению. Как насчёт того, чтобы заказать мне каюту первого класса начиная с октября или ноября? Фирма не разорится?

Поразительно, до чего же прав оказался англо-француз. Чем более

наглые «пожелания» я выдвигал, тем ласковее держался полковник. Ей-же-ей, возникало опасение, что он вот-вот погладит меня по головке. «С нами по-хорошему - и мы по-хорошему», - мурлыкал он надтреснуто, как кот, объевшийся сметаны. Мало того, что он принял все мои требования, по крайней мере, пообещал принять, он посулил мне, в придачу к чекам и милостям сэра Джеймса, ещё тысчонку в месяц «на карманные расходы». Застлали спецслужбам глаза миражи, вся-то и забота вроде бы сводилась к тому, чтобы их не развеять…

Вроде бы. А на деле, не прими я таких экстраординарных мер, не догадайся застраховать свои планы дважды и трижды, - и не получилось бы у меня ни черта. Хоть до 17-го и оставалось всего ничего, а злая неожиданность проклюнулась, для неё времени хватило. В Лондон внезапно (внезапно ли? случайно ли?) нагрянул комментатор небезызвестной радиостанции «Свобода» и потребовал у меня интервью. Я отфутболил его к Крозье, заявив, что занят важнейшей работой для института на Риджент-стрит и отрываться не вправе. Не помогло - визитёр попался ушлый. Еле-еле удалось уговорить его (как ни противно, именно уговорить) потерпеть со своим интервью до следующего вторника. До двадцать первого.

А в воскресенье 19-го я был уже в Москве.

Бог ты мой, какой только чепухи ни писали потом английские и другие западные газеты! Что за мной в Англию снарядили… подводную лодку. Что меня вывезли, предварительно усыпив и упаковав в ящик вместо какой-то аппаратуры. Что меня заманила в ловушку собственная дочь, которую прислали в Лондон под чужим именем, чтобы она позвонила мне по телефону и назначила встречу, где меня поджидали «агенты» в масках. И т. д., и т. п. Следуя неизменному правилу вывернутой перчатки и не ленясь поглядывать при этом в детективные романчики.

Особенно усердствовал тот самый радиокомментатор, так и не получивший интервью. Судя по всему, бывшие мои «опекуны» от него не таились и, оправдываясь перед начальством, а ещё более перед ЦРУ, рассказали ему кое-что о том, что я проделывал в последние английские дни. А комментатор помножил информацию на свой «жизненный опыт» и изумился в достаточной мере искренне: не может быть! Человеку сулили златые горы, подносили ему на блюдечке всё, о чём только можно мечтать, а он по своей воле отказался от пухлых банковских счетов, от вилл и круизов - нет, это невероятно. Не может быть! Impossible! Incredible!

Очень даже «поссибл», господа. Случилось то, что обязано было случиться. Не вышло бы у меня - вышло бы у кого-то другого. Нет у вас таких денег, чтобы окупить слёзы, выплаканные мамой, женой и дочерью. Нет таких препаратов, чтобы вытравить чёрный иней ленинградской блокады не из памяти - из души. Чёрный иней - это, конечно, из моего личного багажа, у других, кто тоже сумел вырваться из ваших сетей, образ Родины рисовался как-то иначе. Но если этот образ живёт в душе,

если не замутнён потребительскими страстишками и мифологией «загробной жизни», он не покупается ни за какие деньги, потому что не продаётся.

Что же касается «кредибл», а в переводе - достоверности… Вы же сами, господа, всё подтвердили. Лихорадочными поисками всё новых и новых версий. Преувеличенным вниманием ко мне после моего возвращения домой - в сочетании со странноватой уважительной неприязнью и полнейшей неспособностью опровергнуть что бы то ни было по существу. Вы даже спохватились, да поздно. Количество выдуманных версий перешло в качество, и самые равнодушные обыватели начали спрашивать: если ничего серьёзного не случилось и рассказ на пресс-конференции - просто ловкая выдумка, к чему тогда столько шума? Кончилось тем, что пришлось сочинять и издавать «Британию Битова». И то не удержались, повторили в издательской аннотации, что я вернулся в Советский Союз «при таинственных обстоятельствах».

Какие же это обстоятельства? Подводной лодки, разумеется, не было. А было вот что.

В пятницу, 17 августа, часов в десять утра я вышел из квартиры в Ричмонде с одним плоским деловым чемоданчиком, хоть и уложенным тщательнее обычного. Не торопясь сел за руль и поехал не близко, не далеко - в сторону Оксфорда. Где-то на полдороге притормозил, достал из ящика для перчаток кассеты с надиктованным дневником и уложил их на дно чемоданчика.

Поставив машину на стоянку, я запер её и ушёл. С чемоданчиком. Подле железнодорожной станции заглянул в бюро путешествий и попросил забронировать мне место на самолёт, вылетающий из Хитроу на континент через три часа. Электронный доносчик, оставшийся в машине, об этом, понятно, не проведал и не доложил.

Меня продержали в Англии достаточно долго, чтобы я усвоил: если явиться в аэропорт к самолёту, это будет воспринято как нечто не слишком обычное и привлечёт ко мне внимание. А билет, заказанный заранее, хотя бы и за два-три часа, и в аэропорту только выкупленный, - это норма. И, как всякая норма, не вызывает вопросов.

Экспресс «Интерсити» доставил меня в Лондон за пятьдесят минут. Времени хватило ещё и на то, чтобы проехаться на метро, несколько раз переходя с линии на линию. Нет, я не ошибся, принятые мной меры сработали - слежки не было. В метро «коробочка» тоже не разваливается, но поддерживать её сложнее и заметить легче.

Даже злополучная поездка в Париж и та теперь обернулась мне на пользу. Ведь в Париж я летал именно со второго, европейского аэровокзала, куда приехал и теперь. Я сориентировался без труда. Выкупив билет непосредственно перед посадкой, я протянул пограничному чиновнику свой порядком уже затрёпанный и исштемпелеванный «дорожный документ». Чиновник небрежно перелистал его и, чувств никаких не изведав, шлёпнул печатью. А ещё

через два часа я переступил порог советского посольства в одной из европейских стран.

Меня не ждали, но, надо отдать справедливость, разобрались быстро. И вскоре я двинулся дальше, в состоянии куда более спокойном: дневник был сдан ответственным работникам посольства и дальше путешествовал от меня отдельно. Полдела было сделано. Но в собственное освобождение я окончательно поверил, могу признаться, лишь тогда, когда шасси самолёта коснулись бетона в Шереметьеве. Путь из Лондона до Москвы, на который прямым рейсом ушло бы три с небольшим часа, занял у меня с посадками-пересадками около двух суток.

Ещё одна деталь. Чуть не запамятовал, а было бы жаль. В последнюю минуту перед выходом из лондонской квартиры я достал небольшую карточку, оставленную мне в своё время Уэстоллом. Поскольку квартиру не купили, а сняли, то сюда нет-нет да и поступала почта, предназначенная истинным владельцам - бакалейщику мистеру Саиду и его приятельнице мисс Уорден. Почту эту полагалось помещать в заготовленные заранее конверты с наклеенными марками и надписанным адресом - и в каждый конверт опускать карточку «С наилучшими пожеланиями от Джеймса Уэстолла». Нанимателем ведь считался он, а мне владельцев, да и условия найма и знать не полагалось.

Дёрнул меня бес, достал я такую карточку и, размашисто перечеркнув предлог «от», вписал над строчкой другой - дательного падежа. Получилось: «С наилучшими пожеланиями Джеймсу Уэстоллу». Карточку с поправкой я оставил на видном месте, в центре стола, и даже прижал стёклышком, чтобы не сдуло.

Глупая выходка. Не сдержался. Виноват. Очень уж надоело сдерживаться.

К счастью, я всё рассчитал верно, и квартиру до вторника не вскрывали. А во вторник меня уже не могли достать ни МИ-5, ни МИ-6, ни само ЦРУ.

Крах одной провокации

> «ЛГ» №№38 (5000)-43 (5005), 19 сентября-24 октября 1984 г.
> Из выступления на пресс-конференции в Агентстве печати «Новости»

Перед каждым, кто попадает в плен в объявленной или необъявленной войне, есть три пути [26]. Первый - открытое

[26]Коллеги и читатели критиковали меня за эти слова, кое-кто резко: по их мнению, я как бы поставил знак равенства между первым, героическим путём и двумя другими. А вся беда в том, что выступление воспроизвели в «ЛГ» - бывает, оказывается, и такое - чересчур буквально, стенографически, вплоть до прямых оговорок и явных смысловых неточностей. Оговорки я сейчас, конечно, выправил. Этот тезис, реально прозвучавший и многократно повторенный в перепечатках на разных языках, выправить не могу, могу только пояснить. За исключением прирождённых ораторов, которых мало, всем остальным приходится уточнять смысл произнесённых фраз интонацией, паузой, мимикой, жестом. В печати этих оттенков не остаётся. Думаю, что те, кто слушал меня, а

сопротивление и явное неподчинение, а значит, скорая, чаще всего безымянная могила. Второй путь - предательство, отказ от своих убеждений и полный, откровенный переход в иной лагерь. Вся моя натура советского человека противилась этому. Находясь за границей, я использовал любую возможность, чтобы дать весточку родным и близким мне людям, дать понять им, насколько это было возможно под неусыпным оком моих «опекунов», что этот путь не для меня. Оставался третий - трудный, сопряжённый с риском компрометации перед своим народом и не гарантирующий удачи, но, как видите, иногда со счастливым концом. Я выбрал этот путь: выиграть время, усыпить бдительность моих тюремщиков, вынудить их прекратить медикаментозные допинги. Я сделал вид, будто намерен сотрудничать.

В моих заказчиках топтались многие и, конечно, корпорация Би-би-си в Лондоне. И передо мной действительно открылся простор для работы - нет, не над книгой, которую ждали мои «меценаты». Я писал единственную, настоящую книгу [27] - свои репортажи «Кинофестиваль» длиною в год», в которую вошли и мои впечатления, и откровения барронов, хартлендов и иже с ними. Я писал её как своё завещание, ещё не надеясь на избавление. Для меня не оставалось ничего важнее, чем сохранить и довести до общественности свидетельство очевидца закулисной кухни западных спецслужб, ставших ударным отрядом объявленного против нас «крестового похода».

Позвольте мне не комментировать тот фактический материал, который я сегодня передаю вам, коллеги. Свою точку зрения я изложу в своих публикациях. Все мы здесь - журналисты. И я считаю неэтичным навязывать вам свой выводы. Вы, может быть, лучше меня в состоянии сделать заключение о том, что дозволено спецслужбам в так называемых демократических странах.

Из откликов на пресс-конференцию

Лондон. На развалинах башни лжи [28]

Штаб-квартира секретных служб в Лондоне, похоже, оказалась после пресс-конференции Олега Битова в нокдауне. Английская реакция на неё оказалась многослойной, как кочан капусты. И суть провокации против советского журналиста изо всех сил пытаются сейчас скрыть за десятками технических деталей, разнообразных подробностей, не имеющих отношения к делу эмоций. Но из этого созданного прессой водоворота вновь и вновь упрямо выплывают обнародованные в Москве разоблачительные факты.

Буржуазная пресса, строя спекулятивные предположения в

не читал, поняли всё с самого начала. Читателям этой книги, надеюсь, тоже теперь всё ясно: погибнуть было проще, выжить и вернуться - нужнее.

[27]Как известно теперь читателю, не писал, а диктовал на магнитофон - но сути дела это не меняет.

[28]Некоторое время спустя автор этой заметки Сергей Воловец был выслан из Англии по смехотворному обвинению в «недозволенной деятельности».

отношении заявлений О. Битова, опубликовала сообщения о сделанных по этому поводу министерствами иностранных дел и внутренних дел Великобритании протестах и опровержениях.

Коммунистическая «Морнинг стар» в этой связи подчеркнула, что «британские секретные службы оказались в полном замешательстве», когда в ходе «сенсационной пресс-конференции в Москве» О. Битов говорил о трюках их «департаментов грязных дел».

...Отель «Олд Фелбридж» в десятке километров от южной границы Лондона, куда агенты британской разведки доставили Битова под именем Дэвида Лока. Здесь сохранилась (и показана теперь всей стране по телевидению) карточка, резервирующая на это имя комнату №113. В тот же день и днём позже здесь поселились названные на пресс-конференции полковник Джордж Хартленд и подполковник Джеймс Уэстолл. Их запомнили нынешний менеджер отеля Брайан Констебл и работавшая здесь в сентябре прошлого года мисс Уайтхауз. Хартленд и Уэстолл давно облюбовали уединённый отель для своих делишек. Мисс Уайтхауз вспоминает, что они выдавали себя за бизнесменов, но отличались манерой поздно вставать и, по видимости, были очень заняты по субботам и воскресеньям, когда деловые люди, как правило, отдыхают.

Следующий адрес - квартира №118 в доме по Аппер-Ричмонд-роуд. Управляющая домом Диана Предал утверждает: квартира принадлежит Джеймсу Уэстоллу.

Квартира №4 на Редклиф-сквер. Местный избирательный регистр содержит имя владелицы. Это Роуз Принс, названная на пресс-конференции среди сотрудников британской разведки.

Факты, факты, факты. И всё-таки, признавая их, английские службы массовой информации в большинстве своём отказываются сделать из них выводы. Не могут, мол, джентльмены похитить человека, держать его под замком, пичкать психотропными препаратами.

Тут уместно вспомнить о внутренних английских делах. Ровно за месяц до пресс-конференции в Москве журналист Данкен Кэмпбелл назвал в еженедельнике «Нью стейтсмен» имя, по его словам, «опервзломщика» английской контрразведки МИ-5 Ройда Бейкера. Этот человек отвечает за операции, о которых не знают даже многие высшие чины министерства внутренних дел: проникновение - даже со взломом - в квартиры и офисы, установка подслушивающей аппаратуры, насаждение агентов во вполне легальные британские организации. Это уголовная деятельность многие годы загадочным образом не привлекает внимания полиции и судов.

Разве не читали британские журналисты в том же «Нью стейтсмен» три недели назад о том, что узникам в тюрьме Вандсворт вводится в среднем по 120 (!) доз психотропных и гипнотических препаратов? О том, что полицейские надевают на головы подследственных пластиковые мешки для ускорения дознания? Или, по их мнению, эти «процедуры» предназначены исключительно для внутреннего употребления?

Сергей Воловец, соб. корр. АПН и «ЛГ»

Нью-Йорк. Пора держать ответ

Версии о «деле Олега Битова», которыми на протяжении двух дней кормила американская печать своих читателей, могли бы посоревноваться друг с другом в нелепости и кощунстве. «Нью-Йорк таймс», например, поместила сообщение из Лондона, в котором похищение Битова пытались приписать не Западу, а... Советскому Союзу. Мол, это «вы у нас его выкрали, а не мы у вас». В дело тут же вмешался бывший шеф ЦРУ С. Тернер, который в интервью британской радиовещательной корпорации «Инденпендент рэдио ньюс» взял под защиту своих бывших коллег, а решение Битова вернуться на Родину объяснил не иначе как... пытками, которым его подвергли. Но затем в Лэнгли, видимо, пораскинули мозгами: уже на следующее утро «Крисчен сайенс монитор» запустила свежую «утку». Начисто отвергая домысел своих собратьев по перу, она принялась доказывать, что «Советы подстроили всю эту историю, чтобы скомпрометировать Запад».

Сейчас все приутихли. «Существуют серьёзные свидетельства того, - вынуждена была скрепя сердце признать та же «Крисчен сайенс монитор», - что большая часть представленной Битовым информации была точна».

Американцы привыкли не доверять своей прессе. И на этот раз мастерам фальшивок удалось пустить пыль в глаза далеко не всем.

Международный обозреватель газеты «Дейли уорлд» Томас Фоли заметил: «Пресс-конференция Олега Битова в Москве подтвердила то, что мы подозревали давно. Он стал жертвой гнусной провокации. Случившееся заставляет не только всерьёз задуматься, не стали ли и другие советские граждане, которых западная печать представляет как «невозвращенцев», жертвами заговоров ЦРУ и других разведок, но и показывает, как западные спецслужбы беззастенчиво попирают и национальные, и международные правовые нормы».

Максим Князьков, соб. корр. АПН - для «ЛГ»

Париж. С больной головы...

Диву даёшься, читая журналистские отчёты о пресс-конференции в Москве.

Ни во французских, ни в итальянских газетах она не воспроизведена текстуально. Старый приём дезинформаторов: неудобные, колкие, обличающие факты приводятся в изложении и с непременным «якобы»: якобы ударили по темени, якобы кололи наркотиками, якобы посадили в самолёт под чужим именем, якобы принудили к сотрудничеству с британской разведкой.

Что касается возвращения Битова, то тут пресса начинает безудержно фантазировать. Оказывается, его «похитили и силой вернули домой...» («Фигаро»). Оказывается, вся эта дикая история была... заранее

спланирована в Москве. Подобных версий не гнушается даже столь пекущаяся обычно о своей респектабельности французская «Монд».

Буржуазная пресса делает особый упор на «ценности» западного образа жизни. Да разве мог Битов добровольно бросить открытый на его имя счёт в банке? Разве мог плюнуть на предложенные издательствами контракты?

Как мог в конце концов заплатить такой чёрной неблагодарностью тем, кто сначала двинул его по голове, а затем принялся ублажать подачками и посулами?!

«Монд» договорилась до того, что вся одиссея Олега Битова - не что иное, как... своеобразная практическая реализация некоего советского постановления «об усилении любви к родине и ненависти к врагам». Разумеется, «Монд» не утруждает себя попытками объяснить, как в этот абсурдный сценарий вписываются наркотические снадобья, подложный паспорт, сфабрикованные «заявления» и т. п.

Александр Сабов, соб. корр. «ЛГ»

Токио. Эти горькие зёрна лотоса

Крупные японские газеты в утренних выпусках 19 сентября дали сообщения своих московских корреспондентов о пресс-конференции Олега Битова. Рядом с сообщениями из Москвы помещены столь же пространные, сколь и бездоказательные опровержения лондонских властей. Вполне понятное стремление Битова сохранить для собственных публикаций некоторые детали своего возвращения на Родину стало основанием для заголовков типа «Истина всё ещё скрыта зарослями». Похожая ситуация описана в старинной пословице «немой жуёт зёрна лотоса - горько, а сказать ничего не может». Что и говорить, кое для кого зёрна весьма горькие. Отсюда - и явное стремление замять скандал.

Вынужденная «немота» японских коллег вовсе не означает отсутствия интереса к разоблачениям Битова. Стоит советскому корреспонденту в эти дни появиться в Токийском пресс-клубе, как его забрасывают вопросами, просят перевести публикацию «ЛГ», делятся своими соображениями.

«Технология похищения Битова очень напоминает действия южнокорейской разведки, выкравшей в 1973 году из токийского отеля Ким Тэ Чжуна, одного из руководителей оппозиции сеульскому режиму, - говорил мне пожилой журналист, который, как и другие собеседники, настаивал на анонимности. - И в том и в другом случае похищение стало возможно только благодаря содействию местных коллег из полиции и контрразведки...»

Другой участник беседы, американец, показывал собравшимся в баре свежий номер лондонской «Таймс» с фотографиями «домов-сейфов», названных Битовым, и сообщениями корреспондентов этих газет, подтверждающих принадлежность к британским спецслужбам лиц, которые были названы во время пресс-конференции в Москве. Он не без

злорадства сказал, что английские «джеймсы бонды» в очередной раз сели в лужу, и добавил, что очень сочувствует своим знакомым - Джону Баррону и Фредерику Форсайту. «Джон готовил крупную публикацию в «Ридерс дайджест», а Фред хотел использовать свои беседы с Битовым для очередного бестселлера типа «Псов войны» или «Дьявольской альтернативы». Теперь им в лучшем случае придётся всё переписывать заново...»

Юрий Тавровский, соб. корр. «Нового времени» - для «ЛГ»

Из редакционных комментариев к репортажам «Кинофестиваль» длиною в год» [29]

Олег Битов стал очередной жертвой охоты за советскими людьми, осуществляемой по указке тех, кто ведёт против Советского Союза психологическую, идеологическую войну. Совершая подобные преступления, мастера шпионажа на Западе одновременно разглагольствуют о «правах человека». Выходит, «права человека» для них - улица с односторонним движением.

Сегодня наши оппоненты из западных буржуазных газет никак не хотят ответить на вопросы, поставленные в своё время публикациями о «деле Битова» в «Литературной газете». Неужели то, что было учинено над советским журналистом в Италии и Англии, можно назвать иначе, чем откровенное, уголовно наказуемое преступление? Почему советским журналистам нередко создаются какие-то «особые» условия для работы в западных странах?

Пять лет назад другой советский гражданин - Леонид Леонидович Панченко - стал, подобно Битову, жертвой бандитского покушения. Нападение на Панченко, как и на Битова, произошло в одиночном номере западноевропейской гостиницы. Он погиб. Но и это не единичное преступление. Редакция «ЛГ» располагает фотокопиями двух инструкций спецслужб НАТО о создании психотропных препаратов в целях применения их против советских загранработников, для наркотической обработки перед допросами, для лишения памяти и превращения в безвольных роботов, послушных современным инквизиторам.

Разоблачая на страницах «ЛГ» эти злодейства, мы рассчитываем предотвратить их, хотя бы частично, впредь.

Буржуазная пресса сперва огульно отвергла обвинения в адрес своих спецслужб. Но шила в мешке не утаишь! И вскоре начались робкие полупризнания. Лондонский еженедельник «Экономист» скорбел 28 сентября: «Оглашённые Битовым сведения о потайных квартирах служб безопасности и их военных казармах могут быть верными». Газета «Франкфуртер альгемайне» посочувствовала: «Сказанное Битовым приобретает удручающую убедительность». Всхлипнуло и радио Канады:

---

[29]Во избежание повторов, с разрешения редакции «ЛГ», комментарии воспроизводятся единым и сокращённым текстом, без разбивки по числам. Последовательность изложения сохранена.

«В кругах британской разведки у некоторых офицеров теперь весьма неприятное самочувствие».

И тут же экс-директор ЦРУ Стэнсфилд Тернер порекомендовал младшим партнёрам сочинить: «Битова похитили из Лондона!» Это и прокаркал в унисон с экс-шефом ЦРУ его давнишний подголосок в американской прессе Джон Баррон.

Но кто же похитил? Находчивый на радионебылицы «Голос Америки» выпалил - «Литературная газета»! Так же запричитали лондонская «Санди телеграф» и парижская «Монд». И пошла писать губерния: похититель Битова - «полковник», другой работник «ЛГ» - «генерал», сам Битов - «агент», подосланный, чтобы «заглушить» расследование покушения на римского папу!

Глупейшую эту ложь не стоило бы и пересказывать, если бы не имела она определённого нешуточного аспекта: они ведь не просто мошенничают, не просто заметают следы, но и угрожают нашим зарубежным корреспондентам, изображая их агентами-похитителями и как бы объявляя тем самым негласно вне закона. Грозятся повторить на ком-нибудь другом всё, что случилось с О. Битовым? Запугивают?

Ну что ж, мы не струсим. Мы советские люди. Для нас не устарели слова поэта: «В наших жилах - кровь, а не водица, мы идём сквозь револьверный лай». Мы будем, как он завещал, «воплощать в строки» наше правое советское журналистское дело.

Москва. Три года спустя

Вместо эпилога. Интервью иностранным корреспондентам по поводу этой книги

Интервью, с одной стороны, воображаемое: рукопись я им на отзыв не давал. Но, с другой стороны, воображаемое - не значит вымышленное. На протяжении всех трёх лет начиная с пресс-конференции 1984 года господа корреспонденты, представляющие самые разные издания, наперебой старались подкинуть мне вопросик «на засыпку», поймать на каком-нибудь противоречии, пусть второстепенном, представить меня человеком крайне неуравновешенным либо не тем, за кого себя выдаю, короче, не заслуживающим доверия.

Преуспеть-то они не преуспели - иначе не понадобилась бы сложная и дорогостоящая затея с «Британией Битова», - но и я ни разу не видел в западной печати своих ответов без искажений и купюр. Есть у господ корреспондентов привычка оставить от развёрнутого ответа две фразы, а между ними насовать собственных комментариев, да ещё и смешать одно с другим погуще, чтоб читатель ни боже мой не разобрался, что я в действительности говорил. Мне такая привычка почему-то не нравится.

О книге, коль скоро я публично обещал написать её, тоже спрашивали не раз. Может быть, я пристрастен, но каждый раз меня

посещало подозрение, что мне в душе желают всяческого провала. Сенсация сенсацией, но уж больно неудобную тему я поднимаю, постыдную для «свободного» и «цивилизованного» Запада, и хорошо бы мне по любым причинам не довести дело до конца.

Итак, интервью воображаемое, а вопросы подлинные. Я даже попытался передать их своеобразный тон, вежливо-недоброжелательный, кисло-уважительный. Что до ответов, они тоже даются не в первый раз, а вот публикуются в полном виде впервые.

- Теперь-то вы наконец рассказали всё, что хотели?

- Нет, не всё. Год - это долгий срок, а год на чужбине, в принудительной разлуке с родными и близкими, да ещё сопряжённый с каждодневным мучительным риском, долог тем более. Впечатлений он оставил массу, и не только отрицательных, - я упоминал об этом в книге, нелишне и повторить.

Но есть впечатления и не положительные и не отрицательные, а просто побочные, пришедшие попутно. С ними пришлось подчас поступать сурово, сводить их к минимуму, а то и откладывать до лучших времён. Читатель заметил, что я не стремился укладывать каждую строчку в прокрустово ложе заданной схемы, не трактовал свою задачу прямолинейно, позволял себе и повспоминать и порассуждать. Однако всему надо знать меру, и, если я чувствовал, что какой-то дополнительный сюжет требует отдельной главы, а на меньшее не соглашается, я наказывал его за строптивость и пропускал. Иногда в результате тяжёлой борьбы с собой.

Утешаюсь тем, что отложенное - не потерянное. Надеюсь, если буду жив, найду ещё повод рассказать подробно и о шекспировском Стрэтфорде, и об экзотическом Маракеше, и о многом другом.

- Что ж, выходит, вы намерены эксплуатировать золотую жилу - свой «кинофестиваль» - до самого смертного часа?

- Ещё осенью 1984 года, прочитав газетные репортажи, одна литературная дама напророчила, что это «кинофестиваль» длиною не в год, а в жизнь. Тогда я решил, что дама шутит, причём бестактно. Увы, довольно часто случается, что «плюшевые пророки» оказываются правы. Я и рад бы забыть всё, что случилось, порой очень хочется забыть, так ведь вы же, господа, не даёте.

- Мы? Как прикажете вас понимать?

- Когда ваш коллега Джон Баррон сформулировал мне в назидание принцип вывернутой перчатки, он знал, что говорил. Принцип этот вошёл в вашу профессиональную практику так прочно, что применяется, можно сказать, автоматически.

Примеров столько, что не сразу и выберешь. В Москве задерживают американского журналиста, подрабатывающего на досуге сбором шпионской информации для ЦРУ, - в Нью-Йорке тут же «организуют» провокацию против советского дипломата, обвиняя его в том самом, в чём

уличили американца. В новом здании советского посольства в Вашингтоне обнаруживают вмонтированную в стены и потолки подслушивающую и записывающую аппаратуру, приглашают прессу и телевидение, показывают всё в натуре - американская пресса открывает кампанию обвинений, но в адрес советских организаций, якобы установивших такую же аппаратуру в новом здании американского посольства в Москве. Плевать, что голословно, что вместо документальных фотографий - рисуночки, так как снимать нечего, зато ложь размножена миллионными тиражами и заслонила правду. Именно такими средствами создавался и поддерживался образ Советской страны как «империи зла». Именно так сегодня отвлекается внимание от принципиальных советских мирных инициатив, жизненно важных для всего человечества. Именно под таким углом, по накатанной колее, рассматриваются самые разные события на планете и внутренние процессы в нашей стране.

Та же самая технология коснулась и меня лично. На пресс-конференции кто-то спросил, рассчитываю ли я на объективное изложение своего выступления. Помнится, я сказал, что буржуазная пресса и объективность - вещи несовместимые, и призвал присутствующих переубедить меня, если они смогут. Не переубедили - не смогли или, скорее, не захотели. А может, издатели с редакторами не позволили. На слово правды пришлось пять, а то и десять слов полуправды и прямой лжи. Спецслужбы Запада похитили Битова в Италии - значит, будем утверждать, что мифические советские агенты похитили его через год из Англии. Мир узнал о грубейшем нарушении прав человека, о том, что секретные службы надругались над международными соглашениями и законами собственных стран, - значит, возобновим истошную кампанию о нарушениях прав человека в социалистических странах. Всё в точности по правилу вывернутой перчатки.

Как же я могу оставить подобную свистопляску без ответа?

- А провозглашённое в вашей стране новое мышление? Ваши руководители призывают искать пути не к конфронтации, а к сотрудничеству. Разве отсюда не вытекает необходимость простить друг другу былые недоразумения и ошибки? Как же совместить с этим новым мышлением вашу книгу?

- Серьёзный вопрос, но поставленный предвзято, а поэтому очень неточно. Действительно, то, что довелось пережить и о чём рассказывается в книге - государственный терроризм вообще и психотропное насилие в частности, - несовместимы не только с новым мышлением, но и с самым что ни на есть традиционным представлением о цивилизованных отношениях между людьми и народами. Пережитое можно и нужно рассматривать как крайнее проявление старого, конфронтационного взгляда на мир - но с чьей стороны? Ведь не с моей же!

С древности известно, что даже боги не в силах сделать бывшее не бывшим. По-моему - и не только по-моему, - новое мышление должно

опираться не на прекраснодушное игнорирование фактов и тем более не на злостное их замалчивание, а на точное знание и анализ. То, что было, - было. Теперь надо разобраться почему. Тогда и только тогда можно будет осознанно двигаться дальше. И во внутренних делах и в международных.

Кое-кто на Западе в последнее время склонен восклицать: ах, если в советской печати продолжают нас критиковать, стало быть, разговоры о новом мышлении - всего-навсего приманка, пропагандистский трюк, предназначенный на экспорт. При этом своё право порицать наши порядки, поучать нас, как жить, такие восклицатели сомнению не подвергают. Откажитесь от социализма, требуют они, капитулируйте, пойдите к нам на поклон- вот в этом случае мы, так и быть, признаем, что вы мыслите по-новому...

Нет, не откажемся. И сводить новое мышление к проповеди смирения и всепрощения, к всеобщему отпущению грехов тоже не согласимся. Христианская мораль - замечательная штука, но ею одной в ядерно-космический век не обойдёшься. В наши дни - ещё более чем прежде - мораль без точного знания чревата заблуждениями и тупиками, как и знание без морали - амбициями и преступлениями.

И, как сказали бы англичане, последнее по счёту, но не по важности. Новое мышление - инструмент построения нового мира, мира всеобщей безопасности и сотрудничества. И инструмент этот покажет, на что он способен, только если за него возьмутся с обеих сторон. Нужны взаимные усилия, и не в последнюю очередь - прекращение провокаций, направленных против нашей Родины и её граждан. В новом мире, безъядерном и ненасильственном, нет места террору, а в будущем не останется места и для секретных служб как таковых.

- А не преследует ли ваша книга цель просто-напросто свести счёты?

- Пожалуй. Только не в том примитивном смысле, чтобы кого-то сместили с должности или понизили в чине. Это как раз произошло давным-давно. По служебной линии бывшие мои «опекуны» наказаны, по-видимому, строжайшим образом. Не за то, что держали в неволе, а за то, что упустили.

Однако формулировки взысканий, вынесенных им при закрытых дверях, меня как-то не очень волнуют. Волнует другое: государственный терроризм, похищение иностранных граждан, захват заложников, система психотропного плена должны быть вычеркнуты из практики международных отношений, объявлены вне закона. Да, я хотел бы свести счёты, но не с отдельными лицами, а с системой, хотел бы способствовать её скорейшей кончине. Убеждён, что в этом «кровожадном» пожелании ко мне присоединятся все мои соотечественники, все честные люди Земли.

- Но что даёт вам основания говорить о системе? Случаев, сколько-нибудь подобных вашему, известно совсем немного...

- А что такое, по-вашему, много? Десять? Сто? Тысяча?

Даже если бы речь шла об одном-двух случаях, от них никак нельзя

было бы отмахнуться под предлогом «единичности» и «нетипичности». Слишком чудовищна угроза, какую несут психотропные препараты, применяемые не для исцеления страждущих, а для достижения нечистых уголовно-политических целей. Слишком бесчеловечны попытки спецслужб создать «предателей по заказу», надругаться над волей и памятью людей, навсегда оторвать их от Родины. Повторяю, простить такое невозможно, даже если бы речь шла об одном человеке.

Но обратимся к фактам.

Весной 1985 года в Маниле из номера гостиницы был похищен сотрудник Министерства внешней торговли СССР В.И. Иванов. В бессознательном состоянии его перебросили через полмира, с Филиппин в ФРГ. Агенты ЦРУ держали его под круглосуточной охраной, пичкали наркотическими и психотропными снадобьями, всё как полагается. Однако удачное стечение обстоятельств плюс хорошее знание условий страны, куда он попал, помогли ему освободиться относительно скоро - через три недели.

Осенью того же года весь мир был потрясён историей советского дипломата В.С. Юрченко. Похищенный в Риме, он был доставлен прямо в Соединённые Штаты, в городок Фредриксберг в получасе езды от Лэнгли. Я был в этом городке с Кэтрин Блэкенси, не подозревая, что через год здесь будет бедовать мой товарищ по несчастью. Эпопея Юрченко длилась три месяца. Выручили его опять-таки превосходное знание условий страны пребывания и, конечно, незаурядное личное мужество.

Не успела завершиться эта история, как началась новая. В Западной Германии похищению и психотропному плену подвергся коммерческий директор совместной внешнеторговой фирмы «Неотайп» В.Н. Шувалов. Освобождения, ценой огромного риска, он добился только через полгода.

И не прикажете ли забыть о трагической судьбе крупного учёного, одного из авторов теории «ядерной зимы», В.В. Александрова? Он был похищен в Мадриде в апреле 1985 года и бесследно исчез. Правда, некоторое время спустя ЦРУ и «Интеллидженс сервис» переругались, взваливая друг на друга ответственность за его похищение, но родным и близким Александрова от такой перепалки не легче.

Простая логика требовала допустить, что список на том не кончается, что спецслужбы затевают сходные «операции» не для того, чтобы проваливать их раз за разом. И действительно, недавно достоянием гласности стали фамилии ещё нескольких советских людей, пропавших за границей при странных, мягко говоря, обстоятельствах. В 1982 году в Марокко - Анатолий Богатый, в Иране - Владимир Кузичкин. В 1984 году в Вене- заведующий отделением ТАСС Вадим Иванов, в 1985-м в Афинах - первый секретарь посольства Сергей Бохан. Уместно напомнить, что «Программа организации побегов на Запад», принятая ЦРУ, действует именно с 1982 года.

О дальнейшей судьбе этих людей известно немного. Богатый и Бохан оказались в Америке, Кузичкин - в Англии. По крайней мере двоих -

Кузичкина и Бохана - пытались вслед за мной готовить на роль лжесвидетелей на римском процессе. Успеха не добились - но и вернуться домой ни одному из четверых не удалось.

Сколько ещё людей, исчезнувших, сломленных или ошельмованных, прошли через застенки ЦРУ и его младших партнёров? Сколько из них погибли, не выдержав современных «гуманных» методов обращения с пленниками? Точный ответ могут дать разве что компьютеры в подвальных этажах Лэнгли - при условии, что получат определённую кодовую команду. «Программу организации побегов» никто не отменял. И «Джеймстаун фаундейшн» - контора по обработке лжеперебежчиков, о которой я также рассказывал, - действует по-прежнему и даже наращивает бюджет.

- Но это же явное противоречие! Если программа действует, то где результаты? Во всяком случае, в 1987 году ни о каких новых похищениях не объявлялось…

- Верно. Но что отсюда следует? Только одно: в условиях, когда на смену застою и косности былых десятилетий пришла политика динамичная, реалистическая, когда международный авторитет нашей Родины крепнет с каждым днём, для секретных служб наступили не лучшие времена. Терроризм и тайные махинации гласности не выносят. Очередной однотипный провал мог бы стать для «джентльменов плаща и кинжала» без преувеличения роковым.

Но, наверное, неспроста - и как раз в 1987 году - западные информационные агентства распустили жуткий слух, что В.С. Юрченко расстрелян, а на его семью возложены расходы по приведению приговора в исполнение. Я читал эти, с позволения сказать, сообщения своими глазами, называлась даже цифра расходов, невеликая, но впечатляюще «точная», - 14 рублей. Меня, между прочим, всякие «голоса» тоже многократно расстреливали, ссылали, увольняли с работы, заточали в «жёлтый дом» и в тюрьму. Видно, как ни яростны были потуги приуменьшить силу разоблачений, сделанных нами коллективно, поставить их под сомнение, затуманить «версиями» и фальшивками, всё это уже не срабатывает, и решили припугнуть. Спрашивается: кого?

Думаю, что в настоящий момент террористическая система, о которой шла речь, приторможена, и это уже неплохо, но отнюдь не ликвидирована. Новые позитивные тенденции мирового развития вызывают в реакционных кругах откровенную ярость и злобу. Увы, не исключаю, что против советских граждан, выезжающих за границу, готовятся новые провокации.

- Можно ли считать, что ваша книга призвана сыграть для них роль инструкции?

- Нет, нельзя. Потому что прямого повторения пережитых мной ситуаций не будет. Прежние свои ошибки спецслужбы проанализировали дотошно, в этом можно не сомневаться. Да и римский процесс, сыгравший в моём «кинофестивале» немаловажную роль, закончился для его

организаторов полным провалом. Может, кто-нибудь и мечтал бы повторить провокационное судилище сызнова, «с поправками», да поздно - ничего не получится.

А инструкция - какая тут мыслима инструкция? Оставаться советским человеком? Для людей достойных такая «инструкция» была бы бессмысленной и оскорбительной, для хлипких, неустойчивых, подгнивших изнутри - бесполезной.

Похитить, коль очень захочется, можно почти кого угодно: к каждому находящемуся за рубежом взвод автоматчиков для охраны не приставишь. Но устраивать похищение только ради того, чтобы лишить человека жизни или свести с ума, не получив от него никаких выгод, - полная чепуха, нонсенс. А раз так, в любых непредсказуемых испытаниях сохраняется возможность и долг выстроить линию своего поведения с пользой для Родины. Власть изуверских «лекарств» велика, да не безгранична. Способ вернуться, пусть с опозданием, найдётся.

Родина не устанет ждать. Родина примет и выслушает. Это уже доказано, и этого теперь не изменить.

Кстати, повторю ещё раз мысль, которую я высказал в одной из глав как парадокс, теперь хочу утвердить её окончательно. С потеплением международного климата, расширением всевозможных обменов и контактов, ростом числа советских людей, выезжающих за рубеж, вероятность нацеленных против них провокаций будет не увеличиваться, а сокращаться. Спецслужбы ведь возникли не в вакууме, а в определённой мировой политической обстановке. Конфронтация для них - питательная среда, и, напротив, в атмосфере международного доверия и сотрудничества им неуютно, а в перспективе станет ещё неуютнее. Если наша страна не свернёт с избранного ныне пути, вздохнёт полной грудью, будет жить полной чашей, свободно и доброжелательно общаясь со всем миром, кто тогда поверит в каких бы то ни было перебежчиков и невозвращенцев? Кто поверит в «империю зла», если она приветлива и открыта как на ладони? Дёготь - он не ко всяким воротам липнет…

- Отдаёте ли вы себе отчёт, что ваша книга уже не вызовет в мире того резонанса, на какой вы могли бы рассчитывать в 1984 или 1985 году? Тогда западные издатели несомненно проявили бы к ней интерес, а теперь сенсация отгорела и момент упущен…

- Теоретически было бы, наверное, хорошо выпустить книгу сразу по горячим следам событий. Но это была бы совсем другая книга - короче и мельче, вряд ли поднимающаяся над внешней канвой «фестиваля», почти не ведающая ни отступлений, ни хотя бы раздумий по поводу, - не публицистический отчёт, а остросюжетный репортаж. Любителям детективов такая книга, возможно, понравилась бы больше, и не исключаю, что нашёлся бы лихой западный издатель, который вознамерился бы её перевести. До книжных прилавков она, полагаю, всё равно не дошла бы: в «Интеллидженс сервис» уже задумали и заказали «Британию Битова», а одно с другим явно не сочетается.

Так или иначе, ни на какую наипростейшую по жанру книгу сил у меня тогда не хватило. И нет худа без добра: истёкшие три года многое прояснили и высветили - и для общества в целом, и для редакции «Литгазеты», и для меня самого.

Сенсация отгорела, говорите? И бог с ней, с сенсацией. Для меня единственно важно, чтобы книга была издана здесь, дома. Чтобы мои соотечественники, те, кого я люблю, лучше понимали, кто есть кто и что есть что в непростом современном мире. Чтобы быстрее отрешались от предрассудков и заблуждений, мешающих жить. И чтобы вместе со мной подивились истинной, на все времена, прозорливости строк, которыми я начал своё повествование и которыми его и закончу.

Я по-прежнему стою на том, что по большому счёту строки эти обращены к Родине, оттого и бессмертны:

Жди меня, и я вернусь

Всем смертям назло.

Кто не ждал меня, тот пусть

Скажет: «Повезло»...

Как я выжил, будем знать

Только мы с тобой, -

Просто ты умела ждать,

Как никто другой.

1986-1987

Дополнение 1988 года

Но не всем помогло симоновское стихотворение-заклинание, как не всем помогало оно во время войны. Мне трудно поверить, что из русских советских людей кто-нибудь не читал его, не воспринял, не запомнил. Зато я очень легко представляю себе, что в условиях чрезвычайных, быть может, ещё более тяжких, чем выпали на мою долю, одними заклинаниями не обойдёшься. А если индивидуальная восприимчивость к психотропному воздействию оказалась ещё выше, контроль ещё жёстче, одиночество и отчаяние ещё глубже? Если связь с Родиной была оборвана ещё резче и не восстановлена, если человек пробовал освободиться и не сумел - что тогда?

Чуть выше, в интервью-эпилоге, я привёл фамилии людей, которые в 1982-1985 годах пропали без вести при обстоятельствах, заставляющих предполагать похищение. Об одном из этих людей я знаю больше, чем об остальных.

Его звали Владимир Кузичкин. Он был лет на двадцать моложе меня. Сотрудник «Литературной газеты», учившийся с ним на одном курсе, рассказывал, что Кузичкин выделялся в любой толпе, девушки были от него без ума: почти двухметрового роста, атлетического сложения, он

шутя добивался спортивных разрядов, хорошо танцевал, да к тому же был красив грубоватой, так называемой мужественной, красотой.

Он исчез в конце 1982 года в Тегеране. Внезапно и бесследно. Учитывая обстановку в стране, происшествие сперва причисляли к уголовным случайностям, затем списывали на происки соперничающих экстремистских группировок. Однако некоторое время спустя было объявлено, что Кузичкин в Англии. Якобы попросил политического убежища. Мотивы его решения излагались совершенно невразумительно, во встрече с ним советским представителям было отказано наотрез. Знакомая картина, не правда ли?

Только мне эту картину показывали в перевёрнутый бинокль. Подполковник (тогда ещё подполковник) Джеймс Уэстолл не постеснялся объявить, что лично «опекал» Кузичкина непосредственно передо мной. Хвалил его за «правильное» поведение, ставил мне в пример. Расписывал блага, какими-де осыпали Кузичкина, поскольку «умная готовность к сотрудничеству оценивается по достоинству». Но едва я предложил: «Ну так устройте нам с ним встречу, чего же проще!..» - Уэстолл сразу поскучнел и принялся мямлить, что это вовсе не просто, что надо посоветоваться и получить разрешение, короче, подождать. Само собой разумеется, встреча не состоялась.

Что из этого следует? Во всяком случае, не то, в чём меня пытались убедить. Добровольных перебежчиков, если уж говорить об этой малоинтересной породе, нет никакого смысла прятать ни от прессы, ни друг от друга. А Кузичкина прятали - ещё последовательнее, тщательнее и дольше, чем меня.

Нет, не верю в точность перевёрнутых биноклей, которые держат чужие руки. Не верю, не вижу оснований подозревать, что он вёл себя недостойно. И представьте, могу опереться на косвенное, но весомое свидетельство того же Уэстолла. Однажды в Африке мы с подполковником опять заговорили о перебежчиках, я спросил о Кузичкине, и Уэстолл вдруг обмолвился не то раздражённо, не то уважительно: «Смелый человек. Очень-очень смелый и упорный». От каких бы то ни было подробностей уклонился, переведя разговор на окрестный пейзаж, но обмолвка наводила на размышления.

Потом я долго не слышал о Кузичкине ничего, совсем ничего. Конкретнее - до 1986 года, когда лондонская «Санди таймс» напечатала о нём неожиданную и невнятную статейку. Пересказать её не составляет труда, поскольку она сводилась к констатации: Кузичкину, мол, на римском процессе прочили роль важнейшего свидетеля, жаль, что он там не выступил. И всё. В чём заключалась эта роль, почему не выступил, кто такой Кузичкин, - ни на один из напрашивающихся вопросов статья-шарада не отвечала. Сам процесс к тому времени давно завершился, и я решил, что «Санди таймс» всплакнула по своим несбывшимся надеждам на антисоветский его исход, а Кузичкина приплела сенсации ради. Можно было как-то допустить, что его действительно пытались «привлечь», когда расчёт на меня рассыпался прахом, - и всё равно оставалось

начисто непонятным, каким же образом он мог меня заменить.

И лишь недавно - оттого и датирую эти строки 1988 годом - я догадался заглянуть в итальянские газеты 1984 года, не осенние, а летние, не после моей пресс-конференции в Москве, а до неё. А когда заглянул, ахнул: оказывается, фамилию Кузичкина успели передать в тюрьму Асколи-Пичено и довести до сведения Агджи. И на очередном допросе тот «припомнил» её и продиктовал следователю. Дескать, они встречались в Иране, где Агджа отсиживался в течение нескольких месяцев после побега из турецкой тюрьмы, и Кузичкин... обучал убийцу приёмам, потребным для покушения в Риме.

Вот какую представительную команду «свидетелей обвинения» сколачивали в подкрепление наветов «серого волка». На первом месте, конечно же, не я, а «советский инструктор». Примите во внимание рост Кузичкина и его комплекцию, - о да, он смотрелся бы в этой роли вполне впечатляюще. Плюс советский дипломат, который по служебному своему положению мог быть осведомлён о «тайных акциях Москвы» на Балканах и Ближнем Востоке. Плюс сотрудник «Литгазеты», который поведал бы о «политической подоплёке» покушения на папу и о последующем расследовании с целью «замести следы». В статье «ЦРУ в Италии», опубликованной в конце 1987 года, итальянский еженедельник «Панорама» высказал мнение, что закулисной «подготовкой к процессу» руководил даже не Пол Хенци, а персонально директор Центрального разведывательного управления Уильям Кейси.

Что ж, теоретически, учитывая, какие силы и средства были на это брошены, могло бы выйти убедительно. Если бы вышло. Если бы вся схема не начала рассыпаться, как карточный домик, едва из старательно подобранной колоды выпала одна карта.

Что стало с Кузичкиным дальше? Ответить с гарантией за точность, к сожалению, не могу. В комфортабельных застенках современной инквизиции каждый сдаётся или борется, принимает или не принимает свою судьбу в одиночку. От зарубежных собкоров «ЛГ» доводилось слышать, что его уже нет в живых: был переброшен в Америку и выпал там из окна небоскрёба, с какого-то двузначного этажа. То ли, отчаявшись найти иной выход, покончил с собой, то ли стал настолько «неудобен» и «неуправляем», что от него предпочли избавиться. Если так, воздадим ему должное хотя бы посмертно.

Ведь я рассказал о Владимире Кузичкине не затем, чтобы на прощание ещё более усложнить интригу. И не только для того, чтобы замысел грандиозной провокации против социализма, начатой выстрелами на площади Святого Петра, раскрылся ещё яснее. Разоблачить заговор до деталей - это важно, но это ещё не всё. Не менее важно осознать, однозначно и навсегда, великую пользу гласности. Если бы к «делу Кузичкина» своевременно, по свежим следам, привлекли внимание советской печати и всей мировой общественности, - как разыгрывались бы тогда последующие события и разыгрались ли бы они вообще?

Почему же мы молчали? Это как раз не загадка: мы о многом прежде молчали. И, в частности, осложняли участь советских граждан, пропавших без вести, тем, что не решались говорить о них вслух, публично. Читателю теперь известно, что выпавший на мою долю «кинофестиваль» не уникален. Так не пора ли назвать поимённо всех, кто встретил за границей сходные испытания, - и не просто назвать, а гласно проследить судьбу каждого?

Отдаю себе полный отчёт, что подобная задача- не из лёгких. Спецслужбы, в чьей власти оказались эти люди, сделали и сделают всё возможное, чтобы затемнить картину. Но если мы, как общество, созрели для того, чтобы принять принцип презумпции невиновности не на словах, а на деле, святой этот принцип надо обратить и в прошлое, давнее и недавнее. Злонамеренным домыслам, сфабрикованным клеветниками, можно и нужно противопоставить правду характеров и обстоятельств, серьёзные объективные свидетельства.

Но где искать такие свидетельства, могут ли они быть? Да, могут. Должны быть. Пусть вдохновители и исполнители провокационных террористических акций считали и считают, что всё шито-крыто и свидетелей нет. Они есть: родственники, друзья, товарищи по работе. Кроме того, есть - теперь есть - чёткое представление о том, чего можно добиться с помощью психотропного и психологического давления и чего нельзя. Есть, наконец, бесценный опыт гласности и опыт политических расследований, проведённых «Литературной газетой» и другими изданиями, освобождёнными от ветхих запретов, в самых разных исходных условиях и в разных уголках Земли.

От имени моей редакции заявляю, что «ЛГ» готова и впредь расследовать тщательно и беспристрастно, независимо от срока давности, любое событие, любое чрезвычайное происшествие, если они представляют общественный интерес. Адрес редакции указан в каждом вышедшем номере.

И ещё одно дополнение, последнее

6 декабря 1988 года, согласно издательскому графику, я должен был подписать эту книгу, уже набранную и свёрстанную, в печать.

По стечению обстоятельств этого не случилось.

А на следующий день, 7-го, мир всколыхнули два события, не связанных между собой, но, возможно, давших человечеству новый ориентир, новую точку отсчёта.

Глава Советского государства, выступая в Нью-Йорке с трибуны ООН, предложил народам и правительствам перестроить международные отношения на основе новых, истинно современных представлений о характере и критериях прогресса. «Наш идеал, - заявил он, - мировое сообщество правовых государств, которые и свою внешнеполитическую деятельность подчиняют праву». Выдвинутая М.С. Горбачёвым программа демократизации и гуманизации международных отношений,

подкреплённая глубокими предложениями по многим «болевым» проблемам и добровольным односторонним сокращением наших вооружённых сил, вызвала в мире реакцию доброжелательную и заинтересованную.

Особый резонанс, мне кажется, получил прозвучавший 7 декабря с трибуны ООН призыв к самоограничению сильного, к полному исключению применения силы в мировых делах.

Мир устал от насилия. От разнообразных дамокловых мечей, занесённых над каждой головой. Мир, все пять с лишним миллиардов людей хотят жить иначе. Свободнее и достойнее. Ещё не очень верится, что этого удастся достичь, не до конца ясно, как этого достичь, но осознанное стремление к цели - это уже движение к ней. Как сказал ещё в середине прошлого века американский поэт и философ Ралф Эмерсон: «Могут те, которые думают, что могут».

Судьбе было угодно, чтобы в тот же день, 7 декабря, в Армении разразилось чудовищное землетрясение, обрушившее целые города, оборвавшее десятки тысяч жизней.

А дальше - дальше вы, хвала гласности, всё видели сами. Видели руины, трупы и кровь. Но видели и небывалую волну сочувствия, поднявшуюся на всех континентах. Очереди у донорских пунктов. Детей, отсылающих в район бедствия свои любимые игрушки. Самолёты десятков стран, доставляющих туда срочные грузы и отряды спасателей. Включая британские грузы и британских спасателей, которые теперь через вызволенных ими людей породнились не только с ними, чьих имён и не спрашивали, а со всем многострадальным и чутким на добро советским народом.

«Империи зла» так помогать не стали бы.

И сейчас, перед лицом катастрофы и всемирного отклика на неё, я вновь и даже резче, спрашиваю себя: не устарела ли эта книга? Не отказаться ли от её издания, не разорвать ли договор?

Нет. Всё-таки и решительно - нет.

Погибших не вернёшь. Природные катаклизмы, по крайней мере пока, не остановишь. Катаклизмы рукотворные, поиски всё новых видов оружия; всё новых угроз роду людскому - можно и нужно остановить.

Я подписываю книгу в печать с надеждой, что могущество науки, уже сегодня огромное, а в скором будущем беспредельное, будет направлено только на то, чтобы предсказывать и предотвращать катаклизмы, но не вызывать их. Что как политики, так и учёные осознают наконец необходимость самоограничения: не всё, что можно сделать, следует делать. И что пережитое мной не повторится.

Ни с кем. Нигде. Никогда.